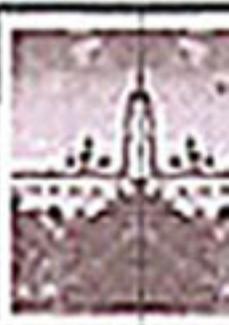


ТОБОЛЬСКИЙ СЕВЕР

ГЛАЗАМИ

ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ
XIX-начала XX века



ТОБОЛЬСКИЙ СЕВЕР

**ГЛАЗАМИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ
XIX-начала XX века**

Екатеринбург
Средне-Уральское книжное издательство
1998

Составители Л. П. Рощевская, В. К. Белобородов

Научное редактирование, предисловие, биографические справки, комментарии, список политических ссыльных доктора исторических наук, профессора Л. П. Рощевской

Книга издана по инициативе Окружной библиотеки на средства администрации Ханты-Мансийского автономного округа.

Т 0503020300—008 Без объявл.—98
М 158(03)—98

ISBN 5-7529-0700-4

© Л. П. Рощевская,
В. К. Белобородов, сост., 1998
© Л. П. Рощевская, предисл.,
биогр. справки, коммент., 1998
© Средне-Уральское книжное
издательство, оформл., 1998

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Сибири и коренных сибирских народов немаловажна без истории политической ссылки, которая началась задолго до появления в XVIII в. князя А. Д. Меншикова в Березове. Уже в ходе присоединения и освоения Сибири в XVI в. правительство отправляло сюда неугодных лиц. С самого начала их можно разделить на две категории. Одни — их было большинство — представители простого народа: крестьяне, казаки, низшие слои горожан. За строптивость, участие в разбойничьих шайках, за неповиновение властям, боярам, а позже и помещикам их отправляли на окраины страны, чаще всего за Урал. Вторая категория — люди из других слоев общества, сосланные в Сибирь в опалу, нередко с понижением по службе, с сокращением жалованья. Таких было меньше, но и они немало сделали для развития Сибири. Вместе с добровольными переселенцами ссылные взяли на свои плечи нелегкий труд освоения Сибири, распространения земледелия и ремесел.

В XIX в. репрессиям подвергали за политические действия, несовместимые с самодержавием. В ссылке участие в активной политической жизни было исключено, возможности любой иной деятельности были ограничены административно-полицейским надзором, условиями глухих поселений, практически лишенных связи с культурными центрами страны. До 1917 г. в России существовало разграничение районов ссылки на «места отдаленные» и «места не столь отдаленные». По территориальному положению Тобольский Север (Березовский, Сургутский, Туринский уезды Тобольской губернии) считался в документах «местом не столь отдаленным». Однако отсутствие удобных путей сообщения, слабое развитие экономики края, редкое и пестрое по национальному составу население (татары, ханты, манси, ненцы, коми, русские) делало этот район в своем роде уникальным,

сосланные сюда в полной мере ощущали себя в местах весьма и весьма отдаленных от цивилизации.

Большинство сосланных в районы Тобольского Севера стремилось проявить свою энергию в культурной и общественной деятельности. Невольные поселенцы, оказавшиеся в новой среде, среди коренных народов, обращали внимание на отличия их быта, занятий, общественных отношений. Некоторые из репрессированных фиксировали свои наблюдения в письмах, дневниках, позже писали мемуары о жизни в Сибири. Часть ссыльных занялась научным изучением сибирских народов.

Научные изыскания, с одной стороны, опирались на большую фактическую основу, так как была возможность повседневно наблюдать изучаемые объекты. С другой стороны, условия работы оказались необыкновенно трудными: разъезды запрещались, и поэтому ссыльные вынуждены были довольствоваться расспросами местных жителей и узкими локальными материалами, не хватало литературы, общения с единомышленниками, обмена мнениями со специалистами. Этим отчасти объясняется, что большая часть научных трудов ссыльных опубликована только после их освобождения или отъезда из Сибири или вообще не увидела света. Конечно, надо иметь в виду и то, что публикация этих работ была затруднена репрессивной политикой правительства.

Тяжелые материальные и бытовые условия ссылки также тормозили выполнение задуманной работы. Полицейские исправники постоянно констатировали, что тот или иной ссыльный «в Березово действительно не может иметь никаких средств к существованию», что «за неимением надлежащих инструментов и плохим знанием дела» труд их «пока не обеспечивает насущных необходимых потребностей жизни», что ссыльные «еще в состоянии платить за квартиру и стол, но дальше чем будут содержать себя, они и сами затрудняются сказать, тем более, что в Обдорске совершенно нет никаких занятий, на которые они были бы способны». В другом месте и другой исправник отмечал, что «занятий никто из ссыльных не имеет, так как их в городе не найти». Ситуация не изменилась и после 1917 г.

В условиях постоянных лишений и полицейского надзора большое значение приобретали создаваемые ссыльными коммуны, общественные столовые, кассы взаимопомощи. Материальное положение живущих в коммуне значительно рознилось, но все личные средства шли в общее пользование.

Одна из первых подобных коммун была создана в Обдорске в 1878 г.

Административно-карательные власти неизменно подчеркивали непривычные для местного населения занятия ссыльных: «живет скромно и прилично, все почти время занимается чтением книг и более ничем не занимается», «читает книги без разбору, какие можно достать в Сургуте», «просит газет, чтобы следить за ходом политического дела, находящегося в настоящее время на обсуждении», «с первого дня прибытия спрашивал, у кого можно достать газет». Эти отзывы подтверждают многочисленные реплики ссыльных. «Моя жизнь здесь была в общих чертах такою же, как и для всех ссыльных в Сибири: чтение, занятие по временам какой-нибудь наукой и... больше ничего. Эти два занятия идут попеременно с одуряющей тоской по родине», — писала березовская ссыльная.

К середине 1880-х гг. политические ссыльные сумели наладить довольно надежные связи между разными колониями, стали протестовать против изнурительных и унижительных условий надзора. Причинами их выступлений были антисанитарные условия жизни, отсутствие элементарной медицинской помощи, задержка пособий, утрата корреспонденции, строжайшая цензура переписки, грубость надзирателей, произвол полицейских и местной администрации.

Самым значительным было выступление в Сургуте в 1887—1888 гг. В колонии в то время было 25 ссыльных, 17 из них неоднократно участвовали в разных столкновениях с полицейскими. 11 ссыльных были народовольцами и придерживались террористических методов борьбы. После смерти ссыльного Л. А. Иванова его сургутские товарищи составили коллективную жалобу губернатору, которую подписал 21 человек. Когда стало ясно, что губернатор прошение игнорировал, ссыльные написали новый коллективный протест в более резких выражениях за подписью 18 человек. Третью петицию они отправили министру внутренних дел, позже ее размножили на гектографе. Основной упор в петиции делался на беззаконие «усердных администраторов» типа тобольского губернатора. Одновременно в виде протеста был устроен побег из Сургута двух ссыльных. Оставшиеся заявили, что не будут выполнять требования полиции, хотя на практике осуществить это было невозможно. Губернатор отправил в Сургут конвойную команду, ссыльных арестовали и разослали по отдельным селам Нижнего Приобья. У всех провели обыски, затем часть из них административно перевели в Восточную Сибирь с продлением срока наказания.

После 1890 г. наблюдается резкий спад активности ссыльных. Главная причина заключалась в том, что правительство значительно сократило число высылаемых на Тобольский Север, одновременно вывозя больше людей на о. Сахалин.

Мы более подробно рассказали об условиях жизни политических ссыльных во второй половине XIX в. Эти условия мало отличались и в XX в., только менялся партийно-классовый состав репрессированных, да и их количество с начала нынешнего века, особенно накануне и после революции 1905 г., резко возросло. Идеологизированность научных исследований советской науки привела к тому, что лучше и подробнее всего изучена история большевистской политической ссылки. Но на севере Западной Сибири ссыльные большевики составляли меньшинство, и сильные большевистские колонии не сложились. Поэтому в научной литературе исследований об этом регионе почти нет. Только с 80-х гг. XX в. началось выявление и изучение деятельности в ссылке представителей других общественно-политических течений и непролетарских партий. Но основное внимание по-прежнему уделялось Восточной Сибири или южным уездам Западной Сибири.

Тем не менее можно выделить некоторые особенности ссылки на Тобольском Севере. В большинстве своем сюда отправляли рядовых, малоизвестных в общероссийском масштабе политических деятелей. Здесь отбывали наказание преимущественно участники аграрных или городских беспорядков и движений европейской периферии. По политическим позициям это, в основном, эсеры или примыкающие к ним. Культурный и общеобразовательный уровень их был не высок, среди ссыльных встречалось мало людей с университетским образованием. Продолжительность ссылки в начале XX в. не превышала двух-трех лет, следовательно, ссыльные представляли собой достаточно мобильные, подвижные группы и не успевали проникнуться проблемами Тобольского Севера, их колонии были сравнительно небольшими.

12 марта 1917 г. была объявлена амнистия всем политическим узникам тюрьмы, каторги и ссылки, но надежды, что ссылка и каторга навсегда канули в лету, не оправдались. Тоталитарное государство нуждалось в отлаженной машине преследований и репрессий, поэтому ссылку возродили вскоре после 1917 г.

Уровень изученности Тобольского Севера (прежде всего его геологического строения) вплоть до 1930-х гг. был

невысоким, поэтому задачи экономического освоения региона тогда не стояли остро. Число сосланных на север Западной Сибири репрессированных, в сравнении с другими районами страны, до конца 1940-х гг. было не столь велико. Но со строительством так называемой «мертвой дороги» на Тобольский Север доставили тысячи репрессированных, условия их содержания стали каторжными, они находились в лагерях, а не на поселении...

Внимание к финно-угорскому населению Тобольского Севера усилилось только в середине XIX в., что обусловлено повышением общего уровня научных знаний, развитием этнографии как самостоятельной науки, а также подъемом общественного движения накануне и после отмены крепостного права. Следует еще добавить, что в 1860—1870-х гг. в мировой науке в связи с освоением Арктики получает развитие североведение, как комплекс наук по изучению северных районов земного шара. В этом русле работы, посвященные народам Тобольского Севера, приобретали особое значение.

Показателем растущего интереса к региону могут быть публикации в прессе того времени. Если до середины прошлого века это были довольно отрывочные, случайные материалы, то к шестидесятым годам они становятся уже более регулярными и достоверными. Публикации в ведущих журналах и газетах представляют большой научный и общечеловеческий интерес. Со следующего десятилетия информация в прессе стала появляться чаще благодаря политическим ссыльным.

Газеты отмечали многие негативные стороны жизни на Севере: в 1884—1885 гг. в Березовском округе «корчились от голода» и умирали от тифа, а в 1890 г. — от дифтерита. Положение местного населения Березовского округа в 1887 г. можно охарактеризовать, по мнению «Екатеринбургской недели», тремя словами: тиф, водка, вымирание. Корреспонденты сетовали, что березовцы читают мало, еще меньше рассуждают, газет почти не выписывают (5—6 названий на все население), преподавание в школах оставляет желать лучшего, библиотеки или отсутствуют, или закрыты, а между тем «увеличение размеров грамотности, несомненно, даст толчок нашей зачахшей промышленности и торговле».

В последней четверти XIX в. в связи с быстрым прогрессом естествознания исследование территории России приобрело наиболее разнообразный характер. В изучении Тоболь-

ского Севера все еще стояли рекогносцировочные цели (экспедиции Г. Вильде, Х. Даля, А. Норденшельда, Н. Балкашина, Н. Хондажевского, А. Вилькицкого и др.). Государство стремилось укрепить свои экономические позиции на севере Сибири, а развитие путей сообщения, расширение торговли и экономических связей привлекали к Тобольскому Северу внимание предпринимателей.

Этому содействовали и научные выставки. В 1879 г. на антропологической выставке в Москве были представлены экспонаты из Березовского округа: фотографии ханты, хантыйские идолы и их изображения на металлических тарелках, крапивное волокно, веретена и челнок для тканья из крапивы, а также женская остяцкая рубаха из крапивы.

Работу по изучению Тобольского Севера возглавил и направлял Западно-Сибирский отдел Русского Географического Общества (им и были представлены предметы на антропологическую выставку). Отчасти из-за отсутствия средств, отчасти из-за невозможности готовить дальние экспедиции, в 1885 г. в отделе возникла мысль, «не лучше ли поддерживать и всячески поощрять труды местных исследователей, сжившихся с данной местностью, сроднившихся с ней, могущих ближе ознакомиться с ней научно, в пределах известной специальности». Такое предложение дало возможность ссыльным сотрудничать в Обществе. По заказу Географического Общества исследование Сургутского края провел С. П. Швецов.

Расцвет русской статистической школы вызвал интерес к статистике и у ссыльных, владевших навыками и культурой сбора сведений. В Западно-Сибирский отдел РГО стали поступать статьи статистико-экономического содержания. В отделе решили «выяснить значение этой отрасли практического знания и указать вопросы, на которые желательно было бы обратить внимание исследователей». В результате предпринятых Обществом шагов появилось еще несколько работ по статистике Тобольского Севера, в том числе и ссыльных.

Научные и публицистические журналы с удовольствием печатали этнографические зарисовки, региональные исследования, статистические обзоры. Большое значение приобрели анкеты. Некоторые из них составлены очень квалифицированно, на уровне лучших норм русской и мировой статистической науки; они насчитывали более сотни вопросов, имели грамотно составленные четкие и подробные методи-

ческие рекомендации, что облегчало сбор самых разнообразных сведений.

Одну из таких программ получил в 1893 г. ссыльный А. И. Бородзич для сбора сведений по Обдорскому краю. Программные вопросы группировались вокруг этнографии, экономики и права. Пункты программы обращали внимание на пережитки первобытных отношений у народов Севера: «существует ли и в какой форме «большая семья», «в брачных отношениях не сохранились ли следы умыкания невест». Другая группа вопросов ориентировала на выяснение особенностей естественного разделения труда, предлагалось собрать сведения о развитии экономики в современную эпоху: «уменьшается ли количество пушного зверя и рыбы», «каковы размеры годовой добычи и ее ценность». Имелся вопрос об индивидуальной и родовой охоте. Пятый пункт был посвящен земельным и промысловым угодьям, кому они принадлежат, как распределяется эта собственность, кто ею распоряжается. В восьмом и девятом разделах говорилось о причинах незначительного увеличения населения на Севере, об отношениях и взаимовлиянии остяков, зырян и русских. Создается впечатление, что раздел о развитии промыслов на Севере в анкете продуман недостаточно. О кустарной промышленности упоминалось дважды — в разделе об охоте и рыболовстве (но подробная характеристика здесь не требовалась) и в последней части программы об оленеводстве. Заканчивалась программа словами «Роды (виды) промышленности, связанные с оленеводством. Его доходность». Программа не предлагала исследователю делать выводы по своему материалу, но подводила к необходимости провести самое широкое обследование всех сторон жизни народов Севера.

Неудивительно, что ответы по таким анкетам зачастую выливались в крупные исследования. К сожалению, именно из-за большого объема эти труды не всегда могли быть опубликованы и сохранились в виде рукописей или появились в составе малоизвестных сборников, вышедших небольшими тиражами и давно ставших библиографической редкостью.

Среди учреждений, организаций и обществ, которые проводили большую исследовательскую работу на Тобольском Севере, следует назвать Тобольский губернский музей и губернский статистический комитет. Отчеты об экспедициях и исследованиях публиковали не только в «Ежегоднике» музея, но и в «Тобольских губернских ведомостях».

Наконец, местное население и политические ссыльные

всячески содействовали не только российским, но и иностранным путешественникам (Сомье, Папай, Мункачи, Рабо, Баи и др.).

Таким образом, политические ссыльные занимались наблюдениями за бытом финно-угорских народов Тобольского Севера, кстати, этому соответствовала и их идеология, обращенная к изучению и просвещению народных масс. Развитие науки способствовало их исследованиям...

Большая часть материалов, представленных в данном сборнике, принадлежит ссыльным народникам. Это первая попытка показать, как воспринималась и оценивалась невольными очевидцами жизнь Тобольского Севера. Можно выделить немало и других исследователей из репрессированных, которые многое сделали для изучения Сибири, оставили интересные воспоминания или создавали интеллектуальный микроклимат в колониях ссыльных, тем самым содействуя изучению местного финно-угорского населения.

Предлагаемые вниманию читателя сочинения политических ссыльных имеют жанровые отличия. Здесь есть дневники (Н. Л. Скалзубов), воспоминания (Д. Д. Лейвин), этнографические, экономико-статистические, медицинские исследования, а также попытки осмысления роли репрессированного населения в истории Тобольского Севера. Эти и другие труды политических ссыльных вошли в золотой фонд российской науки по изучению Севера.

В приложении помещен список политических ссыльных Тобольского Севера второй половины XIX в.

Для комментариев использовано большое количество документов, хранящихся во многих архивах центра России, Сибири, Украины и Казахстана.

Сборник иллюстрирован фотографиями политссыльного А. И. Галкина, отбывавшего наказание в с. Самарово в 1906—1910 гг.

В сочинениях сохранены прежние названия народов Тобольского Севера: зыряне (коми), вогулы (манси), самоеды (ненцы), остяки (ханты). Недостающие слова заключены в квадратные скобки. Опущенные предложения обозначены угловыми скобками, части предложений — многоточием и, как правило, не оговариваются. Знак [нрзб.] указывает на то, что слово в рукописи написано неразборчиво. В комментариях дается общая характеристика источника и его основные разделы, место хранения или выходные данные публикации.

...В стране происходили революционные взрывы, гремели войны, распадалось и вновь возникало государство, но научные наблюдения и исследования не теряют своей значимости, ибо наука вечна и интернациональна. В этом-то ключе, дорогой читатель, и будем знакомиться с предлагаемым сборником.

Л. РОЩЕВСКАЯ

Д. Д. Лейвин

Дмитрий Дмитриевич Лейвин (6.08.1857, г. Полтава — после 1929, г. Полтава), дворянин, сын коллежского асессора, учился на медицинском факультете Киевского университета. За участие в студенческих беспорядках исключен из университета, административно выслан в Полтаву. В статейном списке значится, что сослан по недоказанному обвинению в «нанесении тяжелого повреждения» бывшему ректору университета. На самом деле это была пощечина, и нанес ее другой человек. В Полтаве устроил гражданскую панихиду по умершим в вологодской ссылке студентам. Хотя «достаточных данных для привлечения его к формальному следствию не обнаружено», Д. Лейвина административно выслали в Сургут. Корреспонденции об этих событиях в Полтаве с упоминанием его имени поместили нелегальные народнические газеты «Народная воля» и «Набат».

Условия жизни в Сургуте показались Д. Лейвину столь удручающими, что он даже хлопотал о поступлении на военную службу, подобное крайне редко встречалось среди ссыльных. При этом отметим, что Д. Лейвин был очень болезненным человеком. Исправник писал, что каждую почту Д. Лейвин посылает три — шесть, а то и более писем. Отец и дядя его служили в Омской контрольной палате. По ходатайству отца Лейвина перевели вначале в Томск, затем в Омск, но отец вскоре умер, а дядя отказался оказывать племяннику поддержку и держать на поруках, так как «его заботы не оправдались». В Омске Д. Лейвин продолжал вести широкую переписку с сосланными в Тару, Ишим, Ялуторовск, получал письма из Петербурга. В архивах Тобольска, Омска, Алма-Аты сохранилось много рукописных документов, но фотографий его не обнаружено. В 1882 г. Д. Лейвин привлечен к повому дознанию и оставлен в омской ссылке на полтора года.

В мае 1883 г. он выехал в Полтаву, вначале жил частными уроками, а в 1887 г. служил в статистическом земском бюро, в 1891—1920 гг. — в акцизном управлении. С 1923 г. находился на пенсии.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
БЫТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ
В г. СУРГУТЕ В 1870—1880-х гг.

Иртыш, по которому шел (по-тамошнему, «бежал») пароход от Тобольска, поражал своей шириной, но когда вошли в реку Обь, то последняя показалась чуть не морем; во многих местах берегов вовсе не было видно. Был тогда весенний разлив рек, и лес на низком берегу Оби стоял в воде.

Вечером 5 июля пароход остановился у пристани Белый Яр, верстах в 5 от Сургута. От пристани в город мы ехали на большой лодке, крытой посередине, в этой же лодке ехали и другие пассажиры. При выходе из лодки в Сургуте я заикнулся было об извозчике для моего багажа, но этим вызвал только смех моих спутников. Оказалось, в Сургуте не только извозчиков нет, но даже не имеется ни одного колеса. Кругом Сургута вода, так что на колесах некуда ездить. Пришлось пешком отправиться к квартире помощника исправника (исправника в городе не было), который, увидя наше шествие из окна своей квартиры, вышел на крыльцо и тут же на улице хотел осмотреть мои вещи. Насилу упросил его осмотреть вещи на земской квартире, куда я должен был отправиться. Когда же я пришел на ту квартиру, то помощник исправника и не вспомнил об осмотре моих вещей, он был заметно выпивши. Оставшись наконец один, без всяких провожатых, я вздохнул свободнее и первым делом послал какого-то мальчика разыскать кого-нибудь из политических ссыльных и попросить его прийти ко мне через короткое время.

Едва я успел основательно умыться и переодеться, ко мне вошел молодой человек лет 25, среднего роста, очень худой, с довольно крупными морщинами на лбу и от носа к углам губ, с порядочной лысиной на голове. Недлинные усы, борода и бакенбарды темного цвета с рыжеватым оттенком были, очевидно, очень жестки, они росли как-то не все в одну сторону. По его улыбке сразу было видно, что он бесконечно добрый человек, что при дальнейшем знакомстве вполне подтвердилось. Его симпатичный, хотя и болезненный, вид сразу располагал к нему. Это был Николай Яковлевич Фалин * осужденный на поселение по делу о демон-

* Здесь и далее звездочками отмечены слова, которые поясняются в комментариях, помещенных в конце книги. (*Примеч. сост.*)

страции у Казанского собора 6 декабря 1876 г. Он был студентом Петербургского технологического института, имел большие знакомства в революционных и литературных кружках, между прочим, бывал и у Щедрина (М. Е. Салтыкова), который поражал его частым употреблением непарламентарных выражений. Бывал Фалин и за границей. Он происходил из московской купеческой семьи, в то время обедневшей; в числе его богатых родственников был знаменитый в свое время московской городской голова Алексеев. Один сургутский купец — Силин — каждый год привозил Фалину, возвращаясь с Ирбитской ярмарки, затребованные им вещи, а также табак и денег рублей 100. В 1880 году Фалин получил меховые сапоги и белье.

При первом знакомстве за чаем Фалин описал мне Сургут и жизнь в нем очень мрачными красками. Из товарищей кроме Фалина в Сургуте был еще только один Виталий Яковлевич Мрачковский *, осужденный в Одессе по т. наз. делу Заславского *. Мрачковский по профессии слесарь, служивший на железной дороге машинистом. Были еще в Сургуте двое административно ссыльных, по своим убеждениям не имевшие ничего общего с социализмом — Овсянный * и Журавлев *. Первый — поляк, высланный из Варшавы за принадлежность к кружку, который поставил себе целью освобождение Польши из-под ига России. Этот кружок загодя распределил должности на случай достижения цели; так, Овсянный был назначен начальником Варшавского и какого-то другого смежного уездов. Журавлев — уголовный ссыльный (за подлог векселя, кажется), был выслан в Сургут из Каинска, где он жил, за то, что на парадном обеде у местного городского головы после панихиды по убитом в турецкую войну каком-то герцоге, родственнике царской семьи, выразил удивление, что по одному герцогу служили панихиду, а когда гибли тысячи простых людей в одном сражении, никто и не подумал о панихидах.

Был уже одиннадцатый час, когда, окончив чаепитие, мы с Фалиным пошли к нему на квартиру. На дворе было еще совершенно светло. У Фалина мы застали Мрачковского и Журавлева. Мрачковский выше среднего роста, плечист, имел круглое лицо с очень небольшой растительностью темного цвета. Выражение лица его было в высшей степени добродушное, с постоянной очень привлекательной улыбкой. Журавлев был маленького роста, чрезвычайно худой, по виду совсем больной, но веселый и очень подвижный, весь он сильно оброс темными с красноватым оттенком волосами.

У него была давнишняя болезнь легких, погубившая его в ту же осень.

На другой день я познакомился с Овсянным. Это был мужчина за 50 лет, довольно толстый при среднем росте. Он носил длинные усы с подусниками с сильной проседью. По его словам, он участвовал в восстании в Венгрии в 1849 г., сражаясь с русскими войсками в каком-то отдельном польском уланском отряде. За участие в этом восстании он был тогда же сослан в Восточную Сибирь, где так хорошо устроился, что не возвратился на родину и по амнистии 1850-х гг. В польском восстании 1863 года он не участвовал, оставаясь в Сибири, так как находил восстание несвоевременным. Овсянный был горячий патриот и искренний католик.

В этот же день я нанял себе квартиру у Евдокии Степановны Вергуновой-Песковой, две комнаты, причем хозяйка обязалась содержать их в чистоте, печь мне хлеб и варить, что я потребую, из моих припасов, а также давать самовар хоть пять раз в день. Цена за все это 1 руб. в месяц. Хозяйка с единственным сыном, парнем 18 лет, помещалась в кухне и передней. Я предложил товарищам жить коммуной, но оба отказались. Мрачковский работал с Сидельниковым — кузнецом из уголовных ссыльных, — жил у него на квартире и платою за квартиру и разными другими способами помогал его многочисленной семье. Сам Сидельников был большой выпивоха и часто пропивал весь свой заработок. Фалин не желал вовсе стеснять своей свободы даже в мелочах, что, по его мнению, неизбежно при жизни коммуной. Из примыкавших к ним Овсянного и Журавлева первый имел собственные средства, а второй хотя от времени до времени и получал небольшие деньги от какой-то княгини Паскевич-Ериванской, но очень часто сидел голодный, и Фалин, и Мрачковский всегда помогали ему.

Сургут расположен на правом берегу Оби, с трех сторон он окружен водой Оби и ее заливом, а с четвертой небольшая песчаная площадка, за ней лес, невдалеке прорезываемый водой. По календарю в Сургуте считалось 1000 жителей, но в действительности не было и половины этого числа. Чиновников в нем было немного: исправник, его помощник, секретарь полиции, почтовый чиновник, учитель народной школы, военный начальник местных казаков, священник, диакон и фельдшер. Последний был едва грамотный остяк, не имеющий понятия о медицине, да и медикаментов у него почти не было. Жители — ссыльнопоселенцы и потомки таковых, почти половина была казаками, остальные составляли

два общества — крестьян и мещан. Встречались старики с рваными поздрами, а также и с клеймами на щеках и лбу «К. А. Т.» (каторжник).

Почти все сургутяне жили очень зажиточно. В каждом дворе было хоть по одной лошади и корове, овец держали по 2—3 штуки; их держали главным образом для шерсти, из которой вязали чулки и рукавицы. Куры также были почти в каждом дворе, хотя и в очень небольшом количестве. Главную пищу сургутян составляла рыба: окуни, караси, язи, лещи и т. д. Дорогие сорта рыбы (осетр, нельма, муксун и т. п.) добывались только промышленниками на арендуемых у остяков так называемых песках. На зиму запас рыбы заготавливался каждым в желательном для него количестве летом при спаде вод. Для этого загораживали стоки воды из разных балок в реку и тут выбирали рыбу, стремящуюся в реку, руками. Рыба тут же кое-как чистилась и солилась в бочках. Через несколько часов после засолки рыба вздувалась и принимала отвратительный запах. Зимой, когда все сургутяне питались этой рыбой, наверное, все и всё в Сургуте пропитывалось этим запахом, хотя он замечен был для нас только во время варения и жарения этой рыбы. Есть эту рыбу мы не могли, также не могли есть и соленых диких уток, которых многие сургутяне заготавливали на зиму. Охота на уток производилась весной; в лесу вырубалась просека между двумя водовместилищами, на просеке развешивалась сеть, в которую попадали утки, перелетая из одного водовместилища в другое. Пойманным уткам головки прокусывали зубами. <...>

Нанятая мною квартира имела две комнаты с крашеными полами, что редко встречалось в Сургуте. В большой комнате, где я помещался, были обои, прибывавшиеся на зиму к стенам, на лето же снимающиеся... В некоторых домах стеклянные рамы на зиму вынимались и вставлялись рамы с бычьими пузырями, через которые ничего нельзя было видеть, и света пузыри пропускали [1 сл. нрзб.], так что днем при них читать было можно. Рамы с пузырями отличались тем, что они не намерзали. Спал я на широкой доске, положенной на два стояка; была и кровать в меньшей комнате (казенке), но, по словам хозяйки, спать на ней было невозможно ввиду массы клопов. Конечно, клопы переселились, хотя, нужно думать, не все, и на мою постель, но я так всегда крепко спал, что присутствия их вовсе не замечал. Еще в квартире было очень много прусаков.

Никаких газет мои товарищи не получали, книг у них

было очень немного, да и я с собой немного привез, к тому же первое время как-то и не читалось. Фалин любил удить рыбу, и я начал удить, и так это занятие понравилось мне, что я целыми днями сидел с удочками. Ловились больше всего окуни и, при заходе солнца, ерши. Из нашего улова кто-нибудь из хозяек варил нам на ужин уху. В холодные дождливые дни, начавшиеся с середины августа, мы развлекались игрою в шахматы, которые смастерили под руководством Овсянного из черного хлеба, но скоро шахматы забросили: уж очень плохие были партнеры Фалин и Овсянный. Достал где-то Фалин колоду карт. Я очень ей обрадовался, так как с детства был большой любитель карточной игры, хотя последние три года перед высылкой и в руки их не брал; но те же Фалин и Овсянный знали только одну игру в карты — пикет, который скоро надоел нам.

Знакомство с нами вел только один почтовый чиновник Зефиров, очень склонный к выпивке. Он постоянно звал нас к себе. Компанию по выпивке ему, хотя и слабо, поддерживали Мрачковский и Фалин (Овсянный почему-то не бывал у Зефирова). Я с детства очень любил вкус водки, но, пообедав в начале 1877 г. недели две в Славянской гостинице в Киеве, нажил хронический катар желудка и водки, да и всякого вина, совсем не мог пить. Бывало, в Киеве выпьешь рюмку и два дня мучишься тяжелым похмельем. Фалин любил выпить; по крайней мере, чуть не ежедневно повторял: выпил бы, выпил бы. Но никогда я не видел его сколько-нибудь выпившим. Мрачковский тоже пил очень мало.

Особенно дорожила знакомством с нами жена Зефирова, симпатичная молодая особа, постоянно выражавшая сочувствие к нам и нашим идеям. Она почти ежедневно навещала нас. Особенно я скучал первое время в Сургуте за всякими теоретическими разговорами: никто из товарищей не имел к ним ни малейшей охоты.

Почта приходила в Сургут и уходила из него раз в две недели, зимой по льду рек, а летом на лодках, хотя еженедельно мимо Сургута ходил срочный пароход, и только с 1881 г. летом почта начала ходить еженедельно на пароходе. Так что лишь к концу августа начал я получать газеты и журналы. И как печально было первое время смотреть на полученные письма, запачканные надписью: «читал исправник такой-то».

Заморозки начались с первых чисел августа, и в конце сентября пошел лед по Оби, и почта перестала ходить до конца ноября. Как-то в один очень холодный ноябрьский

вечер мы с Фалиным и Мрачковским сидели у Зефирова, когда привезли почту. Сейчас с нашей помощью принялись разбирать ее. На мое имя было получено больше 20 писем, от одной мамы моей около 10, она писала мне аккуратно каждую неделю. Несмотря на страстное желание прочесть хоть одно письмо, я был настолько глуп, что не украл ни одного. На другой день мы так насели на полицию, что хотя не сразу, но к обеду получили всю почту. Кроме писем получилась масса газет и журналов, так что с этого времени и до весеннего перерыва почтовых сообщений скучать не приходилось.

В числе писем были письма от Щетинского * и Рейдера *, очутившихся первый в Обдорске Тобольской губернии, а второй в Кадникове Вологодской губернии. Из писем же узнали о новых арестах Окладского * (какая-то это была ошибка), Р. В. Тессен *, Е. Краснокутской *, Недзельской-Гамалей * и еще кого-то.

Первое время пребывания в Сургуте я по привычке озабочился об обеде. Таковой мне предложил один местный обыватель за 5 или 3 руб. (не помню) в месяц, причем обещал давать похлебку мясную и жаркое, но давал похлебку с 2—3 картофелинами и вареное мясо из этой похлебки вместо жаркого. Кроме картофеля, в Сургуте другой огородины не было. Пришлось, однако, два месяца довольствоваться этим обедом, так как я имел неосторожность уплатить вперед за 2 месяца, на третий месяц я столовался у одной женщины, она давала на второе жареных карасей. Хотя они были очень вкусные, но на третий день я уже не мог их есть: опротивели. Мясо же было очень невкусно и жестко. В октябре я пришел к заключению, что обед — это пустая традиция, и перешел на молоко. Раз пять в день выпивал полстакана молока с черным хлебом и несколько раз пил чай — конечно, вприкуску. При такой почти что молочной диете я чувствовал себя физически хорошо и даже избавился от хронического катара желудка. Все мои товарищи, которые в дальнейшем жили со мной в коммуне, питались также только молоком с черным хлебом и также чувствовали себя хорошо. Один только раз изменили этот режим, приготавливая на обед кашу из ячных круп, но каша эта очень скоро надоела. Изредка, месяца в 2 раз, покупали рыбу какую-нибудь или соленую икру язевую (за 25 коп. фунтов 5), а однажды купили черной икры (1 фунт 20 коп.). Еще реже покупали белую муку, из которой пекли лепешки на масле. И до чего доходили аппетиты на такое лакомство, показы-

вает следующий случай. Купили мы 10 фунтов белой муки, и хозяйка к утреннему чаю подала целую горку больших лепешек, еще горячих. Я пересчитал лепешки, их было 30. В коммуне тогда были со мной Иванов * и Швецов *. Свою часть — 10 лепешек — я съел за чаем. Иванов, живший со мною, что-то запоздал и пил чай после меня, когда я уже сидел за своей сапожной работой. Швецов еще больше запоздал и, когда уселся за чай, потребовал лепешек, так как их не было на столе, тогда Иванов начал извиняться, что он как-то совершенно невольно съел все 20 лепешек. Белый хлеб мы ели раза 3—4 в год, когда присылала нам по небольшой булке сочувствовавшая нам единственная в Сургуте еврейка. Здесь я должен привести знаменитый девиз ордена Золотого Руна: пусть будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает. Я и все мои товарищи по Сургуту тогда были убежденными ригористами ¹ и даже презирали Овсянного за его отношение к женщинам, ничего общего не имевшее с ригоризмом.

В Сургуте я тратил на необходимое рублей 6: квартира 1 руб., молоко — 90 коп., ржаная мука 1 пуд в месяц — 1 руб., табак-махорка, бумага и спички — около 1 руб., свечи сальные (керосина вовсе не было) коп. 80, мойка белья коп. 50, сахар 1 фунт в месяц — 25—30 коп., чай 1/4 кирпича — 30 коп., еще оставалось копеек 20—30.

Мне, как не принадлежащему к податному сословию, полагалось от казны пособие 6 руб. в месяц. Я, конечно, немедленно по приезде подал об этом прошение, начал получать пособие только через год. Летом 1880 г. посетил Сургут тобольский губернатор Лысогорский * и пригласил всех нас к себе. На мой вопрос, почему мне не выдают пособия, он заявил, что я должен подать прошение об этом. Присутствовавший при этом исправник доложил, что прошение давно подано, но пока еще не представлено, ну, и тут же получил резкую нотацию за задержание моего прошения. Губернатор никакой речи не произносил, спросил только, не имеем ли мы сделать ему каких-либо заявлений.

Кроме кузнеца, в Сургуте не было никаких ремесленников: ни сапожника, ни портного, ни столяра, ни парикмахера. Первый раз постриг меня Овсянный, а потом я сам себя стриг — в кружок, как стригутся украинцы. Не получая пособия от казны и никакой денежной помощи от родных,

¹ Ригоризм — суровое, непреклонное соблюдение каких-либо принципов, правил нравственности, предписаний. (*Примеч. сост.*)

с одной стороны, а с другой, имея, особенно первое время, много свободного времени да и полное отсутствие возможности зарабатывать интеллигентным трудом, я нашел необходимым заняться каким-нибудь ремеслом. Выбрал я сапожничество как не требующее никакой физической силы, да и инструменты для него стоили недорого. Сын моей квартирной хозяйки показал мне способ вдевания щетины в дратву, и я сел за шитье первой пары сапог на заказ. Самое тяжелое в этой работе было вытягивать переда из ровной кожи. За шитье первой пары я получил 1 руб., за ботинки платили 50 коп. Брал я, конечно, и починку обуви. К сожалению, работы было немного. За все три года я пошил не более 60 пар обуви. Сургутяне в большинстве носили примитивную обувь — поршни, каковые всякий умел шить. Голенища для поршней шились отдельно, а для ступни кусок подошвенной кожи прошивался по краям ремнем, затем на эту кожу накладывалось побольше сена, в сено ставилась нога, и тогда ремнем кожа стягивалась вокруг ступни.

Так как сапожная работа бывала далеко не всегда, а подчас, особенно в весенние и осенние перерывы почтового сообщения, не хватало чего читать, заполнял время переводами с немецкого и французского языков; переводы я записывал самым тщательным почерком, думая (конечно, тщетно) таким образом исправить свой отвратительный почерк. Между прочим, перевел я с французского «Тарас Бульба» Гоголя парижского издания, перевод, помнится, Мериме. Мой перевод выпросил себе на память Фалин.

Мое знание переплетного мастерства тоже дало мне кое-какой заработок. Местному училищу понадобилось переплести немало книг. Мрачковский сделал необходимые нож и молоток, а Иванов [1 сл. прзб.] и шивательный станок.

Кажется, в декабре 1879 г. прибыл в Сургут Лев Андреевич Иванов, высланный из Туринска за участие в побеге Жебунова Сергея *. Иванов осужден был на поселение по московскому процессу 50-ти. Он был небольшого роста, очень худой, с небольшой бородкой рыжеватого цвета и таковыми же волосами на голове, изрядно уже облысевшей. Ему было немного за 30 лет. Отец Иванова, по словам последнего, в молодости блестящий гвардеец, за какой-то поступок был выслан в армию на Кавказ, причем ему пришлось переменить свою фамилию на Иванова. Два старших брата Иванова служили где-то врачами; ни с ними, ни с его сестрой Софией * (по мужу Борейша), осужденной по процессам Казанской демонстрации и 193-х на поселение и по

процессу 16 народовольцев в каторгу, он не переписывался. Воспитывался он в одном из петербургских кадетских корпусов, затем служил на Кавказе в артиллерии. В чине капитана он вышел в отставку и поступил в Лесной институт. Он был очень энергичный, много читавший и много знающий человек.

Особенно поражало его бесконечное озлобление. Не раз он повторял, что с величайшим удовольствием он бы тупой стамеской легонькими ударами молотка пробил бы голову всякому жандарму и полицианту. При редких посещениях нас исправником Иванов бледнел, плохо владел голосом и вообще был сам не свой, объясняя такое свое состояние тем, что ему невыносима мысль о полной своей зависимости от такой сволочи (Иванов имел слабость постоянно употреблять непарламентарные слова и выражения). Он поселился со мной в моей квартире на коммунистических началах, но скоро отдалился, не желая, по его словам, чувствовать себя связанным. Жил он со мной до начала 1882 г., когда перешел на отдельную квартиру... Я с ним скоро и тесно сблизился, и пребывание в Сургуте для меня много скрасилось: было с кем поговорить по душам, а подчас и поспорить. Фалин, как я уже говорил, избегал всяких теоретических разговоров, Мрачковский тем более.

Тотчас по прибытии в Сургут Иванов решил открыть столярную мастерскую. Изготовил он себе верстак, конечно, с помощью Мрачковского, летом из Полтавы получили необходимые инструменты, и из Иванова вышел отличный столяр. Недостатка в заказах не было, так что иногда и я ему помогал, особенно по окраске и полировке. Я же еще в Киеве познакомился со столярством.

Летом 1880 г. прибыл в Сургут новый товарищ — Сергей Порфирьевич Швецов, осужденный гражданским судом в г. Череповце на поселение. Он прожил в Сургуте только год. Его перевели в г. Тару по его прошению ввиду ожидавшегося (как оказалось, тщетно) приезда его невесты. Швецов — блондин высокого роста, с небольшой растительностью на лице, с очень крупным носом и большими руками и ногами. Ему было 22—23 года. Он производил очень симпатичное впечатление. Его отец, по его словам, был исправником в Архангельской губернии и не всегда относился корректно к ссылавшимся туда полякам, так что Швецов отзывался о нем очень неодобрительно. Швецов не окончил никакого учебного заведения, но его знания общеобразовательных предметов были не меньше, чем у окончивших

гимназию — конечно, за исключением языков. Он тогда был большой оптимист, очень искренний, но, должно быть, по молодости несколько наивен и излишне прямолинеен. Частенько первое время он говорил такие вещи, которые могли задевать самолюбие других, не замечая и не желая этого. Иванов же был болезненно самолюбив и к тому же чрезвычайно мстителен. Конечно, каждый раз в таких случаях Швецов получал соответствующую отповедь от Иванова. <...>

Однажды Иванов сам мне объяснил свою, по его словам, отвратительную сторону — мстительность. Случилось это так. Как-то летним вечером пришел к нам один из двух сургутских нищих; это был глубокий старик, очень благообразный и на редкость чистоплотный. Он жаловался, что очередная квартирная хозяйка выгоняет его с квартиры. Поговорив немного, старик заснул. Вскоре Иванов его разбудил и настоятельно советовал сейчас же идти к исправнику с жалобой на его хозяйку. Старик, выслушав Иванова, обратился ко мне с вопросом, надо ли ему идти к исправнику, на что я ответил, что это необходимо, но так как теперь уже 11 часов и исправник, может быть, уже спит, то лучше ему идти завтра, а если хозяйка его не пустит к себе, то пусть бы он приходил к нам ночевать. Старик согласился со мной, что к исправнику сейчас поздно идти, и немедленно ушел. А Иванов в присутствии тут же сидевших товарищей, Фалина и Мрачковского, горячо набросился на меня, резко упрекая, что я своим советом помешал нищему немедленно идти к исправнику с протестом против самодурства Александры Григорьевны (очередной квартирной хозяйки нищего), что я вообще силен только пассивно, никакие черты не заставят меня поступать против моего желания, но зато активности во мне нет ни на грош, что только такие идиоты и дикари, как сургутяне, могут признавать меня великим авторитетом и т. п. Сразу я не сообразил, какая муха укусила Иванова, но, видя, что он вне себя, я ему ничего не возражал, а только просил его успокоиться. Затем уже я догадался, что самолюбие его было задето тем, что мой совет нищему несколько не совпал с его советом, да и нищий поступил не по его совету. Позднее Иванов мне объяснил, что без отместки он, при всем своем желании, не может перенести ни малейшего задевания его самолюбия, но, отомстив хотя бы только одною бранью, он не чувствует больше никакого раздражения против задевшего его самолюбие и часто даже жалеет, что не мог удержаться от мести. Это объяснение Иванова я понял как его извинение за нападки

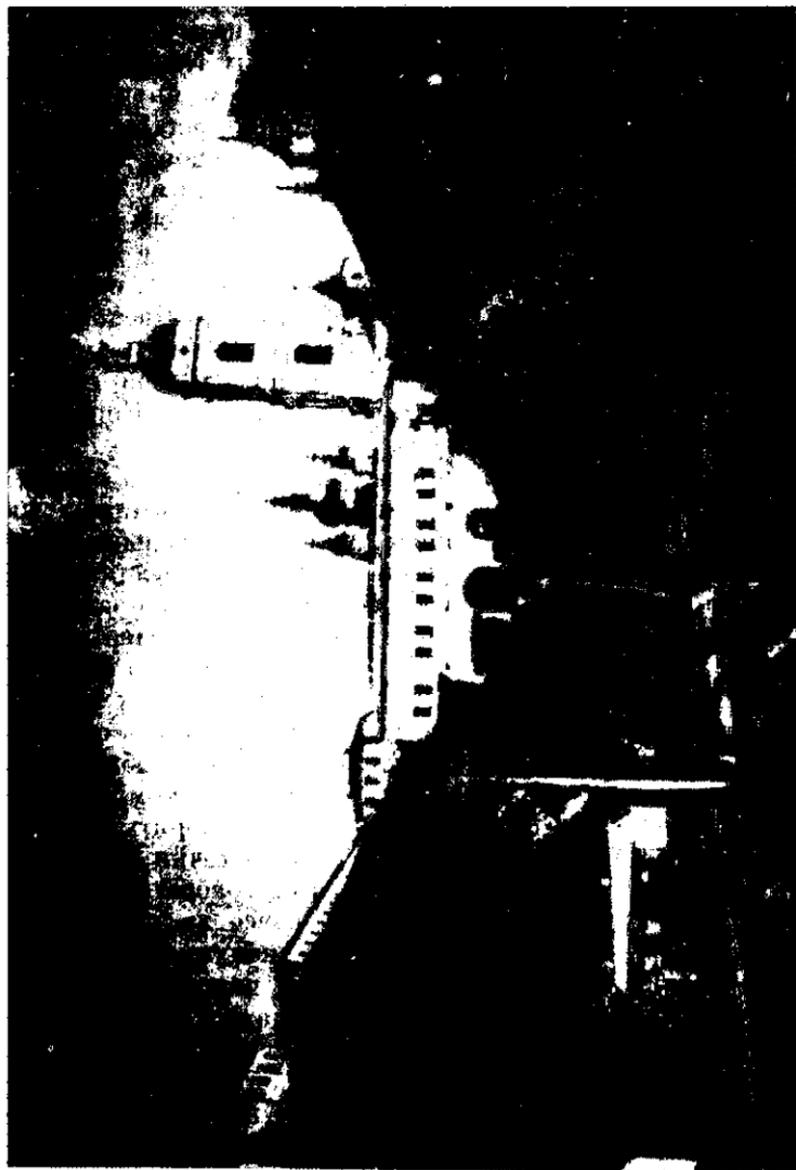
на меня, тем более, что все время мы с ним жили очень дружно, и он, мне казалось, дорожил моей дружбой, как, конечно, и я дорожил и даже очень дорожил его дружбой.

Швецов жил со мною в коммуне, квартировал же отдельно. Иванов питался вместе с нами, внося свою часть расходов. Швецов занимался сапожничеством и, кажется, помогал мне, когда я переплетал книги местного училища. Работали мы все часов до 7 вечера, а затем все товарищи собирались у нас и часов до 2—3 ночи вели всевозможные дебаты. Особенно возникали споры между Ивановым-пессимистом и Швецовым-оптимистом, причем иногда первый часа два подряд предлагал второму вопросы по одному и тому же поводу и, бывало, доводил Швецова до абсурда.

О Швецове я знал еще до встречи с ним. О нем мне рассказывала Р. В. Тессен, которая принадлежала в Петербурге к тому же кружку, что и Швецов, к тому же кружку принадлежал и известный В. Г. Короленко *. С последним, ссылавшимся тогда в Восточную Сибирь, Швецов шел в одной партии до Тюмени. В Сургуте он обменялся несколькими письмами с В. Г., и последний прислал ему свой портрет, рисованный самим В. Г. карандашом. Портрет был очень похож.

В эту зиму Мрачковский женился на дочери своего товарища по мастерской и в то же время его квартирохозяина Сидельникова Анне Семеновне. Уже после свадьбы Швецов начал обучать ее грамоте, и по получении известия о переводе его в Тару передал учебу ее мне. Свадьбу праздновали три дня. Во время этих празднований нас очень удивил Фалин, разговаривавший более часу в стороне от публики с одним из двух жандармов, недавно назначенных в Сургут. На наши вопросы Фалин, несколько смутившись, объяснил, что разговаривал о разных пустяках, ничего общего ни с какой политикой не имеющих. Конечно, никому из нас в голову не приходило, чтобы Фалин мог говорить с жандармом о чем-то предосудительном, с нашей точки зрения. Как этот разговор, так и дальнейшие его разговоры с жандармами при встречах на улице, казались все же странными и наводили нас на печальные мысли о психике Фалина. Мы уже и раньше обратили внимание на некоторые странные поступки Фалина. Так, например, однажды он в присутствии Мрачковского вынул из печки единственную картофелину и стал есть ее, приговаривая: какой паршивый обед! Затем, когда Мрачковский ушел и минуты через три вернулся за чем-то им забытым, он застал Фалина за молочшой

Полицейское
управление
в г. Тобольске



кашей. Как не состоящий ни с кем в коммуне, Фалин не имел ни малейшего повода скрывать, чем он обедает, тем более что молочная каша вовсе даже не роскошь.

Фалин все время своего пребывания в Сургуте заводил совершенно платонические романы. Он очень долго водился с одной красивой девушкой Липой, вовсе не достойной его. Бесконечно тяжело было видеть его, когда, бывало, по вечерам присылали за ней, сидевшей с нами, кутившие служащие пароходов, зазимовавших ту зиму вблизи Сургута вследствие неожиданно рано — 8 сентября — установившейся зимы. Конечно, Липа немедленно уходила, с кутившими ей было веселее, да и заработок был. Последнее время, с зимы 1881 г., он увлекался некоей Груней — девушкой очень симпатичной и скромной, но не имеющей ничего привлекательного в своей наружности. В 1883 г. Фалина перевели, кажется, в Тару. В 1885 г. Иванов мне писал, что Фалин заболел психически, у него развилась мания преследования и что он помещен в дом сумасшедших в Тобольске. В 1900 г. Мрачковский писал мне, что Фалин давно скончался в Тобольской больнице.

О событии 1 марта 1881 г. мы узнали поздно ночью на 9 марта. Эту ночь Швецов ушел от нас в 3-м часу. Кажется, я не успел еще раздеться, как он возвратился и сообщил, что царь убит. Известие об этом привез поздно вечером нарочный из Тобольска. Это уже почти два года ожидавшееся событие взбудоражило нас бесконечно. Часа два мы, радостно взволнованные, толковали о возможных последствиях этого события, ожидая, конечно, значительных улучшений всяких порядков — между прочим, и широкой амнистии. Даже Иванов... стал надеяться на всякие изменения к лучшему. После ухода Швецова мы с Ивановым еще долго не могли заснуть и все толковали о том же. Между прочим, мы решили не отказываться от присяги, если, конечно, нас пригласят к ней. Утром 9 марта мы еще спали, как собрались у нас все товарищи, и опять начались оживленные толки. Все присоединились к нашему мнению не отказываться от присяги. Часов в 12 нас пригласили в церковь, где мы вместе со всеми сургутянами приняли присягу. В церкви мы узнали, что одно из местных обществ, кажется, мещанское, постановило запретить своим однообщественникам давать квартиры в своих домах государственным преступникам, так называли всех нас в Сургуте. Инициатором этого постановления был писец местного полицейского управления некий Андрей Иванович. Этот мужчина был, конечно,

много выше других сургутян во всех отношениях уже хотя бы по одному тому, что он ежедневно находился в обществе полицейских чиновников, во всяком случае не таких диких, как заурядные сургутяне. Тем не менее он проделал такую дикую штуку.

Проводовев много лет после второй жены, он, имея порядочно за 60 лет, задумал жениться в третий раз. Созвав, по древнему обычаю, всех сестер своих первых обеих жен, он поставил закуску (по-сургутски, «прикуску»), чай и водку и сказал речь, которую начал так: «Не добро столбу стоять одному, ему необходимо дать подпору». После многословной речи он предложил своим гостям заняться закуской, а он пока, де, пойдет в казенку и повоюет. Был он с полчаса, а затем вышел к гостям, которые, решив, что ему надо еще раз жениться, начали каждая по очереди ходить свахами к девушкам на выданье. Всех сестер первых жен Андрея Ивановича собралось 7 (в том числе моя квартирная хозяйка Авдотья Степановна, которая подробно рассказывала мне об этом). Все 7 свих принесли отказы. На другое утро Анд. Иль., взяв с собой хорошее полено, пошел на кладбище и основательно поколотил могилы обеих своих первых жен. Вечером он вновь собрал тех же женщин и, сообщив, что теперь прежние жены его не будут мешать ему жениться после того, как он их наказал, послал сватать ему других. Но все-таки ни одна из двадцати девушек, которых ему сватали, не согласилась выйти за него замуж. Этот же Андрей Иванович говорил моей квартирохозяйке, что, встретившись 9 марта после присяги новому царю на улице, только потому не перебил мне ног, что не нашел поблизости подходящего полена.

Постановление общества мещан о запрещении членам общества нанимать государственным преступникам квартиры и слух о намерении других сургутских обществ составить такие же постановления немало взбудоражили и нас, особенно как первый отклик на событие 1 марта населения, — правда, только сургутского. Впрочем, только этим постановлением сургутяне и ограничили свое настроение по поводу гибели Александра II. Вечером зашел к нам жандарм и сообщил, очевидно, для нашего успокоения, что исправник отменил вышеуказанное постановление мещанского общества.

Первые дни после получения известия о снятии Александра II с престола и восшествии Александра III мы все буквально ничего не могли делать, только обсуждали со всех

сторон наши мечты и ожидания о последствиях царевубийства. Из лаконичной телеграммы тобольского губернатора мы знали только о самом факте убийства, мы нетерпеливо жаждали подробностей *. < . . > К сожалению, ближайшая почта не могла еще привезти мартовских газет, а, по слухам, в Тобольске начались оттепели и, значит, нельзя было надеяться на приход второй почты раньше середины июня. Волновались мы все по поводу гибели царя бесконечно, а более всех волновался самый старший из нас — Иванов, он же наиболее был угнетен перспективой не менее чем двухмесячного ожидания газет с сообщениями самого события и со сведениями о ближайших последствиях его. Так как Иванов буквально не мог ничего делать, то Швецов и я убедили его после долгих настояний войти в нашу коммуны на время этого мучительного ожидания почты.

Наконец в середине мая пришла почта с мартовскими и апрельскими газетами. К сожалению, пришлось разочароваться во всех наших ожиданиях, газеты, кроме подробностей самого факта убийства и сведений о многочисленных арестах, сообщали только о разных, большею частью бессмысленных приказах комиссии 25-ти. Ни о каких поворотах курса правительства налево не было и намека.

Летом Швецов, представив потребованные с него прогоны — 160 руб. (потом контрольная палата требовала с него доплаты, так как в высчитывании прогонов забыли взять с него прогоны на обратный путь жандармов), уехал в Тару. Вскоре после его отъезда привезли к нам Филипова * — харьковского студента, осужденного на поселение по процессу Сыцяно * и др. Отчетливо помню первую встречу с ним в Сургуте. Из полиции нам сообщили, что к нам назначен какой-то Филипов. В Харькове я познакомился с одним Филиповым, студентом университета, но этот ли был назначен к нам, конечно, мы не знали. Во всяком случае ждали его с нетерпением.

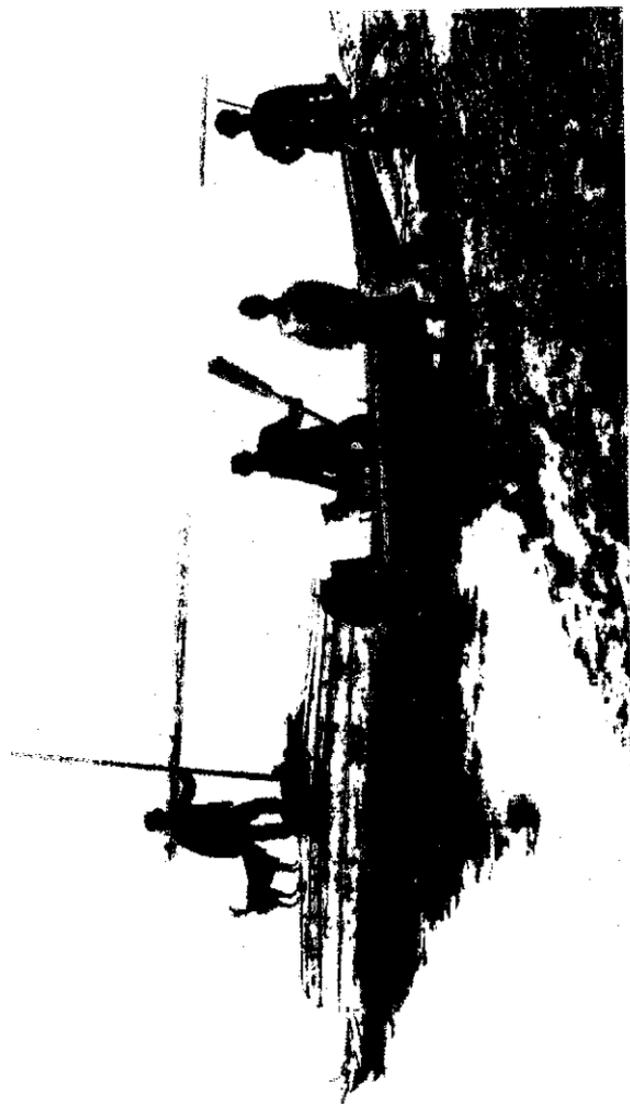
Вот как-то утром в день прихода парохода из Тобольска я проснулся часов в 7 и начал одеваться, как вдруг услышал стук отворяемой в наш двор калитки. Ожидая прибытия нового товарища, я подбежал к окну и увидел идущего по двору моего знакомого Филипова. Вид его так живо напомнил мне, коротко сказать, волю, что кровь бросилась мне в голову, и я вместо того, чтобы, как хотелось, бежать к нему навстречу, принужден был сесть. Когда через минуту Филипов вошел ко мне, то я едва мог заставить себя несколько привстать, чтобы ответить поцелуями на его объятия,

а затем, опустившись на стул, лишился сознания — правда, не больше, как на 2—3 минуты. Очнувшись, я минут 5 ничего не видел и не слышал, что говорил Филипов. Это был мой второй в жизни обморок. Первый случился на праздниках Рождества, когда я, сидя в квартире Сидельниковых, услышал неожиданно хоровое пение, предшествовавшее представлению явившейся группой парней знаменитого «Царя Максимилиана». Я тогда лишился сознания тоже минуты на 2.

Филипов был среднего роста брюнет лет 25 с роскошной шевелюрой и курчавой растительностью на лице. Он был очень мягкий и замечательнейший человек. К несчастью, он тогда уже был болен туберкулезом легких, от которого и погиб в начале 1883 г. в Кургане, куда был переведен в 1882 г. по болезни. Он содержался в «Мценской гостинице» и ехал до Тюмени вместе с пересылавшимися в Сибирь каторжанами из харьковских централок. Мне он рассказывал о централистах, но я, к сожалению, ничего не помню из его рассказов. От сидения в одиночке у Филипова расстроилось внимание: чем бы он ни был занят — каким-либо делом или пустым разговором, — он не мог сразу обратиться к чему-нибудь другому. Это иногда вело к трагикомическим эпизодам. Он никогда не слышал, когда часы били 1 час или 2, только третий удар часов доходил до его внимания. Филипов жил со мною в коммуне, а когда Иванов ушел на отдельную квартиру, перебрался ко мне. В Сургуте он занимался столярничаньем и починкою часов. Карманных часов в Сургуте было очень мало, зато много было настенных часов — самых простых, с одной или двумя, если с боем, гириями. Последние очень часто требовали чистки, так что у Филипова было немало работы, хотя заработок был невелик.

К осени привезли к нам еще одного товарища, высланного административным порядком из Острогжского уезда Воронежской губернии, некоего Моргунова *. Он занимался сельским хозяйством на арендованной земле. Он со своим приятелем А. Льготчиковым были высланы в Западную Сибирь (Льготчиков попал в Нарым) по проискам отца Льготчикова, который нашел способ добиться их ссылки в Сибирь а отместку за донос, который те подали на него в акцизное управление. Моргунов и Льготчиков-сын были очень возмущены против Льготчикова-отца за его бессовестную эксплуатацию местных крестьян и, зная об отводе этим кулаком спирта помимо контрольного снаряда на его винокуренном заводе, донесли об этом. А по закону за такую кражу спирта

Группа
полярных
отправляется
на лодке
для исследования
р. Конды



кулак этот должен был посидеть в тюрьме и заплатить хороший штраф. Конечно, оба высланные подали прошения министру внутренних дел как совершенно неприкосновенные ни к какой революции и весной 1882 г. были возвращены на родину. Моргунов жил с Филиповым и мною в коммуне. Он близко сошелся со всеми нами и часто выражал свою радость, что ему удалось через нас познакомиться с революционными идеями, причем обещал всю остальную жизнь быть деятельным пропагандистом социализма. Научился он у нас столярничать и шить сапоги и, уезжая, очень жалел, что мало пробыл в Сургуте, так как не успел закончить изучение кузнечного и слесарного ремесел.

Весною того же 1882 г. Иванов сообщил мне о своем намерении жениться на племяннице моей квартирохозяйки Анне Ильиничне. Последняя — миловидная девица лет за двадцать, круглая сирота, служившая у разных лиц прислугой. Она часто бывала у нас, и Иванов с первого знакомства как-то особенно жалел о ее тяжелом положении. Я отговаривал Иванова от женитьбы на А. Ил., полагая, что у него нет к ней соответствующего чувства, но Иванов своего намерения не изменил. Женился он на ней вскоре после моего отъезда из Сургута и писал мне, что у него в квартире после женитьбы как будто посветлело, а через год, когда у него родилась дочь Галя *, он писал, что ему стало теплее жить на свете.

За все время моего пребывания в Сургуте наши отношения с полицией были вполне удовлетворительны. Летом мы часто отправлялись на лодке далеко за город — то в поисках подходящего дерева для работ Иванова, то жечь покосы хозяйки, а то в виде прогулки осмотреть какое-нибудь урочище, напр. Машкину гору. Мрачковский несколько раз уезжал далеко в лес жечь уголь для своей мастерской и проживал там недели по 3. Хотя полиция и жапдармы знали об этих отлучках, но никогда никаких разговоров по этому поводу не возбуждалось. Одно время, кажется, в 1881 г., в Сургут было прибавлено три стражника (пеших), и тогда вышло распоряжение о посещениях нас стражниками по два раза ежедневно. Эти посещения очень нервировали нас, и мы послали депутата к исправнику поговорить по душам — ну, и посещения стражников мало-помалу совершенно прекратились. Губернатор тобольский посетил Сургут только раз в 1880 г., о чем я выше упоминал. В 1882 г. мы ожидали посещения начальника Главного тюремного управления Галкина-Врасского *, ревизовавшего тогда каторгу и ссылку

в Сибири. Но он проехал мимо, и только на пароходе (как об этом писал Галкин-Врасский в своем дневнике, напечатанном, кажется, в «Русской Старине» в 1890-х гг.) исправник доложил ему о политических ссыльных, причем сообщил, что Лейвин занимается переводами с иностранных языков.

Надо сказать еще несколько слов о тамошнем климате. Зима длится не меньше 7 месяцев, с начала октября и до начала, а то и до середины мая, а однажды зима установилась 8 сентября, причем три парохода зазимовали вблизи Сургута. До конца марта оттепелей вовсе не бывает, не бывает даже капли с крыш. Морозы нередко по неделям стоят в 40 градусов. Однажды в 1879 г. ночью я вышел во двор и был поражен непрерывным треском, раздававшимся со всех сторон, иногда заглушаемым очень громкими звуками вроде пушечных выстрелов. Эту ночь мороз с 25 градусов понизился до 40, что и было причиной непрерывного треска дерева всех построек и заборов. Тут я понял, почему добрые морозы называются трескучими. При больших морозах часто слышен треск, но непрерывный треск бывает только во время значительного понижения температуры. В большие морозы, особенно сорокаградусные, мой сапоги, да еще без теплых чулок, совсем не предохраняли ног от холода, так что я принужден был носить данные мне Мрачковским его старые стоптанные валенки, у которых голенища уменьшились до $\frac{1}{4}$ аршина, зато ступни были не менее 12 вершков. К моему счастью, благодетельная еврейка, о которой я упоминал выше, увидя мои валенки, уступила мне свои за 14/2 руб., которые я носил много лет. В Сургуте валенок в продаже не было.

В середине мая 1880 г. я как-то проснулся в 4 часа утра от какого-то довольно мелодичного шума; оказалось, что начался ледоход на Оби («Аби», по-сургутски). Последний представлял грандиозную картину, которой мы не уставали любоваться по целым дням. Попадались громадные льдины, иные с частью пролежавших на них дорог, вышиною иногда сажени $1\frac{1}{2}$, причем черные прослой указывали на постепенное нарастание снега на этих дорогах то на несколько вершков, то чуть не на целый аршин. Шум от столкновения и наскакивания льдин одной на другую очень мелодичен, постоянно слышатся звуки, совершенно тождественные со звоном серебряного колокольчика. Ледоход длится дня 3. Лето в Сургуте довольно теплое, бывают и жаркие дни, но бывает и снег в июне. В загородах под навозом лед не тает все лето. Заморозки начинаются с первых чисел августа.

Почва в Сургуте и в окрестности его песчаная, но на хорошо унавоженных грядках хорошо родит картофель, никаких других овощей в Сургуте не разводят. Мы один раз сделали опыт, насадили картофель на чистом песке. Уродилось его сравнительно мало, и притом мелкого, но зато очень вкусного, рассыпчатого. Мы картофеля обыкновенно в пищу не употребляли, так что другой раз не сажали. Старожилы рассказывали, что какой-то поселенец сеял ячмень, но он не вызревал.

Северное сияние за три года я видел только два раза, и то в очень неярких формах. 19 ноября 1879 г. мы видели очень красивую картину: ночь была очень морозная, полная луна имела вокруг себя светлый круг, на котором выше и ниже луны и с обеих сторон ее по диаметрам были видны 4 меньшие луны, из которых каждая, в свою очередь, была окружена светлой полосой с четырьмя еще меньшими лунами.

В сентябре 1881 года в полиции была получена бумага с запросом, куда я желал быть переведенным — в Томск или в Омск. Оказалось, что больше года назад мне был разрешен перевод в Томск, но в это время мой двоюродный брат Ев. Ст. Стеблин-Каменский * был переведен из Томска в Омск, и мой отец переехал с ним в Омск, и оба они возбудили у генерал-губернатора ходатайство о переводе меня в Омск. Когда получалось из Петербурга просимое разрешение, то моего отца не стало, и канцелярия генерал-губернатора, конечно, дав время бумаге вылежаться, послала запрос, куда я желаю быть переведенным.

Мне очень хотелось попасть в Томск, где тогда было немало политических ссыльных, между прочим, и Субботины по процессу 50-ти, я даже обменялся письмами с С. А. Субботиной * (матерью), не помню по какому поводу, но решил переехать в Омск, где никого из политиков не было, единственно для успокоения своей мамы, очень желавшей видеть меня в Омске под покровительством двоюродного брата Ев. Ст., который и сам писал мне, обещая хорошо устроить меня с материальной стороны. Дня через два после получения запроса я подал свой отзыв, и исправник обещал его отправить с ближайшей почтой, которая шла в конце сентября и, значит, была последней перед осенним перерывом. Но обещания своего не сдержал, и отзыв мой пошел только в декабре, и только в конце июня получено было распоряжение об отправке меня в Омск на казенный счет. На свой счет я не мог бы ехать, так как это стоило бы не меньше

300 руб., которых мне взять было негде. В июне же мне было объявлено о назначении мне срока ссылки всего полтора года, считая с 9 ноября 1881 г., дня издания закона об административно-ссылных. При этом не было получено распоряжения об осмотре моей переписки, и по закону она не могла быть без специального распоряжения контролируема. Но убедить в этом исправника никак не удалось, и мои последние полученные в Сургуте письма были распечатаны в полиции.

С. П. Швецов

Сергей Порфирьевич Швецов (13.02.1858, г. Курск — 4.04.1930, г. Ленинград), дворянин, сын чиновника, учился в Архангельской гимназии, но курса не окончил. В 1875 г. приехал в Петербург и вошел в пропагандистский кружок, вел пропаганду в Череповце Новгородской губ., где его брат был городским врачом, в Тверской и Тифлисской губ. Арестован в октябре 1876 г., приговорен к каторге, но, как несовершеннолетнему, каторгу заменили ссылкой, которую он отбывал в Сургуте, Таре, Тюкалинске, Ялуторовске, Барнауле. Содействовал побегам из Сибири нескольких ссыльных.

Освобожден в 1894 г., остался в Сибири, служил статистиком в Омске, был членом Русского Географического Общества, сотрудничал во многих сибирских газетах, организатор томского общества книгопечатников, участвовал в создании сибирского союза партии социалистов-революционеров, участник I и II съездов партии. За революционную деятельность в начале XX в. неоднократно подвергался арестам. Член Учредительного собрания.

После 1917 г. жил в Ленинграде, вел научную работу, заведовал кафедрой статистики в Петроградском Коммерческом институте, обследовал рыбные промыслы Белого озера, руководил Северной научной промышленной экспедицией.

С. П. Швецов — автор более 100 научных публикаций и художественных произведений, в том числе 35 научных монографий по экономике, статистике, краеведению, этнографии. Наиболее известны труды Швецова по Алтаю, Южной Сибири и Северному Казахстану (Горный Алтай и его население. — Барнаул, 1900—1903. — Т. 1—4. и др.; Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях: Материалы к выработке норм земельного устройства в Казахской авт. сов. соц. республике. — Л., 1926 (в соавторстве); Сибирь, кто в ней живет и как живет: Беседы о сибирских «вольных землях» и переселении на них/Ред. С. Швецов. — СПб., 1909).

«Молодой, могучий — он произвел на меня впечатление чего-

то родственного сибирской породе», — вспоминал о Шведеве один из ссыльных. Шведов «говорил почти исступленно, где не хватало слов, сжимал кулаки».

Псевдонимы С. П. Швецова: В. Л.; Герасимов К. Л.; М.; М-ин С. Н.; С. Марусин; Не врач; Марусин; Руссов С.; С. Ш.; Серых Ив.; Случайный наблюдатель; -ъ; s.

Подробная биография С. П. Швецова опубликована еще в «Сибирском торгово-промышленном ежегоднике» за 1914—1915 гг. (С. 546—556).

Фото см.: Деятели революционного движения в России: Библиогр. словарь. — М., 1928—1933. — Т. 3; вып. 4. — С. 2000.

О Шведеве см.: Шульгин В. Н. С. П. Швецов — исследователь крестьянского хозяйства // Северо-Запад в аграрной истории России. — Калининград, 1984. — С. 99—105.

Его же. С. П. Швецов — от неонародника к участию в социалистическом строительстве // Научная биография — вид исторического исследования. — Л., 1985. — С. 83—100.

ОЧЕРКИ СУРГУТСКОГО КРАЯ

I. Общий очерк города и округа

Пространство округа и характер природы. — Климат, орошение, почва. — Сравнительное богатство, представляемое округом. — Население, его племенной состав и численность. — Местоположение города Сургута и его внешний вид. — Городское население. — Физические особенности сургутян — внешний вид, сила, рост и проч. — Происхождение сургутян-казаков, их исторические предания. — Некоторые особенности Сургута как города. — Отношение к нему местного населения и жителей соседних округов

На северо-восток от Тобольска по обоим берегам Оби раскинулся громаднейший Сургутский округ. Пространство, занимаемое им, — около 192 000 квадр. верст — представляет дикую, почти безлюдную местность, в различных направлениях прорезанную большими полноводными реками и покрытую тысячами озер и топких болот, местность, в южной части поросшую непроходимыми девственными лесами, а в северной образующую не менее непроходимую, но голую, лишь мхом да мелкой порослью прикрытую тундру. Границами округа служат: Тобольский и Березовский округа с

юго-запада, запада и северо-запада, Туруханский округ Енисейской губернии с севера и востока и, наконец, Томский (Нарымский край) и Тарский с юго-востока и юга.

Климат в описываемом крае чрезвычайно суровый. Зимние холода наступают в конце сентября, реже с половины октября и прекращаются лишь в мае; случается, что зимою, несколько недель сряду, стоят морозы не менее 40 градусов (R)¹, двадцатиградусные же считаются чуть не оттепелью. Резкие северо-восточные ветры делают сургутский холод окончательно нестерпимым, убийственно действующим на непривычного человека.

Восьми-девятимесячная зима круто сменяется теплым и сырým летом. Последнему обстоятельству, т. е. сырости лета, способствуют сильнейшие разливы орошающих округ рек Оби и ее притоков — *Ваха, Агана, Пима, Югана и Сальма*². Все эти многоводные реки со своими многочисленными и громадными притоками в весеннее время выступают из берегов и затопляют окрестности на сотни верст, и эта полая вода держится иногда до конца июля; озера и болота также разливаются от снеговой воды. Все это, вместе взятое, превращает округ месяца на 1¹/₂—2, как бы в сплошное болото и трясину. Понятно, что такое обилие вод не может остаться без влияния на влажность сургутского лета. Сырость и мириады комаров и мошек, наполняющих воздух и причиняющих невыносимые страдания людям и домашним животным, делают сургутское лето далеко не приятнейшим временем года. Несмотря на то, что скованную за зиму морозами землю довольно сильно печет солнышко (термометр поднимается до 20—30 градусов (R)), почва, тундро-болотистая, местами песчаная, иногда не оттаивает глубже одного — трех футов.

Мы сказали выше, что южная часть округа покрыта лесами. Как ни громадны и ни величественны эти леса (правильнее сказать, лес, так как он тянется сплошной полосой с запада на восток, нигде не прерываемый), но они не отличаются разнообразием древесных пород. Из лиственных, насколько нам известно, встречается лишь береза, да и та хорошо растет в более южных частях округа — южнее течения Оби; из хвойных же повсеместно распространены кедр, лиственница, местами пихта, преобладающими же породами являются сосна и ель.

¹ Температура указана по шкале Реомюра. Температура по шкале Цельсия (С) составляет $\frac{5}{9}$ от R. (Примеч. сост.)

² Здесь и далее курсивом отмечены слова, выделенные в изданиях, по которым печатаются работы. (Примеч. сост.)

Сургутский лес, «урман», как его называют, это настоящая сибирская тайга, величавая и мрачная, в которую никогда не проникала нога сколько-нибудь культурного человека дальше двух-трех десятков верст от поселения, где лишь изредка попадаются, и опять-таки в ближайших к селениям местах, едва приметные охотничьи тропинки.

Помимо богатства, представляемого урманом, как лесом, которого при самом хищническом и неразумном пользовании хватит на многие и многие десятки лет, его сокровища заключаются в дорогом пушном звере, в птице, пух и перо которой также высоко ценится, и в красной рыбе, которой изобилуют глубокие воды Оби и других рек. В сургутской тайге водятся лисица, соболь, россомаха, бобр (последние годы, впрочем, редко встречается), песец, рысь, медведь, волк, бурундук, белка, горноста́й, сохатый, дикий олень и пр.; из птиц здесь в изобилии найдете рябчиков, куропаток, различные породы тетеревов, лебедей, гусей, гаг, уток, журавлей и т. д.; из крупных и дорогих пород рыбы назовем осетра, нельму, шокура, сырка, стерлядь, тальмень и др. Все это в чудовищных размерах населяет тайгу, ее болота, озера, реки и служит приманкой для человека.

Как на особенности местной флоры и фауны можно указать на почти полное отсутствие ягоды — мы, по крайней мере, не встречали ничего, кроме брусники и морошки, да и то в ничтожном количестве, — грибов тоже мало; из птиц здесь нет таких обычных для более южных местностей птиц, как воробей, ласточка, галка; нет также и никаких певчих птиц, что придает урману особенно унылый и мрачный характер.

Дик и неприветен Сургутский край. В нем все сурово, печально, угрюмо, хотя грандиозно и величественно: суров климат, угрюма и таинственна молчаливая тайга, неприветны необозримые пространства вод. Холодом и унынием веет от этого далекого края, но этот холод не холод могилы — повсюду заметны проявления жизни, дикая могучая природа заключает в себе неисчерпаемые богатства, только, как бы нарочно, для лучшего охранения своих сокровищ от жадности человека, она приняла суровые, неприступные формы. Чтобы победить природу и завладеть этими сокровищами, нужна железная энергия, выносливость и закаленность в борьбе с препятствиями и лишениями. Как мы уже сказали, сокровища края состоят в великоленных строевых лесах, дорогом звере и рыбе и при мало-мальски разумной эксплуатации этому изобилию природы поистине конца краю не будет!

Такова в общих чертах природа описываемого края. Обратимся теперь к людям, его населяющим.

Несмотря на громадность территории Сургутского округа (площадь его в *три раза* превышает площадь Германии и в *пять раз* площадь Италии), население его до крайности ничтожно — едва достигает до 6¹/₂ тысяч, не считая города, или *один человек* приходится на 295 кв. верст. В племенном отношении население округа разделяется на две части: меньшинство, всего несколько сот душ, русские крестьяне, вся остальная масса — остяки; к русским причисляют обыкновенно и потомков от браков между русскими и остяками. Городское же население почти сплошь русское — едва ли найдется 5—10 семей метисов, по крайней мере, недавнего происхождения.

Как русские, так и остяки расселились в округе по течению Оби и ее притоков. Исключение составляют несколько остяцких юрт, разбросанных вдали от рек, в глубине страны, на озерах. Русские крестьяне живут селами и деревнями; первых в округе пять: Салиарское, Ломпаковское и Локасовское на Оби, Юганское на Югане и Ларьятское на Вахе; деревень всего три. Остяки обитают частью в тех же селах и деревнях — это наиболее обрусевшие и усвоившие более или менее образ жизни русских крестьян, — но, главным образом, по юртам, которых насчитывают до 200.

Почти в центре населенной части округа, на правом берегу Оби, приютился город Сургут. По карте его местоположение между 61 и 62 градусами с. ш.

Непривлекательна наружность городка: на небольшой, очищенной от леса песчаною площадке разбросано несколько десятков деревянных домишек, большею частью старых, почерневших от времени; на самом берегу, почти над обрывом прилепилась бедная и ветхая, немного покачивувавшаяся церковь. С трех сторон городок, как стеной, окружен вековым хвойным лесом, и лишь одна сторона свободна от него — внизу, далеко под горой катит свои мутные, холодные волны угрюмая красавица Обь, образуя несколько низменных островов; водная даль расстилается на десятки верст, и другой берег, поросший лесом, едва обозначается синеватой лентой. Вид Оби из города очень величествен, но угрюм и дик, как и все вокруг.

На свежего человека, да еще не знакомого с сибирскими захолустьями, Сургут производит впечатление убогой, всеми забытой, затерявшейся в лесу деревушки. Это впечатление затерянности еще усиливается отсутствием грунтовых дорог:

для сургутянина и летом, и зимою одна дорога — его широкая, богатая река, по которой в летние месяцы он ездит в лодках, зимою на лошадях и оленях; весною же и осенью, с наступлением распутицы всякое сообщение Сургута с внешним миром прекращается, и тогда-то особенно он принимает до крайности гнетущий вид чего-то жалкого, убогого, закинутого в лесную трупобу на край света.

Население города малочисленно: по официальным данным, оно равняется 1200 душам обоего пола, в действительности же и эта цифра преувеличена, так как некоторая часть обывателей «разбежалась», по местному выражению, в разные концы обширной Сибири. Не особенно редки случаи, что сургутянин, раз выехавши за чем-нибудь в Тобольск, Томск или на прииски, уже никогда не возвращается домой, устраивая себе гнездо где-нибудь вдали от своей суровой родины. Другие являются только под старость умирать домой — это неудачники, отставшие от собственного дома и не смогшие по каким-либо причинам устроиться на чужбине.

Выше мы уже упоминали о племенном составе городского населения, громадное большинство которого состоит из русских и только несколько семей принадлежат к чистым представителям других национальностей: семья евреев (ссылные), два-три поляка и несколько остяков и остячек. Но «русских» сургутян в свою очередь надо разделить на две части: на действительно русских, т. е. таких, которые сохранили внешность, язык и обычаи своих собратьев, населяющих Россию и Сибирь, и если в чем поотстали, то не особенно сильно, с одной стороны, и с другой, — русских, представляющих смесь русского типа с остяцким и происшедших от смешанных браков с остяками, потомков обрусевших остяков и окончательно обостячившихся русских крестьян. Благодаря общему складу жизни в Сургуте, носящему довольно заметный отпечаток инородческого влияния, такое различие в составе населения не бросается сразу в глаза, и подметить его можно лишь при более внимательном и близком знакомстве с сургутянами; первое же впечатление, притом довольно долго удерживающееся, получается более или менее однородное и, говоря откровенно, не совсем выгодное для сургутян — впечатление помеси русского с остяком.

¹ Недавно, впрочем, по распоряжению местного начальства, проложили грунтовую дорогу на Белый Яр — пароходную пристань в 14 верстах от города. Но эта дорога для города не имеет никакого значения, и местные жители ею не пользуются. (*Здесь и далее в книге, кроме специально оговоренных случаев, примечания авторов очерков.*)

Деревня
на Муръгъле



Низкий рост, приземистость и невзрачность всей фигуры, напоминающей скорее медведя, чем представителя кавказской расы — вот физические особенности, свойственные всему населению. Черты лица сургутянина неправильны и резки, развиты скулы, широкий, некрасивый рот, узкие глаза без выражения или, пожалуй, с выражением придурковатости — все это делает его вид не особенно привлекательным, не говоря уже о грязи, толстым слоем покрывающей голову, лицо и руки многих из них. Несмотря на кажущуюся кряжистость, сургутяне не отличаются силой и ловкостью, но зато крайне выносливы, «двужилы», по народному выражению.

Кстати, скажем два слова и о наружности различных представителей населения округа. Крестьяне по внешнему виду значительно разнятся от городских мещан-казаков: они много здоровее, как-то шире в кости, видна большая сила, лицо и вся фигура дышат мощью и энергией. Тяжелая борьба, которую им приходится постоянно вести с окружающей природой, борьба, сопряженная с опасностями, оставила заметный отпечаток на всей фигуре сургутского крестьянина, хотя неуклюжей, но мощной. Черты лица также резки, как и у горожан, если еще не резче и некрасивее. Полнейшую противоположность крестьянину представляет остяк. Фигура этого несчастного дикаря с первого взгляда поражает своей крайней невзрачностью и забитостью. Увидав в первый раз остяка, вы сразу чувствуете, что перед вами представитель вырождающегося, исчезающего племени. Остяк роста скорее низкого, чем среднего, в плечах довольно широк, но со впалой грудью; руки длинные и как-то безжизненно, точно плети, висят вдоль туловища; лицо грязно-серого цвета, скуластое, с широким ртом, тонкими бледными губами; темные, мертвенно-тусклые и вечно гноящиеся глаза прорезаны довольно косо; нос широкий, приплюснутый; жесткие черные волосы, похожие на конские, густыми, никогда не чесанными космами спадают на лицо и плечи; растительности на лице никакой. По лицу женщины ничем не отличаются от мужчин, разве еще большим безобразием. К этому надо присовокупить еще невозможную грязь, присущую всем остякам. Живущие по р. Ваху остяки производят лучшее впечатление: они выше ростом, здоровее и не имеют такого пришибленного, пригнетенного вида.

В сословном отношении сургутяне также не представляют сплошной массы: все коренное население делится на два общества — большее мещанское, в состав которого входят

бывшие сургутские казаки, несколько человек местных торговцев и потомки уголовных ссыльных, и так называемое крестьянское общество, незначительное по численности, к которому принадлежат крестьяне, переехавшие из деревень, обрусевшие и не обрусевшие остяки и опять-таки уголовные ссыльные и их потомки.

Тогда как крестьяне и коренные мещане не сохранили никаких преданий о своем происхождении, мещане-казаки¹ ведут свою родословную непосредственно от казаков, пришедших в Сибирь и завоевавших ее вместе с Ермаком; им же они приписывают и основание своего города для более удобной борьбы с буйными и непокорными в то время остяцкими племенами, что, конечно, в общих чертах согласуется с историческими фактами. Некоторые же, в минуту откровенности и самобичевания, чаще всего после хорошей выпивки, прибавляют, что в числе их предков были не только добрые молодцы из вольницы Ермака, но и другие молодцы-бродяги, каторжники с рваными ноздрями и клеймами, пригонявшиеся сюда из других местностей Сибири. Несколько правы эти самообличители, судить не беремся.

Из других исторических фактов, кроме завоеваний Ермака, казаки-мещане сохранили воспоминание об остяцком князьке Бардаке, имя которого носит речушка, впадающая в Обь у самого Сургута, да о восстании остяков против русского владычества и тех жестокостях и казнях, которые следовали за подавлением мятежных дикарей. Но и эти воспоминания очень смутны и отрывочны. Мы говорим здесь вообще об исторических воспоминаниях, существующих у сургутян, у отдельных же лиц, преимущественно стариков, вероятно, сохранились они в более цельном и полном виде. Между прочим, многие сургутяне могут указать место, где была юрта князя², и другое, где совершались казни остяков. К воспоминаниям сравнительно недавнего времени следует отнести рассказы многих жителей о двух декабристах*, бывших в Сургуте в ссылке, из которых один застрелился, да об одном поляке-повстанце 30-го года, погибшем в Ларьятской тундре, но проверить эти рассказы мы не имели возможности.

¹ Сургутская казачья команда уничтожена, если не ошибаюсь, в 82-м году. Большинство казаков припало к мещанскому обществу; ничтожное же меньшинство в 10—15 человек, большей частью юная молодежь, пожелало выселиться в другие казачьи войска.

² Там и теперь еще видны следы земляной насыпи в форме кольца, охватывающего пространство в несколько сажен.

Прежде чем закончить общую беглую характеристику Сургута и его округа, мы считаем не лишним для полноты картины остановиться несколько подробнее на некоторых сторонах этого оригинального города.

Человеку новому, впервые попадающему в Сургут, невольно бросается в глаза отсутствие таких правительственных учреждений и зданий, которые у всякого неразрывно связываются с представлением о русском городе, без которых последний кажется если не прямо невозможным, то во всяком случае курьезным и оригинальным. К таким учреждениям, отличающим город от деревни, несомненно относятся городское управление, суд, казначейство и т. п.; сюда же приходится причислить, к сожалению, и острог. Между тем в Сургуте ничего этого нет, полиция да почтовое отделение — вот, кажется, и все присутственные места города. Городскую думу заменяет мещанская управа; все же дела, не имеющие прямого отношения к полиции и мещанской управе, ведаются в подлежащих учреждениях Тобольска. Не решимся сказать, чтобы сургутяне чувствовали от этого большое неудобство; по крайней мере, относительно суда и острога они прямо заявляют, что в них нисколько не нуждаются, ибо никаких преступлений у них не бывает (об этом см. ниже), и поэтому судить у них некого, а если с кем и случится грех какой, попутает нечистая сила, то дело можно разобрать и в Тобольске, где есть и суды, и тюрьмы. Не ощущается также большой потребности и во введении городского положения, да и содержать думу и городское управление, как стоящие, сравнительно говоря, довольно дорого, решительно не на что: нам пришлось видеть местный официальный отчет за 80-й г., по которому все городские доходы исчислены в 400 руб. Понятно, тут не до городского положения.

Рассадниками просвещения служат две школы, мужская и женская. Последняя уже несколько лет стоит с заколоченными дверьми и окнами, ибо обыватели не находят нужным поддерживать ее своими средствами, основатель же ее некто Туполев, местный житель, содержал школу на свой счет лишь в первые годы ее существования. Немногим лучше и положение мужского училища: оно хотя и не считается закрытым, но случается, что по нескольким месяцам, даже по году, занятия в нем не производятся; в нашу бытность в Сургуте, — например, в 80/81 г. — дети посещали школу всего месяца два, остальное время на школьной двери висел замок, и такие перерывы — дело обычное. В 82-м году здание школы было даже сдано под квартиру частным лицам.

Ниже нам придется еще говорить о причинах, обусловивших такое падение дела образования в Сургуте.

Упомянем еще о больнице Приказа общественного призрения. Она устроена на двенадцать кроватей, имеется при ней и аптека, и врач с фельдшерами; но она не пользуется популярностью среди населения, и больных в ней почти никогда не бывает, так как горожане предпочитают лечиться у разных знахарей, остяцких шаманов и проч. Из округа же иногда лежат в ней остяки, преимущественно страдающие сифилисом, но и они попадают сюда не по собственному желанию, а только вследствие особых распоряжений местной власти, случайно натолкнувшейся на больного инородца.

В заключение скажем несколько слов об отношении к Сургуту местных жителей и населения соседних округов, Тобольского и Тарского.

Отношение сургутян к своей родине не одинаково. Те из них, которым удалось побывать в иных более привлекательных местах, например в Тобольске или Тюмени (не говорим уже о Томске, который представлялся сургутянам чем-то сказочным по своему богатству и великолепию), — смотрят на Сургут и все сургутское с нескрываемым презрением, пожалуй, даже с враждой; их уже не удовлетворяет все местное, кажется диким, смешным, они и на себя начинают смотреть как на нечто высшее в умственном и нравственном отношении, чем их земляки, не бывавшие дальше Березова. Им душно и тесно в Сургуте, их неудержимо тянет вон из него, туда, где, по их мнению, жизнь кипит. Часто они так и поступают — при первой возможности покидают свою родину, чтобы никогда уже не возвращаться обратно; но этот выход, конечно, не всякому доступен.

Совершенно иное отношение к своей родине наблюдается у тех обывателей, которым не приходилось бывать далеко. Мы не берем в расчет Березова, где редкий взрослый сургутянин не бывал, ибо это тот же Сургут. Эти, а они составляют девять десятых населения, страстно любят и свои непролазные болота и урман, и свой убогий городишко, для них Сургут если и не рай земной, то все же одно из самых привлекательных мест земного шара. Всякое критическое или просто шутливое замечание о достоинствах их города встречается ими с величайшей неприязнью и раздражением. Вообще этого сорта сургутяне, особенно женщины, крайние патриоты в самом узком смысле этого слова, заскоруждые и нетерпимые, с которыми тяжело, а подчас и невозможно

вести какое-нибудь более или менее живое дело, по крайней мере, на нас они произвели такое впечатление.

Жители соседних округов относятся к сургутскому краю и его обитателям довольно определенно, но вместе с тем и резко отрицательно. Сургут, по их мнению, «гиблое место», ничего больше. Известная доля истины в этом выражении несомненно есть, к сожалению. Впрочем, и они признают за Сургутом одно положительное качество: ловкому человеку najтись там легко.

Обратимся к занятиям сургутских жителей.

II. Занятия населения

Общие замечания о занятиях сургутян: развитие промыслов, отсутствие земледелия.— Связанные с промыслами формы пользования различными угодьями — лугами, лесами, рыболовными песками.— Скотоводство.— Ореховый промысел.— Ловля птицы.— Рыболовство.— Заготовка дров на пароходы

Характер занятий сургутского населения всецело определяется общим характером природы края и степенью культурного развития самих сургутян. Суровый климат и особенности почвы делают невозможным занятие земледелием¹. Между тем окружающие леса, болота и реки, как мы видели, богаты всяким зверем, птицей, рыбой, и население, естественно, прежде всего обратило свои взоры именно в эту сторону, и промысловые занятия стали главным родом деятельности, главной основой его существования.

Прежде, чем обратиться к подробному описанию главных народных промыслов, мы считаем нужным отметить формы пользования покосами, лесами и угодьями.

Урман, доставляющий местным жителям в неограниченных размерах строевой лес, дрова, пушнину, орехи и проч., считается ничьим, Божьим. Однако пользование не безусловно свободно, но ограничивается рядом постановлений и правил, относящихся главным образом к кедровникам² и к отдельным кедровым деревьям, попадающимся в урмане. Познакомимся с этими ограничениями, выработанными местным обычным правом.

¹ Лет 12—15 назад в с. Юганском производились опыты хлебопашества, ранее такие же попытки делались вблизи города, но все безуспешно.

² Кедровниками, иначе кедровыми островами, называются такие участки леса, где преобладающей или исключительной породой является кедр.

Как строевой, так и более мелкий лес жердняк, дозволяется всем рубить беспрепятственно, коренным жителям и пришлому человеку безразлично, в неограниченных размерах, но при этом ставится одно требование: *зря не рубить кедра*. Кедром можно пользоваться для каких-нибудь хозяйственных поделок — из него изготавливаются оконные рамы, косяки, полы и др., но отнюдь не дозволяется рубить его на дрова, в кедровниках же не допускается порубка и на поделки, исключая сухостоя, но особенно строго запрещается и преследуется порубка с целью обобрать шишки, что делается исключительно по ленд, из нежелания долго возиться над «околачиванием» шишек, о чем будет ниже. Попавшийся в нарушении этого требования подвергается жестоким истязаниям. По словам местных жителей, бывали случаи, когда за подобные проделки виновных тут же, на месте преступления, вешали на первой попавшейся лесине, раздетым донага привязывали к деревьям и оставляли в таком положении на съедение комарам и муравьям и т. п. Особенной суровостью и жестокостью в этом отношении отличаются остяки. Вследствие ли боязни навлечь на себя жестокое мщение со стороны своих родичей, или в силу глубокого сознания греховности такого поступка, сознания, которым проникнуты очень многие, но этого рода нарушения обычного права встречаются крайне редко. Во всех других отношениях пользование кедровниками свободно.

Столь строгая регламентация в пользовании кедром и столь суровые взыскания, налагаемые на ослушников, станут вполне понятными, если мы скажем, что кедровый промысел, т. е. сбор кедрового ореха, является одним из главных источников, доставляющих средства существования как русским, так и остякам, и что всякое уменьшение доходности этого промысла тяжело отзывается на кармане сургутского жителя.

Таков порядок пользования лесом для порубки и для сбора орехов у горожан и русских крестьян. У остяков же мы наблюдаем несколько иную форму владения лесами, именно общинно-родовую. Все леса, которыми пользуются остяки, поделены между отдельными родами, а родовые участки в свою очередь разделены между семьями остяков. Межевыми знаками служат реки, камни, ручьи, озера, болота, ямы и проч., граней же, борозд или меж нет. Каждой вновь возникшей самостоятельной семье родовой сходит выделает участок из общей собственности, причем иногда происходят уравнильные переделы участков. В пределах своего

участка каждая остяцкая семья пользуется лесом для порубок и орехом, в них же занимается звероловством и ловлей птицы. Переходить для промысла на чужой участок запрещено. Белка, заяц, горностаи и всякий другой зверь, кроме крупных хищных, убитый на чужом участке, по обычному праву остяков, принадлежит не охотнику, а владельцу участка; зверь, убитый на границе двух участков, делится пополам между охотником и владельцем соседнего участка — или делят шкуру пополам, или один берет шкуру, а другой — мясо. Медведей, волков предоставляется бить беспрепятственно, на чем бы участке они ни попались. Благодаря обилию леса и простекающей отсюда величине наделных участков, между семьями не бывает столкновений из-за обладания тем или иным куском леса. Участки носят обыкновенно названия: «остров таких-то остяков», «урочище таких-то» и т. п. Кедровники остяки часто сдают в аренду сургутским и тобольским торговцам за ничтожную плату.

Таково в общих чертах правовое отношение населения к кедровникам. На практике же обыкновенно каждая артель русских промышленников из года в год посещает один и тот же остров, оставляя его изредка для другого исключительно вследствие плохого урожая орехов в данном месте. Чрезвычайное обилие кедровых лесов и незначительность населения, пользующегося ими, заставляют сургутян снисходительно относиться к отступлениям от правил.

Ниже нам придется подробно говорить о звероловстве и ловле птицы и о значении этих промыслов для населения, потому теперь мы остановимся на них лишь настолько, насколько они оказывают влияние на формы пользования у русского населения теми участками леса, в которых производятся.

Каждый сургутянин-зверолов, деревенский или горожанин, безразлично, имеет в лесу свои «слопцы» — обычные ловушки для зайцев и тетеревов, переходящие по наследству на начале полной личной собственности от отца к сыну, а вместе с слопцами переходит к сыну и право исключительного пользования той частью леса, где они расположены. На первый взгляд может показаться, что тут мы встречаемся с принципом личного пользования лесом, но это далеко не так, по крайней мере, основа этого явления совершенно иная, нежели в принципе личной собственности на землю. Сургутянин, владеющий слопцами, считается собственником *только* слопцов, но отнюдь не леса, в котором они поставлены и на который постановка слопцов, *как известная*

затрата труда, дает данному лицу лишь право пользования до тех пор, пока стоят и действуют слопцы. Раз они почему-либо заброшены или перенесены куда-нибудь, всякий желающий имеет право на их место поставить свои слопцы. Здесь мы видим тот самый принцип трудового начала, с которым в иной форме встречаемся, например, в Тюкалинском округе в отношении пашни: затративший труд на расчистку и обработку пашни тем самым приобретает право на временное пользование ею, срок которого зависит уже от других условий — количества удобных земель в данном крестьянском обществе и проч. Слопцы помимо передачи по наследству могут также быть проданы и сданы в аренду — последнее, впрочем, имеет место лишь в городе.

Птицелов, прорубивший для «перевеса» просеку (см. об этом ниже), тоже имеет право на исключительное пользование ею. Просеки тоже переходят от отца к сыну, также продаются и сдаются в аренду; иногда встречаются и ограничения в праве делать просеки и другие порубки вблизи чужих просек. Так, с год назад горожане постановили не рубить новых просек и вообще не производить никаких порубок в так называемом береговом острове, потому что такие порубки и просеки наносят вред тем, кто ранее устроил здесь просеки. За каждое нарушение этого правила взимается определенный штраф. Здесь мы уже видим проявление власти общины, направленное к ограждению интересов своих членов.

Город, каждое село, деревня, юрта имеет свои рыбные ловли — рыболовные пески. У русской части населения пользование песками опять-таки имеет своим основанием право первого захвата, с тою разницей, что тут представителями принципа захвата являются уже не отдельные лица, а целые общества, деревня напр. Пески, принадлежащие деревне, находятся в пользовании всех ее членов. Мы не знаем случаев принадлежности рыбных ловель на праве полной частной собственности кому-либо из местных жителей. Порядок пользования рыбными песками у остяков общинно-родовой, как и в отношении леса. Благодаря громадным расстояниям, отделяющим одно поселение от другого, обладание теми или иными песками не вызывает споров и ссор между жителями различных деревень.

Многие остяцкие общества сдают свои ловли в аренду тобольским купцам и некоторым крестьянам-рыбопромышленникам с Самаровского и других поселений Сургутского округа, причем сдаются самые лучшие рыболовные пески,

славящиеся богатейшим уловом рыбы. Сдавая их, остяки далеко не всегда руководствуются тем соображением, что у них находятся лишние, ненужные им самим, удобные для лова места — чаще всего в этом играет главную роль крайняя нищета остяков, неимение собственных рыболовных снастей и других необходимых принадлежностей промысла, вообще невозможность собственными силами эксплуатировать находящиеся в их руках богатства. Та же безвыходная нищета заставляет остяков наниматься в работники к рыбопромышленникам и закабаляться ими.

С давних пор в жизни сургутского населения скотоводство занимает довольно видное место. Отсюда естественно вытекает, что население также с давних пор стало обращать серьезное внимание на луга и выгоны и для пользования ими выработало известные правила, признаваемые всеми.

Выгонами для рогатого скота, а также и покосами, чаще всего служат низменные, затопляемые иногда весенним разливом острова, во множестве образуемые Обью. В самом Сургуте, напр., под выгон отведен довольно большой остров, расположенный в $1\frac{1}{2}$ —2 верстах от города. С наступлением лета сюда на лодках перевозится весь крупный и мелкий рогатый скот и остается здесь до поздней осени, когда пастба прекращается за холодом. Остров считается общей собственностью всего городского населения. Каждый обыватель, коренной сургутянин или временный житель города, все равно, имеет право наравне со всеми на известное участие в пользовании, т. е. может выгнать сюда весь свой скот, как бы его много ни было, ничего никому не платя за это. Так, некоторые временно проживающие в Сургуте торговцы, не участвующие в несении податей и повинностей, лежащих на мещанах, пользуются выгоном наравне с последними. Пастуха, разумеется, не держат, ибо на острове скотине не может угрожать никакая опасность ни со стороны зверя, ни со стороны лихих людей. Два раза в день каждая хозяйка ездит на остров для подоя и, таким образом, имеет возможность присматривать за своим скотом.

Весною, когда, вследствие разлива или по иным причинам, на остров еще нельзя переправить скот, местом выгона служит соседний лес, и хотя тут коров, и особенно телят, часто режет зверь, сургутяне не предпринимают никаких мер для охранения скота: не нанимать же пастуха на неделю, на две, говорят они.

Лошадей весной также сбивают в один общий табун и угоняют в урман верст за 10—20 и более, смотря по тому,

где в данном году хорошо уродились травы. В табун также все могут бесплатно гнать своих лошадей: леса и луга общие, Божьи, следовательно, каждый может ими пользоваться, насколько того требуют его хозяйственные нужды.

Пользование покосами захватное, как и во многих других местностях Тобольской губернии. Порядок захвата и так называемого «закашивания» мало чем отличается от господствующего в южных округах — Ишимском и Тюкалинском и так недавно еще описанного гг. Капустиным и Петропавловским* в их статьях «О сибирской земельной общине». Главное отличие состоит в том, что, вследствие гораздо большего изобилия свободных лугов сравнительно с потребностью в них населения, в описываемом крае закашивание не сопровождается такими печальными, подчас кровавыми столкновениями из-за обладания лучшим куском покоса. Здесь покосов хватает на всех, и еще целая масса хороших мест остается никем не тронутою. В этом, кстати сказать, кроется причина другого отличия от южных порядков: в то время как на юге пользоваться покосами обыкновенно дозволяется лишь членам общины, здесь это право предоставлено каждому, нуждающемуся в сене. Сенокосение длится здесь со второй половины июля до глубокой осени — бывает, что работают в лугах еще в то время, когда уже падает осенний снег, предвестник близкой зимы.

Выше мы уже указали, что в самом Сургуте скотоводство занимает довольно почтенное место в ряду других занятий, дающих населению средства к жизни. Более всего держат крупный рогатый скот: в редком доме нет двух-трех коров, не считая телят; есть же и богатые дворы, в которых имеется десять и более голов. Дом без коровы — очень редкое исключение, в своей основе всегда имеющее какое-нибудь несчастье в семье домовладельца, в корень подорвавшее домашнее хозяйство. Почти столько же держат лошадей, мелкого же скота значительно меньше: во многих домах совсем нет овец, свиней же и того меньше — они имеются только у двух-трех богачей. У одного-двух хозяев найдутся домашние олени, употребляемые для езды.

В селах и деревнях скотоводство играет гораздо меньшую роль, нежели в городе. Домашний скот имеется только у русских крестьян; остяки же держат: более богатые — немного оленей для езды, беднота — собак. Более точных данных о размерах скотоводства мы, к сожалению, не можем привести, так как не решаемся основываться на официальных данных, зная способы их собирания. Коровы в Сургуте

обыкновенной мелкой породы, повсеместно встречающейся в Тобольской губ. и отличающейся разве только еще меньшей молочностью, что находится в непосредственной связи с плохим качеством трав, которые, несмотря на тщательное выжигание лугов, жестки и мало питательны. Между прочим, сургутский скот часто кормят соленой рыбой, что в неурожайные на травы годы служит значительным подспорьем. Вообще, на скоте, как и на людях, заметно влияние местных особенностей природы и климата.

Лошади служат исключительно для зимних работ — возки леса, сена, езды на промысел, перевозки рыбы, мехов и ореха в с. Самаровское, иногда же и в Тобольск и проч. Летом же лошади ни в какую работу не употребляются, так как в это время года их вполне заменяет лодка: на ней сургутянин отправляется и на покос, и на промысел, а в случае надобности, на ней же съездит и в деревню, Тобольск или Березов. Лошади, как и прочий скот, простой породы, не отличающейся большой силой, но зато они выносливы и вполне приспособились к суровости местного климата: во всякое время года, несмотря на страшные зимние морозы и жестокие бураны, они находятся под открытым небом и никаких помещений для защиты их от холода и ветров не строят. Коров и мелкий скот зимою держат в мшанных хлевах¹.

В то время как большинство населения страдает, т. е. заготавливает на зиму сено для скота, часть мужчин, наиболее сильных и ловких, отправляется на промысел в урман «орешить» — собирать кедровый орех.

Для более успешного ведения этого промысла, как и для рыболовства, сургутяне собираются в небольшие артели, человека по три-четыре и больше. Слово «артель», насколько мы знаем, в Сургуте неизвестно, члены же такого временного промыслового соединения называются товарищами; вместо «вступить в артель» говорят «пойти в товарищи». Такие артельные или товарищеские соединения составляются на одно лето, на время одного промысла, по окончании которого артель сама собой распадается. На следующий год товарищество промышленников формируется вновь, при этом иногда состав артели остается прежним или лишь немного видоизменяется. При образовании таких товариществ принимаются во внимание главным образом личные симпатии вступающих в артель и соседство, хотя не последнюю роль играют и соображения относительно ловкости собирающегося на про-

¹ Мшанный хлев — омшаник, утепленное мхом зимнее помещение для скота. (Примеч. сост.)

мысел, его смелости и товарищеской честности — чтобы вынес путешествие, не бросил товарища в опасности и проч.

Самый промысел в общих чертах производится следующим образом. Промышленники-товарищи заранее запасаются одеждой, провизией, табаком, чаем и прочими необходимыми принадлежностями промысла и приготавливают узкие, длинные холщовые мешки, а также пару-другую особого устройства железных когтей; наподобие тех, которые употребляются в телеграфном ведомстве, только более грубой, первобытной конструкции. Во второй половине июля артель отправляется на промысел чаще всего на лодках вверх или вниз по Оби до какого-нибудь определенного пункта, где лодку оставляют и дальше идут уже пешком. Жители города и поселений, расположенных по Оби, обыкновенно отправляются на юг от реки, по направлению к Тарскому и Томскому округам; идут всегда в известное уже место, заранее высмотренное и облюбованное кем-либо из членов артели; нередко такое место отстоит от города верст на сто — двести и более.

Достигнув цели своего путешествия, товарищи тотчас же приступают к предварительным работам. Прежде всего, строят шалаш для жилья на время промысла и землянку, если таковая не сохранилась от промыслов прежних лет, для хранения ореха; тут же устраиваются особые продольные станки, приспособленные к раздроблению шишек и освобождению ореха, и деревянные решета для просеиванья ореха. В этих работах принимают участие все, руководство же ими берет на себя, как и вообще во все время промысла, кто-нибудь из наиболее опытных промышленников, не раз ходивший орешить, хорошо знакомый и с условиями промысла, и с тайгой. Формальных выборов, разумеется, не бывает, и делается это как-то само собой, в силу общего молчаливого признания за данным лицом качеств, требуемых от руководителя промыслом.

Когда все готово, принимаются за самое «шишкование», т. е. за сбор кедровых шишек. Когда артель невелика, состоит всего из трех-четырех человек, товарищи не разъединяются и промышляют все вместе; если же число их больше — человек 6—8, они разбиваются на группы по 3—4 в каждой, и эти группы работают более или менее самостоятельно и независимо друг от друга. Каждая группа состоит из одного сбивальщика и нескольких подбиральщиков; на обязанности первого лежит сбивание шишек, что производится ударом длинного шеста по ветвям кедра, подбиральщики же

в это время собирают в мешки градом сыплющиеся на землю шишки и таскают мешки с орехом в определенное место, к землянке. Сбивальщиками бывают обыкновенно самые сильные, ловкие и смелые промышленники, так как их обязанность — взлезание при помощи подвязываемых к ногам железных когтей на верхушку кедра и сбивание шишек — сопряжена с большой опасностью и требует много ловкости и отваги: падение сбивальщика с кедра, сопровождаемое искалечиванием на всю жизнь, а еще чаще смертью, довольно обычное явление. Работа остающихся на земле гораздо тяжелее, требует большей силы и выносливости, но зато не опасна для здоровья промышленника. Обивши шишки с одного кедра и собравши их в мешки, группа переходит к другому дереву и т. д. в течение целого дня, с раннего утра до ночи. Точно так же поступают и другие группы артели, если таковые имеются. Шишки, как мы сказали, сносятся в одно место; когда они достаточно проветрятся и подсохнут на солнце, их чистят на станках, отделяют орех, который просеивают сквозь решета и затем вновь сушат на солнце. Эта работа чаще всего, если только позволяет погода, производится по праздникам, как более мелкая и не утомляющая промышленников. Подсохший орех сыпается в землянку, дверь которой плотно запирается и заваливается землей, лесом или камнями; эти предосторожности принимают на случай посещения землянки лакомым до орехов медведем. Иногда землянку заменяет простая яма. Здесь орех остается до начала зимы, когда за ним приезжают на лошадях. Если по силам артели в данном месте шишек мало, то, сыпав орехи в землянку и завалив ее лесом, артель идет дальше, подыскивает подходящее место и вновь принимается за ту же работу.

Ореховый промысел, считая и время, необходимое на путь в урман и обратно, продолжается около двух месяцев: в половине июля отправляются орешить, а возвращаются около двадцатых чисел сентября. Впрочем, в плохой год период промысла бывает короче, в особенно же урожайный, с ясной осенью, несколько дольше.

По первому снегу промышленники уже на лошадях пускаются вновь в тайгу, вывозят орех домой и тут его делят между всеми «товарищами» поровну, стараясь сохранить возможную справедливость.

Орешеньем занимается преимущественно молодежь, притом исключительно мужская, так как русские женщины орешить не ходят, крайне редкие исключения в этом смысле

можно встретить в деревнях, где этот промысел вообще развит больше, чем в городе. Остяки орешат исключительно в одиночку или посемейно, в артели, как и для всех других промыслов, не соединяются, и всякий работает за свой собственный счет и страх. Остячки промышляют наравне с мужчинами, разделяя с ними все труды и опасности промысла. Здесь уместно будет отметить следующую не безынтересную черту взаимных отношений с остяками. Каждый из них, не имеющий собственной промысловой снасти — лодки, сети, слошцов и проч., может пользоваться снастью, принадлежащею всякому другому остяку, для чего должен заявить только о своем желании ее хозяину, и тот не имеет права отказать ему, если только сам в это время не нуждается в ней. Если же остяк воспользуется снастью без спроса ее владельца, то половина добычи поступает последнему. Такой обычай остяков, исходя из принципа взаимопомощи, до известной степени заменяет собой отсутствующее у них артельное начало.

Орешенье — одно из самых выгодных занятий в крае: в хороший год сильная и ловкая артель успевает заработать рублей до 80 на «товарища»; бывают и такие годы, когда один промысел дает за 100 руб. на человека; в плохие годы заработок, естественно, гораздо меньше — рублей по 30, иногда же случается и так, что промышленники возвращаются почти вовсе с пустыми руками. По словам местных жителей, в четыре года — два выдаются средних по урожайности, один много выше среднего и один, наконец, с плохим урожаем. Мы думаем, впрочем, что это утверждение основано на недостаточно точных наблюдениях, по крайней мере, действительность далеко не всегда соответствует ему: иногда два-три года сряду урожай самый плохой, а иногда выдадутся несколько таких, что жители не знают, куда деваться с орехом.

Необходимо, однако, оговориться: не всякая артель промышленников вполне пользуется результатом промысла, — нередки случаи, когда она бывает вынуждена уступать часть своих заработков постороннему лицу, скупщику-кулаку. Происходит это в том случае, если товарищество почему-либо не в силах предпринять промысел исключительно на свои средства и вследствие этого должно обращаться за кредитом на сторону, к торговцу-скупщику, у которого берет необходимый товар — съестные припасы, табак и проч., иногда и деньги, обязуясь уплатить за это из доходов будущего промысла. Кроме того, вместо процентов артель обязуется весь орех сдать своему кредитору по определенной цене.

При таких сделках промышленники терпят громадные убытки, ибо львиная доля дохода приходится кредитору. Впрочем, иногда терпят убытки и скупщики, назначив цену на орех выше той, какая устанавливается впоследствии, но такие ошибки с их стороны большая редкость. Местные жители стараются избегать сделок с кредиторами, предпочитая обходиться своими средствами, и к скупщикам большею частью обращается пришлый народ. Нам известен, между прочим, случай, когда артель тобольских крестьян-плотников, пришедшая в Сургут на заработки и воспользовавшаяся для промысла любезным предположением кредита со стороны одного местного торговца, продала ему орех по цене вдвое ниже той, по которой он продавался промышленниками, свободными от обязательства поставлять его известному лицу. Излишне, думаем, говорить о ценах на товары, выдаваемые промышленникам в кредит, об их качествах и т. п. Этих убытков сами промышленники не считают.

Некоторые купцы и богатые крестьяне Тобольского округа, также и местные торговцы извлекают пользу из орехового промысла и другим путем: арендуют, как упомянуто выше, кедровые острова у остяков, иногда прямо захватывают их, невзирая на протесты местных жителей, и наемными рабочими ведут промысел от себя. Рабочими в таких случаях являются те же остяки, так как горожане и русские крестьяне, как народ более зажиточный, в наемку не идут. Промышляющие на хозяина за свой труд получают, разумеется, еще менее, чем те, которые входят в предварительные сделки с скупщиками. Чтобы возможно дешевле нанять рабочих, купцы употребляют в отношении остяков самые разнообразные более или менее неблагоприятные приемы, затягивающие последних в безвыходную кабалу — водка и система долговых обязательств в этом играют первенствующую роль, но к этому нам придется еще не раз возвращаться.

Скупщики вывозят из Сургута орехи в другие округа Тобольской губернии и на Ирбитскую ярмарку.

В жизни сельского населения округа, и особенно остяков, серьезное значение имеет и другой тесно связанный с урманом промысел — охота на пушного зверя. С осени почти до самой весны непрерывно продолжается этот промысел; летом же и весной зверя не бьют, как потому, что тогда шкуры не так прочны и пушисты, а потому ниже ценятся, так и вследствие того, что с наступлением тепла и разлива рек сургутянина занимают другие, не менее важные промыс-

лы — ловля рыбы и птицы. Предметом охоты служат едва ли не все четвероногие обитатели тайги, начиная с ее царя медведя и кончая крохотным бурундуком: ловят и бьют все, что только подвернется под ружье или ловушку промышленника, преимущественно же охотятся на белку, лисицу, выдру, горностая и некоторых других зверьков, прельщающих охотника ценностью своей шкурки. Ни русские крестьяне, ни тем более остяки никогда не соединяются для охоты в артели, всякий промышленник для себя, на свой личный страх; если иногда несколько охотников и сходятся вместе, то исключительно ради большей безопасности от зверя, и такие соединения ни к чему, кроме взаимной помощи в случае опасности, не обязывают. Охота на зверя производится при помощи ружья и разнообразнейших ловушек, петель, ям, более или менее хитро устроенных и приуроченных к характеру и привычкам зверя, вполне изученного сургутянином-охотником. Остяки, кроме того, часто охотятся со стрелами. Горожане звероловством как промыслом не занимаются, предпочитая скупать за бесценок шкурки у остяков для перепродажи.

Наряду с другими промыслами, развитыми в Сургутском крае, необходимо отметить ловлю птицы, производящуюся преимущественно весной. Птицеловство, главным образом, ловля уток, производится здесь в таких широких размерах, что носит характер настоящего промысла и служит одной из значительных статей дохода населения. Весной, с начала перелета птицы, все, кто в деревнях, отчасти и в городе, не занят какой-нибудь другой выгодной и неотложной работой (а это время свободно от срочных работ для всех, не промысляющих рыболовством, т. е. для всей женской и некоторой части мужской половины населения), тянутся в тайгу за утками; тут вы встретите и стариков, и ребятишек. В продолжение всего весеннего перелета, т. е. недели три, длится ловля уток при помощи так называемых перевесов. Перевес — это нитяная сеть, похожая на употребляемые везде в Тобольской губернии для ловли рыбы и растягиваемая на вбитых в землю жердях или на деревьях, где представляются к тому удобства. Для установки перевеса пользуются подходящей прогалиной в лесу или же пробивают просеку таким образом, чтобы концы ее упирались в озера, болотца, вообще в такие места, где утки могут спускаться на воду, что при тамошнем обилии озер и болот не представляет никакого затруднения. Следует заметить, что в настоящее время редко приходится прокладывать новые просеки, так как каждый

домохозяин имеет свое собственное место, перешедшее ему от родителей, где ежегодно ловит уток; если же кто вздумает ставить перевес в другое место, то к его услугам сотни прогалин и просек, сделанных когда-то и вполне могущих удовлетворить самого взыскательного промышленника. На такой прогалине вбивают жерди, на которые поперек прогалины развешивается перевес таким образом, чтобы посредством особо приспособленной системы веревочек и палочек его по желанию можно было быстро опускать на землю. Случается, что на одной и той же просеке, если она достаточно длинна, ставят два и три перевеса. На некотором расстоянии от перевеса и несколько в сторону от него устраивается особое прикрытие, род шалаша из веток, в котором помещается ловец. Ловля производится преимущественно утром и вечером, на заре, когда утки косяками, в несколько десятков каждый, начинают перелетать просекой с одного озера или болотца на другое. В ту минуту, когда косяк подлетает к растянутому перевесу, его быстро опускают на землю, и он своим падением увлекает несколько уток, которые и запутываются в его петлях. Ловец освобождает их, тут же давит и откладывает в сторону, сеть же опять поднимается. В хороший перелет уток бывает так много, что промышленник не успевает вовремя поднимать и опускать перевес, почему принужден некоторые косяки пропускать мимо. Утки перелетают только в тихую, не дождливую погоду, и чем лучше утро, тем сильнее перелет; продолжительность его небольшая — час-два на каждой заре. В хороший год добывается две-три сотни уток, в плохой — штук 80 и меньше.

Кроме ловли уток некоторые сургутяне охотятся с ружьем за дикими гусями и лебедями. Этого рода охотой занимаются больше деревенские жители.

Сюда же примыкает и варварский обычай собирать весною гусиные и утиные яйца, так как этот сбор по своим размерам для многих жителей также имеет значение промысла. Об этих размерах и о вреде, наносимом таким сбором, можно судить по тому, например, факту, что один знакомый нам остяк, отправившись на лодке по яйца, дня через четыре привез буквально полную лодку утиных, гусиных и лебединых яиц. Этим занимаются преимущественно жители округа, а из них остяки.

Перо и пух с уток и гусей сбывается местным и приезжим скупщикам, мясо же солится и сохраняется на зиму для собственного потребления. С лебедей снимают шкурки, также идущие в продажу в невыделанном виде.

Зимой сургутяне бьют и ловят в петли и другие ловушки лесную птицу — тетеревов, куроцотов, рябчиков; эту птицу замораживают, и в таком виде она поступает в продажу.

Охотятся за лесной и водяной птицей или посемейно, или в одиночку, и артельный принцип в отношении этого промысла не применяется ни русским крестьянином, ни, тем более, остяками.

Для обитателей описываемого края, русских или остяков, — все равно, рыба имеет первенствующее значение: она главная пища всякого сургутянина, для окружного же населения, сверх того, и один из главнейших предметов сбыта на сторону, почему, естественно, и рыболовству в ряду других занятий и промыслов принадлежит первенствующее место. Обилием рыбы, а для остяков еще количеством белки, определяется степень обеспеченности населения на данный год.

Сургутяне ловят рыбу круглый год, но главный, так сказать, рыболовный сезон — это лето и осень, а затем первая половина зимы. В Оби и ее крупных притоках рыбу ловят громаднейшими неводами, в небольших же речках и озерах сетями, протягиваемыми поперек речки или озера и таким образом преграждающими рыбе проход, и ловушками наподобие «морд», столь распространенных по Тобольской губернии; также загораживают реки кольями и т. д. Ловля всеми этими «мордами», сетями и прочими орудиями, употребляемыми в малых речках, особого значения не имеет, так как крупная, идущая в продажу и потому высоко ценимая рыба в этих речках не водится и попадает больше или дешевая рыба, или мелкота — щуки, окуни, язи, караси и т. п. Рыбная ловля этого рода всегда производится отдельными домохозяевами или семьями, по крайней мере, нам неизвестно ни одного случая артельного лова мелкой рыбы в речках и озерах. Снасти, употребляемые при нем, как-то: сети, морды, обласки¹ и проч., почти всегда изготовляются местными жителями (крестьянами округа) и стоят сравнительно дешево, и редкий домохозяин не имеет собственной снасти.

Иначе поставлено рыболовство на Оби и других больших реках округа. Здесь добывается крупная дорогая рыба: осетр, щокур, нельма, стерлядь, муксун и проч. Принадлежности для ловли этой рыбы все крупных размеров и стоят значительных денег; тут употребляются так называемые неводники, большие лодки человек на 15—20 и более, громаднейшие

¹ Облас — небольшая, на одного-двух человек плоскодонная лодка, напоминающая несколько своей конструкцией общеизвестную душегубку.

по 200—300 саж. невода ¹, железные багры, толстые канаты и веревки, а все это стоит очень и очень недешево: например, цена неводу достигает иногда нескольких сот рублей, и невод в 60—80 руб. считается уже плохеньким; неводник стоит рублей 25—30 и дороже и т. д. Понятно, при таких условиях лишь редкий хозяин имеет возможность завести себе все необходимые принадлежности крупного лова — затратить несколько сот рублей на один инвентарь может человек только богатый. Вот почему в описываемом крае довольно редко можно встретить домохозяина, обладающего всеми снастями, требуемыми для лова крупной рыбы в глубоких и многоводных реках; чаще бывает, что один обзаводится неводом, другой лодками, третий еще чем-нибудь и т. д.

Этими условиями рыболовства в больших реках, т. е. дороговизною необходимого для него инвентаря, приобретение которого не под силу отдельному заурядному домохозяину, с одной стороны, а с другой, тем, что неводной промысел возможен не иначе, как при соединенных усилиях нескольких человек, следует объяснять то обстоятельство, что такой промысел у русских сургутян, когда они промышленяют на себя, а не на хозяина, всегда ведется артелями. Что происхождение артели в данном случае было именно таково, т. е. что возникновением своим она обязана исключительно невозможности вести этот промысел единичными силами отдельных рыбаков, в этом нас убеждает помимо теоретических соображений тот характерный факт, что из всех разнородных промыслов, встречаемых в Сургутском крае, только в тех, которые немисливо вести индивидуальными силами, находит свое приложение артельный принцип, именно — в крупном рыболовстве и орошении; все же остальные промыслы ведутся или в одиночку, или посемейно, — ни в одном из них не встречается артель. Таким образом, существование артели в промысловых занятиях сургутян мы объясняем не склонностью местного населения к якобы излюбленной форме труда, составляющей характерную черту русского племени, а просто физической невозможностью вести промыслы на ином начале, помимо артельного, так как везде, где только условия позволяют обойтись без артели, мы не находим ни малейшей черты, указывающей на склонность местного населения к принципу кооперации.

¹ Зимой употребляются невода значительно меньших размеров, так как невод в 200—300 саж. нельзя было бы даже развернуть в прорубях, устраиваемых для ловли рыбы зимою.

Из того факта, что при крупном лове наблюдается одна лишь артельная форма промысла, не следует заключать, что на всем пространстве громаднейшего округа промысловые порядки совершенно одинаковы, что в них не встречается отклонений в ту или иную сторону от порядков, существующих, например, в самом Сургуте. Такое различие существует, хотя и не особенно большое, но тем не менее довольно характерное и находящееся в тесной зависимости от того значения, какое имеет рыболовство для жителей данной местности. Наибольшая разница видна между городскими и деревенскими артелями рыбаков и касается численности и степени устойчивости артелей, а также степени участия членов артели в промысловых орудиях, а отсюда и в добыче промысла.

Вследствие некоторых особенностей в экономических условиях жизни горожан, о чем нам придется подробно говорить в 4-й главе настоящего очерка, для них рыболовство не имеет такого значения, как для крестьян округа: в то время, как для первого оно является лишь одним из факторов экономического благосостояния, не выделяющимся из ряда других, для последних, совершенно обратно, рыболовство составляет основу всего благосостояния, и всякий другой промысел носит уже характер второстепенного подспорья в хозяйстве крестьянина; горожанин ловит рыбу почти исключительно для собственного потребления, в противоположность крестьянину, который занимается рыболовством преимущественно для продажи и уже попутно для собственного потребления.

Такое различие в степени важности рыболовства для тех и других влечет за собой ряд последствий, непосредственно отражающихся на артели. Горожане, менее нуждаясь в рыбе, промышляют непостоянно в течение каждого рыболовного сезона, а временами наездом на пески на несколько дней, от постоянных работ их отрывают другие занятия; отсюда более временный характер городской артели, меньшая устойчивость ее сравнительно с артелью деревенских рыбаков. Не то в деревне: здесь с начала мая до конца сентября или второй половины октября работа рыболовов тянется непрерывно, изо дня в день; отдыхают только праздниками, да и этот отдых по названию, ибо именно праздники как «свободное от работы» время посвящаются починке сетей, неводов и тому подобным занятиям. Другими промыслами во время рыболовного сезона занимается лишь тот из крестьян, в семье которого есть помимо него один-два рыбака, и чей

труд поэтому является уже лишним в рыболовстве. Таким образом, деревенские артельщики в течение нескольких месяцев находятся в непрерывном общении друг с другом; продолжительная работа сообща, бок о бок сильнее сплачивает рыбаков, вырабатывает в них действительно артельный дух, могучий и крепкий. Поэтому деревенская артель отличается большей устойчивостью; изменения в ее составе во время промысла происходят очень редко, да и те носят характер частного случая. — Петр выйдет, Иван займет его место. Более крупные видоизменения в составе имеют место лишь в свободное время между окончанием одного сезона и наступлением другого — в конце и начале зимы.

Другим различием, проистекающим из разницы в отношении к рыболовству, надо признать численный состав артелей: в городе он меньше, в деревне многочисленнее; в первом средняя артель состоит из 8—12 человек, для деревни же таковою будет артель человек в 20—30. Промышляя, горожанин довольствуется более мелкой и дешевой рыбой — язями, стерлядью, сырком, щукой, а эта рыба не требует таких громадных неводов, как, напр., осетр. Меньше снасть, меньше нужно для лова и людей — отсюда меньшая численность городской артели. Крестьянин ищет крупную, дорогую рыбу, которая требуется рынком, поэтому невода его должны быть гораздо больше городских, управление ими требует больших сил, иначе говоря — деревенская артель должна быть по необходимости многочисленнее.

Разница в объеме городских и деревенских снастей довольно значительна: городской невод имеет в длину 100—150 саж., деревенский же 300—350; соответственно этому те и другие невода имеют и различную ширину. Большой по длине невод требует больших лодок для его закидывания, больше веревок и т. д. Понятно, что инвентарь горожан-рыбаков должен быть в несколько раз дешевле крестьянского, а это также не остается без влияния на артель. В городских артелях чаще всего невод принадлежит кому-нибудь одному из товарищей, лодки — другим и т. д.; сообразно с этим разделяется и добыча: хозяин невода получает из улова кроме своего пая, как члена артели, еще несколько паев, по условию, за невод, то же самое и в отношении лодок. Во время зимнего лова каждый рыбак является на своей лошади, и, таким образом, в зимней артели исключительное положение занимает лишь один владелец невода. Нам не известно ни одного факта относительно рыбаков-горожан, чтобы невод и другие орудия промысла распределялись

иначе между членами артели, чтобы они были собственностью последней, а не отдельных лиц, входящих в состав ее. Однородные с только что описанными товариществами встречаются и в округе у крестьян-рыболовов, но здесь, наряду с ними, имеет место и несколько иная организация, а именно: так как невод и другие снасти, употребляемые деревенскими рыбаками, стоят дорого, и приобретение их не под силу отдельным лицам, то каждый рыбак обязывается при своем вступлении в артель внести известную часть невода; таким образом, невод составляет собственность всех или, по крайней мере, нескольких членов артели. Как нам передавал некий Вершинин, сургутский житель, хорошо знакомый с местными условиями жизни, вверх по Оби встречаются такие деревни, все мужское население которых составляет одну рыболовную артель, и невод в такой деревне является уже общим достоянием. В подобных артелях добыча делится на паи, поровну распределяемые между всеми участниками данного лова, кроме «кормщика», закидывающего невод и заправляющего неводьбой, «коловщика», остающегося на берегу и удерживающего одно крыло невода — эти получают больше, согласно условию.

Все сказанное, повторяем, относится только к русскому населению, да и то не ко всему, а к той лишь части его, которая занимается рыболовством как промыслом, для которой оно, вследствие потребности в рыбе, или как предмет потребления, или как предмет торговли имеет первенствующее значение в качестве одного из источников существования.

Позволим себе сделать здесь небольшое замечание о сургутских промысловых артелях и формах пользования различными угодьями. Подводя итог сказанному об этом предмете, мы видим следующее: у русской части населения леса, луга и рыболовные пески находятся в общем, мирском пользовании, при этом в отношении рыболовных песков и леса, исключая кедровники, существует полная неограниченная свобода эксплуатации; пользование же кедровниками, сенокосными лугами и местами, где расставлены слопцы и перевесы, подлежит известной регламентации (порубка кедра только на поделки, система закашиванья и т. п.). Таким образом, здесь мы видим как бы две ступени развития одной и той же земельной общины. Мы думаем, что эта община не местного происхождения, а занесена сюда русскими выходцами-казаками и ссыльными и под влиянием местных условий — обилия земель, отсутствия хлебопашества и проч.—

видоизменилась и утратила свой первоначальный характер. Убеждает нас в справедливости такого мнения, во-первых, тот факт, что главные черты сургутской русской общины чрезвычайно сходны с чертами, например, в некоторых частях Тюкалинского округа, где еще до сих пор нет стеснений в земле, а во-вторых, резкое отличие ее от соседней, существующей рядом с ней общины остяцкой, о которой мы говорили выше и в которой мы видим раздел общинно-родовых лесов и рыболовных песков между отдельными семьями, переделы этих угодий по мере увеличения числа семей, наконец, строгую регламентацию в пользовании наделами. Почти то же, что сказано нами о русской общине в этом крае, приходится сказать и о сургутской артели: промысловая артель несомненно также запесена русскими промышленниками, ибо у местных инородцев она вовсе не наблюдается, хотя и могла бы прилагаться там, где остяки промышляют на себя; так, например, в северной части Тобольского и южной Березовского округа, где остяки более подвержены русскому влиянию, где им чаще приходится сталкиваться с зырянами, у которых артельная форма труда довольно развита, остяки, по некоторым отзывам, усвоили себе артель.

Однако возвратимся к прерванной речи о рыболовстве.

Рыба, добываемая русскими крестьянами, отчасти же остяками и горожанами, продается местным скупщикам, которые отправляют ее в Ишим и Ирбит на ярмарки.

Доходность рыболовства настолько велика, что достаточно затратить на него 30—40 дней труда, чтобы запастись рыбою на целый год. Крестьянам этот промысел дает возможность справлять все лежащие на них повинности и жить зажиточно. Впрочем, по словам жителей, обилие рыбы и сравнительная легкость добывания с каждым годом уменьшается и заставляет уже задумываться о будущем. Уменьшение размеров лова объясняют развитием на Оби пароходства — частый шум пароходов пугает рыбу, и она уходит в притоки Оби метать икру. Мы лично затрудняемся сказать, насколько в этих заявлениях и опасениях правды и насколько вымысла и преждевременных страхов, не имеющих серьезного основания.

Если русское деревенское население ловит крупную рыбу главным образом для продажи на сторону, то нельзя того же сказать об остяках, составляющих большинство населения округа. Остяк, не нанимающийся на частные ловли, редко промышляет не на себя. Главная причина этого, по нашему мнению, поразительная бедность сургутских инородцев;

остяку не на что обзавестись снастью для крупного лова, самостоятельных же артелей они не составляют; поэтому им волей-неволей приходится довольствоваться мелкой и дешевой рыбой, ловля которой не требует дорогих орудий, да сдачей своих рыболовных песков в аренду купцам-рыбопромышленникам. Таким образом, самостоятельный промысел оставляет остякам только пищу. Если случайно попадет им крупная рыба, они продают ее тем же промышленникам, разъезжающим по округу, причем, конечно, получают за нее ничтожную цену.

Нам остается сказать только о частных ловлях тобольских и самаровских рыбопромышленников и об их значении для местного населения, главным образом для остяков.

С давних пор все лучшие, самые удобные и богатые пески перешли из рук остяков, их настоящих владельцев, к нескольким богачам-рыбопромышленникам. Как это случилось, мы рассказывать не будем как потому, что об этом много уже раз писалось, так и потому, что цель настоящей работы далека от всяких обличений. Заметим только, что при этом систематически обходился закон об арендах рыболовных песков, запрещающий заключать условия на срок свыше четырехлетнего, а потом сослужили свою службу, как служат ее и теперь, водка, система долговых обязательств, закабаляющая совершенно инородца и ставящая его в положение хуже крепостного, и, наконец, система подкупа. Как бы там ни было, в данное время все лучшие пески фактически принадлежат нескольким русским рыбопромышленникам, принадлежат до такой степени, что иногда передаются по наследству от отца к сыну наравне с прочим имуществом.

Все рыболовные принадлежности, невода, сети, багры и т. п., а также временные жилища рыбаков во время промысла — все это собственность хозяина-рыбопромышленника. Заведование снастями поручается доверенным хозяина, приказчикам, которые набираются из самаровских крестьян, тобольских мещан, ссыльных, хорошо знакомых с условиями промысла, и тому подобного люда, умеющего заправлять работой в интересах и сообразно расчетам хозяина. Главный контингент рабочих на эти промыслы поставляют, как это ни странно на первый взгляд, те самые остяки, которые сдают свои пески в аренду. Второе место занимают ссыльные из разных округов губернии.

Наемка рабочих происходит в конце зимы — в феврале и марте, когда приказчики разъезжают по остяцким юртам

и русским деревням Сургутского и Тобольского округа и дают задатки; чаще всего на промыслы являются рабочие, работавшие уже прошедший год, но задолжавшие хозяину, которым теперь приказчики только напоминают об их обязательствах перед хозяином.

Промысел начинается с первых чисел мая, сейчас же за проходом льда, и непрерывно длится до заморозков, пока не пойдет по реке так называемая шуга. В течение 5—5¹/₂ месяцев работа тянется безостановочно, днем и ночью. Рабочим не полагается ни праздников, ни других дней отдыха. Где рабочих много и они разделены на две партии, там каждая партия по очереди сутки неводит, сутки починяет сети, рубит дрова и исполняет другие работы. Тот день, когда партия заята починкой сетей, считается днем отдыха для рыбаков. Если рабочих одна смена, тогда она сутки неводит, сутки чинит сети. Пища рабочим выдается хозяйская и состоит из хлеба (без весу), рыбы и кирпичного чаю; изредка к этому прибавляют еще солонину. Рыба, потребляемая рабочими, ими же самими и добывается: в каждый невод попадает масса мелкой, негодной в продажу рыбы, которая частью выбрасывается обратно в воду, частью же оставляется для рыбаков; впрочем, остяк невзыскателен и не брезгует мелкой рыбешкой, лишь бы только ее много было. Плата рабочим колеблется между 15 и 25 руб. за сезон, т. е. за пять с лишком месяцев. Русский рабочий всегда получает несколько больше остяка, хотя они и исполняют одну и ту же работу. Мы имеем здесь в виду заурядного рабочего, уставщик же получает рублей до 80 и больше; кормщик, на обязанности которого лежит забрасыванье невода, зарабатывает 40—50 руб. в лето. Сверх того каждому рабочему на время промысла полагается пара бродней. Во всяком случае, обский рыбак получает такую плату, ниже которой трудно себе представить, за свой поистине каторжный труд на частных промыслах, труд, сопряженный с опасностями и всякими лишениями. Для полной обрисовки положения промыслового рабочего мы должны заметить, что остяки почти никогда не получают всего своего заработка по условию, так как часть его выдается обыкновенно нужным остякам товаром — табаком, водкой и др.; цены на эти товары ставятся, разумеется, произвольные, по поговорке «хозяйская рука владыка». При этом всегда часть товаров дается вперед, в счет работ будущего года, что запутывает остяка и ставит его в безвыходное, кабальное положение. Обязательные отношения, возникшие на этой почве между рабочим-остяком

и хозяином, не прекращаются даже со смертью первого: доля отца переходит на сына, и нет выхода из этой кабалы несчастному, голодному дикарю. Отдавая свой труд и труд своих потомков рыбопромышленникам, рабочий, кроме того, отдает им и свое здоровье, свою жизнь. Трудно представить себе более гибельную обстановку, чем та, которую мы встретили на рыбных песках Оби и ее притоков: в продолжение пяти с половиной месяцев рабочий почти непрестанно во всякую погоду, в холод, ветер и дождь, находится на реке, по колено в воде; одежка на нем всегда худая, рваная, ему вечно холодно; даже после суток каторжной работы ему негде как следует обсушиться и обогреться: вместо хоть сколько-нибудь сносного помещения, хоть кое-как приспособленного для человеческого жилья, он вынужден идти в шалаш, сплетенный из тальника, или в сырую и холодную землянку, так как избы и казармы для рабочих устраиваются далеко не везде и встречаются ближе к Тобольску. Как при таких условиях сохранить здоровье рабочему, который вдобавок и питается плохо? А не выдержал он, заболел, его выгонят вон — там, где кипит работа, где каждый день доставляет сотни рублей, там нет места больным и слабым. К сожалению, ни официальная статистика, ни газетные сообщения не дают возможности хотя бы приблизительно определить цифру ежегодно гибнущих на этих промыслах рабочих. Мы думаем, что их надо считать не сотнями, а тысячами, не говоря уже о тех, которые простуживаются, наживают себе неизлечимые болезни и уходят с промыслов калеками.

Иногда рыбопромышленники арендуют пески на таких условиях: остякам дозволяется тут же ловить рыбу, но непременно сдавать ее арендатору по цене, назначаемой последним. Не беремся определять, что выгоднее для остяков — эта ли работа «на себя» или работа на хозяина на вышеописанных условиях. Впрочем, такой способ аренды песков выводится и теперь встречается не часто.

Пароходство по Оби вызвало к жизни в этом крае новый народный промысел, с каждым годом все более и более развивающийся, с каждым годом приобретающий для города и некоторых побережных деревень все более серьезное значение — мы говорим о заготовке дров для пароходов. Постановкой дров занимается значительная часть горожан. Прежде за порубку леса для пароходов с них не взималось ничего, но года два назад, с введением в крае лесничества, их обязали платить попенные деньги в размере нескольких копеек с кубической сажени. Условие на поставку дров с пароход-

чиками обыкновенно заключает кто-нибудь из торгующих мещан, и сургутяне сдают дрова ему и только с ним и имеют дело. Цены на дрова устанавливаются в начале зимы, сейчас по заключении с подрядчиком контракта. В нашу бытность в Сургуте за вырубку и доставку на пристань Белый Яр, в 14 верстах от города, кубической сажени дров сосновых брали от 1 руб. 50 коп. до 2 руб. Городские мещане давно сознают, как много приходится им терять, имея дело не с пароходчиками непосредственно, а с подрядчиком, и стремятся к тому, чтобы самим, целым обществом заключать условия с пароходчиками, но до сих пор эти попытки не идут дальше разговоров, перекогов и бесцельной перебранки между отдельными лицами. «Согласия промежду нас нет», — говорят сургутяне и этим объясняют безуспешность своих планов. Заготовка дров производится отдельными лицами, каждым для себя; артелей нет.

Мы рассмотрели все главные занятия населения, носящие характер промыслов, и теперь перейдем к развитию в крае ремесленности, к домашним занятиям жителей и торговле.

III. Занятия населения (продолжение)

Ничтожная степень развития ремесленности. — Домашние занятия. — Торговые сношения сургутян с инородцами и тобольскими купцами; характер этих сношений. — Сургутская ярмарка. — Экономическая зависимость инородцев-остяков и самоедов от русских; характер и степень эксплуатации первых последними. — Стремление сургутян к легкой наживе вообще и к торговле в частности

Ремесленность в Сургутском крае развита мало, — может быть, даже правильнее сказать — совсем не развита, до такой степени она ничтожна.

Среди различных ремесел первое место по числу занятых им лиц принадлежит сапожному: в городе три-четыре постоянных сапожника, т.е. таких, для которых это ремесло служит источником существования; сверх того, найдется человек десять, может быть, и больше, изготавливающих между другим делом мужские бродни и женские чирки. Работа как записных мастеров, так и дилетантов, шьющих бродни, крайне груба и неуклюжа. Затем найдется в городе человека два

портных, работающих на заказ новую одежду, но больше занятых починкой разной обывательской рвани, да и из них один ссыльный Туринского округа, другой тоже ссыльный, только приписанный к Сургуту. Есть здесь кузница и при ней слесарня, в которой на весь город и округ работают три-четыре человека, но принадлежит она также чужим людям, на время заброшенным в этот край; то же следует сказать и о двух-трех городских столярах. Почти все перечисленные нами мастера самоучки, которых нужда заставила взяться за то или другое ремесло; до всего им пришлось доходить «своим умом», ко всему «прихитряться», что, конечно, отразилось и на качестве работы.

Коренной сургутянин не чувствует никакой склонности к ремесленной работе, и потому встретить здесь местного старожил-ремесленника довольно трудно, хотя этого рода работа оплачивается хорошо. До какой степени сургутяне не привыкли ни к каким занятиям, не связанным с промыслами, можно судить по тому, например, что, несмотря на сильную потребность города и округа в плотниках, труд которых вознаграждается очень хорошо, никто из местных жителей не занимается плотничеством; дома горожан строят пришлые люди, крестьяне Тобольского округа. Из всех известных нам сургутских плотников только один был местный житель, обрусевший остяк из округа. Даже распилка теса, во всяком случае не требующая ни особенных способностей, ни продолжительной выучки от работника, и та находится в чужих руках: в наше время ее исполняли крестьяне Тобольского округа, а теперь солдаты местной команды.

О причинах этого явления мы будем говорить ниже, а здесь заметим лишь, что, по нашему мнению, их следует искать в истории и современных условиях главного ядра городского населения — казачества.

Домашние занятия сургутян не отличаются особой сложностью и замысловатостью. Вы не встретите здесь ни ткацкого станка, без которого не может обойтись ни одна деревенская баба в других округах и на котором она ткет холсты и узорчатые скатерти, ни изготовления саней, телег, дуг, изукрашенных более или менее хитрыми узорами, ни занятий другими изделиями, для которых нужна известная ловкость и вкус. Все местные поделки носят печать грубости, неумелости и аляповатости. Рассмотрим отдельно некоторые из здешних домашних работ.

Прежде всего следует остановиться на тех из них, которые так или иначе связаны с тем или другим промыслом;

сюда относятся плетение сетей, неводов, перевесов, изготовление различных петель, пленок, морд и других ловушек, употребляемых для добывания птицы, зверя, рыбы, и, наконец, выдалбливание облазов. Всеми этими работами заняты крестьяне и остяки, а также кое-кто из горожан, вообще очень немногие. Пряжу, веревки, канаты, необходимые для неводов и сетей, [они] получают от тобольских купцов и местных торговцев. Изготовление из пряжи ниток всецело лежит на женщинах, плетением же сетей занимаются одинаково как женщины, так и мужчины в свободное от других занятий время, преимущественно зимой. Сливание невода из отдельных частей и починка его, прилаживание веревок, поплавок и прочие работы по изготовлению невода исполняются мужчинами ¹.

Всякий сургутянин, как человек, всю жизнь занимающийся рыболовством, обязательно умеет плести сети и невода, и если далеко не всякий вяжет их для себя, то исключительно вследствие дороговизны нужных для этого материалов.

Иное дело выделка морд и других ловушек, приготовляемых из древесных ветвей, жердей и тому подобных материалов, ничего не стоящих, кроме незначительного личного труда — этим в известное время года занят каждый крестьянин-промышленник: кто починяет старые, кто изготавливает новые. Горожане и в этом случае предпочитают пользоваться трудом остяков, платя им какие-нибудь гроши или отдавая им десяток-другой соленой «загорелой» рыбы, которую сами уже не употребляют. Справедливость требует, впрочем, прибавить, что горожане мало занимаются охотой, и далеко не всякому из них приходится возиться с различными слопцами, пленками и прочими приспособлениями, как-никак требующими известного труда, работы мысли, забот, а сургутский казак прежде всего великий лентяй, для которого всякая работа, выходящая из ряда повседневных занятий, без которых уже никак обойтись нельзя, неприятна и тягостна, как бы ничтожна она ни была. Некоторые ловушки-морды, петли и т. п., не требующие большой физической силы,

¹ Чувствуем необходимость оговориться. Вязание сетей, как и некоторые другие работы, исполняемые местными жителями, например скорняжество, мы не относим к кустарным промыслам на том основании, что при них имеются в виду собственные потребности работающих; лишь в редких случаях эти работы производятся на заказ и почти никогда на рынок, что, как известно, составляет необходимое условие всякого кустарного производства. Поэтому все работы, не имеющие характера ремесленных и не могущие в то же время быть причисленными к кустарным, мы относим к числу домашних занятий населения.

приготавливаются часто и женщинами. У остяков же вообще женщина почти во всех работах принимает участие наравне с мужчиной.

В городе и округе некоторые женщины выделывают шкурки, преимущественно беличьи. Выделка производится самым первобытным способом: шкурку растягивают на палочках и смазывают внутреннюю сторону ее, «бухтарму», густым слоем квасной гущи и дают высохнуть; через некоторое время высохшую гущу соскребают и вновь смазывают шкурку, и это повторяется до тех пор, пока шкурка не приобретет требуемых качеств. Точно так же выделываются и другие, более ценные шкурки — лисьи, куньи и проч. Не беремся судить о достоинствах такой выделки, но от самих сургутян приходилось слышать, что их выделка не отличается достаточной прочностью, и потому выделанные шкурки не идут в продажу на вывоз. Остяки, вернее сказать, остячки в большом количестве выделывают олени шкуры, из которых все население края приготовляет для себя всю зимнюю одежду, начиная с обуви и кончая шапкой. Дубление в Сургутском крае неизвестно, хотя население и понимает преимущество такой выделки мехов.

Немногие из местных жителей, и опять-таки главным образом женщины, умеют готовить сыромять, идущую на ремни, починку сбури, гужи. Но, по неимению местных шорников, хомуты, шлеи и прочий шорный товар привозится из Тобольска, а потому производство сыромятной кожи до крайности ничтожно. Остяки также выделывают из оленьих шкур нечто, подобное обыкновенной сыромяти; из ремней такой выделки готовят пояса, которыми остяки подпоясывают свои малицы, оленью и собачью упряжь и проч.

Ко всему сказанному следует прибавить производство кирпича, большей частью сырца, литье и маканье свечей и, наконец, приготовление глиняной и деревянной посуды.

Есть в городе кирпичных дел мастер, который выделывает не только сырец, но и обожженный кирпич. Но большинство горожан не требует услуг этого мастера, готовя сами (это всегда делается женщинами) для своих потребностей сырец, из которого кладут печи уже тобольские печники. Починка и поправка печей исполняется несколькими женщинами, специалистками по печной части. Впрочем, таких специалистов нам приходилось встречать не только в Сургуте, но и в других городах Тобольской губернии, где они часто живут исключительно этим ремеслом. По деревням Сургутского округа обожженный кирпич почти не

употребляется, печи же делаются или из сырца, или из глины, смешанной с конским навозом. Сырец и здесь выделывается женщинами.

О приготовляемой местным населением посуде — черных глиняных горшках и деревянных кое-как обтёпанных топором хлебных чашках, а также о свечах местного изделия много говорить нечего — как то, так и другое может служить разве только лишним доказательством низкого уровня культурного развития сургутян. С развитием пароходства по Оби, а вместе с тем и торговых сношений Сургута с соседними, более развитыми в промышленном отношении городами, окончательно падают и эти производства: привозной обливной горшок все больше и больше заменяет собой местный неуклюжий и непрочный горшок, керосин вытесняет тусклую сальную свечу. Еще несколько лет — и оба производства совершенно исчезнут.

Всеми перечисленными работами, за исключением гончарных, отчасти носящих характер кустарного производства, сургутяне, главным образом женская половина населения, занимаются для удовлетворения своих личных потребностей, в свободное от других, более важных для них занятий промыслами, время. К числу домашних же занятий, лежащих исключительно на женщинах, относится также изготовление почти всей одежды, обработка и уход за огородом, уход за скотиной и многие другие работы по домашнему хозяйству.

Помимо перечисленных выше промыслов, составляющих основу экономического благосостояния, и домашних работ, требуемых хозяйством, помимо всего этого сургутяне вообще, а городское население — казаки особенно, отдают значительную долю своего времени, труда, энергии на торговые сношения. < . . . >

Предметом торговли с инородцами служит все, что только добывается последними путем охоты и различных промыслов. Пушной товар, рыба, жир, дичь, перо, пух, кедровый орех, оленьи шкуры и проч.— с одной стороны, и мука, цветное сукно, ситцы, табак, чай, водка, словом, все, в чем нуждается остяк или самоед,— с другой. Торг ведется всегда при помощи непосредственного обмена товара на товар, помимо какого-либо участия денег, которых у инородцев почти никогда не бывает. Приобретенный таким образом товар от инородцев перепродается тобольским купцам частью на деньги, частью же в обмен на различные товары, нужные местному населению вообще, а в частности для торговли с инородцами.

Самое бойкое время торговли горожан с инородцами — середина зимы, когда бывает Рождественская ярмарка, для округа же два летние месяца — май и июнь, в которые бывают ярмарки в селах Юганском и Ларьятском. По официальным данным, оборот всех трех ярмарок простирается от 25 до 35 тысяч. Зная, каким образом величина оборота ярмарки выводится в самом Сургуте, мы думаем, что эти цифры официальной статистики раза в два-три ниже действительных. Наиболее значительная из этих ярмарок, как по величине торговых оборотов, так и по количеству съезжающего на нее народу, несомненно, Рождественская.

Сургутская ярмарка в высшей степени оригинальна и заслуживает того, чтобы на ней остановиться несколько внимательнее.

Человек, не принимающий непосредственного участия в торге, — а торгующих на ярмарке на весь город едва ли наберется человек 10—15 из обывателей, — может не только не заметить ярмарки, но даже не подозревать ее существования: ни того особого, только ярмаркам свойственного шума, ни уличного движения и суеты, ни веселья и пьяного разгула, ничего такого, что отмечает самую небольшую ярмарку, даже просто базар, вы здесь не найдете, город, как и в обыкновенное время, имеет мертвенно-сонный вид чего-то пригнетенного, застывшего. А между тем именно в это время в Сургут съезжаются тысячи инородцев из отдаленнейших северных тундр Сибири: сюда являются со всего Сургутского, частью и из Березовского округа остяки; Мезенский уезд Архангельской губернии и крайний север Березовского округа высылают массы самоедов, мужчин, женщин и детей; сюда же приезжают и самоеды Туруханского округа Енисейской губернии. Сургутская ярмарка — ярмарка инородческая, поэтому она и носит на себе особый отпечаток и так резко отличается от русских ярмарок с их праздничным видом, толкотней и пьяным разгулом. На время всякой русской ярмарки городская жизнь становится более уличной, так сказать, общественной; здесь же происходит как раз обратное — все как бы уходит еще более в себя, замыкается в нескольких наглухо запертых домах; там торгуют днем, здесь, напротив, как бы из боязни света, все производится под покровом ночи. Таковы внешние отличия Сургутской ярмарки.

Днем, как уже замечено, на сургутских улицах отсутствует какое-либо движение; изредка разве пройдет несколько человек остяков, направляющихся в полицию сдавать ясак

Халты иду
от куша после
сдачи пушины,
нагруженные
пошкой



или возвращающихся оттуда восвояси. С наступлением же вечера, в сумерки тихо, почти без всякого шума, как бы крадучись, боясь обратить на себя внимание, въезжают в город самоеды отдельными партиями человек по 30 и 40 и заворачивают в дворы заранее намеченных торговцев. Ворота наглухо запираются вслед за ними во избежание прихода кого-нибудь из посторонних, кому не полагается видеть ничего, что происходит тут, и начинается торг, продолжающийся иногда до утра. Перед рассветом самоеды, также партиями и также стараясь сохранить возможную тишину, выбираются из города на место стоянки, находящейся в урмане, верстах в 15—20 от Сургута. На следующий день повторяется та же история, и так в продолжение целого месяца.

Иностранцы привозят на ярмарку все, что только дает им тайга, главное же место среди их товаров занимает пушнина (преимущественно беличьи шкурки) и крупная мороженая рыба — осетры и проч. На эти товары они выменивают различные предметы потребления, в которых нуждаются, добыть же личным трудом не могут.

Увидеть процесс этого торга постороннему человеку крайне затруднительно, ибо сургутские торговцы народ предусмотрительный в этом отношении и во время ярмарки не принимают никого из чужих. Нам лично только однажды удалось попасть к одному из торгующих в такое время, но и то всего минуты на три. Мы позволим себе рассказать здесь виденное нами.

Обширный купеческий двор занимали десятки нагруженных товарами самоедских санок-нарт, между которыми шныряли и суетились самоеды и самоедки, развязывавшие и увязывавшие свои товары. В стороне, около амбара, освещенного фонарем, хозяйский сын с работником принимал от них мерзлую рыбу и делал на стене пометки мелом. В некоторых местах, на дворе, в санях и на лестнице, ведущей в дом, возвышались целые горы инородческого товара. Мы вошли в дом. В первой, освещенной висячей лампой комнате, откуда была убрана вся мебель и украшения, на разостланных по полу оленьих шкурах сидели самоеды группами, всего человек 30—40.

Тут же в небольших бочонках была поставлена водка, которую самоеды пили из деревянных чашек. В комнате стоял невероятный шум и гвалт, слышались пьяные голоса, раздавалась характерная гортанная речь самоедов. Воздух был до невозможности удушлив, сперт и пропитан резким специфическим запахом, свойственным самоедскому жилищу.

Через открытую дверь можно было видеть внутренность соседней комнаты, где, среди громадных куч мехового товара, ситцев, сукон и проч., за конторкой помещался сам хозяин дома, человек уже почтенных лет. Это был природный сургутянин-казак, разбогатевший исключительно на торговле с инородцами. Около конторки толпились самоеды, некоторые выходили в первую комнату к сидящим там товарищам и вновь возвращались. Торг шел оживленно: самоеды что-то громко говорили хозяину, перебивая друг друга, видимо волнуясь, брали с полу шкурки и хозяйские товары, осматривали их со всех сторон, бросали на пол, потом снова поднимали, вообще обнаруживали сильное возбуждение. Видно было, что они всецело погружены в процесс обмена, являющийся для них далеко не шуточным делом: им приходилось подводить итоги годичным трудам, соединенным со всевозможными лишениями и опасностями, от того или другого исхода торга зависела степень обеспеченности на весь будущий год. В противоположность самоедам хозяин сохранял вид спокойствия и какой-то ленивой апатии, небрежно, почти нехотя отвечая на вопросы. Разговор происходил на самоедском языке, и я, разумеется, ровно ничего не понял, да и наблюдать эту сцену мне пришлось недолго, так как заметивший меня вскоре хозяин сейчас же вышел из-за конторки и пригласил меня в одну из внутренних комнат. Уходя через несколько минут, я слышал, как он раздраженно кричал на работника и бранил его за то, что тот оставил ворота не запертыми и тем дал возможность проникнуть в дом чужому человеку в такую минуту, когда хозяин всего менее был склонен принимать у себя кого бы то ни было. Неудовольствие его вполне понятно, ибо он не мог сомневаться, что мне должны были броситься в глаза и бочонки, и чашки с водкой, и сами пьяные самоеды.

Вообще, практикуемые в Сургуте приемы торговли оставляют желать очень и очень многого. Товары привозятся сюда самого плохого качества. Что не находит себе сбыта в Тобольске, то везется в Сургут и продается инородцам и русским по чудовищным ценам. Чтобы не быть голословными, приведем цены на некоторые товары, существовавшие в нашу бытность в Сургуте в 80—81-м году, и рядом цены на те же предметы в других городах Тобольской губернии и даже в том же Сургуте, только на пароходах. Ржаная мука продавалась летом на барже, пригнанной из Томска, по 35—38 коп. за пуд; сейчас же по уходе баржи ту же муку местные торговцы начали продавать по 60—70 коп. и,

постепенно повышая цену, к весне продавали муку уже по 1 руб. 10 коп. за пуд. Кирпич чаю зимой в лавке стоил от 1 руб. 30 коп. до 1 руб. 50 коп., тогда как на пароходах, останавливавшихся в Сургуте, его продавали по 90—95 коп. Цена на сахар была 45—50 коп. фунт, $\frac{1}{4}$ фунта махорки 15 коп., фунт свечей 25 коп., по той же цене продавали керосин; за кумач самого низшего сорта брали по 35—40 коп. за аршин и т. д. В то же самое время в Таре, куда провозничуть не дешевле, сахар продавался по 22 коп. фунт, табак 6 коп., керосин по 7 коп., кумач по 15 коп. аршин, притом все это несравненно лучшего качества. И так решительно во всем «бери, сколько возможно» — единственный девиз местных и заезжих купцов в этом заброшенном краю.

Как ни возмутительно высоки цены, которые платит сургутянин за всякое гнилье, но он, горожанин, еще счастлив сравнительно с инородцами: он покупает на деньги, имеет некоторое понятие о действительных ценах на потребляемые им товары, так как ему иногда приходится покупать их на баржах и пароходах; он кое-что знает и о торговых мерах длины, веса и проч. Его могут обмерить и обвесить, но лишь в известных пределах, дальше которых не решится идти самый беззастенчивый кулак. Совершенно иначе обстоит дело с инородцами. Эти находятся в полной экономической зависимости от русского, будь он купец или заурядный сургутянин, все равно. Не купи остяк у русского хлеба, пороху, свинцу по цене, которую тому заблагорассудится назначить, и он умрет с голоду не в переносном, а в самом буквальном, прямом смысле слова, ему нечем будет даже охотиться, ловить рыбу; не продай остяк меха, пух и проч. тому же русскому опять-таки по предлагаемой последним цене, как бы она ни была низка, и тут он рискует остаться без ничего, так как ему некуда больше деваться со своей добычей, какую бы ценность она ни представляла сама по себе, как идти в кабалу к русскому человеку.

И сургутяне сознают свою силу и умеют пользоваться ею вполне. Меняя свои товары на инородческие, они всегда всучивают остяку грошовое, никуда не годное гнилье по цене, превышающей в несколько раз его действительную стоимость, совершенно игнорируя взгляды инородца на этот счет, и заставляют инородца покупать свой товар. Где нельзя взять прямо, там пускаются в ход всевозможные подвохи, спаиванье и тому подобные приемы. Но сургутянину мало сбыть дрянь по невероятно высокой цене, ему еще нужно обеспечить себе возможность такого сбыта и на будущее

время, и для этого придумана целая система закабаливанья инородца, не особенно замысловатая и сложная, но зато вполне действительная. Зная честность остяков и самоедов, сургутянин старается затянуть их в долги, ради чего отпускает им товар в кредит, дает задатки и т. д. Раз остяк задолжал, ему уже никогда не вырваться из цепких рук торговца — проценты и присчитыванье сделают свое дело. Нужно ли говорить о фальшивых весах и мерах? «Остяк — собака, и в сношениях с ним все дозволительно», — думает сургутянин и сообразно с этим держит себя по отношению к инородцам. Надо отдать ему полную справедливость: в различных приемах надувательства остяков он изощрился и дошел до какой-то беззастенчивой откровенности и цинизма, чему много способствовало невежество, крайняя неразвитость и забитость инородцев.

В Сургуте от самих обывателей можно слышать множество рассказов о различных проделках того или другого мещанина-казака. Так, нам передавали, как один торговец, теперь уже умерший, употреблял как орудие эксплуатации золотой кубок, когда-то полученный им или его отцом из Кабинета Его Величества за доставленные им шкурки особенно редких и ценных соболей. Когда самоед не решается уступить свой товар по чересчур уже низкой цене и все убеждения и угрозы уже истощены — такие случаи «упорства» бывают, хотя и очень редко, — тогда он прибегал к заветному кубку как к последнему средству: самоеду предлагалось уступить в цене и за то выпить из кубка, причем подробно сообщалось, с преувеличениями и прикрасами, конечно, что это за кубок, откуда он, какое значение имеет для хозяина и всякого крещеного человека, кто из него пил ранее и т. п. Некоторое время бедный дикарь колеблется и упирается, но страстная жажда выпить водки, за которую в известные моменты он готов продать не только свои товары, но и самого себя, и еще более великий соблазн прикоснуться губами к священному кубку берут наконец верх над его слабой волей, и он за бесценок уступает то, что стоит больших денег и далось ему с таким трудом¹.

¹ Нам известен только один случай, когда инородцы не уступили желаниям русского и настояли на своем. Именно, в прошлом 86-м году один из самых богатых сургутских купцов в надежде на большие выгоды отправил летом партию рыбаков в Тазовскую губу, но тамошние инородцы заявили рыбакам, что ловить рыбу они не прелятствуют, вывезти же с места не позволят ни одного воза. После долгих пренирательств сургутяне должны были уступить им и ушли ни с чем. Говорят, убыток, понесенный купцом, доходит до 10 тысяч.

Мы не будем приводить здесь другие примеры подобных проделок, тем более что об этом предмете придется говорить в следующей главе. Здесь же отметим следующую черту торговых сношений сургутян с инородцами.

Каждый торговец имеет *своих* самоедов и остяков, которые сдают ему все свои товары, знают только его одного и к другому торговцу уже не обращаются. Да если бы они и захотели завернуть к кому другому, это им никогда не удалось бы, потому что торговцы навстречу партиям самоедов высылают на так называемую Оленью дорогу своих подручных, которые зорко следят, чтобы никто из самоедов не увильнул в чужие ворота. Здесь же заманиваются и те самоеды, которые раньше не бывали в Сургуте и потому не закабалены еще никем из местных торговцев. Таким образом, каждый торговец имеет известное число инородческих семейств, состоящих его постоянными покупателями и в то же время неоплатными должниками, и это число зависит от степени зажиточности и размеров оборотов торговца.

Если на ярмарке торгуют лишь немногие сургутяне, которым случай, энергия или другие личные качества дали возможность разбогатеть и выделиться из серой массы остального населения, то и эта последняя не упускает случая поторговать хоть немного. Невозможность участвовать в ярмарочных сделках не мешает заурядному сургутянину время от времени совершать небольшие торговые экскурсии, «ходить в остяки», как выражаются сургутяне. Чаще всего происходит это следующим образом. Скопивши немного денег, казак покупает четверть — две водки, разбавляет ее приличным количеством воды, подсыпает туда табак или мухомора и отправляется торговать, т. е. выменивать на эту смесь у остяков их товары — меха, рыбу, пух, орех и проч. Операция этого рода настолько выгодна, что о съездивших в остяки раза два-три зимою говорят: «Они в эту зиму мало-мало поправились». Но, к великому прискорбию сургутян, это удастся лишь очень немногим, громадному же большинству приходится довольствоваться заманчивыми мечтами о подобной торговле и много-много продать бутылочку-другую водки. Некоторые же из горожан только тем и заняты, что ездят из города в округ и обратно.

Мы не хотим сказать, что *все* сургутяне неудержимо стремятся к торговле водкой с остяками и таким путем эксплуатируют их — нет, среди них есть люди, относящиеся отрицательно к подобным коммерческим предприятиям. Тем не менее таково преобладающее направление, придающее

известную окраску всему городскому населению; кладущее на него резкий отпечаток любителей легкой наживы, только в силу безусловной необходимости занимающихся трудом.

IV. Очерк экономического благосостояния

Степень зажиточности городского населения; отдельные примеры. — Отсутствие нищенства. — Зависимость благосостояния от промыслов, торговли и других причин. — Зажиточность деревенского населения; труд — единственный источник ее. — Различие между городом и деревней в этом отношении. — Нищета остяков; причины ее. — Влияние нищеты на развитие болезней и вымирание племени

В двух предыдущих главах мы перечислили все имеющиеся для этого далекого края более или менее серьезное значение занятия — различные промыслы, домашние работы, ремесла и торговлю. Теперь сам собою возникает вопрос первостепенной важности: в какой мере всеми этими занятиями обеспечивается сургутский житель, иначе говоря, вопрос о степени экономического благосостояния местного населения.

По степени экономической обеспеченности, как и по образу жизни вообще, умственному развитию и прочему, население края не представляет однородной, сплошной массы, но распадается на три резко отличающиеся одна от другой группы: городское население, крестьян округа и инородцев, живущих отдельно от русских в округе. Каждая из названных групп живет своей собственной, обособленной жизнью, и уровень зажиточности их далеко не одинаков. Горожане и остяки представляют два уровня, промежуточное место между которыми занимают крестьяне. Руководствуясь таким различием в среде населения, мы и будем рассматривать каждую группу отдельно.

Общий уровень благосостояния горожан, говоря безотносительно, довольно высок. Горожанин всегда имеет собственный более или менее просторный дом, всегда сыт, тепло одет, работой себя не нудит до такой степени, что в зимние месяцы буквально по целым неделям ничего не делает, слезая с печи только для того, чтобы поесть да разве кому-нибудь из домашних сделать приличное родительское внушение в форме хорошей трепки. Последнее, впрочем, не относится к женской половине населения, всегда, и летом, и зимой,

равно поглощенной какой-нибудь работой по хозяйству. Между отдельными горожанами, разумеется, существует разница в степени обеспеченности, и среди них наряду с богатеем-торговцем можно встретить вдову-мещанку, не имеющую ни коровы, ни лошади. Но вы не встретите здесь той голи перекастной, едва прикрытой какою-то невообразимой рванью голи, вечно голодной и ютящейся по различным трущобам, которая так характерна для других сибирских городов, да и сибирских ли только? Нищих в общепринятом смысле этого слова здесь нет, по крайней мере, не было в нашу бытность там; общественной же благотворительностью пользовался больной, не могший ходить 90-летний старик, бывший сургутский житель, разорившийся и не имевший родственников, да старуха остячка, с подростком девочкой жившая в урмане вблизи города. Мы здесь говорим о городском населении, и потому остячка, доведенная до нищенской суммы совершенно иным складом жизни, в счет идти не может. Что же касается старика, то его также нельзя причислять к обыкновенным нищим — милостыни он никогда не просил и жил на трехрублевое ежемесячное пособие от мещанского общества да на приношения личных знакомых.

Чем обуславливается эта зажиточность? Развитием ли ремесленности, промысловыми работами или иными причинами?

Мы видели уже выше, что ремесленность в Сургутском крае находится в зачаточном состоянии, а кустарная промышленность совсем отсутствует. Остаются, следовательно, скотоводство, промыслы и торговля. Скотоводство составляет одну из видных доходных статей каждого сургутянина, но еще более видное место занимают промыслы, это, так сказать, основа, на которой зиждется благосостояние всего края, и торговля. Кроме того, для большинства мещан имеет не менее серьезное значение и казенная субсидия в виде муки и круп, получаемая ими, как бывшими казаками.

Чтобы составить себе более верное представление о зажиточности сургутян, возьмем две-три городские семьи и рассмотрим ближе их материальную обстановку, работы и проч. Этим путем легче выяснить вместе с тем и источник их благосостояния. Берем примеры, ближе нам знакомые.

Вот семья из четырех членов — матери-вдовы, еще крепкой и бодрой женщины, сына лет 26—28, его жены почти одного с ним возраста и их ребенка 2—3 лет. Как по чис-

ленному составу¹, так и по экономическому благосостоянию, эту семью можно считать за среднюю в Сургуте. Недвижимость семьи состоит из еще не старого, крепкого дома из двух половин, разделенных сенями; в одной половине чистая, светлая комната, в другой большая изба с русской печью. При доме различные службы — сараи, амбары, погреб и проч.; тут же за домом огород гряд в двадцать пять — тридцать. За городом имеется загородь для коней и мшанный хлев для коров и овец². Скотины держат: две добрых, сильных лошади с жеребенком, три коровы и штук шесть овец. Занятия семьи: весной хозяин частью неводил, частью рубил дрова в урманы для себя; женщины, собственно старуха, добыли перевесом до 150 уток. Во второй половине лета хозяин ходил орешить и выручил рублей до 80, женщины в это время косили. Зимой хозяин опять неводил и рубил дрова уже для парохода, для которого поставил две-три сажени, по 1 руб. 50 коп. Сверх того, женщинами был возделан, засеян и убран огород, доставивший запас картофеля на всю зиму, да хозяин убил в этот год несколько белок и одну выдру. Таков заработок семьи за год. Мы не считаем многочисленных домашних работ, которыми женщины были заняты буквально все свободное от промысловых занятий время. Подводя итог, будем иметь: орех 80 руб., дрова на пароходе — 3—4¹/₂ руб. и 2 руб., выдра — 85—86 руб. 50 коп. деньгами; запас на год картофеля, соленого утиного мяса, корма скотине и дров; пух и перо с уток и беличьей шкурки были спрятаны дочери в приданое. К этому следует прибавить 18 пудов ржаной муки и 6 пудов ячной крупы, которые хозяин получил из казны³. Таким образом, годичный труд двух женщин и шестимесячный труд мужчины (во всю зиму хозяин проработал всего месяца два) доставил годовой запас жизненных продуктов, известную сумму денег и возможность отложить кое-что в приданое дочери, которой всего около трех лет. Значительная часть денег ушла на чай, сахар, мережу, веревки, пополнение одежды для членов семьи,

¹ В Сургуте нет больших семей, так как женатые братья живут почти всегда в разделе.

² Здесь скотину держат не при доме, а за городом, в так называемых загонах и загородах. Каждый домохозяин имеет свой загон и хлев.

³ Со времени уничтожения казачьей команды не все бывшие казаки продолжают получать казенную субсидию, а лишь те из них, кто к означенному моменту еще состоял на действительной службе. Размер пособия определяется особым положением. С каждым годом число получающих казенную муку и крупу сокращается, и уже недалеко то время, когда эта помощь правительства вовсе прекратится.

вино и прочие обязательные расходы, но все-таки старуха отложила немного на черный день.

Вторая знакомая нам, более зажиточная семья состоит из еще не старых родителей, двух сыновей 22 и 18 лет и двух же дочерей 20 и 13 лет; имеет дом в две комнаты с кухней, отдельную избу, много надворных построек; держит 5 лошадей, 4 коровы и пару свиней, домашнюю птицу, как и в первом примере, не считаем. Доходы этой семьи состояли в следующем: на пароход поставили в год 20 саж. дров за 30 руб., отдавали дом в наймы за 36 руб., раза три за зиму ездили с кладью в Самаровское и вверх по Оби, за что получили 40 руб., в полицию продали дров рублей на 10—12. Старуха ловила уток, пух и перья которых продала, за сколько — не упомянем. Не можем также, к сожалению, даже приблизительно определить сумму, вырученную от торговли с остяками, так как пушной товар, полученный от остяков и впоследствии проданный купцам, выменивался на водку. Сыновья в несколько поездок на промысел добыли рыбы на год. Далее — доход от огорода, муки 36 и крупы 18 пудов на отца и сыновей и т. д. Ни отец, ни сыновья не занимаются охотой и орешеньем. Вся семья принадлежит к числу самых работающих в городе.

Возьмем еще одну семью мещан не из казаков, значительно беднее двух предыдущих. Состав семьи таков: старик отец, мать — жепщина средних лет и две взрослые дочери, из которых одна живет на заработках в Томске. Никакими промыслами не занимаются, скотины совсем не держат. Хозяин почти ничего не делает, если не считать за работу, что несколько раз в год съездит на соседской лошади в урман по дрова да изредка поторговывает водкой с остяками. Дом довольно просторный — две комнаты и кухня, при доме службы, но все это запущено и разваливается. Доходы семьи состоят в плате за дом — 24 руб. постоянных и 5—8 руб. временами, да дочь присылает рублей 10 в год. Вот и все заработки, если не считать того, что получается с огорода, да ничтожных доходов от женских рукоделий. Казалось бы, на какие-нибудь 40—50 руб. трудно прожить семье из трех человек, имея даже собственный дом, огород и дрова, тем более при той дороговизне, которая существует в Сургуте на все предметы потребления, а между тем семья живет довольно сносно, сравнительно, например, с большинством тюкалинских мещан: ей неизвестна нужда, не говорим уже о голоде, всегда все сыты, одеты, чай без сахару не пьют, что в Сургуте составляет редкость, и это при одном работнике,

который девять десятых своего времени бездельничает и валяется на кровати. В данном случае вывозит торговлишка с остяками. Несмотря на ее ничтожность, она все же достаточна, чтобы прокормить трех человек.

Приведенных примеров, думаем, довольно, чтобы сделать заключение о характере зажиточности городского населения. Об отклонениях в сторону бедности и значительного богатства мы не говорим, потому что и то, и другое составляет сравнительно редкое исключение, подавляющее же большинство принадлежит к разряду среднезажиточных. Источником благосостояния, по вышеприведенным типическим примерам, служат промыслы, торговля и казенный паек. Те же самые три источника, разумеется в различных сочетаниях, являются основой для благосостояния городского населения, разница только в том, что один совсем торговлей не занимается, а налегает больше на промыслы, другой не получает пайка, работает настолько мало, насколько это только возможно, и направляет свою энергию на эксплуатацию остяков при помощи торговли и т. п.

Сургутская природа так богата и щедра, что достаточно человеку потратить два-три дня, чтобы обеспечить себя пищей на месяц (рыбный промысел), пять-шесть недель, употребленные на промысел кедровый, доставляют несколько десятков рублей, которых вместе с другими доходами будет достаточно для удовлетворения нехитрых потребностей обывателей в течение целого года. Может быть, простой, черный труд человека, не обладающего ни общими, ни техническими знаниями, не оплачивается нигде в Тобольской губернии так высоко, как именно в этом отдаленном уголке.

Казалось бы, как не работать при таких условиях, а между тем сургутский мещанин-казак не чувствует к труду особой склонности, нет у него такого отношения к нему, какое наблюдается повсеместно у крестьян, как к чему-то обязательному, самим Богом установленному, без чего человек жить не может и самая жизнь теряет смысл. Сургутянин смотрит на дело иначе: он работает насколько это необходимо; поэзия же труда, наслаждение «биться на работе» ему недоступны и чужды. Его идеал — возможно «легкая» жизнь, он больше стремится к торговле, хотя бы она и доставляла ему меньше барышей, чем промысловый труд, напр., — черта, на наш взгляд, характерная и заслуживающая внимания.

Сургут прежде всего сибирский город, и это всегда следует помнить, когда речь заходит о той или иной черте

характера его населения. Дело в том, что, благодаря многим причинам, толковать о которых было бы здесь неуместно, Сибирь в значительной степени страна легкой наживы, что относится преимущественно к городам. Примеры быстрого обогащения при помощи торговли с инородцами и эксплуатации их — этих париев Сибири и других париев — уголовно ссыльных, у всех на виду; случаи, когда человек буквально из ничтожества, из рыбацкого сидельца или торговца телятами в несколько лет возносился на недостижимую для массы высоту, превращался в обладателя сотен тысяч, такие случаи, довольно частые, бьют по нервам простого обывателя и разжигают в нем самые низменные инстинкты, вызывают страстное, неудержимое стремление выбиться из своего темного существования, влечение к легкой наживе, торговле, эксплуатации своего ближнего. Попятно, что труд отходит на второй, даже третий план. И вот сибиряк-горожанин вообще, а сургутянин в частности, раз вкусивши прелестей наживы, начинает чувствовать отвращение и презрение к труду, как бы хорошо он ни оплачивался, относиться к нему, как к чему-то низменному, недостойному человека, стремящегося «выйти в люди», и в таком тронутом человеке понятие о труде постепенно вытесняется и заменяется вожделением к гешефтам и торговле, притом к самым отталкивающим ее видам, как к самым выгодным в денежном отношении — к тайной торговле водкой, краденым золотом и т. п. Корчемство в Сибири слишком общеизвестное явление, чтобы о нем стоило говорить. Для сургутянина такую *ria desideria* является меновая торговля с осянками и самоедами; чем самому биться на промыслах, зябнуть, мокнуть, претерпевать всяческие лишения, гораздо лучше, удобнее и меньше беспокойств, если всю неприятную и опасную сторону промысла возьмет на себя полудикий, голодный инородец и своей добычей обменяется на водку, перемешанную с водой, мухомором, табаком, — так или приблизительно так рассуждает сургутянин и начинает оперировать над осянкой. Но тут громадному большинству горожан приходится переживать тяжелые разочарования и жестокие крушения своих несложных идеалов, редко кому удается выбиться из общей массы и стать заправским торговым человеком, для большинства же это навсегда остается недостижимой, прекрасной, бесплодно дразнящей мечтой, так как много нужно особенно благоприятных условий, чтобы сургутянину удалось выйти в люди в его смысле слова — нужны свободные деньги, а их-то именно у него и не бывает, хотя он и хорошо

живет, но деньги у него не водятся, — они неудержимо плывут из его рук в руки тобольских и иных купцов; нужна выдержка, энергия, которых также недостает ему и которые заменяются ленью, неподвижностью и отвращением ко всему, что требует продолжительного, упорного труда и забот; нужны ловкость и смелость для торговли водкой (а торговать другими предметами какой же интерес!), сопряженной с риском ответственности, и ничем этим сургутянин опять-таки не обладает — он труслив и неповоротлив. Какие условия выработали такой характер в городском обывателе, это другой вопрос, которого мы не будем теперь касаться. Нам важно было лишь отметить, что именно мешает сургутянину добиваться желанного им благополучия.

Считаем нелишним оговориться вновь. Отмечая предпочтение, отдаваемое торговле перед другими занятиями, их стремление к легкой наживе и проч., мы имеем в виду, так сказать, настроение массы, а не фактическую сторону торговых сношений с инородцами, которая часто не соответствует желаниям и настроению населения¹.

Другую причину такого отношения к труду следует искать в положении городских обывателей. Большинство из них, как бывшие казаки, до сих пор еще находятся под известной опекой, получают казенные пайки муки и круп, а до недавнего времени, 82-го года, находились на полном иждивении правительства. Почти даровое получение хлеба в течение длинного ряда поколений, разумеется, не могло не отразиться самым пагубным образом на нравственном складе населения, не могло не оторвать их от труда, соединенного с заботами и неудобствами.

Во всяком случае, ни казенная субсидия, ни периодические набеги в остяки не освобождают сургутян от необходимости работать хоть сколько-нибудь — к казенной каше все-таки хочется и рыбки, нужно и деньжонок заработать немножко, чтобы приобрести платье, пить постоянно чай и т. д. Все это делает *промысловый труд*, как ни мало им занимаются обыватели, *главным источником благосостояния горожан, торговля же и казенный паек играют роль подспорья.*

Иначе сургутская деревня. Русское население по своей зажиточности ничуть не уступает горожанам, даже напротив

¹ Может быть, именно этим настроением следует объяснять, что сургутянин, побывавший в других городах и там познакомившийся с иными способами наживы, охладевает к своему городу и бежит из него.

в некоторых местностях, напр. в деревнях, лежащих от Сургута вниз по Оби, крестьяне живут гораздо богаче мещан-казаков, хотя это, быть может, и не сразу бросится в глаза: строй деревенской жизни, низкая культура и другие условия ступшеывают действительное положение вещей. Правда, здесь меньше сравнительно с городом держат скота, но богатство выражается в большем количестве лодок, сетей и всяких других принадлежностей промыслов; у крестьянина больше денег. Он не ведет такой торговли с остяком, как горожанин, но больше продает продуктов собственного труда — рыбы, звериных шкур, птицы и проч.

Но главное характерное различие между городским жителем и крестьянином округа в сфере экономического благосостояния заключается не в этом, а в самых источниках его. В то время, как горожанин употребляет возможный минимум труда и выискивает другие более легкие способы существования, деревенский житель всецело поглощен промысловым трудом, ему, как говорится, дохнуть некогда: едва успеваешь отойти время одного промысла, как его ждет уже другой, а там третий, и так круглый год. *Исключительной основой существования крестьянина сургутской деревни, как и всякой другой деревни, является труд*, тяжелый, полный опасности и лишений труд промышленника. Закинутый в глухую лесную тущобу, никогда ни от кого не получавший помощи в форме ли казенного пайка или в иной, поставленный лицом к лицу с дикой, суровой природой, здешний крестьянин, естественно, принужден был вступить с нею в борьбу, отвоевывая у ней право на существование. Понятно, он мог надеяться только на себя, на свою личную предприимчивость, энергию, силу, словом, на собственный труд. В силу этих причин у него развилось не такое отношение к труду, как у горожан: он не смотрит на него как на достыльную обязанность, но в нем только видит смысл жизни, источник радостей и горя, без труда для него непонятно самое существование. По той же причине в крестьянине не выработалось склонности к торговле и легкой наживе, как в горожанине, несмотря на очень близкое соседство с остяками. Мы, разумеется, не говорим об исключениях, которые найдутся и здесь, как везде.

Зажиточность русского населения представляет резкий контраст с нищетой инородцев. Остяк, занимаясь всеми теми же промыслами, как и крестьянин, работает ничуть не меньше, — пожалуй, даже больше последнего, а между тем едва-едва влачит свое жалкое существование.

Село
Малый Аглым



Скота сургутские остяки не держат, если не считать нескольких более состоятельных семей, у которых имеются олени. Кое-кто держит собак для езды по р. Ваху.

Таким образом, для них остается один источник существования — промыслы, но и тут, благодаря условиям, о которых мы говорили выше, остяк поставлен в крайне незавидное положение: как ни велики его труды и как ни рискует он на промыслах своим здоровьем и жизнью, все выгоды достаются не ему, а русским соседям и крупным рыбопромышленникам. На себя остяк промышляет редко; только охота да ловля птицы не находятся непосредственно в руках русских богачей. Он почти всегда работает на частных промыслах купцов, эксплуатирующих самым возмутительно-бессовестным образом их труд. Выше мы видели, как это производится, как остяцкие уголья перешли в руки тобольских и самаровских рыбопромышленников. Все это ставит остяка в положение поистине худшее, чем крепостная зависимость, — помещик все-таки был заинтересован в сохранении если не здоровья, то жизни своих крепостных, тогда как здесь похоть стяжания не знает никаких пределов, не сдерживается никакими препонами. Что за дело рыбопромышленнику, что, работая на него, остяк умирает от чрезмерного труда, холода, голода? Умрет один, на его место явится другой такой же остяк, который так же будет надрываться над работой, так же голодать и мокнуть в воде. И остяки умирают на промыслах тысячами от голода и всяческих лишений. Об их бедствиях писалось уже много раз, и мы подробно останавливаться на этом не будем.

Благодаря крайней нищете, скученности в жилищах (в одной юрте живет по несколько семейств), голодовкам и прочим неблагоприятным условиям, среди остяцкого населения страшно свирепствуют сифилис, лихорадка, тиф, оспа. О медицинской помощи, конечно, и речи быть не может, и остяки мрут, как мухи. К болезням присоединяются периодические общие голодовки остяков, также уносящие много жертв в могилу. Во время голодовок беспомощность населения достигает крайних пределов. Так, в последний голод, бывший несколько лет назад, остяки буквально сотнями мерли с голоду; встречались юрты, все жители которых вымирали, в избах валялись непогребенные трупы. И такие голодовки дело вовсе не исключительное: за последние десять лет подобный голод среди остяков был дважды, насколько нам известно. О причинах, вызывающих его, не можем ничего сказать, так как не были лично свидетелями,

основываться же в этом отношении на словах обывателей не рещаемся.

Что не могут сделать голод и болезни, то доканчивает русский кулак и тобольская водка. Вымирание остяков — факт, не подлежащий никакому сомнению, оно идет быстро, неуклонно. Причина вымирания — та экономическая кабала, в которой находится остяк, отнимающая у него буквально все, начиная с труда и кончая жизнью, во-первых; развитие эпидемических болезней и пьянства, во-вторых.

Таково современное положение остяцкой части населения Сургутского округа.

V. Степень культурного развития

Жилища остяков и русских. — Одежда и обувь. — Пища. — Влияние инородцев на русское население выражается в одежде и пище. — Культурное влияние русских на инородцев. — Низкий уровень потребностей. — Промысловые орудия. — Неумение пользоваться находящимися под руками богатствами природы

Степень культуры, насколько она выражается в жилищах, одежде, пище, орудиях труда и проч., невысока в описываемом крае. Русская часть населения, конечно, культурнее, его потребности шире, чем у соседних остяков, но и для нее остается желать очень и очень многого. Более близкое знакомство с характером жилищ, качеством пищи и проч. яснее покажет это. Для удобства мы везде будем рассматривать отдельно все эти предметы по отношению к русским и к инородцам.

Всего заметнее культурность сургутян выражается в жилищах. Постройка домов как в городе, так и в деревнях, двух типов: пятистенный, состоящий из чистой комнаты и кухни со стряпущей печью, причем комната обыкновенно разделена перегородкой на «горницу» и маленькую «боквушку»; другой тип — «связной» дом; в котором также есть чистая комната и кухня, разделенные между собой просторными бревенчатыми стенами. К пятистенному дому обыкновенно пристраивается тесовое крылечко с чуланом — «казенкой». Оба эти типа домов повсеместно распространены по Тобольскому округу и оттуда, несомненно, занесены плотниками и в Сургут. Сами сургутяне плотничать не умеют и им волей-неволей всегда приходится обращаться за мастерами

на сторону, именно в Тобольский округ, как ближайший, и от них же принимать готовые образцы построек. Этим обстоятельством, т. е. заимствованием, помимо выбора, чужих образцов, и объясняется тот факт, что именно в жилищах сургутян проглядывает наибольшая степень культурности, меньшая степень подчиненности инородческому влиянию, нежели во всех других отношениях.

Внутренняя обстановка сургутского дома всегда производит благоприятное, выгодное впечатление: достаточно свету, чистый, застланный половиками пол, беленый потолок, стены или также беленые, или же оклеены дешевыми, всегда светлыми обоями. Около входной двери или в следующей комнатке «боковушке», за ситцевой занавеской — кровать с перинной, ситцевым из разноцветных лоскутков одеялом, часто на пуху, и несколькими пуховыми подушками. Мебель простая, деревянная — два-три стола, неизбежная «канпель» (род дивана) и несколько стульев. Таков вид комнаты. Изба также разделена перегородкой на две части; в одной помещается печка и разные принадлежности стряпни, в другой обеденный стол, лавки вдоль стен; иногда кровать в углу, также за занавеской; стены выбелены или чисто выскоблены ножом.

Чистота и домовитость — вот первое общее впечатление, но оно не совсем соответствует действительности, по крайней мере, чистота сургутского дома очень обманчива: загляните под печку, и вы там найдете целые косяки тараканов; отдерните кусочек обоев около кровати, шевельните постель — и мириады клопов вылезут из всех щелей; загляните в горшок, в котором варится похлебка, держится молоко, вас стошнит от той неопрятности, которую там найдете, хотя снаружи тот же горшок блещет чистотой. И так все в доме — снаружи чистота и блеск, внутри — грязь и мерзость, первое для других, для видимости, второе для себя.

Несмотря на то, что дома строятся из толстого леса, нельзя сказать, чтобы они отличались теплотой. Отчасти это объясняется плохим устройством печей, но главным образом отсутствием земляных накатов под полом — до этого сургутяне еще не додумались. Под каждым домом есть подполье, где зимою сохраняются овощи.

При доме всегда имеется обширный двор, застроенный рядом сараев, амбаров, погребов и т. п., а сзади дома большой огород. В амбарах и сараях помещаются разные промысловые снасти, домашний скарб и проч. Скотина при доме не держится, а потому дворы также отличаются сравнительной чистотой и опрятностью.

За городом, по берегам реки расположены так называемые загоны и загороди для скота. Для лошадей не делается никаких приспособлений, могущих защищать их от морозов и жестоких сургутских буранов: весь загон состоит из места, огороженного жердями. Около загородей отводится особое место, где складывается сено. Все загоны и загороди расположены в двух-трех местах, образуя собою как бы особые городки, кучки юрт. Почему скот держат за городом, что сопряжено с некоторыми неудобствами для хозяев? Отнюдь не следует думать, что тут имеются в виду какие-нибудь гигиенические соображения; дело объясняется гораздо проще: из загородей, расположенных вдали от города, на самом берегу реки, незачем вывозить навоз и вообще много возиться с навозом, достаточно взять лопату и выкинуть его за забор в реку. Сургутяне так и делают. Когда навозу накопится столько, что ни человеку, ни скотине пройти нельзя, его спроваживают в реку — и просто, и удобно. А если бабам и приходится ежедневно терять много времени на путешествие в загон и обратно, бегать туда и днем, и ночью, во всякую погоду, то ведь на то она и баба, чтобы терпеть всю жизнь всевозможные неудобства и брать на себя как можно больше труда, давая этим возможность мужу валяться по суткам на печи в полудремотном состоянии. Устройство загородей имеет одну цель — освободить мужчину от лишнего труда, взвалив его в иной форме на плечи женщины.

Если жилища русских Сургутского округа и не свидетельствуют о высокой культуре, все же они довольно определенно указывают на известную обеспеченность, достаток населения. У инородцев наблюдается обратное.

Здесь жилища с поразительной ясностью показывают, на каком низком уровне культурного развития стоят остяки и как ничтожно их благосостояние.

Остяцкие жилища двух родов — зимние и летние. И те, и другие одинаково носят название юрты, по крайней мере, так называют их русские.

Зимняя юрта — это бревенчатый сруб без крыши или, правильнее сказать, с земляной крышей. Вместо окна в стене пробита дыра в квадратный фут, заткнутая пузырем, масляной бумагой или, еще чаще, обтесанным куском льда. Другая такая же дыра несколько больших размеров изображает собою дверь. Пол бревенчатый или просто земляной. Сейчас у входа, несколько в стороне устроен камелек — род очага, иначе называемый «чувал», на котором постоянно, день и ночь, горит огонь; дым выходит в отверстие, пробитое

над чувалом в потолке. У зажиточных остяков к такой юрте пристраиваются бревенчатые же сени.

Внутреннее убранство зимней юрты состоит из широких скамеек вроде нар, идущих вдоль стен, у зажиточных прикрытых оленьими шкурами, у других — рогожами; у громадного же большинства, как говорят, кроме ношебного верхнего платья, ничего нет; на этих скамьях остяки и спят, и едят. В такой юрте, имеющей от двух до пяти аршин в длину и столько же в ширину, помещается несколько отдельных семейств. Каковы гигиенические условия такого жилища, понятно само собой. Кстати заметим здесь, что для такого совместного жительства в одной юрте не всегда требуется близкое родство между семьями — встречаются юрты, в которых живут вместе остяки, совершенно чужие друг другу.

Летние юрты, куда остяки переселяются на время рыболовства, еще более примитивного устройства. Это простой шалаш из жердей, прикрытых берестой, иногда оленьими шкурами, наподобие самоедского чума. Здесь нет уже ни окна, ни чувала; огонь разводится прямо на земле, посреди юрты, дым выходит через отверстие в потолке.

Лично нам не приходилось видеть ни в одной из посещенных нами юрт никаких признаков надворных построек, и домашний скарб остяков валялся частью в самой юрте, частью на улице подле нее. Говорят, впрочем, что более зажиточные остяки имеют особые постройки, в которых держат промысловую добычу и всякую домашнюю рухлядь, не помещающуюся в юрте.

Впечатление крайней нищеты, убожества, полускотского состояния производят на наблюдателя жилища остяков и сами остяки.

За исключением зимнего верхнего платья мужчин, одежда русских сургутян ничем не отличается от общемещанской одежды, свойственной другим городам Тобольской губернии; те же бешметы у мужчин и ситцевые платья у женщин. Если и есть разница, то разве только в еще большей нечистоплотности сургутян, особенно представительниц прекрасного пола, да в неумении щегольнуть и пустить ближнему пыль в глаза, что зависит от грубости и неразвитости вкуса. При всем желании сургутянин совершенно не умеет одеваться и всегда ухитряется придать себе какой-то нелепый, уродливый вид. В этом особенно резко проявляется отсталость сургутян сравнительно с населением даже других городов той же губернии.

Зимняя мужская одежда заимствована у инородцев — та же малица, кумыш и проч., что будем описывать ниже.

Сургутянин вполне свыкся с этим костюмом и не расстаётся с ним почти три четверти года; в ней он на улице и в ней же является в гости. На вечерках, напр., всегда можно встретить пять-шесть кавалеров, пляшущих в своих оленьих шкурах, невзирая на духоту и жару в комнате. Обувь — летом бродни, зимою пимы или т. наз. «барловики» — сапоги из овчины шерстью внутрь, у мужчин. Женщины носят зимою те же пимы, а летом чирки. Впрочем, в летние праздники мужчины и женщины носят обыкновенную городскую обувь — сапоги и ботинки, некоторые франты поверх сапог надевают кожаные калоши, в которых и в комнатах ходят, и на вечерках пляшут.

Остяцкая одежда мало чем отличается от одежды вообще всех северных инородцев: те же звериные шкуры, то шерстью вверх, то шерстью вниз, облакают остяка, как и самоеда или якута. Незначительная разница существует только в покрое и материале, из которого изготавливается одежда: остяки носят пимы из оленьих лапок, а чукчи делают их из белой конской шкуры. В общих чертах остяк одевается так: поверх холщовой рубахи и замшевых штанов надевается широкая рубаха¹ из оленьих шкур, шерстью к телу — «малица», подпоясываемая ремнем, к которому привешивается нож; на ноги надеваются олени чулки шерстью внутрь — «чижи», на них пимы шерстью вверх, к которым в сильные морозы еще присоединяется нечто вроде калош, также шерстью вверх. На малицу натягивается вторая рубаха, шерстью вверх, с капюшоном сзади, с рукавицами на концах рукавов — «кумыш», он же и «гусь» у русских. Кумыш значительно длиннее малицы и опускается ниже колен. Голова прикрывается оленьей шапкой с наушниками, сшитой из двух шкурок — одна обращена шерстью внутрь, другая наружу — и носящей название «треуха». Капюшон кумыша надевают поверх треуха. У более зажиточных дома, а также в сравнительно теплую погоду малицу и кумыш заменяет «парка», похожая по покрою на кумыш — рубаха, также шерстью наружу, но из шкурок оленьих телят, «неплюек», у богатых же из «выпоротков» — еще не родившихся, убитых вместе с матерью телят.

Женщины вместо малицы носят «паницу», род кафтана шерстью вверх; голову прикрывают суконным платком яркого цвета — «вокшим», обыкновенно красным, спускающимся сзади до пят; тем же платком прикрывают и лицо.

¹ Беднота обходится и без рубах, надевая верхнее платье прямо на тело.

Паряды жєшцип-ханты
Приртышья



Остяки часто ходят даже в жестокие зимние морозы без шапки, в летних кафтанах с открытою голою грудью.

Многие остяки для предохранения глаз от слишком яркого зимнего света носят самодельные очки, состоящие из медных или железных кружков, связанных между собой веревочкой. В центре каждого кружка просверлена маленькая дырочка, через которую и смотрят. Насколько подобные очки достигают цели, не знаем, но у большинства остяков глаза постоянно болят и гноятся.

Летом мужчины и женщины заменяют меховые одежды длинными суконными кафтанами, перепоясанными ремнем. Летняя обувь — чулки из грубой замши, называемые «неговаи», чаще же всего ходят босиком.

У женщин иногда в костюме встречаются различные украшения в виде разноцветных бус, охватывающих шею, вплетенных в косы, блях и разноцветных лоскутьев, подвязанных к косам и проч.

Остяки, по-видимому, никогда не моются, не расчесывают волос, почему всегда грязны до последней степени, одежда так же, если не больше еще, грязна, волосы всклокочены и разметаны по плечам; к этому прибавьте еще резкий специфический запах. Вообще внешность и костюм остяка производит тяжелое, гнетущее впечатление.

Пища сургутян также не отличается изысканностью и разнообразием. Рыба и кирпичный чай — ее основа, если не считать, разумеется, хлеба. Рыбу употребляют во всех видах, начиная с сырой, только что пойманной (такое блюдо называется «саргамкой»), которую едят с солью, и кончая всякими пирогами и другими рыбными печеньями. Между прочим, одно из любимых рыбных лакомств сургутян «патанка», т. е. сырая мерзлая рыба, которую режут тоненькими ломтиками («струженина») и едят также с солью. Говорят, употребление сырой свежей и мерзлой рыбы предохраняет от заболевания цингой.

Обед сургутянина состоит обыкновенно из варева со щукой и какого-нибудь рыбного пирога; приготовление как того, так и другого отличается замечательным безвкусием. Иногда пирог заменяется ячной кашей с рыбьим жиром или коровьим маслом. В скоромные дни вместо щучьей ухи готовят похлебку из соленого утиного мяса; говядину и баранину употребляют редко, только по большим праздникам. Многие заменяют обед чаем с рыбным пирогом или шаньгами на масле или рыбьем жире. Делается это не вследствие невозможности иметь лучший обед, а по крайней лени,

одолевающей сургутянина, по нежеланию лишней раз съездить половить рыбы. Вообще надо сознаться, что сургутяне крайне невзыскательны насчет пищи и с величайшим аппетитом едят такую дрянь, которую в других местах никто не станет и пробовать. К такой дряни мы относим все, что изготовляется на рыбьем жире, который имеет свойство каждому блюду придавать особый отвратительный запах и даже вид; сюда же относится и т. наз. «загорелая» рыба¹, нестерпимо вонючая и отвратительного вида, и эта мерзость опять-таки употребляется не вследствие бедности, а по лени — за свежей рыбой съездить неохота и гниющую вывозить лень, так лучше уж съесть ее, по крайности, без хлопот. Большое количество употребляемого рыбьего жира вызывается чрезмерной суровостью климата и вследствие этого большей потребностью организма в углеродистых соединениях. О крайней нечистоплотности приготовления пищи мы уже упоминали.

Остяк еще менее требователен и менее брезглив, нежели его русские соседи — этот уже прямо, без стеснения ест все, что попадет под руку, выброшенную ли гнилую рыбку или валяющуюся в лесу падаль какую-нибудь, и не только сам ест падаль, но как крайне любезный и гостеприимный хозяин ею же угощает и гостей, и чем почетнее гость, тем с большей предупредительностью он будет предлагать ее. Рыба у них, как и у русских, главная пища. Остяки также едят «патанку» и «саргамку», кроме того, из сушеной и толченой рыбы «порса» — вместе с мукой, готовят лепешки, заменяющие хлеб; очень немногие, имеющие оленей, прибавляют в такие лепешки еще оленьей крови. Затем остяки едят распластанную и высушенную на солнце рыбу, употребляя ее и в сыром, и в вареном виде. Но самое тонкое и любимое остяцкое блюдо «варка» — это мелкие куски такой сушеной рыбы, разваренные в рыбьем жире. На рыбьем же жире варится мучная похлебка — «салым», «позем» — рыбы кишки с жиром и проч. Рыбий жир как составная часть входит почти во все остяцкие кушанья. Во время промыслов, требующих продолжительной отлучки из дому, остяк питается главным образом порсой, которую всегда возит с собой в мешке. Порса разваривается в воде или рыбьем жире.

¹ Горелая — это соленая с осени и начавшая портиться весной рыба. От такой рыбы идет сильный специфический запах, буквально нестерпимый для всякого носа, кроме сургутского. Летом, когда такая рыба окончательно перегорит, ее целыми массами выбрасывают за город, где ее подбирают голодные собаки, а бывает, что и остяки из округа.

Остяки едят также мясо почти всех зверей и птиц, которых убивают во время промысла. В дни особенных торжеств, например свадьбы, остяки бьют оленей, у кого они есть, конечно, и едят сырое мясо. Нам лично приходилось видеть, как остяки, сидя вокруг только что убитого еще теплого оленя, отрезали куски мяса, макали их в еще дымящуюся кровь и ели жадно, с наслаждением. Трудно себе представить зрелище более отталкивающее и отвратительное.

От жестоких северных морозов, снежных выюг и непогоды сургутянин может защититься, только одевшись в несколько звериных шкур; только обильным употреблением рыбьего или иного жира он может пополнить убыль теплоты в своем организме. Промыслы в изобилии доставляют ему рыбу, дичь, лесного зверя — понятно, что эта пища становится основной и т. д. В этом ясно выражается полная зависимость сургутянина, всей обстановки его жизни — одежды, жилища, пищи, занятий — от характера внешней природы и климата. Это, так сказать, общий фон, общее положение, не заключающее в себе ничего лестного, но и ничего особенно обидного для сургутянина, так как при низком уровне культуры каждый народ, каждый человек обязательно подчиняется внешней природе, не умея подчинять ее себе.

Но на этом фоне ясно и отчетливо вырисовывается совместное существование рядом двух совершенно разнородных по степени умственного развития и по характеру культуры племен, в течение веков производивших влияние и давление друг на друга.

Всматриваясь именно в эту сторону картины, прежде всего замечаешь поразительное влияние остяков, племени с несомненно низшей культурой, вырождающегося и вымирающего, на представителей великорусского племени. Это влияние чувствуется во всем — в одежде, пище, языке (остяцкие слова и обороты речи) и проч. Предки теперешнего русского населения, понятно, не носили на своей родине, в Европейской России, ни «кумыша», ни «пимов», не ели ни сырой, только что пойманной рыбы, ни хлеба, замешанного на вонючей ворвани; в их речи не слышалось «кумоха» (лихорадка) и т. п. Они, предки, принадлежали, что доказывается многими данными, к чистым представителям великорусского племени и несомненно принесли с собою в край довольно высокую и своеобразную, веками выработанную культуру, свои порядки и обычаи. Трехсотлетнее существование в далекой глуши, бок о бок с дикарями, дало себя

знать: оно стерло очень и очень многое из того, что принесли с собою русские люди, за этот период их потомки обострились, утратили, быть может, навсегда, наиболее характерные черты своей племенной физиономии; они, представители высшей культуры, не только не подняли остяков до своего уровня развития, но сами опустились почти до полудикого состояния инородца.

Предки современных сургутян, конечно, были знакомы с многими работами и ремеслами, о которых в настоящее время утратилось всякое представление. И случилось это не потому, чтобы потомки ушли далеко вперед и смотрели на эти работы как на низшую степень развития, уже пройденную ими,— нет: процесс шел как раз обратным путем. Приведем примеры.

Мы уже видели, что теперешний сургутянин не умеет распиливать бревна на доски и даже для этой более чем нехитрой работы приглашает к себе посторонних людей. Он едва-едва в состоянии кое-как оболванить топором кусок осины и придать ему форму чашки. Когда-то он, сургутянин, умел ткать полотна и сукна, чувствовал потребность в хороших грунтовых дорогах и ездил по ним, был знаком с употреблением телег и проч. Но все это было, когда он жил еще в Европейской России, теперь же ничего этого нет, и даже воспоминания не сохранилось о нем в народной памяти. Одной нашей знакомой прислали родственники из Томской губернии несколько фунтов нетрепаного льна, и все сургутские кумушки не в силах были ума приложить, что нужно сделать, чтобы из такого льна приготовить знакомую им кудель.

Так и спрятали лен до того счастливого времени, когда судьба занесет в Сургут какого-нибудь сведущего человека, который поделится с сургутянами своим знанием и вновь научит их делать то, что когда-то они и сами знали, да позабыли. Утративши потребность в грунтовых дорогах, они вместе с тем забыли, что такое телега и какое ее назначение, и до 80-го года, когда привезена была первая телега, и летом ездили на дровнях; теперь в городе уже четыре телеги. Когда мы уезжали из Сургута, нас многие знакомые просили прислать «то, на чем хлеб растет», т. е. хлебных колосьев. «Всю жизнь хлеб едим,— говорили они,— а не знаем, из чего он делается!» Можно было бы привести еще много примеров, но, думаем, и этих достаточно для подтверждения нашего положения, что сургутяне в культурном отношении пошли назад, в сторону остяков. В рассмотрении причин такого,

во всяком случае печального, явления теперь мы не будем входить, нам нужно было только отметить факт влияния инородческой культуры на русскую.

Каково же было обратное влияние русских пришельцев на аборигенов страны — остяков? В чем выразилось их культурное влияние? Перебирая в уме все виденное нами, соединяя черты в одно целое, сопоставляя и сравнивая между собой факты, мы приходим к следующему, в высшей степени печальному выводу: все культурное влияние русских колонистов на инородцев состоит в том, что они привили остякам две страшные болезни — пьянство и сифилис. При самом искреннем и сильном желании подметить хоть малейшее доказательство иного влияния, нам не удалось это сделать. Культура остяков не только не повысилась, а даже понизилась со времени прихода русских: благодаря все увеличивающейся нищете, потребности суживались и сокращались, а вместе с тем упрощались и формы жизни остяков. Вообще, в смысле понятного культурного движения остяки не отстали от своих властителей. Рассмотренные выше жилища, пища, одежда остяков дают понятие, на какой низкой ступени стоят они в настоящее время; другие стороны их жизни только подтверждают это. Промысловые орудия остяка крайне грубы: охотится он чаще всего с луком, большим и малым, ружья, да и то кремневые, начинают входить в употребление только в последние 10—20 лет; канаты и веревки, употребляемые для неводов, до сих пор приготовляются из оленьих жил, корней кедра, моржовых и оленьих ремней; юрта освещается только огнем камелька, рыбий жир с этой целью употребляют лишь богачи и т. д. и т. д.

В отношении промысловых орудий русский сургутянин недалеко ушел от остяка: позаимствовав у этого последнего невода, слопцы и проч., он не сделал в них никаких усовершенствований или изменений, за исключением разве пеньковых веревок и канатов в неводах; если он не охотится с луком, то не ушел и дальше кремневки (только некоторые горожане имеют пистонные ружья) и т. д.

Русский пришелец, перзабывши все, что знал когда-то, ничему не научил остяка, да и сам тоже ничему не научился за триста лет своей жизни в этом крае. Все знания, имеющиеся у него — знание тайги, зверя, птицы и проч., — все это выработано не им, а остяком и позаимствовано у последнего. Однородность промысловых снарядов, приемов охоты и т. п. убеждает нас в этом. Сам сургутянин ничего не придумал и не знает ничего такого, чего не знал бы

полудикий остяк; живя среди тайги, он не умеет извлекать из нее иной пользы, кроме той, извлекать которую научили его остяки. В Сургутском крае, как рыболовном, потребляется большое количество смолы и дегти, нужных для смоления лодок, снастей и т. п. При таком обилии леса гонка смолы и дегтя почти ничего не стоила бы населению, но никто из местных жителей не умеет гнать деготь, и рыбаки покупают, по рублю и дороже за ведро, привозной из Самарова, где этим занимаются крестьяне. И нельзя сказать, чтобы население не сознавало всей выгоды домашнего производства — сургутяне хорошо рассчитывают, но все дело разбивается об их невежество, лень и инертность. То же можно сказать и о различных поделках из дерева, выделке кожи и проч.

Сургутянин не умеет извлекать из окружающих условий всей возможной выгоды, не умеет и не хочет взяться ни за какое новое, незнакомое ему дело, каких бы барышей оно ни сулило, предпочитая за все, что не дается промыслами, платить громадные деньги, и в этом отношении он самый заскорузлый рутинер и консерватор.

VI. Развитие сургутян и их нравы

Уровень умственного развития.— Грамотность; отношение к ней населения.— Суеверие населения; примеры.— Религиозность и характер ее.— Нравственный уровень населения; отсутствие преступлений, пьянство.— Отношения сургутян между собой и к чуждым элементам — приезжим русским и инородцам.— Семейный быт сургутян; положение в семье женщин и детей.— Отношения полов между собой.— Развлечения

В умственном отношении сургутянин стоит очень низко. Он неграмотен, к школе относится безучастно, а к обучению грамоте девочек даже прямо отрицательно, видя в этом порчу нравов и развращение. Впрочем, в данном случае нельзя все объяснять невежеством сургутян, так как в выработке такого взгляда на школу и грамотность имела большое влияние сама школа с ее формальным, холодным отношением к делу, с ее казенным, мертвящим духом. За все время существования школы в Сургуте только один учитель сумел вызвать к себе симпатию и уважение в населении своим простым и теплым отношением к делу обучения и развития сургутских

ребятишек, все же остальные или не оставили по себе никакого воспоминания, или самое плачевное. Отчего бы это ни зависело, но существует факт, что население мало интересуется школой и не признает за ней серьезного значения. К сожалению, мы ничего не можем сказать о распространенности грамотности в округе, так как всего округа нам объезжать не приходилось, а были мы только в некоторых поселениях, лежащих между Сургутом и Самаровым, но думаем, можно заключить, что в округе грамотность процветает еще меньше, чем в городе. Про остяков, разумеется, и говорить нечего — у них даже своей азбуки не существует.

Сургутянин не только безграмотен, но вместе с тем и до последней степени суеверен. Различным водяным, домовым, банным и прочим представителям нечистой силы, в которых он верит и которых боится, счету нет. Мы их перечислять не будем, упомянем лишь об одном из них — «суседке», которому население приписывает важное значение. Нам не удалось определить, что именно подразумевается под этим прозвищем и какое место занимает «суседко» в ряду других нечистых сил. Местопребывание его везде — он и в бане, и в доме живет, но главная его резиденция за печкой, на голбце. По-видимому, сургутяне думают, что у каждого человека есть свой суседко, сопровождающий его всюду с целью устранять от него всякие напасти и беды. Несчастье с человеком случается лишь потому, что суседко, разгневавшись за что-либо, оставляет его на время или навсегда. Кошмар также объясняется гневом суседки — «суседка душист», говорят сургутяне. Какая судьба постигнет суседко по смерти протежируемого им человека, нам не могли объяснить сургутянки, эти специалистки по части демонологии. Но это только одна сторона характера суседки; в то же время он является существом злобным, причиняющим постоянные неприятности. Некоторые женщины имеют дар обращаться по временам в суседку, чтобы в таком виде проникать в жилища своих врагов и вредить им. К таким женщинам население наружно относится с глубоким почтением и уважением, в душе же боится и ненавидят их. Нам указывали на таких женщин. Существует целый ряд примет, по которым можно узнать, какая именно женщина обладает способностью превращения и время, когда такое превращение совершается. Обращаясь в суседку, женщина принимает обыкновенно вид сороки, птицы очень распространенной в Сургуте, поэтому бить сорок надо умеючи, без промаха, в противном случае суседко отомстит за себя. Более точных определений и разъяснения

некоторых противоречивых черт в характере соседки нам получить не удалось. Судя же по аналогии, можно думать, что соседко не что иное, как видоизменение общерусского «дедушки», «домового» и т. п., и представляет лишь обломок когда-то господствовавшего в народе поклонения предкам и веры в покровительство их духов своим потомкам и враждебного отношения к чужим.

На всякий шаг, для каждого дела существует десяток примет и предзнаменований. Покойники также служат предметом суеверного поклонения. По мнению местных жителей, умершие посещают своих родственников и невидимо присутствуют при всех важных домашних событиях, почему сургутяне вообще ко всем покойникам относятся с глубоким уважением, исключая лишь самоубийц. Исходя из того убеждения, что самоубийца осужден вечно ходить по земле, не зная покоя, и во время своих путешествий строит людям всевозможные каверзы, сургутяне принимают для ограждения себя от козней подобного рода различные меры, из которых самой действительной считается переломать такому покойнику руки и ноги и тем лишить его возможности бродить по белу свету; так именно поступили с одним казаком, лет 10—12 назад повесившимся: после всевозможных издевательств над трупом ему переломали руки и ноги и зарыли в навозных кучах близ речки.

Во всех трудных случаях жизни, например, при серьезной болезни, которой не в силах помочь своя лекарка, сургутяне обращаются к остяцким знахарям, и те им шаманят. Эти знахари пользуются широкой и громкой популярностью в округе. Лично нам не случалось встречаться с ними, и потому мы не можем сказать ничего о приемах и средствах их лечения, кроме того, что одним из самых действительных средств считается заклятие шаманом больного.

Насколько мы могли заметить, внешней, обрядовой стороне религии местные жители придают большое значение: они усердно посещают церковь, строго соблюдают посты и т. д. Что же касается самой сущности религии и ее догматов, о них имеется очень отдаленное, смутное представление; например, для большинства сургутян решительно непонятна идея о едином Боге, они всегда смешивают всех угодников с самим Богом — спросите сургутянина, кто такой Николай Чудотворец или Георгий, и он, не задумываясь, ответит, что и тот, и другой — Бог. Так же мало понимают они и значение икон: для них Бог и икона — одно и то же. Нам не раз приходилось объяснять знакомым различие между Богом

и святыми и значение иконы по догматам православия, и всегда нас слушали с видимым недоверием, а раз даже прямо заявили, что думать так может только еретик. При дикости и нелепости своих религиозных понятий сургутянин вдобавок еще до крайности нетерпим во всех религиозных вопросах, и всякое мнение, несогласное с его взглядами, вызывает в нем злобу и раздражение.

Степени и характера религиозности остяков мы не будем касаться, ибо лично не наблюдали их со стороны, говорить же с чужих слов об этом предмете считаем неуместным. На вопрос об уровне нравственного развития сургутян мы затрудняемся категорически ответить. Такие понятия, как нравственность, очень растяжимы, и каждый придает им свой собственный смысл, который считает наиболее истинным. Если под нравственностью понимать *сознательное* отношение к добру и злу, приложение к своим и чужим поступкам известного, определенного нравственного критерия, способность *сознательно* отречься от своих интересов и выгод в пользу других, то, конечно, о нравственности сургутян не может быть и речи, ибо для этого они не обладают самым главным, безусловно необходимым *conditio sine qua non* — сознательным отношением к себе и другим. Если же мерилom брать количество преступлений, совершаемых населением, то сургутяне окажутся людьми в высшей степени нравственными, так как среди них воровство очень редко, о грабежах, убийствах, поджогах и понятия не имеют. Между этими двумя крайними выводами возможен целый ряд других, занимающих средину.

Сургутянин не грабит и не убивает — таков факт, но жестоко ошибся бы тот, кто предположил бы, что подкладка этого факта нравственная. Конечно, сургутянин знает, что убивать грех, но удерживает его от преступления не это соображение, а просто ненужность, бесцельность подобного действия, так как при наличности тех условий, среди которых живет, он имеет возможность все существующие у него потребности удовлетворять, не прибегая ни к грабежу, ни к убийству, его жизнь слишком проста, чтобы его могли соблазнять такие во всяком случае рискованные поступки. Другое дело — надувательство, обман; сургутянин также прекрасно знает, что надувать ближнего значит совершать пакость, знает это по личному опыту — недаром же он всегда так сердится и так нехорошо ругается, когда его принадует приятель-сосед, — и, несмотря на такое сознание, при первом удобном случае надует своего ближнего; он перестанет быть

самим собой, если не сделает этого — упустить случай провести кого-нибудь — значит заявить себя окончательным дураком. Вообще, надувательство и обман в большом ходу в Сургуте, и все это делается с замечательной простотой и откровенностью — обманувши своего соседа, он идет хвастаться этим, как подвигом.

Гостеприимство считается обыкновенно одним из признаков высокой нравственности населения. Гостеприимны ли сургутяне? И да, и нет. Придет к ним приезжий русский человек, в котором они могут быть так или иначе заинтересованы, и они радушно примут гостя, наложат его чаем; пожалуй, даже угостят шаньгой с рыбьим жиром. Но приди к тому же сургутянину остяк, и он не всегда пустит его даже в комнату, очень редко даст есть, не иначе, как по просьбе остяка, и никогда не посадит последнего есть вместе с собой. Или такой факт. Остановился у города пароход, переполненный переселенцами, ехавшими из России в глубь Сибири на новые места. Переселенцы, измороженные, в лохмотьях; с грудными ребятами на руках, разбрелись по городу просить хлеба Христа-ради. С грустью должны сознаться, что очень немногие подали хлеба, большинство же ограничилось глумлением над лаптями и лохмотьями просивших. Очевидно, накормить странника — правило, которого не имеется в нравственном кодексе сургутян. Не имеется там и другого правила — не оставлять в опасности ближнего. В декабрьский мороз на улице валяется пьяный остяк, ему грозит опасность замерзнуть, и никто из проходивших мимо сургутян и не подумал поднять его: велика важность, если и замерзнет остяк!

Наконец, сургутянин любит выпить; правда, эта любовь не переходит в пьянство, как у остяка, за водку готового продать и душу, и тело, но без вина ему и праздник не в праздник и веселье не в веселье. По этому поводу нам вспоминается одна сургутская масленица, во время которой во всем городе не было ни капли водки. Все ходили мрачно, опустив головы, у всех был такой грустный и подавленный вид, точно их гнетет какое-то страшное горе. На вопрос о причине грусти в праздничное время, они отвечали: «Что за масленица, коли она сухая!» Женщины также не прочь выпить, тем не менее повторяем, пьянства в обычном смысле этого слова нет в Сургуте.

Что касается нравственной физиономии остяков, то в этом отношении нам приходится ограничиться о них отзывами самих сургутян. По их словам, остяк «очень уже прост»,

т. е. чересчур уж честен и доверчив: он не украдет и не обманет ни своего брата, ни русского торговца, у которого находится в кабале. Остяк — человек грубый, крайне жестокий, вспыльчивый и раздражительный, к тому же и пьяница, зато он работящ («здоров, собака, работать!»), предупредителен, всегда делится с нуждающимся и оказывает помощь ближнему.

Отношения сургутян друг к другу, если не считать обычных обманов и подвохов, довольно сносные и мирные. Тех безобразных столкновений, ссор и драк, с которыми встречаешься в каждом городе и даже большинстве деревень Тобольской губернии, здесь не увидишь. Бывают, конечно, и здесь недоразумения, но они носят сравнительно мирный характер и как-то быстро улаживаются.

Очень возможно, что это явление надо объяснять тем, что большинство сургутян — казаки и потому им не чужды известные товарищеские обязательства друг к другу; также и чувство дисциплины имеет, вероятно, свое значение.

Отношение к пришлому русскому люду или безразличное, когда человек не занимает влиятельного поста, или же заискивающее, когда сургутянин чувствует в нем нужду или находится в зависимости от него. Совершенно обратное наблюдается по отношению к инородцам. Изобидеть инородца, остяка или самоеда, сургутянин считает таким простым и естественным делом, о котором и разговаривать не стоит. Для него инородец существо низшее, «собака», им все гнушаются, считая его поганым. По отношению к остяку все позволительно, всякий самый жестокий и безобразный поступок с ним ни в ком не вызывает ни гнева, ни порицания. В Сургуте не редкость видеть, как на улице издеваются над остяком, как мальчишки запускают в него льдинами, травят собаками и т. п. Мы знали одного казака, у которого битье остяков положительно обратилось в какую-то манию и который, встречая остяка, непременно бьет его, причем норовит ударить так, чтобы тот сразу стал головой в снег. Или такая, например, картина: едет утром из города запоздавший на ярмарке самоед, отставший от товарищей; без всякого повода к нему на нарты вскакивает парень и сильно, с ожесточением начинает бить его в спину; самоед молчит, только пригибает голову да погоняет оленей; выехавши за околицу, парень соскочил с нарт, самоед же, отъехавши подальше, обернулся по направлению к городу и погрозил кулаком. Все видевшие эту сцену остались много довольны даровым зрелищем и хвалили парня за удаль и смелость.

Даже смерть остяка не сдерживает сургутянина, и он продолжает смотреть на остяка, как на тварь, только теперь эта тварь стала еще и падалью. Несмотря на религиозное почтение к покойникам вообще, они позволяют себе издевательства и глумление над трупом остяка. Вот характерная для Сургута и его жителей сценка, свидетелем которой нам пришлось быть. Шумно, с гиком несутся по улице дровни с поставленным на них гробом, верхом на котором сидят два молодых казака. При повороте в переулок дровни раскатываются, ударяются об угол дома, и казаки вместе с гробом вылетают вон из дровней, причем гроб раскрылся и из него выпал на снег труп остяка. С хохотом и остротами, с приправой восклицания «язви тебя, остяцкая морда!» и т. п. парни уложили покойника в гроб и поехали дальше. Пока парни возились с трупом, около них собралась порядочная кучка народу, среди которой не нашлось ни одного человека, кто возмущился бы подобным безобразием, зато многие приняли живейшее участие в нем. Впоследствии мы узнали, что это везли из больницы труп остяка в церковь для погребения. Нельзя сказать, чтобы все сургутяне и всегда относились таким образом к инородцам. Бывали случаи, что даже в торговцах, всю жизнь притеснявших и обиравших инородцев, вдруг начинала говорить совесть, и они круто изменяли свое отношение к ним. Так было, например, с одним из самых богатых сургутян. Сорок лет торговал он с инородцами, буквально грабил их и таким путем нажил себе большое состояние; его собратья и все население считали его самым ловким, оборотистым человеком, умеющим всякое дело обделывать. Однажды на ярмарке ему особенно повезло — говорят, «сразу зашиб тысяч пятнадцать», но не радовала его на этот раз удача, он вдруг затосковал. Сорок лет он не знал, что таков совесть, сорок лет она в нем спала, а тут вдруг пробудилась и стала грызть его душу. Ему припомнилось все, что он проделывал с инородцами, каждый обман, каждое надувательство. Всякому встречному он каялся в своих прегрешениях, говорил, что торговля загубила его душу, что ему не будет места на том свете и т. д. Ему виделись загубленные им, ограбленные жертвы. Торговлю он бросил, стал молиться Богу и так прожил еще года два, постепенно хирея и угасая; перед смертью сделал такое завещание: он, как великий грешник, недостоин лежать на кладбище вместе с другими, а потому пусть его похоронят в кладбищенских воротах, чтобы каждый проходящий, даже последний остяк, попирает его прах ногами. Завещание было в точности испол-

нено. И подобный случай пробуждения совести в людях, по-видимому закоренелых и руководящихся только низменными инстинктами похоти и наживы, не единственный в Сургуте. К слову сказать, такие факты доказывают с очевидностью, что в душе сургутянина таится много хороших задатков, при благоприятных условиях могущих развернуться и придать ему совершенно иной нравственный облик.

Иностранцы отлично сознают, как враждебно и презрительно относятся к ним русские, и в свою очередь платят им тем же, хотя наружно и высказывают глубочайшее уважение. Вследствие именно такого характера взаимных отношений самоеды никогда не въезжают в город иначе, как партиями, да и то вечером, когда горожане уже разбредутся по домам и улицы пусты; зато и сургутянин не всякий решится пойти без ножа или ружья в самоедское становище. По этой же причине и торговля в ярмарку производится ночью, т. е., по-видимому, в самое неудобное время. Остатки бывают в городе и днем, и даже в одиночку, хотя все-таки предпочитают ходить партиями.

Семейный быт сургутян прост и патриархален. Муж глава дома, и ему беспрекословно и покорно подчиняются все. Власть поддерживается при помощи кулака, от которого в семье никто не избавлен, а женщины, пожалуй, даже чаще других испытывают на себе его действие, так как больше находятся дома. Вообще, в семейном быту сургутянин суровый и жестокий деспот, не терпящий противоречий, а тем более ослушаний. Положение женщины очень тяжело: все домашние и многие другие работы лежат на ней, и она с утра до ночи не имеет отдыха; в ее жизнь не проникает ни одного луча света, могущего хоть сколько-нибудь скрасить ее. Взрослые дети поставлены несколько лучше: сыновья, находясь большей частью вне дома, ведут сравнительно независимую жизнь; девушки же вполне разделяют участь матери.

Отношения полов между собой, говоря относительно, свободны и просты, и сургутская молодежь не отличается пуританской строгостью. Девушка, имеющая детей,— явление совсем не редкое, и это обстоятельство ничуть не мешает ей выйти замуж. «Известно, дело молодое, девичье,— говорят по этому поводу сургутяне,— венец все прикроет». Но раз девушка вышла замуж — всякой свободе отношений конец, и редко можно встретить замужнюю женщину, которая «гуляла бы на стороне». Это считается одним из тяжких грехов, и такая женщина пользуется общим презрением. Проститу-

ции в собственном смысле не существует; хотя в полиции каждая девушка, имеющая детей, и считается проституткой, но сургутяне не придают этому никакого значения, разве только кто-нибудь подсмеется над такой девушкой, но и то добродушно.

Общественные увеселения в Сургуте в большом ходу. Зимой, в свободное время, постоянно собираются вечерки, на которых поют песни и пляшут. Танцы неуклюжи и нелепы — в них часто подражают движениям различных животных и птиц. На Рождественских праздниках молодежь, как и в других городах, маскируется и толпами ходит из одного дома в другой; причем разыгрываются маскированными целые сцены, из которых наибольшей популярностью пользуются «Царь Максимилиан» и «Ленивый барин». Бог весть когда и кем занесенные в Сургут.

VII. Заключение

Причины возникновения Сургута.— Что дала краю русская колонизация.— Условия развития края

На предыдущих страницах мы старались с различных сторон обрисовать народную жизнь, ее условия и формы в Сургутском крае. В общем, получается невеселая картина: куда бы ни взглянули, везде представляется убожество, на всем лежит печать какой-то фальши, ненужности.

В самом деле, какие условия загнали горсточку русских в лесную тучубу, населенную дикарями? Чем прельстила русских людей вечно мерзлая, пустынная тундра? Мы думаем, в самых условиях возникновения Сургута следует искать разгадки того, что современного наблюдателя часто приводит в крайнее недоумение.

Сургут не вырос естественным путем, из народных потребностей, он явился вполне искусственным созданием, продуктом административно-военных соображений. Местные условия ничем не оправдывали его возникновения и ничего не могли дать для поддержания его, и правительству пришлось, создавши город, еще и содержать его на свой счет. Дикари, для обуздания строптивости которых понадобилось образование казачьего поселения, давно были не только усмирены, но и доведены до покорности домашнего животного; в казачьей команде давно миновала надобность, а казна продолжала тратить деньги на Сургут — кормила

его население, одевала и платила ему хоть немного. Когда, много лет спустя, для всех стало очевидным, что Сургут вовсе не «грозный острог», а просто «пустое место», его стали населять новым элементом — каторжниками, отбывшими срок наказания, а деньги все-таки тратились и тратились. Наконец, в 60-х годах была прекращена туда уголовная ссылка, а в 80-х — уничтожена казачья команда, и начали постепенно уменьшаться размеры правительственной помощи населению, пройдет еще десяток-другой лет, и население будет вполне предоставлено собственным силам и участи. Несмотря на все затраты, на все усилия сделать из Сургута какой-то центр, он как был, так и остался пустым местом дондесь.

Что же дала краю такая колонизация? Ничего, в смысле положительном. Будучи поставлено сразу в условия, совершенно непохожие на те, в которых оно жило прежде, население, естественно, не могло сразу приспособиться к новым требованиям жизни. Благодаря самому положению своему в качестве завоевателей, да еще живущих на счет казны, казаки навсегда остались чуждыми местному населению и его интересам. Притом же и оторванность от остального мира оказала свое влияние, и население постепенно начало утрачивать основные черты прежнего образа жизни и характера. Казенное содержание давало возможность жить, не работая или работая возможно мало, соседство «очень уж простого дикаря» — с одной стороны, и досуг, который девать некуда — с другой, все это изменяло казака, постепенно прививало ему те несимпатичные черты, которые замечаются в нем теперь — лень, жадность к деньгам, презрение к труду. Под влиянием такой обстановки потребности все более и более сокращались, земледельческие занятия оставлены — их заменили промыслы, общение с инородцами привило новые черты, и население обострилось и утратило многое из того, что принесло с собой, — его культура была побеждена культурой остяков. Таким образом, сами сургутяне не только ничего не выиграли от занятия края, а, напротив, утратили даже то, что имели раньше.

Еще меньше выиграло от этой колонизации коренное население края — остяки. Выше мы уже видели, в каком состоянии живет теперь остяк, а между тем, по немногим дошедшим до нас историческим данным, это племя в момент появления русских на сцене представляло собою сильный, богатый, хорошо живущий народ; его культура в то время была выше теперешней. И все это принесено в жертву рус-

ской колонизации: вместо сильного и богатого племени осталось несколько тысяч нищих, спустившихся почти до скотского существования, оборванных, пьяных, страдающих сифилисом и тому подобными болезнями.

Поистине грустные результаты! Стоило ли ради них колонизовать край? Нам могут возразить, что это неизбежный результат всякой колонизации: всегда высшая культура, побеждая низшую, уничтожает представителей последней путем слияния двух племен или путем постепенного вымирания низшей расы — таков закон природы. Пусть будет так, но ведь в данном случае перед нами явление совершенно иного рода: представители *высшей* культуры побеждены представителями *низшей* и в значительной степени восприняли ее — это во-первых; а во-вторых, мы видим рядом двух колонистов: городского сургутянина и деревенского, почему они представляют собою два различных типа? Почему деревенский хотя медленно, с трудом, но все-таки подчиняет себе природу и отвоевывает у ней все больше простора для существования по собственному выбору, а горожанин, наоборот, все более и более подчиняется ей, отказываясь от всего того, что не соответствует вполне внешним условиям?

Темно прошлое сургутского края, неприглядно и его настоящее. Что же ждет его в будущем? Соляется ли русский с остью и их развитие пойдет совместно или остяк окончательно вымрет, уступив ему свое место? Трудно, конечно, заглядывать в будущее народа вообще, а тем более народа, о котором так мало еще собрано фактических данных, тем не менее мы решаемся высказаться об этом предмете. Принимая во внимание все, что известно нам об этом крае, мы приходим к печальным выводам. Сургутянин ¹ уже и теперь жалуется, что жить становится все труднее — казенная помощь скоро совсем прекратится, доходность промыслов совсем уменьшается с каждым годом. Таким образом, хотя население еще живет богато, но в недалеком будущем его ждет кризис, исход которого очень сомнителен. Надеяться на торговлю с инородцами также не приходится — с них уже и теперь мало что можно взять, а с уменьшением доходов от промыслов и вовсе ничего не возьмешь. Придется и русским, и остякам прискивать новые источники существования, которые более удовлетворяли бы их, нежели про-

¹ Здесь мы берем в расчет только городское население, так как несколько сот крестьян, разбросанных по округу на тысячи верст, вряд ли могут играть серьезную роль в жизни края.

мысли. Надеяться на успех таких поисков очень трудно — уж если теперь они не умеют пользоваться окружающими их природными богатствами, то тогда, когда предприятия крупных рыбопромышленников и иных представителей капитала еще больше разовьются, им и совсем не по силам будет справиться с этой задачей. Придется подчиниться течению событий, т. е. подвергнуться медленному вымиранию — мы имеем в виду не одних остяков, но и русских.

Вместе с тем замрет и край: капитал, исполнив свое назначение и быстро ограбив внешнюю природу, уйдет в другое, более подходящее место.

Таково, по нашему мнению, вероятное будущее края. Предотвратить его возможно только двумя путями: изменением внешних условий народной жизни, развитием среди русского и остяцкого населения края знаний в самом широком смысле этого слова — умственных и нравственных, тогда, обогащенный знаниями, имея основой своей жизни такие формы, как община и артель, сургутянин сумеет выбиться на прямой путь прогресса; или же надо вызвать новый приток колонистов, но на этот раз вольных, богатых энергией и знанием; такие колонисты могли бы оживить край, вдохнуть в него душу. Иного выхода мы не видим, а так как ни на внезапное развитие, ни на поток колонизационного движения в ближайшем будущем рассчитывать нельзя, то будущее описанного нами края, по нашему мнению, — это медленное, мучительное вымирание.

то они считают, напр., Одессу, Киев особыми государствами. В Обдорске этого нет: значительная часть русского населения, сохранившая чистоту крови (браки с инородцами крайне редки), грамотна.

В Обдорске имеются две школы: сельское училище и миссионерское.

При сельском училище два года тому назад учреждена библиотека, существование которой вызвано кроме общепросветительских задач еще необходимостью поддерживать русский язык в населении, живущем постоянно среди инородцев, могущем постепенно одичать, как это и случилось, напр., во многих поселениях Якутской области.

Однако жизнь среди массы инородческого населения успела, до известной степени, повлиять и на русских. Русские усвоили себе инородческий зимний костюм, зимой вместо шуб обыкновенно [носят] малицы — это рубашка из оленьего меха шерстью внутрь с капюшоном и рукавичками. На малицу одевается еще сорочка из какой-нибудь материи для того, чтобы сохранить мездру от снега и дождя (оленьи шкуры местной выделки боятся сырости).

Малица — прекрасный костюм для обдорского климата: сужу по собственному опыту, так как все четыре года, которые я прожил в этой местности, я другого зимнего костюма не носил. Малица довольно легка, нисколько не стесняет движений и прекрасно защищает тело от холода, особенно если ее подпоясать. Малицы носят и мужчины, и женщины, и т. к. остается открытым одно лицо, то издали или сзади только по походке можно отличить, какого пола человек идет. В дороге или в большие морозы сверху малицы надевают еще *гусь*¹. Гусь шьется такого же покроя, как и малица, только мехом наружу и из более грубых шкур. Человек в гусе напоминает несколько медведя и вообще имеет какой-то дикий, для непривычного взгляда, вид. На ноги зимой надевают меховые *пимы*² шерстью наружу; под нимы иногда надевают еще *чижи* — меховые чулки шерстью внутрь. Пимы прекрасно защищают от холода и при этом необыкновенно легки, не жмут ноги — ходишь, точно в чулках. Пимы часто шьют пестрые, для чего подбирают куски шкур различного цвета и прошивают их цветным сукном. Теперь мода на слишком пестрые нимы прошла, и шьют больше всего темного меха и лишь кругом ступни вставляют белую

¹ Гусь в Архангельской губернии называется «совиком».

² «Пимами» в Сибири называют валенки и вообще зимнюю теплую обувь.

Освобожден из ссылки 5 января 1895 г. по приказу царя, уехал в Псков, где жила в ссылке его мать. В Псков привез малицу, разучил с гостями, приходившими к матери, несколько обдорских песен, позже композитор Эвальд записал эти мелодии, и Барте́нев дважды издал сборник обдорских песен (Архангельск, 1914; 1921).

В Пскове он написал книгу «На крайнем Северо-Западе Сибири». Раздел о концентрации торгово-промышленной деятельности на севере Западной Сибири предварительно опубликовал в журнале «Новое слово» (1896, № 8). Этот материал сразу был одобрен в передовой статье «Тобольских губернских ведомостей», подчеркнут беспристрастный характер исследований Барте́нева, так как он, говорится в статье, «человек частный и не мог руководствоваться никакими побочными соображениями». Газета в нескольких номерах перепечатала статью Барте́нева, сопоставила ее выводы с мнением тобольского губернатора и пришла к заключению, что последний в своих выступлениях только дополняет Барте́нева (1896, № 25).

Много лет спустя С. П. Швецов также высоко оценил книгу Барте́нева: «В. Барте́нев... дает широкую картину жизни Обдорского края, и в частности его русского населения. В ней экономика перекрещивается с этнографией, естественноисторические особенности края с его культурой, общественная организация с просвещением населения»¹.

Кроме этой книги Барте́нев в «Ежегоднике Тобольского губернского музея» напечатал статью «Понятия обдорских остяков о грехе»², а в «Живой старине» «Погребальные обычаи обдорских остяков»³.

В 1907 г. Барте́нев переехал в Архангельск. К этому времени в его политических взглядах произошел перелом — от социал-демократии он перешел на конституционно-демократические позиции. Близость его к кадетам обусловила тот факт, что о дальнейшей судьбе Барте́нева в литературе не упоминается. А между тем в Архангельске он участвовал в краеведческом движении, был активистом весьма популярного Архангельского общества изучения русского Севера. Он вел, как председатель, некоторые заседания Общества, причем выдвигал многие темы для обсуждений.

Выделяются его выступления на заседаниях Общества о колонизации Севера, охране инородцев, национальном вопросе, обострившемся в революционный период, самоуправлении инородцев, охране памятников природы Севера, развитии путей сообщения

¹ Швецов С. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири//Каторга и ссылка.— 1928.— № 3.— С. 84.

² Ежегодник Тобольского губернского музея.— Тобольск, 1896.— Вып. 5.

³ Живая старина.— 1895.— № 3—4.

между Обью и Печорой и др. Анализ социально-экономических и национальных проблем европейского Севера Бартенев проводил с широким использованием сравнительных данных по Обскому Северу, что очень обогащало его выступления. Такое сопоставление помогало Бартеневу избежать узкого краеведческого подхода. Он по-прежнему считал, что главная роль в развитии промыслов принадлежит крупному капиталу при условии обогащения его значительными научными силами.

Летом 1916 г. Бартенев выступил в Обществе изучения русского Севера с докладом о значении собирания и распространения народных песен. После его выступления было разработано и принято «Наставление для собирания народных песен и других произведений народной словесности и музыки» (Архангельск, 1916.— 81 с.).

30 января 1917 г. Бартенев выбран товарищем председателя Архангельского общества изучения русского Севера. С июня того же года на него было возложено редактирование «Известий» — журнала общества, который имел большой авторитет в регионе. В революционное время найти средства на его издание было крайне трудно, но собранный и опубликованный Бартеневым материал имеет большую научную ценность, причем политические акценты в журнале были смягчены. Как редактор «Известий», Бартенев уже в 1919 г. представил в канцелярию Русского Географического Общества печатное пособие по карельскому языку.

«Высокий, сгорбленный, черный, с большими добрыми влажными глазами, постоянно сосет папироску, покашливает и, улыбаясь, тихим грудным голосом говорит просто, искренне и метко», — вспоминали о Бартеневе современники.

О В. В. Бартеневе см.: Бартенев В. В. Воспоминания петербуржца о второй половине 1880-х годов // От народничества к марксизму. — Л., 1987. — С. 162—221.

НА КРАЙНЕМ СЕВЕРО-ЗАПАДЕ СИБИРИ ОЧЕРКИ ОБДОРСКОГО КРАЯ

За последнее время Обдорск довольно часто упоминается в нашей периодической печати, то по поводу поездки туда проф. Якобия * с целью выяснения причин вымирания инородцев (остяков и самоедов), то по случаю попыток проложить путь по Оби и Обской губе в Ледовитый океан. Большинство читателей, вероятно, имеет самые смутные понятия об этом забытом уголке России.

Обдорск, самое имя которого довольно зловеще звучит в ушах русского интеллигентного человека, часто рисуется какой-то голой скалой на берегу Ледовитого океана.

Малоизвестность этого своеобразного края, возбуждающего теперь некоторую долю общественного внимания, заставляет меня думать, что предлагаемые «черчки», составленные после четырехлетнего пребывания в Обдорске, будут прочтены не без некоторого интереса.

1

Общий очерк природы и населения Обдорска.— Черты общесибирской жизни, замечаемые в Обдорске: характер администрации, ябедничество.— Сравнение Обдорска с другими поселениями дальнего Севера.— Домашняя обстановка, одежда, пища. — Влияние инородцев на язык обдорян: сюсюканье.— Просвещение: список периодических изданий, выписываемых в Обдорске.— Библиотека, ее значение для русификации края

Обдорск, или официально — село Обдорское Березовского округа Тобольской губернии, находится почти под самым Северным Полярным кругом, на р. Полуй, недалеко от впадения ее в Обь. Это последний населенный пункт на севере в приобском крае, последний шаг русской колонизации. Дальше по Оби встречаются только юрты остяков и самоедов и очень редкие постройки кое-кого из русских торговцев, забирающихся верст на 300 и более вниз по Оби. Обдорск расположен в смешанной полосе тундры и лесов, значение которой по всему северу России характеризуется проф. Якобием как место зимовки инородческих оленьих стад и передовых пунктов русской оседлости. Дики и непривлекательны окрестности Обдорска: кругом бугристая моховая тундра с изредка встречающимися перелесками, состоящими из корявой низкорослой березы, лиственницы, ели. По берегам реки много кустов тальника.

Собственно, близ Обдорска леса нет вовсе: что и было, то давно вырублено, и обнаженная тундра служит первым печальным свидетельством разорения всего этого края.

Невысокие, жалкие деревья можно встретить лишь за 7—10 верст от села. Дровяной же лес, хотя и невысокого качества, встречается верст за 40 от села к юго-востоку вверх по течению Полуя. Еще дальше по Полую можно пайти

и строевой лес, но его мало, и далеко ездить, поэтому большая часть Обдорска сделана из барочного леса¹. Верст за 300 южнее Обдорска встречается уже кедр, а Березов (480 верст от Обдорска) стоит среди прекрасного кедрового леса, но нужно проехать к югу еще около 700 верст, чтобы встретить полосу, где возможно земледелие — это уже на Иртыше. Огородничество в Обдорске почти невозможно, хотя один из жителей имеет на южном склоне берега Полуя небольшой огородик, где поспевает некоторое подобие картошки и репы. В Березове огородничество вполне возможно и им занимаются многие. Из ягод в Обдорске вызревают: морошка (в большом количестве), черника, голубица, брусника и княжника. По южным склонам речных берегов иногда встречается красная смородина, рябина, калина, шиповник. Сенокосов довольно мало: сено косят преимущественно по островкам и отмелям рек, заливаемым во время весеннего половодья.

Попадаетея иногда трава и среди тундры, в низменных местах. Довольно высокая (по пояс) и по-обдорскому даже роскошная трава растет по южным склонам речных берегов; но там неудобно косить.

Таким образом, скотоводство возможно, и многие жители держат коров и лошадей.

Основанный в начале XVII столетия казаками — покорителями Сибири, Обдорск долгое время существовал как крепость, служившая оплотом и убежищем для русских удалцов. С половины XVIII в. стали сюда приезжать купцы на ярмарку. Тогда, очевидно, завязались уже торговые сношения с инородцами. Не скоро инородец научился доверять русскому. Рассказывают, что первоначально торговля производилась таким образом: русские купцы перевозили на другую сторону Полуя товары и раскладывали их по берегу, а сами отъезжали прочь. Самоеды, с своей стороны, клали свои товары рядом с теми, которые они желали выменять. Если русский купец был доволен, то он подъезжал и брал самоедский товар, а свой оставлял в обмен. Мало-помалу самоеды убеждались, что их не ограбят, и тогда возникали непосредственные меновые сношения. В конце XVIII в. крепость в Обдорске упразднена, и для управления назначен гражданский комиссар, впоследствии переименованный в земского заседателя. С 20-х гг. нашего столетия стали в Обдорске

¹ Барочный лес — лес от разлома барки, который идет на постройки и дрова. Барка — славяное плоскодонное судно для кладки. (Примеч. сост.)

поселяться русские на постоянное жительство. Но все же до половины столетия Обдорск оживал раз в год, в январе, когда на ярмарку съезжались купцы. В остальное время года большую часть строений составляли пустые амбары, где только во время ярмарки кипела торговля. В 60-е годы в Обдорске не насчитывалось и 200 жителей.

Около этого времени стали появляться ижемские зыряне, играющие в настоящее время большую роль в обдорской жизни. В 1865 г. в Обдорске жило всего 6 зырян, да и те не имели постоянной оседлости, а жили на квартирах у русских временно. С 70-х гг. зыряне начинают селиться в Обдорске на постоянное жительство, а затем стали брать приговоры у инородцев на места для водворения.

Таких зырян, окончательно укрепившихся в Обдорске, теперь семей 6—7. Всех же зырян, проживающих в Обдорске, теперь добрая треть населения.

Если подъезжать к Обдорску по Оби, а затем по Полую, то еще издали можно увидеть этот городок, красиво и бойко расположенный на крутом и высоком мысу, выдающемся в Полуи. Всего виднее две церкви, из которых одна каменная, недавно построена и освящена в 1894 г. Многие строения расположены на берегу под горою, другие лепятся по откосу. На видном месте будка с инструментами для метеорологических наблюдений — Обдорская метеорологическая станция, учрежденная лет 15 тому назад Главной физической обсерваторией и содержащаяся на средства морского министерства. По переписи, произведенной в ноябре 1891 г. обдорским врачом Я. И. Зальмуниным, всего жителей оказалось 876 человек, из которых 459 мужчин и 417 женщин. По своему этнографическому составу они распределяются следующим образом:

русских	378
зырян	290
остяков	95
самоедов	103

Поляков, евреев и татар по 1.

Таким образом, русские являются преобладающею по численности народностью, хотя и составляют меньше половины всех других инородческих племен, взятых вместе. По месту рождения обдоряне распределяются так:

Родившихся в Обдорске и Обдорском участке	494
В Архангельской губернии (зыряне)	216
В Березове	70
В Тобольской губернии	69

В Европейской России 25

В других губерниях Сибири 2

Таким образом, население Обдорска, первоначально составившееся из пришельцев, в настоящее время большею частью состоит из местных уроженцев. Только зыряне являются сравнительно новым элементом, значительное большинство этого энергичного и богато одаренного племени принадлежит к сравнительно недавним выходцам из своей родины — Архангельской губернии.

Главным и почти единственным представителем власти в Обдорске является земский заседатель (вроде нашего станового). Затем местное управление инородцами лежит на обязанности обдорской остяко-самоедской инородческой управы, во главе которой стоит волостной старшина вместе с «ватажными» старшинами от отдельных инородческих родов. При управе — писарь из русских. Имеется еще казенный магазин, из которого выдается в ссуду инородцам мука, порох и свинец. В прежние времена казенные магазины были настоящим золотым дном для заведующих и вахтеров. Еще и теперь в Березовском крае можно встретить много почтенных старцев, бывших когда-то вахтерами, а теперь мирно проживающих с довольно хорошими для того края средствами (тысяч 10—20 руб.). Теперь эти злоупотребления значительно сократились: я, по крайней мере, за 4 года своего пребывания в Обдорске ни одного факта подобного рода не знаю. Да и вообще, нужно заметить, что репутация сибирской администрации, которая сложилась у нас в обществе, довольно преувеличена, по крайней мере, говоря о настоящем времени и о губерниях, лежащих ближе к России. Конечно, всевозможные злоупотребления местной администрации, взятки и т. д. и теперь имеют место, и было бы крайней наивностью предположить, что ничего подобного нет. Но человек, проживший более или менее продолжительное время в Сибири, не встретит теперь тех картин наглого и безнаказанного обирания обывателей, которые, несомненно, имели место в прежние времена.

В общем, нет большой разницы между Сибирью и остальной Россией. Состав сибирской администрации постепенно улучшается. Хотя удаленность от центров и является условием благоприятствующим для злоупотреблений, но, с другой стороны, в Сибири есть стороны жизни, не дающие им слишком развиться. Дело в том, что сибирский обыватель «зубастее» российского и более может за себя постоять; кроме того, сибиряк всегда может найти «писачу», который

сумеет настрочить «каку хошь клязу». В Сибири во всяком захолустном городишке вы встретите достаточное количество лиц, практически знакомых с порядками и законами.

Лица эти рекрутируются, главным образом, из числа уголовных ссыльных. Тип сибирского ябедника, бесспорно, крайне антипатичный.

Ябедник действует, конечно, из чисто своекорыстных мотивов и готов строчить доносы и клязусы каждому, кто ему заплатит.

Трудно сказать, однако же, что деятельность подобных лиц была бы всегда безусловно вредной. Конечно, в массе случаев ябедник вредит. Прежде всего, нехорошо уже то, что ябедник строчит тому, кто более может дать и, следовательно, является защитником интересов богатой части населения в ущерб беднякам. Если же донос возникает по личной инициативе ябедника, то он вызывается какой-либо личной обидой на того или другого чиновника. При этом доносы основаны большей частью на чисто формальных придирах. Редко случается, чтобы ябедник вникал в действительные нужды местного края и с этой точки зрения обличал начальство перед законом. Обыкновенно он придирается к каким-либо формальным упущениям, не вникая в суть дела. Поэтому очень часто бывает, что доносы градом сыплются на администраторов энергичных и не мирволящих местной плутократии, тогда как администратор бездеятельный и не задевающий местных воротил живет спокойно. К этому необходимо прибавить, что клязусники часто обманывают невежественное население, не обладающее достаточными юридическими сведениями и часто даже безграмотное. Это приходилось наблюдать и в Обдорске, где с самоеда иногда брали 10—15 руб. за написание такого прошения, которое никакого смысла не имело. Тем не менее при известных условиях (слабое развитие гласности, отсутствие земских учреждений, дореформенный суд, удаленность края от культурных и административных центров и проч.) приходится сказать, что и сибирский ябедник приносит иногда известного рода пользу. Ябедник, во всяком случае, является приспособленным орудием для отстаивания прав обывателя: в его лице общество получает защитника и наблюдателя за действием администрации. Ябедничество развилось в Сибири вследствие того, что условия тамошней жизни представляли к тому довольно благоприятную почву: зажиточность населения и его сравнительная независимость и бойкость, обилие злоупотреблений, а также обилие личностей, прошедших огонь,

воду и медные трубы. Во всяком случае, необходимо заметить, какие бы то ни было законодательные стеснения злу не помогут и ябедников не искоренят: это явление сибирской жизни может исчезнуть только с устранением тех условий, которые его породили. Часто с ябедниками борются административными мерами, ввиду того, что вести дело против них судебным порядком обыкновенно бывает невозможно или неудобно.

Конечно, в этих случаях бывают ошибки и недоразумения. Как яркий и любопытный пример подобных «недоразумений» приведу случай, близко мне знакомый.

Года четыре тому назад в Обдорск был сослан некто к-ий мещанин В. Сослан он был по настоянию местной к-ой администрации, представившей В. как человека вредного вообще, а в частности возмущавшего крестьян распространением ложных слухов по поводу помощи голодающему населению (это было в голодный год). Вследствие этого к нему была применена административная высылка в Обдорск, сроком на 3 года. Прав ли был В. или виноват — решать не берусь, т. к. знакомство мое с его прошлым до приезда его в Обдорск основывалось на его собственных рассказах. Как бы там ни было, но местная администрация торжествовала, избавившись от неприятного для нее лица. Казалось, можно бы и успокоиться, «упекли человека на край света в тундры, и ладно». Но видно, В. уж очень насолил кому-нибудь, только решили еще начать против него преследование судебным порядком по тому же делу! Было произведено следствие, а затем дело передано в К-ой окружной суд. Суд, рассмотрев дело заочно, приговорил В. к трехмесячному тюремному заключению за распространение ложных слухов и проч. Это было непростительной «ошибкой» со стороны чиновных врагов В.! Получив уже в Обдорске этот приговор, столь неожиданно присуждавший его ко второму наказанию за одно и то же преступление и, по его выражению, так сказать, «сдиравший с одного вола две шкуры», В. немедленно подал апелляцию в Тобольской губернский суд. В этой апелляции В. блестяще и неотразимо опроверг все возводимые на него обвинения и указывал на различные неправильности делопроизводства. Тобольский губернский суд отменил приговор К. суда. Тогда В. подал прошение на Высочайшее Имя, в котором, прилагая оправдательный приговор Тобольского суда, отрицавший наличие преступления, просил освобождения и от ссылки в Обдорск. Просьба В. была уважена, и он был освобожден от надзора с правом вернуться обратно

в К-ий округ. Таким образом, уездная администрация, благодаря своей излишней мстительности, сама же разрушила свое дело. Факт довольно характерный.

Пора, однако, вернуться к Обдорску. Обдорск принадлежит к числу тех поселений, которые сибирскими осятками называются иногда «северными столицами».

Действительно, многие северосибирские местечки, как-то: Средне-Колымск, Туруханск, Верхоянск, Обдорск, являются административными и культурными центрами территорий, равных по пространству иному среднеевропейскому государству (в Обдорском участке один полуостров Ямал, между Обской губой и Карским морем, имеет около 1000 верст по направлению с юга на север).

В силу отдаленности этих пустынных территорий, вся жизнь концентрируется и тяготеет к главному местечку в данной местности. Большинство жителей имеет самое смутное понятие об остальном мире и совершенно чуждо его интересов. К сожалению, нужно сказать, что и «остальной мир», с своей стороны, мало интересуется нашими отдаленными окраинами.

Если сравнить Обдорск с прочими «северными столицами», вроде Туруханска и Средне-Колымска, то ему безусловно придется отдать предпочтение. Мне приходилось читать описания Туруханска и Средне-Колымска (последнего в работах Рябкова и Дионео): Обдорск во всех отношениях стоит выше, население многочисленнее, богаче и развитее. В Средне-Колымске, напр., люди живут в маленьких домиках, без плиты, в одну комнату — в Обдорске же в таких лачугах обитают только осятки и беднейшая часть русского населения. Значительная часть изб в Обдорске имеет по несколько комнат с крашеными полами, со стенами, оклеенными обоями, с зеркалами и картинками-олеографиями; на окнах цветы; есть мягкая мебель, только мало приходится видеть комодов и шкафов, которые заменяются сундуками и ящиками. Эти ящики, крашеные, окованные и покрытые коврами, придают комнате обдорянина какой-то старинный колорит.

В Средне-Колымске нет бань, и жители живут в грязи, как осятки в Обдорске. Значительная же часть русского и некоторая часть зырянского населения одевается и живет чисто; баня — необходимая потребность каждого русского и зырянина. В Средне-Колымске жители, представляющие какую-то помесь русских, якутов и юкагиров, почти поголовно безграмотны и невежественны до того, что не знают названий даже сибирских городов, что же касается «российских»,

то они считают, напр., Одессу, Киев особыми государствами. В Обдорске этого нет: значительная часть русского населения, сохранившая чистоту крови (браки с инородцами крайне редки), грамотна.

В Обдорске имеются две школы: сельское училище и миссионерское.

При сельском училище два года тому назад учреждена библиотека, существование которой вызвано кроме общепросветительских задач еще необходимостью поддерживать русский язык в населении, живущем постоянно среди инородцев, могущем постепенно одичать, как это и случилось, напр., во многих поселениях Якутской области.

Однако жизнь среди массы инородческого населения успела, до известной степени, повлиять и на русских. Русские усвоили себе инородческий зимний костюм, зимой вместо шуб обыкновенно [носят] малицы — это рубашка из оленьего меха шерстью внутрь с капюшоном и рукавичками. На малицу одевается еще сорочка из какой-нибудь материи для того, чтобы сохранить мездру от снега и дождя (оленьи шкуры местной выделки боятся сырости).

Малица — прекрасный костюм для обдорского климата: сужу по собственному опыту, так как все четыре года, которые я прожил в этой местности, я другого зимнего костюма не носил. Малица довольно легка, нисколько не стесняет движений и прекрасно защищает тело от холода, особенно если ее подпоясать. Малицы носят и мужчины, и женщины, и т. к. остается открытым одно лицо, то издали или сзади только по походке можно отличить, какого пола человек идет. В дороге или в большие морозы сверху малицы надевают еще *гусь*¹. Гусь шьется такого же покроя, как и малица, только мехом наружу и из более грубых шкур. Человек в гусе напоминает несколько медведя и вообще имеет какой-то дикий, для непривычного взгляда, вид. На ноги зимой надевают меховые *пимы*² шерстью наружу; под пимы иногда надевают еще *чижи* — меховые чулки шерстью внутрь. Пимы прекрасно защищают от холода и при этом необыкновенно легки, не жмут ноги — ходишь, точно в чулках. Пимы часто шьют пестрые, для чего подбирают куски шкур различного цвета и прошивают их цветным сукном. Теперь мода на слишком пестрые пимы прошла, и шьют больше всего темного меха и лишь кругом ступни вставляют белую

¹ Гусь в Архангельской губернии называется «совиком».

² «Пимами» в Сибири называют валенки и вообще зимнюю теплую обувь.

полоску. Подошва пимов делается или из шкурок с оленьих лбов, или из *щеток* (жесткий мех из-под копыт).

Иногда поверх малицы вместо гуся надевают *парку*. Парка — это тот же гусь, только щегольской; она шьется из тонких оленьих шкур, большей частью снежно-белого цвета, причем шиваются куски других цветов, а также разноцветное сукно. Узоры получаются очень оригинальные и красивые. Вообще я редко видел другой зимний костюм, который был бы красивее парки.

Особенно красивы зырянские парки, делаемые с большим вкусом¹.

Конечно, все эти вещи пригодны только при обдорском климате; впрочем, мне кажется, что малица могла бы употребляться в России как зимний костюм для детей. Дети часто простывают, и поэтому их кутают во всевозможные платки, шарфы и шубки. Но все это стесняет ребенка, мешает ему свободно играть и резвиться и, в конце концов, не всегда предохраняет от простуды, а иногда даже способствует ей. Вот тут малица была бы чистым спасением. Нисколько не стесняя движений, малица в то же время представляет непроницаемую для холода и ветра оболочку, равномерно покрывающую тело.

Какая разница между обдорскими детьми, которые зимой целые дни проводят на воздухе, играя и резвясь, как снегири, и, напр., петербургскими, которые, закутанные в невозможный «цивилизованный» костюм, изображают из себя каких-то неповоротливых маленьких истуканов. Детскую малицу в Обдорске можно достать за 6—8 руб. Пересылка обойдется недорого, да можно покупать и в Москве у приезжающих туда ижемских зырян.

Местные условия отразились и на пище жителей. Там едят очень часто сырую мерзлую рыбу и мерзлое оленье мясо. Рыбу едят летом — сырую свежую, а зимой — мерзлую. Сырая свежая мне не особенно нравилась, да и многим другим также: все-таки чувствуется несколько неприятный вкус, да и хрустит на зубах довольно скверно; кроме того, есть опасность получить солитера, которым страдают многие

¹ Стоят все эти вещи сравнительно недорого: малица 10—25 руб. Обыкновенная хорошая малица стоит рублей 20. Гусь от 4 до 30 руб., смотря по тому, из какого материала шьется гусь. Если из шкуры взрослого оленя (простой, мохнатый самоедский гусь), то цена 3—5 руб. Потоньше 6,8—10 руб. Белый зырянский гусь 15—30 руб. Парку хорошую дешевле 30 руб. не найти, бывают и в 50 руб. Пимы стоят от 1 руб. до 3 руб. 50 коп., иногда и дороже. Самоедские пимы иногда продаются и в Петербурге. В сапожных магазинах в Гостином дворе пару пимов можно купить рублей за 12. Привозят их архангельские зыряне.

жители из русских и зырян. (Остяки солитера не знают вовсе, несмотря на то, что летом иногда почти ничего другого не едят, кроме сырой рыбы.) Мне не приходилось пробовать нашей «российской» рыбы в сыром виде, но говорят, что обдорская гораздо вкуснее, особенно нельма, муксун, сырок. Недурна и осетрина; только вот щука не годится — невкусная, да и глистов больно много, хотя едят и ее.

Зато мерзлая рыба хороша безусловно, и ее едят все, даже новоприезжие. Мерзлую рыбу стругают ножом, и получают стружки восхитительного беловато-перламутрового цвета. Таковую стружку берут рукой за один конец, а другой ловят ртом, а рыба так и тает во рту и похрустывает на зубах! Особенно хороша нельма. Осетрина несколько жирна, но все же не противна; зато икра осетровая мерзлая не соленая — прекрасна, лучше паюсной¹. Оленину тоже едят мерзлой: она очень мягка и нежна, поэтому прекрасно раскусывается и просто тает во рту. Это питательная и удобоваримая пища: ею многие лечатся от катара желудка. Особенно хорош костный мозг олений, но еще лучше мерзлые почки. С виду они очень некрасивы, но надо разгрызть этот грязноватый комок кровянистого жира, чтобы почувствовать всю его прелесть. Употребление оленины в сыром виде отчасти объясняется дороговизной овощей и вообще приправ к жареному и вареному мясу. Кроме того, оленина вообще не годится вареная, да и жареная тоже не особенно вкусна, так что лучше всего есть сырую.

Иногда едят и свежую оленину, не мерзлую, но это редко, так как в самом Обдорске оленей не бьют, а привозят туда мясо мерзлыми тушами.

Постоянное общение с инородцами повело к тому, что почти все обдоряне хорошо говорят по-остяцки и по-самоэдски. Остяки же, вообще, очень плохо понимают по-русски, а самоеды, вечно кочующие в тундре, и вовсе не знают русского языка. Русские иногда говорят по-остяцки и между собой; встречаются и такие, которые почти забыли родной язык и совсем одичали, но это редко, да и вообще господство инородческих языков в Обдорске слабее, чем, напр., в Якутской области. Между прочим, в языке обдорян есть одна особенность, которая замечается во всех северосибирских поселениях. Многие из природных обдорян произносят вместо *ш* — *с*, а вместо *ж* — *з*; иногда наоборот: напр., «узе наси

¹ Приготовленная же икра в Обдорске нехороша: ее не умеют как следует очистить от пленки и т. п.

присли» (уже наши пришли), «беднязки плохо живут», «пой-мал ерса» (ерша). Точно так же затрудняет их ч: «посол к цорту», а некоторых *р, л*: «то и дее» (то и дело), «тли любля» (три рубля). Вследствие этого язык коренного обдорянина напоминает какое-то детское сюсюканье. Это сюсюканье идет по всему северу Сибири, постепенно усиливаясь по направлению к востоку: в Обдорске оно еще слабо и осмеивается большинством, в Туруханском крае (по р. Енисею) оно сильнее и, наконец, в Колымском крае (крайний северо-восток Сибири) достигает полного господства. Объясняется это явление, вероятнее всего, влиянием инородческих языков. Остяки, по крайней мере, сильно сюсюкают и, вообще, их говор имеет какой-то слюнявый характер.

Образованное общество Обдорска очень малочисленно: заседатель, писарь, несколько священников, из которых один приходский и трое миссионерских, доктор, фельдшер, акушерка и учитель сельской школы. Затем кое-кто из местных купцов и рыбопромышленников. Кроме того, есть еще элемент случайный: административно ссыльные из интеллигентной молодежи. Всего перебивало с конца 70-х гг. таких человек 15.

Выгодной стороной Обдорского края служит то, что туда почти не ссылают уголовных преступников. Вследствие этого тип *варнака* и *шпанки*, составляющий бич для всей Сибири, Обдорску почти неизвестен. Поэтому тяжкие преступления, как-то: убийства, грабежи и т. п. в Обдорске вовсе не имеют места. Вы можете совершенно спокойно уходить за окраину села в какое угодно время, не опасаясь быть ограбленным или убитым, чего отнюдь нельзя сказать о других, более культурных частях Сибири.

Благодаря некоторой зажиточности известной части населения, а также отсутствию развлечений и обилию досуга, в Обдорске выписывается довольно много периодических изданий¹.

¹ Приведу список за два года: 1893 и 1894.

Названия	Число экземпляров	
	1893 г.	1894 г.
1. Русская Мысль	2	1
2. Русское Богатство	1	2
3. Вестник Европы	1	1
4. Северный Вестник	1	1
5. Мир Божий	—	1
6. Вестник Рыбопромышленности	1	—

Толстые журналы выписываются или читаются, по крайней мере, преимущественно интеллигенцией, но на другие издания подписываются и промышленники, и даже зыряне. Зыряне, выписывающих периодические издания, человека четыре. Выписывают они больше «Сибирский Листок» и разные иллюстрированные издания. Один из них, впрочем, подписывался на «Вестник рыбопромышленности», единственный по всему Березовскому краю подписчик на это издание. Он же выписал для обдорской библиотеки «Вестник Воспитания» и «Русскую Школу». Библиотека в Обдорске теперь довольно бедная, да больших требований тут и предъявлять нельзя. Большинство книг — детские и затем беллетристика, причем отсутствует большинство наших классиков: нет Л. Толстого, Тургенева, Островского, Гончарова, Салтыкова, Гоголя и мн. др. Большая часть книг для взрослых состоит из романов — приложений к иллюстрированным изданиям. Всего больше выдач приходится на детей-учеников, из них громадный % составляют зыряне. Благодаря этому, библиотека имеет значение преимущественно для ру-

Названия	Число экземпляров	
	1893 г.	1894 г.
7. Душеполезное Чтение	1	—
8. Восточное Обозрение	1	—
9. Сибирский Листок	6	7
10. Нива	3	9
11. Живописное Обозрение	2	4
12. Иллюстрированный Мир	1	—
13. Родина	2	—
14. Ремесленная Газета	1	1
15. Неделя	1	—
16. Север	2	1
17. Свет	1	—
18. Вестник Красного Креста	1	—
19. Тобольск. Губерн. Ведомости (часть неофициальная)	2	2
20. Епархиальные Ведомости	1	1
21. Сельский Вестник	2	2
22. Правительственный Вестник	1	1
23. Церковные Ведомости	1	1
24. Сын Отечества	—	1
25. Русская Школа	—	1
26. Вестник Воспитания	—	1
А всего экземпляров	35	38

сификации края. Зырянские дети школьного возраста почти все читают и пишут по-русски в противоположность своим родителям, почти сплошь безграмотным и довольно плохо владеющим русским языком. Из четырех зырян, выписывающих иллюстрированные издания, двое делают это для своих детей.

II

Русские.— Браки с инородцами.— Юридическое положение русского населения на инородческой земле.— Занятия: рыболовство, торговля.— Русское оленеводство.— Общественный кабак и его значение.— Расхищение шайтанов.— Замечания о нравственности обдорян

Население Обдорского края состоит из четырех народностей; русских, зырян, остяков и самоедов. Русские и большая часть зырян живут в Обдорске, и только летом промышленники уезжают на низовья Оби для рыбного промысла. Почти на половине расстояния от Обдорска до Березова лежит село Мужы, населенное зырянами. Остяки живут по берегам Оби и ее притоков. Их юрты раскинуты в виде небольших поселений на расстоянии от 20 до 70, верст одна от другой и встречаются вниз по Оби почти до самой Обской губы, где, впрочем, больше уже самоедских поселений. Самоеды, за исключением сравнительно немногих, потерявших оленей и перешедших к рыболовству, кочуют в тундре со стадами своих оленей, а в январе приезжают в Обдорск на ярмарку и для *положения* лсака. Инородческие юрты и чумы стоят и в Обдорске, но эта беднейшая часть народа — разоренный инородческий пролетариат. Скажем о каждой из этих народностей. Собственно, о русском населении нам уже приходилось говорить в разных местах, и потому ограничимся немногими дополнениями.

Русские составляют немногим менее половины всего населения. Подавляющее большинство их (почти все) — коренные сибиряки, сохранившие притом чистый великорусский тип. Смещения с инородцами в том краю крайне редки. Я знаю не более 4 случаев браков русских с инородцами, причем есть одна небольшая особенность: нет ни одного брака русского мужчины с самоедкой или остяткой. Наоборот, в тех крайне редких случаях смешанных браков, какие

бывали, всегда русские женщины выходили замуж за инородцев. Как известно, обыкновенно бывает наоборот: при столкновении культурного племени с диким если возникают смешанные браки, то женятся цивилизованные мужчины на диких женщинах, между тем как женщины культурного племени, как более консервативный элемент своего народа, реже выходят замуж за дикарей. В Обдорске — наоборот. Дикость местных инородцев и отталкивающая их неопрятность (особенно остяков), а также их бедность служит препятствием тому, чтобы русские мужчины брали себе жен из инородок. Что касается женщин, то более бедные иногда выходят за тех остяков, которые успели выбиться из своей обычной обстановки, разбогатеть, научиться какому-нибудь ремеслу и вообще цивилизоваться. Поэтому такие семьи всегда живут в русской бытовой обстановке.

Дети всегда считаются русскими, хотя и инородцы по отцу. Мужчина всегда имеет больше возможности выйти в люди, чем женщина, а для остяка выйти в люди — значит обрусеть. Обрусевши и бросивши остяцкое житье, он, естественно, стремится взять жену из той среды, в которую попал. Что касается внебрачных сношений, то здесь, конечно, дело происходит наоборот: русские мужчины с остячками; это, однако, бывает не так часто и не оказывает, конечно, влияния на тип русского населения, потому что дети считаются остяками.

Значительная часть русского населения — это бывшие березовские казаки. В 1881 г. березовское казачество было уничтожено, и казаки должны были приписаться к местным обществам или образовать новые. Таким путем возникло Обдорское сельское общество, ядро которого составляют бывшие березовские казаки. Обдорские крестьяне не получили наделной земли и пользуются только правом усадебной оседлости, на каковое они должны брать приговор в остячко-самоедской инородческой управе у местного инородческого общества. Приговор этот стоит различно, смотря по тому, какое место и под какую постройку, а иногда и смотря по зажиточности лица. В среднем цена рублей 50. Если крестьянин продаст кому-нибудь свой дом, то покупатель должен брать приговор. Многие из зырян, живущих в Обдорске, берут приговоры у инородцев, но не приписываются к сельскому русскому обществу. Вследствие весьма обостренных отношений между русскими и зырянами, Обдорское сельское общество очень часто возбуждает ходатайства о выдворении зырян, как поселившихся в селе без согласия сель-

ского общества. На это зыряне возражают, что никакого согласия и никакой приписки к сельскому обществу не требуется в Обдорске, так как сами русские живут не на своей земле, а на инородческой; следовательно, достаточно согласия инородцев, что и выражается приговором инородческой управы. Во всяком случае, создается не совсем желательное положение вещей: число зырян из года в год увеличивается, а между тем в Обдорске они как-то с бока припека: в сельское общество их избегают принимать, а приписываться к инородцам тоже нельзя. От инородцев они могут получать только приговоры на усадьбную оседлость: этого достаточно для торгово-промышленной деятельности, но не дает права и возможности принимать участия в местных общественных делах. Зыряне не составляют общества, у них нет своих старост, они, следовательно, не несут никаких местных сборов и не участвуют на сельском сходе. Вся земля находится во владении инородцев, и остальное население, чтобы воспользоваться, напр., рыболовными угодьями, должно арендовать их.

Пользование сенокосами до сих пор обыкновенно бесплатное, хотя иногда бывают случаи, что вотчинник-инородец требует плату за право покоса. Сами инородцы сена не косят и скота (кроме оленей, не едящих ничего, кроме моха) не держат.

Вследствие этого обдоряне не раз возбуждали перед Министерством Государственных Имуществ ходатайства о наделении их рыболовными и сенокосными угодьями из земель инородцев, ссылаясь, между прочим, на то, что русские, живущие по верхней части Оби — начиная с Березова, имеют свои земли. Действительно, сургутские и березовские остяки совсем почти лишены рыболовных угодий и потому влачат самый жалкий образ жизни (особенно в Сургуте). Поэтому домогательства обдорян могут, с первого взгляда, возбуждать опасения за участь и без того обиженных судьбой остяков. На самом деле это вопрос довольно спорный, и его, пожалуй, возможно решить так, что и волки будут сыты, и овцы целы. Дело в том, что по Оби вниз от Обдорска есть очень много рыболовных мест, которых остяки, за их сравнительной малочисленностью, сами эксплуатировать не могут и сдают в аренду преимущественно богатым тобольским купцам. При этом остяки получают самую ничтожную плату в силу того, что они совершенно закабалены неоплатыми долгами (как об этом еще будет сказано в своем месте). Как образовались эти угодья, слишком обширные

для того, чтобы вотчинники могли бы их сами эксплуатировать?

Дело в том, что остяки владеют своими землями на родовом начале: вся земля поделена между отдельными родами, члены которых пользуются родовой землей совместно. Вследствие разных причин (эпидемических болезней и др.), инородцы вымирают (хотя, вообще говоря, вымирание инородцев считается спорным, но об этом после). Случается, что из многочисленного раньше рода останется всего две, три души, владеющие громадными пространствами и притом получающие самый ничтожный доход, благодаря кабале у тоболяков. Вот из этих-то латифундий и можно было бы произвести наделение как обдорских крестьян, так и более бедных инородцев. Пострадали бы, в сущности, только крупные рыбопромышленники, в руках которых фактически находятся остяцкие земли.

Занятия русских обдорян состоят в рыболовстве и торговле с самоедами (скупка у самоедов пушнины и перепродажа ее тобольским купцам, приезжающим в январе в Обдорск на ярмарку). Об этих главных занятиях обдорян я потом скажу особо. Кроме этого, почти никаких других заработков у русских нет.

Кустарная промышленность совсем не развита: Даже не вяжут сетей и почти не делают никаких рыболовных принадлежностей. Все это привозится из Тобольска, где изготовляется крестьянами-кустарями Тобольского округа. Лодки, необходимые для рыбной ловли, различных видов: неводники (большая рыболовная лодка), бадьяновки, городовушки приплавливаются выше по Оби, от села Самаровского и других мест на юге Березовского округа.

Из кустарных промыслов, существующих в Обдорске, можно отметить шитье бродней и хлебопечение. Бродни — это большие рыболовные сапоги, шьют их без подметок и каблуков, из очень толстой кожи; в сапоги кладут толстую стельку из соломы. Бродни бывают обыкновенно во всю ногу. Их обильно смазывают дегтем и рыбьим жиром, а иногда вымачивают в смолевой воде. Обувь эта употребляется при неводьбе, но многие ходят в них вместо сапог. Хороши при охоте по мокрым местам. Подобная же обувь на севере Архангельской губернии, где тоже развито рыболовство, называется бахилами¹. Кроме того, многие занимаются печением

¹ Цена пары бродней около 3 руб. 50 коп. Три рубля стоит материал (2 руб. кусок козевой кожи для передков и 1 руб. передки из толстой кожи) и 40—70 коп. за шитье. Шитьем броден занимается в Обдорске человек 20—25, и то в виде побочного промысла. Всего вышивается в год до 500 пар.

хлеба. Печеный хлеб требуется для инородцев. Торговля с ними почти исключительно меновая, и печеный хлеб является одним из средств обмена. За печение берут 10—12 коп. с пуда. Из других подобных занятий можно упомянуть еще о вязании колыданных сетей — это сети, употребляемые при ловле рыбы особым снарядом — колыдаком — остяцкого изобретения — нечто вроде сачка, только больших размеров и с некоторыми усовершенствованиями. Затем некоторые шьют шапки и треухи из оленьих шкур, а также выделывают шкурки и шьют из них шубы и дохи.

Впрочем, большая часть этих работ производится остяками и зырянками: они выделывают шкуры и шьют более грубые виды зимней одежды: малицы, гуси и проч. Более же тонкая работа (шапки, шубы и дохи) исполняется исключительно русскими и притом женщинами. Но таких мастериц всего две на весь Обдорск. Так что Обдорск, главным образом, поставляет пушнину в сыром виде, а обделывается и шьется она в других местах¹.

Значительная часть жителей держит скот: коров и лошадей. Скот этот привозной и ничем особенно не отличается от своих более южных сородичей, кроме разве большей мохнатости. Летом скотина пасется без пастуха по тундре и сама, обыкновенно, возвращается домой в свое время. Пастуха и трудно было бы держать, так как при редкости пастбищ скот разбредается по большому пространству. Охранять его нечего: волки близ села не встречаются, особенно летом, они все ходят в тундре за оленьими стадами, а людей, которые воровали бы скот, в Обдорске нет, да и некуда угнать: село одно во всем краю. Лошади употребляются только зимой, когда на них возят воду (преимущественно).

Кое-кто из русских побогаче обзаводились оленями. Начало русского оленеводства обыкновенно совпадало с какой-нибудь эпидемией среди самоедов. Когда тиф или оспа про-

¹ Очень красивы шапки из пешек. Пешкой называется олений теленок. Шапки эти шьются с отложными козырьками и ушами. Недостаток их тот, что пещечный мех довольно скоро выгорает от солнца и тогда становится очень некрасивого рыжевато-бурого цвета. Цена такой шапки 2 руб. 50 коп. — 3 руб. Шапки шьют и из оленьих лап; те менее красивы, зато дешевле; стоят они около 1 руб. В Обдорске шьют и дохи. Доха — это шуба, крытая вместо сукна оленьим мехом, так называемым неплюем (неплюй — мех молодого оленя). Для дох подбирается ненлюй с короткой шерстью, этот мех очень красив: серовато-бурого цвета, глянцевого, несколько напоминающий плюш. Посредственная доха на крестоватиковом (крестоватик — летний песец) меху стоит около 100 руб. Доха очень красива, относится к предметам роскоши, тепла и сравнительно легка.

изведут свое опустошительное действие по чумам кочевников, то нередко остаются бесхозные стада оленей, которые расхищаются иногда самоедами же, а часто и русскими, и зырянами. Роль эпидемии иногда выполнял голод, дороговизна предметов, необходимых для самоедов; тогда можно скупать оленей за бесценок. Русские заводили оленей исключительно подобными способами. При этом никогда ни один русский сам оленей в тундре не пас, а нанимал пастуха-самоеда, а сам жил в Обдорске и получал доходы. Пастьба оленей — специальность самоеда. Иногда говорят о том, что это племя вымирает. Никогда не следует забывать, что вымирание самоедов приведет к прекращению оленеводства, а следовательно, к полному разорению всего края.

В числе немаловажных источников дохода следует упомянуть об обдорском общественном кабаке. Кабак этот открыт в 1889 г. и теперь дает обдорянам довольно порядочный доход. Раньше кабака не было, и водку приходилось привозить из Березова. Привозили не только для собственного употребления, но и для продажи.

Противозаконная торговля вином была очень распространена: почти в каждом доме был кабак. Многие нажились на этом деле, да и как не нажиться! Водку разбавляли водой, иногда наполовину; сдабривали ее купоросом и табаком и продавали по рублю бутылку. Продавали, конечно, главным образом, инородцам. Тогда большинству обдорян жилось довольно хорошо. Между прочим, приходилось слышать от купцов: «У нас тогда товар в лавках не залеживался, у всякого тогда водились деньжонки, ну, понятно, и торговля шла бойко. Теперь не то: открыли кабак, все самоеды оттуда водку берут, а частным образом водкой никто не торгует, стало быть, и денег у покупателя меньше».

Многие попадались, платили штрафы и отсиживали в «каталажке» за недозволенную виноторговлю. Попадались, конечно, только бедные, богатые же прекрасно устраивали свои делишки, как это и водится повсеместно. Наконец, с 1889 г., Обдорское сельское общество открыло свой кабак. Много пришлось возиться им с этим делом: трудно было найти людей, которые сумели бы вести общественное дело, а также необходимый капитал. Собственно денежных людей в Обдорске не мало, но многие боялись риска. Наконец дело наладилось и пошло в ход и стало давать довольно порядочные барыши. Из доходов кабака Обдорское сельское общество уплачивает теперь все государственные налоги и сборы, содержит школу, больницу, которая построена года

четыре тому назад на добровольные пожертвования. Кроме того, каждый год бывают еще остатки, которые делятся между членами сельского общества. Остатки не слишком великие: рублей 20—30 на душу, но все-таки — хлеб. Обдоряне часто жаловались на своих доверенных, заведовавших кабаком. Доверенные, по всей вероятности, действительно наживались. Если мы видим, что общественный пирог повсеместно на земном шаре возбуждает аппетит в тех лицах, которые близко к нему приставлены, то странно было бы ожидать, что этого не будет в Обдорске! Виноваты прежде всего сами обдоряне, которые не умеют вести путем общественного дела, установить контроль и т. п. Отношения их к своим доверенным отзывались иногда некоторою неблагодарностью: все-таки люди старались, хлопотали и сумели поставить дело как следует, от чего выиграли и сами обдоряне, и чего прочие жители сделать бы не сумели. Да и злоупотребления были вовсе не так уж велики.

От открытия кабака пострадали прежде всего лица, которые занимались корчемством. Больше всего — зыряне, как народ вообще более подвижной и оборотистый. Об этом, конечно, никто не станет жалеть; но по поводу кабака часто возникает другой вопрос, весьма существенный: как отразилась «реформа» на инородцах? В общем, мне кажется, что открытие кабака принесло несколько больше вреда, чем пользы. Правда, теперь инородцы получают водку лучшего качества, без купороса и т. п.; водка теперь дешевле, но зато больше соблазна. Прежде трудно было достать: опасно, а теперь стоит только спуститься под гору, где так заманчиво виднеется красная вывеска, а вечером, как звездочка, блестит огонек, гостеприимно приглашающий всех жаждущих. Кроме того, раньше нельзя было достать водки меньше, чем на полтинник: (из-за *такой* мелочи никто не станет рисковать), а теперь в кабаке дадут и на гривенник. Поэтому, чуть только получит остяк хоть гривенник, сейчас и в кабак. Прежде остяку надо было копить до полтинника или, чаще даже, рубля, а тем временем представится необходимость купить чего-нибудь полезнее водки. Пьянство, в общем, усилилось, хотя и не в очень большом размере. Корчемство пало очень сильно, хотя и не прекратилось совсем, как не прекратилось оно и повсеместно в России, по деревням. И теперь торгуют, только уже в тундре: повезет человек несколько нарт с водкой и разъезжает по самоедским чумам. Торгуют теперь сами самоеды. Развозят водку и летом по рыболовным станкам, хотя и не особенно много. Прекратить этого почти невозможно.

Как-то раз я встретил одного человека, бывшего, между прочим, на рыболовных местах Мурманского берега, и он мне сказал, что теперь, благодаря бдительности администрации, там совершенно исчезла продажа рома норвежцами; я, конечно, только улыбнулся в ответ на подобное заявление.

Бывал в прежнее время еще один источник обогащения, довольно оригинальный. Это ограбление остяцкого или самоедского «шайтана». Шайтаном называют в Сибири инородческих идолов, а также те амбарчики, которые ставятся под охраной идола и наполнены разным добром. Кочующий инородец не всегда имеет возможность возить с собой все свое имущество; вот он и оставляет свои драгоценности шайтану. Для этого в глухом местечке тундры ставится идол и при нем строится амбарчик. Сторожей нет, но сами инородцы никогда не посягнут на кражу этих вещей, как и, напр., новозеландец никогда не нарушит «табу». Кажется, вещи иногда и прямо жертвуются божеству. Такое же значение храмов мы знаем и в античном мире. Многие русские и особенно зыряне, чаще шныряющие по тундре, завладевали имуществом шайтанов и богатели. Часто находили там очень дорогие меха: соболей, чернобурых лисиц, голубых песцов.

По перечисленным мною способам наживы читатель может, пожалуй, составить себе довольно невыгодное мнение об обдорянах.

Мне было бы очень жалко, если бы так случилось. Сравнивая обдорянина и вообще сибиряка с крестьянами и мещанами Европейской России, я всегда отдам предпочтение первым перед последними. Уровень умственного и нравственного [развития] сибирского населения, насколько я мог заметить, выше общерусского. Обдорянин, как и вообще сибиряк, выглядит как-то осмысленнее и благороднее. Особый отпечаток кладет на обдорян жизнь в пустыне и при большой реке, на которой страшно разражаются бури. Известно, что опасность и риск, среди которых приходится жить населению, способствуют какому-то облагораживанию его типа. Есть также что-то освежающее и возвышающее в необъятном просторе и раздолье пустыни. В Сибири вообще меньше той обывательской пошлости, от которой тошнит в провинциальной России. Реже можно встретить и факты дикого и суеверного невежества. В Сибири никогда не принимали за слуг антихристовых статистиков и лиц, помогающих голодающему населению. Факты, вроде саратовских и астраханских беспорядков, тоже почти невозможны. Если в Сибири чаще бывают поразительные злодейства, то это

случаи более или менее единичные и не имеющие значения для характеристики массы. Объясняются подобные случаи присутствием уголовных ссыльных.

Да и что же такого особенного в тех способах наживы, которые, за исключением разве корчемства, были уделом довольно незначительного числа лиц? Расхищение шайтанов, расхищение выморочных оленьих стад, покупка за бесценок, по случаю крайней необходимости продавца, и т. п. — да это стал бы делать каждый средний обыватель, под какой бы широтой он ни родился. Человек всегда и везде ищет возможности приобрести как можно больше при наименьшей растрате труда.

Перейдем теперь ко второй народности — зырянам.

III

Зыряне. Характер и физический тип.— Домашний быт.— Малограмотность при желании учиться.— Хищничество.— Солидарность и ее стадный характер.— Рутинность приемов торгово-промышленной деятельности.— Зырянский вопрос: полезное значение оседлых зырян и вредное — кочующих. — Гостеприимство, благодарность.— Браки с русскими

Ижемские зыряне, или просто ижемцы, как они себя обыкновенно называют, — все выходцы из Печерского уезда Архангельской губернии. Там они, в количестве приблизительно 20 тысяч, живут, главным образом, по р. Ижме (отчего и местность их обыкновенно зовется Ижмой), а также по р. Печоре. Образовалось там поселение первоначально в XVI столетии, когда появились русские выходцы из Великого Новгорода. Потом туда пришли вологодские зыряне и смешались с русскими. От этого смешения и образовались ижемские зыряне. Преобладающий элемент, однако, зырянский, это видно из того, что ижемцы говорят по-зырянски, хотя с большою примесью русских слов. Тип их, в общем, финский, но есть и великорусские черты. Ижемцы — рослый, здоровый и красивый народ. Большинство носит окладистые, великорусские бороды. Лица румяные, с живым и наглым взглядом серо-голубых глаз. Женщины довольно красивы: белые и румяные, хотя неприятно поражает их животная красота. В этом отношении выгодно отличаются лица обдорских русских девушек, обыкновенно с милым и благородным выражением.

У себя на родине зыряне занимаются земледелием, держат коров, а приблизительно с половины текущего столетия стали приобретать оленей и выходить с ними к северу, в тундру. Многие занимаются торговлей: возят олени шкуры для выделки замши в Москву и в Нижний, оленье мясо, рыбу, куропацьи крылышки. Неблагоприятные условия Ижемского края, а также необыкновенная плодovitость этого племени заставили их двигаться дальше, и вот они перешли Уральский хребет и, в довольно значительном количестве, расселились по всему Березовскому округу. Были единичные попытки зырян переселиться из Березовского округа в Алтайский горный округ. В Обдорск зыряне приезжали сначала для торговли, а потом стали селиться для постоянного жительства и ведут образ жизни, подобный русским, т. е. летом ездят на рыбную ловлю, а зимой скупают пушнину у самоедов. Обдорскому краю известны еще зыряне кочующие и приезжие для торговли. Постоянно живущих в Обдорске около 300 человек. Кочующие зыряне ходят круглый год с оленями по тундре наравне с самоедами, только оленей у них больше, да обыкновенно они держат работников самоедов. Кочующих зырян в обдорском участке сравнительно немного — не более 20—25 чумов. Что касается до приезжающих из Ижмы, то их тоже не особенно много.

Зыряне привозят с собою разного рода товары: топоры ижемской работы, которые считаются очень хорошими для рубки дров, особенно зимой, ящики для нарт, в которых кочевники возят свое имущество, арканы (называемые в Обдорске по-остяцки: тынзян), плетенные из коровьих ремней, разного рода деревянную посуду.

Но главная операция их — это поставка оленьего мяса для Обдорска.

Как только станет Обь, в середине или конце октября, так оленеводы приезжают с северо-запада к Обдорску и привозят мерзлую оленину. Их тут ждут с нетерпением. Стокоставшиеся за лето по мясу, жители жадно набрасываются на лакомое блюдо и раскупают по тушам.

Зыряне очень энергичный, предприимчивый и работающий народ. Большинство из них знает какое-нибудь ремесло; среди них много плотников, есть столяры, кузнецы, печники. Главный же их конек — это торговля. Зырян зовут часто «северными жидами», и они отчасти оправдывают свое прозвание. «Народ-эксперт», как выражаются в Обдорске о зырянах, характеризуя их пронырливость. Но к еврейской

пронырливости у зырян присоединяется еще любовь и способность к тяжелому физическому труду. Физически зыряне очень сильный и здоровый народ. С детского возраста они постоянно на воздухе. По улицам Обдорска постоянно видишь зырянских ребятишек, играющих в разные игры, резвящихся и бегающих, оживленных и шумных. Зыряне большие любители оленьего спорта. Когда они приезжают в Обдорск, то начинаются настоящие бега по всем улицам. Целыми вереницами несутся зыряне на легких нартах, запряженных обыкновенно четверкой оленей, оглашая-морозный воздух пронзительным уханьем и криком. С длинным шестом (хорей) в левой руке, держа единственную вожжу в правой и полустоя на полозе с левой стороны, зырянин составляет как бы одно целое с нартой и оленями и несется, как птица. Езда на оленях действительно очень приятна, дух захватывает, когда нарта летит прямо по цельному снегу без дороги; только одно неудобство — забрасывает всего снегом из-под копыт, да крепче держаться надо, если не привык, а то слетишь на повороте.

Домашний быт зырян подходит к быту великорусского крестьянства. Одежда мужчин ничем не отличается от русской; только летом иногда вместо сапог носят чирки — род башмаков из оленьих кисов (кисы — шкура с оленьих ног). Зимой носят малицы, которые отличаются белой опушкой вокруг лица. Женщины носят русские сарафаны, а головы обвертывают цветным (большей частью красным) платком, который у девушек концами спускается на затылке как косы, а у баб плотно обвязан кругом. Красный сарафан отличает зырянку от русской: в Березовском округе все женщины ходят в платьях городского покроя.

Избы зырян, домашнее убранство, посуда почти те же, что и у русских. Только разница в том, что зыряне живут очень грязно и неряшливо, в прямую противоположность с обдорянами — русскими, которые, напротив, отличаются своей опрятностью и чистотой: старательно «охичают» свои дома, белят потолки и печи, скоблят добела полы и вообще много хлопочут по своей «домашности». Слова «зырянское житье», «по-зырянски» употребляются русскими хозяйками как синоним неряшливости и неопрятности. Здоровью зырян много вредит непомерное пьянство, которому предаются иногда и женщины; в этом отношении местное русское население, которое тоже не прочь бывает выпить («мы около воды живем, нам без этого нельзя»), все-таки выгодно отличается своей сравнительно трезвостью.

Женщины-зырянки зато никогда не курят. Как я уже упоминал, тип зырянина очень близко подходит к великорусскому. Присутствием русской крови это вряд ли можно объяснить: не так ее много в жилах ижемца, если судить по тому, что господствующий язык племени — зырянский, и говор совершенно особенный — нараспев¹, не имеющий ничего общего с нашим. Вероятно, это сходство произошло от того, что обе народности в продолжение целых столетий жили в одинаковых географических условиях. Так, всякий, кому приходилось видеть, напр., мордву с ее рослым населением, с окладистыми сивыми бородами, наверное, приходил к мысли, что народ этот этнографически финский, что видно из его языка, но по своей физической организации представляет скорее просто одну из отраслей великорусского племени.

Точно так же и зыряне. В самом деле, великоросс-северянин более походит на зырянину или мордвина, чем, напр., на малоросса, не говоря уже о прочих славянах, особенно южных. С другой стороны — зырянин по своему внешнему облику и фигуре ближе к великороссу, чем к чухонцу, остяку и эстонцу.

Духовное развитие зырян оставалось до сих пор в полном пренебрежении. Грамотность среди них ничтожна. Школ на Ижме очень мало, да и учат там довольно курьезно: учителя сами не знают по-русски, а учат читать и действительно выучивают читать по-русски, причем ни они сами, ни ученики не понимают того, что читают; «как сумасшедшие», по выражению одного зырянина, рассказывавшего мне, как учили его самого читать, не останавливаясь на знаках препинания, «напроход». У ижемских зырян почти нет своих песен и сказок и никаких преданий, чем они отличаются от остяков и самоедов, обладающих некоторым эпосом.

Песен очень мало и только обрядовые, протяжные и заунывные, как похоронные причитания, которые у них очень в ходу. В Обдорске они перенимают довольно скоро русские песни, особенно местные. В Обдорске же они посылают ребятшек в школу.

Там учителя были все окончившие Омскую учительскую семинарию, и дело преподавания было поставлено хорошо.

¹ Впрочем, в пользу великорусского элемента много говорят фамилии зырян: Рочев (рочь — по-зырянски «русский»), Чупров, Конев, Самодуров, Сметания, Витязев. Большинство фамилий — именные: Онуфриев, Терентьев, Филипов и т. д. — эти последние могут быть у каждого инородца. Но каким образом появились перечисленные в начале, напр. Витязев — от русского слова, вышедшего из употребления?

Учитель, бывший при мне, человек очень преданный своему делу и заведовавший, между прочим, библиотекой, говорил, что большинство учеников, которым он выдает книжки,—зыряне. Учатся они тоже хорошо и большие любители церковного пения. Зыряне, просвещенные Св. Стефаном Великопермским, очень религиозны, строго соблюдают посты и усердно посещают церковь. Если они что-нибудь читают, особенно у себя на Ижме, так это книги духовного содержания. Во многих избушках, даже несмотря на безграмотность и незнание русского языка, вы найдете какое-нибудь житие святых, свято хранимое, а иногда и читаемое вслух каким-нибудь редким грамотеем. Когда зырянин заходит в дом, то, прежде чем поздороваться, он долго усердно молится на образа.

Между русскими и зырянами в Обдорске существует довольно сильный антагонизм, объясняемый столкновением экономических интересов: зыряне являются конкурентами русских в их торговых делах с инородцами. В лице зырян обдоряне встретили предприимчивых, ловких и не брезгливых в нравственном отношении соперников. В деле «облапошивания» инородца зыряне положительно превосходят русских, и сами инородцы относятся к зырянам хуже, чем к русским. Зыряне, напр., часто воруют у инородцев оленей и что придется.

К этому нужно еще прибавить, что зыряне отличаются замечательным духом солидарности. Они оказывают друг другу деятельную помощь и поддержку. Русские же обдоряне этим похвалиться не могут. «Народ у нас несогласный, никакого дела у нас нельзя сообща устроить»,— приходилось часто слышать. Да и действительно, даже в таких пустяках, как, напр., масленичные или рождественские увеселения, и то не могут люди не поссориться и даже не раздаться. На масленице обдоряне устраивают горы для катанья (катушки).

Что бы, кажется, составить стоило одну большую компанию, тогда можно будет построить катушку всем на удивление. Так нет, непременно надо перессориться и разбиться на отдельные маленькие группы. Кроме того, среди русских резче чувствуется антагонизм между богатыми и бедными. Конечно, отсутствие сплоченности у русских не составляет, пожалуй, ничего особенно худого. Если хотите, это указывает даже на более высокую степень развития сравнительно с чисто стадною солидарностью зырян. Антагонизм между богатым купечеством, с одной стороны, и обдорскими бедня-

ками, с другой, указывает на более сознательное отношение к экономическим и общественным явлениям. Точно так же раздоры, которые часто возникают по различным делам частного характера, указывают на более развитую индивидуальность, на большее развитие личности, а иногда и нравственного чувства. Бывали случаи, когда компания обдорской молодежи исключала кого-нибудь из своей среды за безнравственный поступок. Часто среди обдорян возникал негодующий ропот по поводу какого-нибудь возмутительного происшествия: тогда начинались ссоры и раздоры. Конечно, в большинстве случаев несогласность русских в Обдорске возникала на почве личных интересов и на почве так называемой российской безалаберности. Но все же во всем этом есть жизнь или, по крайней мере, зародыши сознательной, разумной человеческой жизни; а этого почти не замечается в сплоченном однородном стаде зырян. У зырян очень слаб антагонизм между богатыми и бедными. Отношения между теми и другими носят т. наз. патриархальный характер. Бедняки с благоговением относятся к разжиревшему и иногда их эксплуатирующему богатому, который, в свою очередь, платит им якобы покровительственным добродушием.

Личных несогласий и раздоров между зырянами меньше, но эта тишина и спокойствие стада, исключительно поглощенного процессами жевания и пищеварения и сплоченного только для взаимной помощи исключительно материального характера. Конечно, братство есть идеал человеческих отношений; но дело в том, что разумному, настоящему братству обыкновенно предшествует период индивидуализма, когда человеческая личность старается освободиться из-под гнета авторитета патриархальной стадности. В этот переходный, критический период мы замечаем часто разного рода неурядицы и якобы падения общинности. Но это чисто временное явление, период брожения, задача которого — сформировать и очистить личность для установления настоящих человечески-братских отношений. Я не знаю, что будет из зырянских детей, когда они станут взрослыми; зырянские дети школьного возраста, по-видимому, смысленнее русских, но если сравнить, напр., молодежь русскую с молодежью зырянскою в Обдорске, то предпочтение нужно дать русской, у которой умственные запросы гораздо сильнее. Быть может, зырянам отчасти мешает в умственном развитии обычай ранних браков, принятый среди этого племени — патриархального и чувственного. Как только парень достигнет 18 лет, его немедленно женят, а затем плодовитый зырянин обрастает

детьми и погружается в семейные дела и в наживу, необходимую для детишек. Его уже не потянет к книжке или в приятельскую компанию.

У русских же в Обдорске браки заключаются сравнительно позднее. Как бы, впрочем, мы ни относились ко всем этим свойствам зырян, несомненно, что это племя является серьезным соперником для русского населения.

Многие предполагают, что со временем зыряне станут господами по всей низовой Оби. В настоящее время зырянам до этого далеко еще; замечательно, что они, будучи вполне приспособлены к местной «самоедской» торговле, не решаются до сих пор пуститься в более крупные торгово-промышленные предприятия, которые находятся исключительно в руках русских.

Русские купцы и торгующие крестьяне Обдорска ездят на Ирбитскую ярмарку, куда отвозят пушнину и где, в свою очередь, закупают разные товары, доставляемые потом летом на баржах вниз по Оби или осенью на пароходах, приходящих за рыбой из Тобольска.

Кроме того, многие из русских вместо того, чтобы продавать свою рыбу тобольским купцам в Обдорске, сами отправляют ее в Тобольск, нанимая для того пароходы. Один обдорянин в прошлом году сам купил себе пароход. Русские, расширяя свою торговлю, ставят ее на правильную ногу, заводят торговое счетоводство, интересуются требованиями отдаленных рынков и промышленных районов, имеющих для них значение. Мне приходилось слышать от русских разговоры о рыбопромышленности в Астрахани и других местах, о Лейпциге как о заграничном рынке для пушного товара, о сравнительной выгоде закупки мануфактурных изделий в Москве, а не на Ирбитской ярмарке. Значительный интерес возбуждают предприятия А. М. Сибирякова*, ищущего и прокладывающего новые торговые пути на Севере, а также и другие попытки в том же роде, напр., исследовать путь по Обской губе в Ледовитый океан для торговых сношений с Англией и Норвегией. Вообще, русские купцы довольно чутко прислушиваются ко всему, что может так или иначе отразиться на их делах: к колебаниям цен, новым обложениям, проведению Сибирской железной дороги. Много разговоров возбуждало ходатайство тобольской городской думы о проведении железной дороги от Тюмени до Тобольска. Что же касается зырян, то они, успешно конкурируя с русскими в мелких операциях с самоедами, редко возвышаются до более крупных дел, где приходится выходить

за пределы Березовского округа. Исключения составляют только некоторые богатые зыряне, живущие постоянно на Ижме и только иногда приезжающие в Обдорск. Эти ездят и в Нижний, и даже в Москву, доставляя туда оленье шкуры, крылья куропаток (идушие на дамские шляпки), мясо и рыбу. Говорят, зыряне приезжают даже в Петербург с рыбой и мясом. Как курьез сообщу, кстати, что некоторые из зырян приезжают в Петербург под видом самоедов, ставят чум на Неве и катают желающих на оленях. Я сам, когда еще был мальчишкой, не раз прокатывался по 5 коп. за круг, не думая, конечно, о том, что когда-нибудь придется так близко познакомиться с этими престестями. Насколько, впрочем, я могу довериться смутным воспоминаниям отдаленного детства, тогда это были, кажется, настоящие самоеды. Главной операцией вышеупомянутых заезжих ижемских купцов является скупка оленьих шкур. Шкуры отправляют в сыром виде (иногда срезают шерсть) на Ижму целыми обозами. Там их подвергают некоторой выделке, после чего их, в виде грубой замши, везут за границу, где окончательно выделывается прекрасная замша, которая в виде перчаток и т. п. возвращается и в Россию. Из шерсти, полученной при очистке оленьей шкуры, набиваются иногда подушки, часто же она просто выбрасывается.

Но все эти торговые операции, заходящие за пределы постоянного местожительства, носят, до известной степени, рутинный, традиционный характер. Конечно, это отчасти объясняется низким уровнем образования зырян, которые начинают цивилизоваться, можно сказать, на наших глазах. Подождем и увидим, что сделает новое поколение, которое теперь с таким успехом учится в школе¹.

Уже и теперь среди зырян выдаются личности, отличающиеся стремлением к образованию. Между прочим, единственный подписчик на «Вестник рыбопромышленности» в этом рыболовном краю — зырянин И. А. Рочев. Он же и фотограф-любитель, снимающий теперь типичных инородцев, а иногда и интересных русских. Ему приходилось также ездить по торговым делам в Нижний.

Постараемся теперь ответить на вопрос о желательности зырянского элемента в низовом краю. Для русских они,

¹ Около года тому назад в газетах было известие об открытии школы для зырян на Печоре или на Усе — не помню хорошенько. Обдорские зыряне очень сочувственно отнеслись к этому факту, особенно потому, что, судя по значительной сумме ассигнований на школу, видно, что на нее обращено большое внимание.

безусловно, нежелательны. Но, само собой разумеется, этого еще мало для того, чтобы начать их выдворять или вообще стеснять; разве только если провозгласить принцип «Россия для русских» и поставить зырянский вопрос так же, как (некоторыми публицистами) поставлен у нас еврейский вопрос.

Но другое дело, как отражается деятельность зырян на местных инородцах. Если зыряне действительно являются разорителями самоедов и остяков, то их, конечно, нужно как-нибудь окоротить.

На основании четырехлетних наблюдений я пришел к следующим выводам. Мне кажется, необходимо строго различать две категории зырян по их торгово-промышленной деятельности: зырян оседлых (торговцев и рыболовов) и зырян кочующих (оленоводов). Что касается первых, то они большого вреда не приносят. Если они и «объегают» дикарей, то немногим только больше русских. Постоянно живя в Обдорске, зыряне даже отчасти полезны для инородцев, так как, скупая у них пушнину, поднимают на нее цену.

Совсем другое дело — зыряне как оленоводы. Кочующий зырянин разоряет и самоеда, и тундру. Значение зырян-оленоводов для тундры Архангельской губернии уже достаточно выяснено. Между прочим, профессор А. И. Якобий в своей книге «О причинах вымирания инородческих племен» объясняет, как зыряне разорили Большеземельную тундру. Дело в том, что олень питается ягелем (особый род мха). Ягель вовсе не так много в тундре, и с ним надо обращаться умеючи. Срезанный до самого корня ягель отрастает очень медленно; нужно не менее 20 лет, чтобы он вновь стал годен в пищу скоту. Самоеды — прирожденные оленоводы, знают это и никогда не дают оленю застаиваться подолгу на одном месте. Зыряне же, сравнительно недавно ставшие заниматься оленоводством, и притом как промыслом наживы, ведут дело самым хищническим образом. Громадные стада их подолгу застаиваются на одном месте и не только выедают весь ягель до корня, но еще вытаптывают место так, что оно походит на вспаханное поле. На то же самое жалуются и самоеды обдорского участка. Обдорские самоеды с ужасом и омерзением передают то чувство, которое возбуждает в них вид обезображенной, опустошенной от ягеля тундры.

«Но ведь земля находится во владении инородцев? — спросит читатель. — Так чего же они пускают зырян, если они портят тундру?» Да, земля самоедская. Но дело в следующем: земля, более или менее, поделена между отдельными

родами, преимущественно по берегам Оби. Известному роду принадлежит береговая полоса и полоса неопределенной длины от берега, ограниченная линиями, перпендикулярными к берегу. Родовая земля, таким образом, представляет длинную, теряющуюся в неопределенной дали тундры полосу, идущую в перпендикулярном направлении от береговой линии. Право исключительного пользования землей на практике ограничивается только береговой полосой, где находятся рыболовные пески, на которых только и ловят рыбу члены данного рода. Что же касается до тундровой полосы, то тут, строго говоря, нет даже никаких ограничений для охоты (постановки капканов и стрел).

Что же касается до пастьбы оленей, то по условиям оленеводства (о которых будет сказано ниже) никакие ограничения и немыслимы: оленей пасут по всей тундре, не разбирая, чья земля. Тем не менее номинально земля числится за тем или другим родом. Пусть чужого человека пасти оленей на своей земле каждый род может и действительно пускает, беря плату по 5 коп. с оленя. Зырянин всегда может найти инородца, который согласится на такое условие, а раз он получил такое право, то, по условиям техники оленеводства, валяет со своим стадом на проход по всей тундре — от берегов Ледовитого океана до верховьев Полуя. Неуменье инородцев отстаивать свои права и их запуганность довершает дело.

В сущности, они имели бы право, встретив в тундре кочующего зырянина, прогнать его или, по крайней мере, подать на него жалобу, если он пасет на земле не того рода, у которого он купил себе право. В Архангельской губернии есть известная граница в тундре, за которую по закону зырянин со стадом забраться не может.

Так вот, относительно оленеводов еще можно бы сделать кое-какие ограничения. Хотя, конечно, тогда обдоряне лишились бы жирного мяса откормленных зырянских оленей.

Самоедское мясо далеко не так жирно, да его не много привозят самоеды, так как мало быют (или, точнее, «душат») скота, всего туш 30—50 самоедского мяса в год. Зыряне же привозят до тысячи.

К числу свойств зырянского племени нужно прибавить еще их гостеприимство и благодарность за оказанные услуги или за хорошее к ним отношение. Зырянин, которому вы сделали что-нибудь доброе, просто не знает, как и чем выразить свою благодарность и никогда не поспеет, хотя в то же время при случае вас же надует. Затем зыряне очень любят слушать рассказы про далекие края и чужих людей,

но особенно любят они, когда описывают какие-нибудь ловкие мошеннические проделки. Подвиги Картуша или Ваньки-Каина заставляют их до слез. И часто бывает, что едва смолкнет гомерический смех по поводу повествования о подвиге Ваньки-Каина, кто-нибудь из присутствующих, иногда почтенный старец, начнет с большим юмором рассказывать про какую-нибудь свою проделку с явным оттенком хвастовства своей ловкостью и умом.

Несмотря на враждебные отношения между русскими и зырянами, браки между этими племенами довольно часты, особенно за последнее время. При этом замечается обычное явление при смешении двух племен, из которых одно господствующее и более культурно, а другое сравнительно подчиненное и некультурное; именно русские мужчины женятся на зырянках, а не наоборот. Я не припомню случая, чтобы русская девушка вышла за зырянина. Да и действительно, выйти замуж за зырянина — значит подчиниться «зырянскому житью», т. е. зырянской неопрятности и необходимости. Да и в семье зырян все говорят по-зырянски, а язык этот сравнительно мало распространен. Женятся на зырянках обыкновенно русские из более бедных, где меньше разницы в бытовой обстановке и где больше ценится здоровая работа, коею, несомненно, является зырянка.

Русские и зыряне являются господствующим элементом Обдорского края, в противоположность инородцам: остякам и самоедам. По своему экономическому положению и быту русские и зыряне, до известной степени, сливаются в одну общую массу. Русификация зырян и смешанные браки все более и более содействуют этому слиянию.

Теперь перейдем к инородцам Обдорского края. Мы дадим самый общий очерк их современного положения, не вдаваясь в подробности чисто этнографического характера.

IV

Инородцы: самоеды, остяки, няхсамар-ях. — Язык. Вопрос о вымирании инородцев. — Отсутствие точных статистических данных для решения этого вопроса. — Причины вымирания: психические причины; экономическая эксплуатация; болезни

Инородцы Обдорского края — самоеды и остяки. Есть еще какой-то небольшой народец, которого остяки, а с ними

и местные русские, зовут няхсамар-ях (ях по-остяцки — люди, народ). Народец этот очень немногочисленный и совершенно неисследованный, открыт впервые недавно, а именно в прошлом, 1894 году зимой проф. А. И. Якобий вместе с обдорским уроженцем И. П. Росляковым* (совместно с которым я работал над составлением остяцкой грамматики) ездили исследовать реку Надым, впадающую в Обскую губу, верст на 100 ниже устья Оби. Ездили они туда для осмотра местности с целью устроить миссионерский пункт, по возможности изолированный от развращающих культурных влияний на остяков. Спустившись по Оби и проехав по Обской губе до устья реки Надым, они поднялись вверх по этой реке на довольно значительное расстояние по направлению к Ю.-В. и тут встретили этот няхсамар-ях. По внешнему виду этот народ почти не отличается от самоедов, только немного смуглее и с более резко выраженным монгольским типом, но в языке — громадная разница. Язык няхсамар-ях не имеет ни малейшего сходства ни с самоедским, ни с остяцким, даже звуки, общий характер языка — совершенно особенные.

В то же время это, наверное, и не тунгусы. Тунгусы хотя редко, но все-таки приезжают в Обдорск из Туруханского края. Факт столь недавнего открытия целого народца довольно недурно иллюстрирует наше отношение к жизни окраин.

Самоеды — племя монгольское; остяки — финское. Это отражается на языке обоих племен, не имеющих между собой ничего общего. Даже не знающие ни по-остяцки, ни по-самоедски могут отличить эти языки уже по одному говору: самоедский говор звучный, резкий, грубый, часто встречается «р» и разные гортанные звуки. Говор самоеда до того дик и так мало в нем человеческого, что просто удивляешься тем русским, которые выучиваются объясняться с этими истинными сынами тундры. Остяцкий говор, наоборот, протяжный, мягкий, изобилующий шипящими и свистящими звуками, что придает языку какой-то слюнявый характер. Но, несмотря на то, что народы эти принадлежат к различным расам, вы, встретив на улице инородца, не отличите, кто он: остяк или самоедин. И по одежде, и по чертам лица оба племени в Обдорском крае очень схожи между собой. Вероятно, это произошло от физиологического смешения (смешанные браки довольно часты), а может быть, и от долговременного пребывания в одних и тех же географических условиях. Остяки верховские, т. е. живущие южнее Березова к Тобольску и Сургуту, уже отличаются

от обдорских. Там совершенно ясно выражен финский тип. Проезжая по остяцким юртам около Самаровского (село Самаровское находится при впадении Иртыша в Обь), я был просто поражен сходством этих южных остяков с нашими чухнами. Точно так же, будучи недавно в Юрьеве, я нашел большое сходство остяков с эстонцами¹.

Монгольский тип: скошенные глаза, широкие скулы, смуглый цвет лица, довольно слабо выражен у самоедов. У них редки такие типично монгольские лица, как, напр., у калмыков. Лица обдорских инородцев я нахожу, в общем, довольно красивыми: блестящие карие глаза, довольно правильные черты и густой румянец по довольно белому лицу, особенно у женщин. На самоедских детей, когда они в мохнатых гусях, просто можно залюбоваться: они напоминают маленьких белых медвежат. Толстый мохнатый гусь закрывает все тело маленького дикаря и из этого белого пушистого покрова выглядывает только раскрасневшееся свежее личико с блестящими черными глазенками. Самоеды, когда им живется хорошо, представляют из себя очень здоровый, сильный народ. Конечно, когда инородец опустится и соплется, то в своих грязных, изорванных лохмотьях, с изуродованным морозом и пьянством (а иногда, хоть довольно и редко, и сифилисом) лицом он производит ужасное впечатление чего-то нечеловеческого. Особенно ужасны старики и старухи — нищие. Недаром о них говорится: остяцкая рожа.

Часто говорят о вымирании инородцев, и потому невольно возникает вопрос об инородцах обдорских. Несомненно, что раньше самоедов на обдорскую ярмарку приезжало больше, чем теперь. Но все это — указания старожилов, довольно неопределенные и голословные. Точных статистических данных не имеется. Исчисления ясачных душ и данные ревизий не годятся, так как были сделаны уже давно. Записи церковных книг тоже не могут дать никакого ответа на движение инородческого населения. Во-первых, не все инородцы крестят своих детей, и сами далеко не все крестятся. Во-вторых, почти никогда ни один инородец не погребается по православному обряду. Таким образом, церковные книги

¹ Сходство есть и в языках. Напр., раз, два, три, четыре — по-остяцки: ить, катя, холым, ниль; а по-эстонски: ить, как, колым, нель — почти то же самое. Был со мной в Юрьеве такой случай. Спросил я у эстонца, где глазная клиника. Не понимает ни по-русски, ни по-немецки. Тогда я показывало на свои глаза. Он догадался и спросил: «Сильма клиник?» — «Да, да, сильма», — сказал я, вспомнив, что по остяцки глаза — сэйм, и заговорил с ним по-остяцки, но больше мы друг друга уже не могли понимать.

Улицы
г. Обдорска



могут дать довольно приблизительные сведения о рождаемости и равно никаких о смертности. Основываясь исключительно на довольно неопределенных показаниях местных жителей и на кое-каких донесениях врачей и местной администрации (по поводу какой-нибудь эпидемии), можно все-таки предположить, что число инородцев скорее уменьшается, чем увеличивается. Очень важен вопрос о причинах этого уменьшения, так как, не зная причин, мы не можем и бороться с этим печальным явлением.

Вообще, приводят следующие объяснения: во-первых, приходится слышать указания на какие-то неопределенные психические влияния цивилизации на дикарей, в силу которых последние как-то сами собой ступшевыаются и пропадают. Во-вторых, и чаще всего делаются вполне определенные указания на такие действия цивилизации, как спаивание, истребление, закабаление и, вообще, эксплуатирование доверчивых и невежественных дикарей представителями более культурного народа. В-третьих, указывают на действие эпидемических болезней, особенно страшных при отсутствии медицинской помощи и негигиенических условиях жизни.

Что касается первого рода причин вымирания, то, глядя на житье самоедов, мне не раз приходило в голову, что при известных условиях может возникнуть такое психическое состояние, которое приведет к вымиранию, если не прямо, то косвенно, заставляя инородца пьянствовать и, таким образом, ставя его на путь алкоголизма. Это, пожалуй, может быть при такой культуре, которая, раз сложившись в определенную форму, не допускает уже дальше никакого прогресса.

Между тем народ сталкивается с высшей культурой, он видит картины лучшей жизни, они дразнят его воображение и манят его вперед; но туда он не может по условиям своей жизни.

На этой почве может развиваться хандра, а затем пьянство. Это часто приходило мне в голову, глядя на самоедов. Жизнь кочевника отлилась в известные формы, и никакой прогресс тут невозможен: вся бытовая обстановка самоеда идеально приспособлена к тундре.

Никакое другое жилище, кроме чума, как он есть, для тундры не годится. Все мельчайшие подробности одежды, утвари, упряжки оленей доведены до возможного совершенства. Сам Эдисон не мог бы выдумать ничего практичнее для тундры, чем оленья нарта, в смысле легкости и прочности. В то же время житье в тундре не дает возможности [преда-

ваться] каким-нибудь умственным занятиям: читать и писать очень трудно в дымной атмосфере чума, освещенного только костром посередине его. Да и к чему самоеду читать, ведь знание и наука только тогда могут оказать благотворное влияние на целый народ, когда они дают ему что-нибудь полезное и практически применимое. Если какой-нибудь самоед случайно попадет в условия цивилизованной жизни, напр., его отдадут в духовное училище или в фельдшерскую школу (как тому неоднократно бывали примеры), то он неизбежно порывает со своими родичами, становится русским священником или фельдшером. Для своего народа он пропадает совсем, даже родного языка он не знает, уступая в этом отношении любому русскому обдорянину, прекрасно говорящему по-самоедски. Я даже считаю, что брать детей из самоедов и остяков для того, чтобы давать этим отдельным личностям профессиональное образование, совершенно излишне. К чему, в самом деле, искусственно создавать профессиональную интеллигенцию из членов низшей расы, когда под рукой есть раса более для того пригодная? Ну, что толку в том, что такой-то фельдшер, такой-то псаломщик будет из самоедов, раз он не имеет ни малейшего влияния на своих соотечественников, да и сам по большей части плох? Большинство самоедов, перенесенных в другие условия жизни, заболевают от чахотки. Известно, что вообще кочевники, никогда не болеющие чахоткой у себя в степи, склонны к этой болезни, раз попадут в другие условия. Привыкшие к жизни на открытом воздухе, они уже не переносят яд легочного дыхания. Да и пьяницы они выходят в большинстве случаев. «Остяцкая кровь сказывается», — говорят в подобных случаях обдоряне.

Таким образом, прогресс для всего племени в целом почти невозможен. А между тем самоеду приходится сталкиваться с лучшей жизнью, которая, однако, для него недоступна. При таких условиях может развиваться подавленное психическое состояние, которое, неизбежно осложняясь алкоголизмом, может, пожалуй, привести и к вымиранию.

Мне кажется поэтому, что каждый дикий народ, которому природа ставит пределы развития, неминуемо должен погибать, раз он сталкивается с цивилизацией. Конечно, это не только предположения, и потому обратимся к условиям самоедской жизни, более уловимым и осязаемым.

Большинство (в том числе проф. Якобий) указывает на обирание инородцев русскими как на главную причину их вымирания. Действительно, самоедов и остяков порядком-

таки пощипывали, особенно в прежние времена (теперь-то они значительно поуменьли). Так как все операции торговли с инородцами составляют коммерческую тайну (и не в одном Обдорске), то учесть размеры этой эксплуатации довольно трудно. Несомненно, что та кабала, в которой находится значительная часть остяков, сильно отражается на их экономическом благосостоянии, и что те ободранные тени, которые часто шатаются по селу, являются результатом русско-зырянской эксплуатации. Ниже, когда нам придется говорить об экономической жизни Обдорска, мы коснемся еще и торговли с инородцами. Пока ограничимся следующими замечаниями:

1) Несомненно, что острый период обирания инородцев прошел. Теперь лишь в виде редкого исключения возможны такие факты, как обмен за папушу¹ табаку в 5 коп.— оленьей шкуры в 2 руб., что сплошь и рядом случалось прежде. В настоящее время меновые сделки (торговля в Обдорске, главным образом, меновая) совершаются уже на почве большей или меньшей эквивалентности обмениваемых вещей. Ограбление шайтанов, расхищение оленьих стад, присвоение себе ценных вещей, вверенных инородцами на хранение (один обдорянин составил себе целое состояние именно этим путем), кража у богатого самоеда иногда нескольких сотен рублей и т. д.— все это отошло уже в область истории².

Из подобного рода сделок еще уцелели выгодные покупки на почве предварительных обильных возлияний, что бывает теперь довольно редко и источником наживы и обогащения никоим образом служить не может. В общем, теперь обдорские торговцы берут не больший процент прибыли, чем повсеместно в России, если брать непосредственно меновые сделки, не основанные на предварительном закабалении. Инородца теперь уже не так легко надуть, как прежде. «Обдорск раньше точно, что был золотым дном,— часто приходится слышать,— но теперь это золотое дно провалилось и прежних «дивидендов» мы теперь и не видим».

2) Само русское население поставлено в крайне неблагоприятные условия. Большинство мелких и средних промышленников находятся в кредитной зависимости от крупных обдорских торговцев и от тобольских купцов, так что если они и обдирают помаленьку инородцев, то винить их

¹ Папуша — связка сухих табачных листьев. (Примеч. сост.)

² За мое время был один случай увоза оленьих рогов со священного остяцкого места для продажи.

нельзя, в сущности, так как не умирать же им самим с голоду. Экономическая деятельность современного обдорянина уже не имеет своей целью наживу и обогащение, а лишь добывание себе насущного хлеба. «Не до жиру, быть бы живу — по нынешним временам».

3) Если, тем не менее, инородцы, главным образом — остяки, и страдают от эксплуатации, то это зло есть преимущественно наследие прошлого. Наследие это состоит в неоплатной задолженности значительной части остяков и некоторой части самоедов. Инородец, обыкновенно, ведет дело с одним обдорянином, у которого он забирает товар (хлеб, чай, табак, сукно, топоры, котлы, ножи и проч.), а сам взамен приносит ему рыбу и шкуры. Берет инородец, когда ему нужно; а сам приносит иногда через полгода, когда наловит рыбы или добудет зверя. При безграмотности инородцев долг записывается одним обдорянином. Остяк же часто и сам не знает, сколько он должен. Расчет, таким образом, часто производится применительно к совести обдорянина или к состоятельности остяка.

Часто бывает так: возьмет инородец товару на 100 руб., через несколько месяцев он приносит обдорянину своего товару на 75 руб. — обдорянин говорит, что остяк ему должен не 100, а 125 руб. Таким образом, по уплате (вещами, конечно) 75 руб., остяк все еще остается должен 50 руб. Если подобные отношения тянутся несколько лет подряд, если ссуда и уплата производятся по мелочам, при колеблющейся оценке товара, в котором иной инородец и толку-то мало знает, то легко себе представить, что инородец совсем запутается и позабудет, сколько он должен. От значительной части инородцев при подобного рода вопросах получался ответ: «Почем я знаю».

Когда в голове у инородца все окончательно перепутывается; то устанавливаются между ним и русским те отношения, которые часто называются патриархальными. Тут нет ни записей, ни расписок, ни какой бы то ни было бухгалтерии и т. п. выдумок и плодов тлетворной цивилизации. Все делается попросту, на совесть.

«Бери у меня, что тебе нужно, — радушно обращается к остяку обдорянин, — а ты, с своей стороны, неси ко мне сколько можешь!» Долг отца переходит к сыну и т. д. И сколько бы остяк ни уплачивал, все остается и даже нарастает его бесконечный долг. Многие, особенно самоеды, перестают платить, но тогда они лишаются кредита не только у своих прежних патронов, но и у других. Самоеду легче уйти, ибо

он кочевник и зверолов; свой товар — пушнину он всегда продает за наличные деньги, а вот остяку плохо. Остяк — рыболов. А рыбу не так-то удобно хранить и перевозить, как пушнину. Рыбу надо сбыть по возможности на месте ее улова, поскорей, ну, а кому же ее сбудешь на месте, как не своему благодетелю, арендующему тут же песок? Вот и продают остяки мерного (12 вершков) муксуна за 5 коп., а иногда и дешевле. Иногда рыбопромышленник арендует песок не столько для того, чтобы самому ловить, сколько для того, чтобы иметь возможность, сидя тут же на месте, скупать остяцкую рыбу по дешевой цене. И нужно сказать, что без этих операций большинство мелких и средних рыбопромышленников совсем разорилось бы, так как сами они, большей частью, берут все необходимое у купцов в кредит, на самых невыгодных условиях. Хотя, с другой стороны, они отчасти и сами теряют на своей рыбе. Дело в том, что дешевле 16—18 коп. нельзя продавать, напр., соленого мерного муксуна (местная порода рыб — главный элемент рыботорговли¹) иначе, как себе в убыток. Слишком выгодная покупка рыбы у закабаленных остяков (по 5 коп. штука) страшно понижает цену ее при сдаче тоболякам. Бывает, что цена падает до такой степени (до 12—13 коп. за муксуна), что промышленник продает себе в убыток, и только тот и спасается, у кого много должников остяков. Поэтому правильное рыболовство почти невозможно, и тот, кто хочет ловить рыбу своими силами, неминуемо должен разориться, особенно если он сам в лапах у кулака.

На почве задолженности остяков возможны разного рода ухищрения для их объегоривания. Например, обдорянин снокон веку сидит на песке одного и того же вотчинника — остяка и ловит рыбу за самую ничтожную арендную плату.

По закону больше, чем на 4 года, арендовать пески у остяков нельзя. Поэтому через каждые 4 года нужно заключать новый контракт. В виде арендной платы дается иногда до смешного низкая цена — рублей 5, а то так просто бутылка водки; а в контракте пишется сумма рублей в 30. Контракты с остяками недействительны без подписи 4 человек посторонних. Но таких всегда можно достать сколько угодно. Таким образом, условие с формальной стороны безукоризненно. Бывают случаи, что остяк, недовольный такой сделкой, возьмет да и отдаст песок другому, за высшую

В Петербурге теперь цена муксуна — свежего мерзлого — 30 коп. за фунт, т. е. около 2 руб. штука.

плату, какой действительно стоит место. Само собой разумеется, что вторая сделка судом не признается правильной, и первоначальный арендатор восстанавливается в своих правах, основанных на законном (с внешней стороны) основании. Конечно, бывают случаи, когда инородцы (особенно самоеды) не платят и своих долгов (тем более, что взыскать судебным порядком такие долги невозможно), и страдают русские, но такие случаи не часты, да притом, в конце концов, русский наверстает свой убыток.

Одним словом, в настоящее время инородцы терпят, благодаря прежде сложившимся условиям; непосредственные же, так сказать, свежие обманы бывают сравнительно реже. Применяя к данным явлениям понятия научной социологии, можно сказать, что остяки и самоеды страдают, главным образом, от русской *культуры*, а не от русской *активности*¹.

Замечу еще раз, что все вышеизложенное не может заставить нас отнестись с особенным осуждением к обдорянам сравнительно с прочими людьми.

Читатель, сколько-нибудь знающий жизнь, согласится, что обдорянин, эксплуатирующий инородца, ничем не хуже, например, скупщика Европейской России, обирающего кустарей, ничем не хуже любого лавочника и т. д. У нас часто кричат о вопиющих безобразиях, совершающихся на отдаленных окраинах. При проверке, однако, выходит, что то же самое делается и везде. Поэтому странно осуждать обдорян за то, что они следуют общей тенденции всей жизни.

Обратимся теперь к третьей из вышесказанных причин вымирания инородцев, а именно к влиянию эпидемических и других болезней. Инородцы страдают преимущественно следующими болезнями: возвратный тиф, дифтерит, оспа, глазные болезни, сифилис, чесотка, иногда цинга. Всего губительнее действуют тиф и оспа. Тиф неоднократно произ-

¹ Под *активностью* разумеются (у Южакова) человеческие силы и способности, непосредственно действующие. Под *культурой* же — результаты работы этих сил при взаимодействии сил внешней природы. Культура представляет из себя как бы отложения человеческой деятельности во внешнем мире, а также и в формах отношений между людьми. Культура может быть и материальная (экономическое благосостояние страны, капитал), и духовная (религия, обычаи, законодательство и т. п. продукты работы предшествующих поколений). Иллюстрировал эти отвлеченные понятия данными обдорских социальных отношений, можно сказать, что в прежние времена остяк терпел от русской *активности*, проявлявшейся в фактах непосредственного обмана и ограбления; теперь же остяк терпит больше от русской обдорской *культуры*, т. е. от исторически сложившихся экономических форм (кабала).

водил страшные опустошения: после одной эпидемии, лет семь тому назад, инородческое население заметно поредело, и врач часто, заходя в чум, находил там одни трупы. Точно так же много народу губила и оспа. Инородцы только с недавнего времени начинают обращаться к врачу за прививкой и вообще за помощью. Но обыкновенно они лечатся у своих шаманов. Бывший объездной обдорский врач Зальмунин рассказывал мне, что во время поездок по чумам и юртам инородцы, узнав, что он врач, предлагали ему денег за то, чтобы он их не лечил и оставил в покое. Относительно причин, объясняющих такое недоверчивое отношение к врачам, мне пришлось слышать такого рода рассказ. Не так давно в южной части Березовского округа был фельдшер, отправлявшийся иногда по остяцким юртам прививать оспу. Брал он с собой несколько больших ножей самого устрашающего вида и точилку. Приехав и остановившись в юрте, он велит собраться всему населению вместе с детьми, а сам достает ножи и начинает точить их с видом, не обещающим ничего хорошего. Присутствующие остяки с ужасом смотрят на эти грозные приготовления, и можно себе представить, какая кутерьма подымается, когда эскулап объявляет, что он сейчас будет «прививать оспу» и привьет ее так, что после того человек уже болеть не станет. Остяки, конечно, несут ему шкурку и денег, чтобы избавиться от его «врачебной» помощи.

В самом Обдорске во время эпидемии дифтерита многие жители отказывались подчиняться требованиям врача по части дезинфекции, вследствие чего врач задумал прочесть несколько популярных лекций о заразных болезнях и о необходимости предупредительных мер против их распространения. Но на данное им г. попечителю Западно-Сибирского округа прошение он получил отказ. Попечитель нашел чтение таких лекций «неудобным». И только год спустя, когда в Тобольской губернии свирепствовала холера, была прочтена тем же врачом (Я. И. Зальмуниным) превосходная популярная лекция, выслушанная обдорянами с большим интересом и вызвавшая с их стороны принятие разного рода мер. Лекция эта была прочтена исключительно с разрешения местной администрации.

Часто встречаются глазные болезни вследствие нечистоты и дымной атмосферы в жилищах, а также яркого света весной при почве, сплошь покрытой снегом. От нечистоты тоже весьма часто развивается чесотка и другие кожные болезни. Цинга встречается сравнительно редко. Что касается

сифилиса, то распространено мнение о страшном развитии этого бича на наших северных окраинах. Мнение это до известной степени преувеличено. Количество лиц, обезображенных этою болезнью, не много больше, чем у нас по деревням. Недавно прибывший в Обдорск доктор Нейберт отрицал сифилитическое происхождение язв во многих случаях, где таковое признавалось раньше, и объяснял эти язвы волчанкой или же разными накожными болезнями вследствие нечистоплотности. Инородцы почти вовсе не страдают чахоткой, зубной болью, глистами. Простудные и гастрические заболевания довольно редки.

Случаи психических расстройств тоже довольно редки. Точно так же вовсе не встречается *омеряченье*¹, о котором так часто приходится слышать в Восточной Сибири среди якутов. Иногда у остяков бывают галлюцинации: они видят чертей. Черт обыкновенно является в пустынном месте в виде человека, одетого как и все, с красными глазами, внезапно появится, захохочет и исчезнет.

Подведем теперь итоги по вопросу о вымирании инородцев. Прежде всего, необходимо заметить, что за отсутствием текущей регистрации движения населения вопрос этот не допускает полного и удовлетворительного решения. Известно только, что инородцев прежде было больше, чем теперь. Но продолжается ли и в настоящее время уменьшение инородческих племен Обдорского края — наверное сказать нельзя. Причинами, вредно влияющими на самоедов и остяков, несомненно являются их бедственное экономическое положение вследствие эксплуатации и эпидемические болезни (главным образом, тиф и оспа). Относительно эксплуатации следует повторить, что первоначальный острый период уже прошел, и в настоящее время инородцы терпят меньше.

V

Самоеды.— Оленеводство и охота.— Эксплуатирование богатыми самоедами своей же братии.— Приспособленность быта самоедов к жизни в тундре.— Пьянство

Обдорские инородцы разделяются на кочевников и рыболовов. Большинство кочевников — самоеды, большинство рыболовов — остяки. Кочевники живут гораздо лучше ры-

¹ Омеряченье — род нервной болезни. (Примеч. сост.)

боловов: кроме оленеводства, которое само по себе дает значительные выгоды, они занимаются еще охотой на пушного зверя. Только в том случае, если самоед разорится и потеряет своих оленей, он переходит к рыболовству, которое, таким образом, является вторичной формой экономической культуры, своего рода прибежищем инородческого пролетариата. Самоеды кочуют с оленями по одному и тому же определенному направлению: весной они идут на север, к берегам Ледовитого океана, где летом прохладнее и олени менее страдают от комаров, мошек и паутов (оводов). Осенью стада оленей сами поворачивают на юг к Обдорску и дальше на юго-восток к верховьям р. Полуя в смешанную полосу тундры и лесов. Здесь кочевник и его олени не так страдают от морозов и буранов, да и больше топлива. Самоеды разделяются на каменную самуюдь (Камень — Уральские горы), кочующую летом к Карскому морю, и низовую самуюдь, кочующую к Тазовской губе. По пути самоеды ставят капканы для зверей (лисиц, песцов, росомех, волков). Мне говорили, что капканы каждый может ставить где угодно, и брать из капкана может всякий, даже из чужого.

Летом охотятся также и на дикого оленя в тундре, а по берегам океана промышляют и белого медведя, шкуры которого приходилось видеть в Обдорске (цена невыделанной шкуры от 40 до 70 руб.).

Промысел этот вовсе не такой опасный, как может показаться. Завидя человека, зверь встает на задние лапы и ждет. Самоед подходит и стреляет ему под левую лопатку. Если охотник и промахнется (самоеды, вообще, прекрасные стрелки) и медведь кинется на него, то нужно бросить ему мохнатый гусь. Медведь с остервенением начинает рвать гусь, а тем временем охотник успеет зарядить ружье другой раз.

Ружья большей частью старые, кремневые, хотя попадаются иногда даже скорострельные. Остались в употреблении еще и луки большие (в рост человека). Нужна большая сила и умение, чтобы спустить стрелу с железным наконечником (раньше были костяные) и оперенную с другого конца. Стрела около 1¹/₂ аршина длиной.

Из лука можно убить даже медведя. В настоящее время луки употребляются больше взамен капканов. Большой лук настораживают в таком месте, где проходят звери. Зверь задевает за веревку, привязанную к тетиве, и стрела спускается. Стрелы употребляются раздвоенные, в виде вилки, и зазубренные. Лук ставится больших размеров, и сила удара очень велика. Если человек случайно напорется на такое

приспособление, то результатом является смерть или увечье на всю жизнь. Но такие случаи бывают очень редко, так как луки ставятся на таких местах, где люди редко ходят. В Обдорске есть, впрочем, одна женщина, которой стрела раздробила голень, и она охромела.

На море промышляют моржей и морских зайцев (род тюленя). Их бьют для жира (ворвань) и для ремней. Моржовые ремни очень толсты, но не так прочны (скоро перегорают), как заячьи, отличающиеся необыкновенною прочностью. Во время своих кочевок самоеды очень часто находят мамонтовые клькки, которые они потом привозят на ярмарку в Обдорск.

И так всю жизнь проводят самоеды, кочуя по тундре. В начале ноября, как только станут реки, самоеды подходят к Обдорску и идут в лесистую местность верховьев р. Полуя на зимовку. В январе они являются в Обдорск на ярмарку и для положения ясака. Ясак должны представлять ватажные старшины, каждый со своей ватаги (самоеды разделяются на несколько родов, каждый род имеет свое название; русские зовут самоедский род ватагой). При сборе ясака старшины (выбираемые самоедами из своей среды на три года) часто эксплуатируют своих сородичей: напр., внесет старшина ясак за бедного самоедина 7 руб. с души, а потом требует с него вдвое. Вообще, нужно отдать должное самоедам, что они тоже не прочь эксплуатировать свою братию. Самоеды и водкой торгуют, и отдают в рост. За одного оленя, отданного в долг, самоед требует двух. Быт самоедов, их жилища, пища, домашняя обстановка были уже много раз описаны, и потому не буду об этом говорить. Замечу только, что их обстановка вовсе не так негигиенична, как это может показаться. Об одежде я уже говорил. Одежда прекрасно приспособлена к климату и условиям жизни в тундре. Малицу и пимы с чижками самоеды надевают обыкновенно на голое тело. Живот и верхняя часть ног защищается еще кожаными штанами. Я сам иногда носил малицу на голое тело и нахожу это довольно удобным: испарина не остается на теле и на белье (потому что и белья-то нет), и вообще как-то легко себя чувствуешь. Самоеды довольно опрятны: приехав на место стоянки и разбив чум, они на ночь одевают другую одежду, а старую выколачивают на морозе, чтобы избавиться от насекомых. Оттого у самоедов их гораздо меньше, чем у остяков, которые спят в том же платье, что и днем носят, и буквально обсыпаны вшами; на иного остяка противно смотреть, особенно когда он занят охотой на этих насекомых, разгрызая их зубами и даже съедая. Пища само-

едов тоже хороша: сырое мясо и рыба очень полезны для здоровья и вкусны. Оленья кровь, которую пьют самоеды, рекомендуется как средство от чахотки. Жилища самоедов — чумы, как известно, представляют конусообразную палатку с отверстием наверху для дыма. Чум покрывается летом тиской (берестяным ковром), а зимой — нюгой (ковром из оленьей шкуры). Чум прекрасно вентилируется, и в нем никогда не бывает затхлого и спертого воздуха. Неудобство чума — дым, который иногда наполняет его весь, хотя чаще он только сверху. Да еще то, что когда горит костер, то около него жарко, а подальше к краю чума — холодно. Впрочем, если туда подложить побольше шкур, то не дует, и сидеть, даже лежать довольно тепло и удобно. Неудобства эти не особенно, впрочем, велики; мне приходилось иногда сидеть в чуме, раз даже ночевать, и я нахожу, что там довольно хорошо. Да и много ли времени приходится оленщику проводить в чуме: большая часть жизни проходит на открытом воздухе, в езде. К холоду самоеды привыкают с самого детства: ребятишек они возят с собой в особых ящичках, куда кладут [их] спеленатыми. Надо ехать — положат ящичек с ребенком на нарту и привяжут его ремнем, чтоб не свалился по дороге; а приехали в дом — поставят куда-нибудь в угол.

Вообще, если самоед живет обеспеченно, т. е. имеет достаточно оленей да порядочный промысел пушного зверя, то он всегда здоров, как бык, и не имеет ни малейших признаков вырождения или вымирания.

Самоеды и остяки все большие любители водки. Непьющих между ними нет. Пьют и женщины, и даже дети. Как напьются, так и запоют. Определенных песен у них нет, они поют про все, что только придет в голову и что перед глазами. Мотивы тоже уловить невозможно: просто какое-то дикое гортанное завывание. Пьянство у инородцев пороком не считается. Пьяный идет смело по улице и орет во все горло, чтобы все видели, как он счастлив. Смерть в пьяном виде считается самую блаженною смертью. Только у верховских остяков за Березовым есть свои песни с определенными словами и мотивами, монотонными и заунывными. У верховских остяков есть и свой национальный музыкальный инструмент — лебедь, вроде гуслей.

Многие из остяков и самоедов курят, но большинство «кладут за губу табак, смешанный с чагой»¹. Оба инородческих племени придерживаются многоженства, безразлично

¹ Чага — это мелко искрошенные грибовидные наросты на деревьях.

крещенные или язычники. Обыкновенно бывает две жены, одна старая, другая молодая. Многие живут с одной женой, так как не всякому по средствам взять другую. За жену приходится платить родителям довольно значительный калым (от 100 до 200 руб.). Поэтому отец, имеющий много дочерей,— богатый человек.

Бедный самоед часто отдает в виде калыма все свое имущество и поступает к своему тестю на положение работника.

VI

Остяки.— Их закабаленность.— Рыболовство.— Гоньба.— Убогость домашней обстановки.— Юрты зимние и летние.— Артели

Самоеды-монголы отличаются от остяков-финнов своим характером: самоеды менее экспансивны, неразговорчивы, держат себя с оттенком сурового достоинства. Остяки, наоборот, народ экспансивный, веселый, болтливый и не лишенный остроумия. В остяцком языке, гораздо более богатом, чем самоедский, очень много различных юмористических оборотов. Они метко подмечают смешные стороны в человеке и вообще мастера давать характерные прозвища. Остяки, кажется, более способны к учению, чем самоеды. Те инородцы, которые получали образование, хотя и не представляли из себя ничего особенного, но были немногим ниже среднего уровня русского населения.

Впрочем, о способности инородцев к умственному развитию нельзя говорить ввиду того, что слишком мало для этого делалось.

Остяки преимущественно рыболовы, но кое-кто из них занимается оленеводством. Больших стад остяки не держат и употребляют своих оленей преимущественно для земской гоньбы. Юрты остяков расположены по берегам Оби и бывают двух родов: зимние и летние. В зимних юртах остяки живут зимой и здесь держат гоньбу и отчасти ловят сквозь проруби рыбу до января или начала февраля.

После этого времени рыба в Оби пропадает от замора воды. Замором воды называют местные жители какое-то изменение ее, в силу чего она приобретает неприятный вкус и делается негодной для питья; рыба в ней дохнет. Причина замора, кажется, не открыта, хотя существует несколько гипотез для объяснения этого явления. Известно только, что

замор идет сверху реки и обратно «живая» вода приходит тоже весной сверху.

Летом остяки переселяются поближе к Оби и ставят чумы, а иногда и юрты у рыболовных мест и ловят рыбу. Рыбу они сдают русским промышленникам, которые тут же поселяются на весьма тяжелых для остяков условиях. Русские держат остяков в руках и не позволяют им продавать рыбу другим.

Если вы, проезжая летом по Оби от Березова, встретите остяка, быстро скользящего на своей душегубке, нагруженной рыбой, и крикните ему: «Там-хой, тыния хул!» (человек, продай рыбы), то почти наверное получите в ответ: «Андам, ан тынилам!» (нет, не продам).

Остяцкая юрта представляет из себя небольшой бревенчатый домик с плоской крышей, на которой кладется дерн. Иногда вся юрта состоит из одного помещения — жилой комнаты, но чаще всего есть еще небольшие холодные сени и маленькая кладовая.

Обстановка юрты очень убогая и неудобная. По стенам широкие нары, устланные травяными плетеными циновками (тагар — цена 70 коп.— 1 руб.) и оленьими шкурами. Окно вместо стекла заставлено льдиной, довольно хорошо пропускающей свет. Остяки находят, что льдина лучше стекла, дешевле, теплее и не замерзает. Когда льдина покроется инеем, то ее отскабливают, и она становится совершенно прозрачной, между тем если стекло обмерзнет, то его не отскоблишь. Если льдина от таяния и скобления делается слишком тонкой, то ее всегда можно поменять. В углу юрты находится чувал (очаг) с прямой трубой, закрываемый снаружи куском дерна на длинной палке. На палку, прикрепленную поперек трубы, остяки одевают деревянный крюк, на котором подвешивают котлы и чайники. Здесь остяки готовят себе пищу: варят рыбу, которую потом сваливают в маленькие корытца такого вида, как употребляемые у нас для стирки белья, только меньше. Из этих корытцев они и едят. Сама поедят, а остатки дают собакам, которые едят из того же корытца, причем вылизывают его дочиستا, так что и мыть не надо посуды, что, конечно, представляет своего рода удобство, но мало понятное европейским хозяйкам. На том же чувале остяки кипятят чай и варят бурдюк. Для приготовления бурдюка в кипяток кладут муку, мясо, жир. Тут же пекут лепешки из ржаной муки, втыкая их на палочках в землю у самого огня. Кроме того, конечно, едят мясо и рыбу в сыром виде.

Остяки живут очень грязно: в юрте постоянно воняет рыбным жиром, дымом и еще чем-то кислым. Грязь повсюду. Неприглядную картину представляет юрта, когда вы в нее войдете: по нарам сидят и лежат какие-то грязные, всклокоченные фигуры, прикрытые прокопченными, запачканными и ободранными шкурами. По полу вместе с собаками ползают ребятишки, часто совершенно голые.

Женщины всегда заняты каким-нибудь делом: или шьют что-нибудь оленьими жилами¹, или возятся с детьми, или стряпают, или плетут циновки (тагары). Летом остяки выглядят несколько лучше: шалаши, чумы и юртишки, рассыпанные среди кустов и зелени по берегу многоводной широкой Оби, напесты для вяленья рыбы, просушиваемые сети, легкие лодочки, костер на берегу, наконец, сами остяки, включенные или же с длинными косами (мужчины и женщины), перевитыми тесемками,— все это представляет картину оригинальную и своеобразную по своей дикости. Точно переносишься куда-то в Америку (какою представлял себе ее прежде по романам Купера и Эмара), среди вигвамов индейцев. Хорошо бывает в ясное «погодье», когда солнце ярко освещает всю эту картину, выйти из каюка на берег после долгого путешествия по воде. Остяцкие станции (станки) расположены на расстоянии в 20—30—50 верст. Разложишь на берегу костер и в остяцком котле, начисто вылизанном собакой, сварить себе рыбы.

Среди этих дикарей всегда чувствуешь себя хорошо. Остяки очень добрый и честный народ. Когда я возвращался из Обдорска, то пока ехал по юртам, я мог оставлять свои вещи на улице, не опасаясь кражи. И только когда начались русские поселения, то нужно было посматривать, чтобы чего-нибудь не стащили. Остяки часто ловят рыбу, соединяясь для того в небольшие артели, человек в пять-шесть, не больше. Больших неводов они не употребляют, а маленькие сажень до 150—200, не больше.

Улов делят поровну между участниками, мало разбирая, кто что дал для промысла из «орудий производства». Артели эти всегда работают на русского или зырянского промышленника-скупщика. Очень редко более богатый остяк нанимает работников, хотя бывают и такие факты. Большинство работников, нанимающихся на рыболовные заведения к об-

¹ Вместо ниток употребляются для шитья инородческой одежды сухожилия со спины оленя. Сухожилие расщепляется на тонкие жилки, которые потом скручиваются. Эти жилы чрезвычайно прочны и дешевы, отчего их употребляют при шитье меховых вещей не только инородцы, но и русские.

дорьянам,— остяки, не имеющие средств самим обзавестись хозяйством. Как рыболовные рабочие остяки не лучше русских. При неводьбе большими неводами от главного распорядителя неводом (башлыка) требуется большое умение и опытность, за что ему платят дороже, чем обыкновенным рабочим. Башлык получает 40—60 руб., между тем как средняя плата обыкновенного рабочего около 20 руб. за лето.

Остяки почти никогда не бывают башлыками. Кроме того, они очень неопытно готовят рыбу (солят и вялят). Зато в единоличной ловле на лодочке с колыданом в руках остяки не знают себе соперников. Вообще, они прекрасные гребцы; на маленькой «моржовке»-скорлупке, сшитой ивовыми прутьями, остяк смело пускается по Оби, несмотря ни на какую бурю. Уверяют, что на остяцкой моржовке в бурю гораздо безопаснее, чем на большом паузке или каюке.

Кроме рыбной ловли, остяки летом держат земскую гоньбу, право на которую сдается правительством с торгов. Гоньба эта (зимой на оленях, а летом на лодках) служит для них порядочным подспорьем, хотя часто отрывает их от работы и бывает иногда очень тяжела. Правом проезда на казенный счет, вообще, порядком-таки злоупотребляют, так что часто подводчики-остяки жалуются, что им просто некогда рыбу ловить.

VII

Христианство среди остяков.— Миссия и миссионерское училище.— Проекты школы для остяцких детей и ее значение

Как самоеды, так и остяки — язычники и до сих пор свято чтут своих шаманов и соблюдают свои древние религиозные обычаи. Правда, значительная часть инородцев крещена. Но в душе они все остались прежними язычниками, и 180-летняя деятельность православной низовой миссии не произвела на них почти никакого влияния. В настоящее время центром миссионерской деятельности сделан Обдорск (раньше был Сургут). В Обдорске живет настоятель миссии, два священника — помощника, диакон, два псаломщика и толмач. Толмач особенно необходим для миссии, так как ни один из ее членов за весь период существования этого учреждения не знал местных инородческих языков. Исключением был священник Вологодский (жил в 20-х или 30-х гг.

нашего столетия), знавший язык верховских остяков, в стране которых он вырос. Он, между прочим, составил остяцкий словарь и отправил его в Академию наук, но Академия признала этот труд негодным. Был еще священник Николай Герасимов * — природный самоедин; этот, конечно, знал по-самоедски. Вообще, чтобы знать инородческие языки, надо самому быть либо инородцем, либо местным уроженцем.

Этим требованиям удовлетворить легко — стоит только родиться в Обдорске; но, конечно, этого недостаточно, чтобы быть хорошим миссионером. Большинство миссионеров — приезжие. Между ними попадаются иногда довольно способные личности, но способности свои они, к сожалению, не применяют к изучению инородческих языков и вообще какому бы то ни было исследованию жизни инородцев. Толмачи берутся из местных жителей, хорошо говорящих по-остяцки и по-самоедски, но совершенно не образованных (не выше самих остяков) и даже малограмотных. В миссионерской деятельности вообще известны три схемы:

1) система разъездов по становищам дикарей с целью проповеди и совершения богослужения и треб — это наиболее древняя система, завещанная нам еще от времен апостолов;

2) устройство школ и интернатов для обучения и воспитания инородческих детей для того чтобы влиять на дикарей с самого раннего возраста и вместе с тем, чтобы развить их и подготовить к восприятию христианского учения, наконец;

3) устройство образцовых колоний, ферм, в которых дикари кроме чисто школьного образования могли бы еще практически ознакомиться с формами высшей экономической культуры. Это, между прочим, делается некоторыми католическими миссиями в Африке.

В Обдорске приняты разъезды по инородческим юртам и, кроме того, есть еще миссионерское училище. Что касается разъездов по Обдорскому краю, то достаточно взглянуть на карту северной части Тобольской губернии, чтоб убедиться в бесплодности этого занятия. И. П. Росляков в своих статьях «Обдорская миссия и ее деятели», помещенных в «Сибирском Листке» за 1894 год, указывал на то, что миссионерам пришлось бы держать целые табуны оленей и целый флот каюков, если бы они захотели объехать хоть два-три раза в год всех инородцев.

Деятельность миссионеров во время разъездов сводится к совершению богослужений на непонятном для инородцев языке, к проповеди (очень редко) через малограмотных

толмачей и к совершению треб, значение которых для дикарей довольно темно.

Есть некоторые переводы на остяцкий язык из Св. Писания, молитв и богослужения, но переводы эти довольно плохи, за исключением некоторых, сделанных Росляковым (местный уроженец, теперь заведующий Обдорской метеорологической станцией). Нужно сказать, что многие места молитв совершенно непередаваемы в переводе на остяцкий и особенно на самоедский языки.

В Обдорском миссионерском училище не учится ни одного остяка и ни одного самоеда. Причина тому очень простая: инородцы не понимают по-русски, а миссионеры не понимают местных инородческих языков¹. В школе поэтому учатся только русские и зыряне, так же как и в сельской обдорской школе. Последние пять лет преподавание было поставлено очень хорошо, так как заведовал миссионерской школой священник вполне подготовленный (кончил курс в Омской учительской семинарии и около 10 лет был сельским и городским учителем до своего посвящения) и преданный своему делу.

В прежние времена иногда выдавался какой-нибудь миссионер, который брал себе на воспитание двух-трех остяцких сирот. Но это бывало редко; обыкновенно если миссионер и брал к себе какого-нибудь остячонка, то держал его у себя на побегушках, хотя и требовал себе денег за «воспитание пансионера».

Наконец, третий способ миссионерской деятельности — устройство колоний и насаждение среди инородцев высшей экономической культуры — почти невозможен в Обдорске и, конечно, вовсе не применяется в настоящее время. (Горе в том, что в Обдорске невозможно земледелие. Это не то, что где-нибудь в Африке, где католические миссионеры могли завести целые плантации, ввести культуру различных новых растений и вообще устроить новые фермы, на которых занимались бы чернокожие воспитанники.)

Такой миссионерский пункт не может приносить громадную пользу, служа рассадником высшей культуры. Введение новых культур увеличит благосостояние дикарей и создаст

¹ Как-какие попытки учиться делались: бывший три года тому назад настоятель священник М. обязал своих помощников заучивать каждый день по 5 самоедских слов; но потом скоро это было брошено. Заведующий теперь школой священник переписал остяцкую грамматику (составленную мною совместно с И. Росляковым) и учился по ней; насколько он успел научиться — не знаю.

почву для благотворных влияний духовного характера. Известно, что прогресс в умственном отношении может, в сущности, быть только при оседлой жизни с ее правильностью и удобствами, а также с той тесной связью между материальной и духовной культурой, которую она всегда дает. При невозможности земледелия, а тем более обрабатывающей промышленности, обдорские инородцы, стало быть, лишены прочного базиса для прогресса в духовном отношении. О кочевниках-самоедах и говорить нечего — при кочевой жизни, хоть десятки тысяч лет пройди над головой оленевода, все он останется таким же, каким был.

Что касается остяков, то их рыболовство тоже не особенно благоприятно для прогрессивного движения, тем более что оно поставлено в самые тяжкие условия. При теперешней экономической зависимости остяков о прогрессе и думать нечего.

Но даже если бы остяков освободить от их задолженности, ввести хорошо поставленную (как в Датской Гренландии) казенную продажу предметов первой необходимости, то и тогда еще много пришлось бы повозиться над цивилизацией этого народа. Дело в том, что остяк, как и всякий дикарь, обладает чертой характера, которую Спенсер называет импульсивностью. Остяк живет данным моментом и весьма непредусмотрителен. Деньги, заработанные сегодня, завтра же пропиваются. Делать запасы рыбы на зиму остяку очень трудно. Остяк ловит сколько ему нужно на ближайшее будущее. Поэтому он летом сыт, а зимой сидит впроголодь. Да и само по себе рыболовство в Обдорске поставлено так плохо, в силу экономической зависимости от крупных тобольских промышленников, что даже из русских никто одним рыболовством не живет. Жить можно только соединяя с рыболовством еще и торговлю, т. е. эксплуатируя не только природу, но и человека.

За всем тем я нисколько не отрицаю, что для остяков можно бы сделать кое-что в указанном направлении. Среди немногочисленной обдорской интеллигенции возник такого рода проект: устроить школу с интернатом. Бедные остяки могли бы отдавать туда ребятешек. В Обдорске почти все дети занимаются нищенством и живут в самых неблагоприятных условиях; родителям они все равно мало пользы приносят. Спервоначала можно было бы просто покупать детей для школы, как это вообще практиковалось раньше. Зимой в школе будут идти занятия на остяцком языке.

Людей, годных для этого дела, найти в Обдорске можно, если только действительно захотеть. На лето же можно отправлять ребятешек на рыболовное заведение к какому-нибудь

промышленнику. Конечно, надо выбрать такого, который бы не эксплуатировал труда детей, а давал бы им работу по силам и вообще обращался с ними гуманно. Такого человека тоже можно найти в Обдорске (опять-таки если *зазотеть* поставить дело серьезно, а не так, что дела никакого нет, а есть только многоглаголивые отчеты с дутыми, ничего не означающими цифрами о том, напр., что столько инородцев крестилось, столько-то обвенчалось и т. д.).

Живя в школе, в благоприятной для их духовного развития обстановке и работая вместе летом на промыслах, остяцкие дети вышли бы не такими, как их забитые и часто пропившиеся родители. В школе укрепилась бы между ними товарищеская связь, развилась бы привычка к совместной работе, и из школы остяки могли бы выходить готовыми рыболовными артелями. Конечно, требовалось бы еще законодательное вмешательство для облегчения положения остяков, но тогда оно могло бы принести несомненную пользу, так как встретило бы в самом населении достаточную подготовку для самостоятельной жизни.

При теперешнем же уровне развития остяков трудно даже придумать меры для их поднятия. Объявить ничтожными их долговые обязательства не имеет смысла, так как они большей частью не оформлены, да в своих теперешних видах и ныне все равно законом не признаются, а существуют *de facto*. Наделить остяков рыболовными угодьями? Но ведь и так вся земля по закону им принадлежит!

Если брать одну лишь юридическую сторону дела, то остяки являются крупными собственниками, своего рода лэнд-лордами, у которых русско-зырянское население только арендует землю. А между тем этот лэнд-лорд ходит ободраный хуже последнего санкюлота.

VIII

Религия остяков.— Шаманизм.— Разница между древними и современными религиозными понятиями остяков.— Понятие о грехе.— Загробный мир.— Необходимость «этнографических станций».— Шамань.— Чудеса.— Ворожба.— Тесная связь верований остяков с их мировоззрением и условиями жизни.— Идолы и их значение

Кроме тех внешних условий материальной культуры, которые так неблагоприятны для прогресса вообще и для

обращения в христианство, в частности, существуют еще препятствия из области духовной культуры.

Никогда не следует забывать, что религиозные понятия каждого народа тесно связаны со всем его мирозерцанием, которое, в свою очередь, складывается на почве бытовых условий его жизни. При постоянстве как внешнего быта, так и умственного развития останутся неизменными и его религиозные понятия.

Остяки и самоеды исповедуют религию, которая близко подходит к монотеизму, у отдельных же личностей переходит в деизм.

В дальнейшем изложении я буду говорить исключительно о религии остяков как более мне известной.

Остяки верят в существование высшего существа, которое они называют Торым. Торым один для всех веков, стран и народов. Это бесплотный дух, которому подчинены прочие второстепенные духи (кульь). По понятиям многих остяков, Торым мало вмешивается в мирские дела и совершенно бескорыстен; жертв приносить ему не надо; они нужны только низшим духам — куллям. Но это воззрение, очевидно, новейшей формации, так как, судя по обрядам, видно, что и Торым требует жертв. Так, при поминовении умершего ставится три блюда: одно — покойнику, другое — водяному духу (йинг кульь), а третье Торыму.

Непосредственное ближайшее участие в жизни людей принимают кулли. Их призывает шаман в случае болезни остяка, тяжелых родов, пропажи какой-нибудь вещи и т. п.

Кулли всегда требуют жертв, и остяки всегда удовлетворяют их: закалывают оленей на священных местах и тут же сами съедают. Рога вешают на ветвях священного дерева, тут же привешивают и разные тесемочки. На поминках остяки ставят богам вареную рыбу и чашку чая. Любопытно, что чай ставят только куллям, но не Торыму. Торым, очевидно, брезгует такими новшествами, как чай. Богам ставят и водку. К сожалению, я не могу сказать, как относится Торым к водке.

Кулли мало вмешиваются в человеческие дела, и лишь постольку, поскольку им это выгодно или касается их интересов.

Область *tas* резко отделена от области *jus*. Грехом считается только проступок против божества: святотатство, нарушение присяги. (Остяки присягают на медвежьей лапе.) Нарушившего волю богов ждет от них наказание в виде неудачи в промысле, болезни и смерти.

От ожидаемого наказания остяк может откупиться, принеся жертву богу. Был случай, что остяк, стащивший что-то со священного места (чрезвычайно редкий случай), откупился, пожертвовав богу халат.

К числу грехов относятся также и некоторые нарушения половой нравственности. Был, напр., такой случай. У одной остяжки были трудные роды. Позвали шамана. Шаман забил в свой пеньзяр (бубен) и стал спрашивать роженицу, в чем она согрешила.

По воззрениям остяков, трудные роды посылаются в наказание за грех против половой нравственности, и только тогда женщина разрешается от бремени, когда признается в грехе. На вопрос шамана остяжка сказала, что она занималась онанизмом.

Но роды не наступали, и шаман говорит, что не за этот грех ее карают боги. Тогда остяжка сказала, что находилась в противоестественных отношениях с собакой (что, кажется, у них довольно часто бывает). Но и это оказалось не то. Наконец, остяжка призналась, что жила со своим отцом, и тогда благополучно разрешилась от бремени.

Во всех остальных случаях боги не вмешиваются в людские дела. Убийство, кража, панесение обид и т. п. грехом не считаются, хотя, конечно, осуждаются как преступление.

Вообще, боги предоставляют людям жить, как они хотят, лишь бы приносили им жертвы, не нарушали присяги, свято чтили священные места и т. п.

Остяки верят в загробный мир — патлам. Слово «патлам» собственно значит тьма, темно. Патлам находится где-то на севере, почему остяки хоронят своих покойников ногами на север, чтобы «он как встанет, так и пошел бы прямо, куда ему следует». В патлам идут все без различия — и праведники, и грешники. Судя по остяцким похоронным обрядам, в патламе придется есть и пить, добывая пищу охотой и рыболовством. Для этого в гроб вместе с покойником кладут его одежду, ружье и прочие вещи.

Покойник может вернуться и блуждать вокруг своих близких в виде призрака. Остяки этого очень боятся и совершают разного рода обряды для предупреждения таких нежелательных визитов: обводят по краю гроба беличьим мехом и дуют в дверь юрты, чтобы изгнать дух покойного и т. п.

Но среди остяков есть много таких, которые отрицают загробный мир, а также и вмешательства богов в земные дела. «Когда я умру,— говорил один остяк,— то больше уже ничего не будет, сгнию, и все тут».

Некоторые признают существование одного Торыма, которому, однако, не нужно приносить никаких жертв и просить его, ибо он и сам знает, что кому нужно.

Вообще при исследовании религиозных и иных понятий дикарей мало ограничиваться изучением одних обрядов и обычаев. Обряд есть форма застывшего понятия. Обряд указывает на то, что данное понятие когда-то существовало в сознании общества. Но прошли века, и значительная часть общества придерживается обряда лишь по привычке и рутине. Строго говоря, следовало бы для изучения миросозерцания дикарей применять статистический метод поголового опроса. Но это очень затруднительно, да и неудобно по многим причинам. Единственный исход — образование на наших отдаленных окраинах кружков местной интеллигенции, преимущественно из уроженцев данного края. Кружки эти были бы своего рода местными этнографическими обществами или станциями. Они должны находиться в постоянном общении с столичными учеными обществами, получать от них книги, специальные журналы, программы исследования, запросы и т. п. Такой кружок, ведя из года в год наблюдения над жизнью инородцев, мог бы постепенно собрать богатый, вполне достоверный материал.

Вернемся, однако, к религии остяков. Посредниками между богами и людьми являются шаманы. Шаманом становится всякий, кто чувствует себя на это способным и кого признают таким остяки. Способность быть шаманом, вероятно, основывается на известной повышенной нервной деятельности, иногда прямо на психозе. Остяки обыкновенно не видят снов. Тот же из них, кто видит сны, уже считается способным к шаманству. Один остяцкий мальчик страдал какими-то странными припадками: он иногда уходил один в лес, терял там сознание, и ему являлись видения. Когда он рассказал об этом одному старому шаману и просил вылечить его, тот объявил: «Тебя лечить не надо, ты вовсе не больной, ты шаман».

Шамана приглашают для ворожбы по случаю болезни, пропажи и т. п.

Шаман является вместе с помощником, повторяющим его слова, и с пеньяром (бубен из оленьей кожи, в который бьют колотушкой). Ворожба происходит таким образом. Войдя в чум, шаман садится рядом со своим помощником, садится и все присутствующие. Потом разогревают бубен для того, чтобы кожа натянулась туже: тогда звук громче. Шаман начинает бить в бубен, сначала тихо и редко, потом все громче и чаще, наконец, изо всей силы.

Временами бой ослабевает, потом опять усиливаются эти странные звуки, глухо разносясь по тундре. При этом шаман, а за ним присутствующие кричат протяжно: «Ко-о-о-о! Ко-о-о-о!» Это делается для того, чтобы призвать духов. Когда духи слетятся к шаману, он начинает их вопрошать и ответ передает присутствующим.

Многим подобное богослужение может показаться смешным и производящим впечатление какой-то детской забавы. Но на самом деле это не так: бой шаманского бубна среди унылой и мрачной обстановки чума, слабо освещенного костром, ночью, в тундре, производит какое-то подавляющее и, во всяком случае, сильное впечатление. Становится как-то жутко при этих глухих, рокочущих звуках, в которых слышится что-то таинственное и мистическое. Кажется, что духи обдорской тундры действительно слетаются со всех концов и реют над чумом...

Нервное расстройство, которым, вероятно, страдают шаманы, резко выражается и в их гортанных криках, и в звуках пеньяра, то замирающих до едва слышного дребезжания, то гремящих, как турецкий барабан.

Если все это действует даже на цивилизованного человека, чуждого всяких предрассудков, то каково же чувствует себя дикий остяк. Все это так гармонирует со всей обстановкой тундры, что лучшего и придумать невозможно для выражения религиозного чувства остяка или самоеда. Наша же церковная служба, не представляющая ничего похожего на вышеописанное, мало говорит сердцу инородца. Поэтому крещенные инородцы очень редко заглядывают в церковь, даже те, которые постоянно живут в Обдорске. Большая часть инородцев довольно редко бывает в селе; самоеды приезжают только раз в год на ярмарку. Тут они торгуют, пьянствуют, гуляют, но никогда не заглядывают в церковь. В Великом посту инородцев, живущих в Обдорске, приводят говеть иногда при помощи полиции.

Иногда, хотя и очень редко, к помощи шамана прибегают и русские. За свой труд шаманы получают вознаграждение довольно умеренное и, во всяком случае, одним шаманством редко живут. Я видал одного шамана, который в то же время был и кузнецом.

Шаманы, кроме того, известны своими чудесами, чем напоминают индусских факиров. Чудес этих я не видал, но слышал от многих очевидцев, между прочим, от таких, правдивость которых выше всякого подозрения, как, напр., упоминаемый выше Росляков. Факты, которые мне передавали

про шаманов, совершенно невероятны, и я никогда не стал бы писать о них, если бы их не передавали очевидцы вполне достоверные.

Росляков рассказывал такой случай: пришлось ему как-то ночевать в остяцкой юрте, где, между прочим, был шаман. Проснувшись рано утром, он увидел совершенно ясно (было уже светло), что шаман влез в окно раздетый, без рубашки, с большим шестом, насквозь прокалывавшим его бока. Крови не было видно, и шест шаман потом вытащил из тела.

Затем приходилось слышать много рассказов, что для отыскания вора шаманы употребляют такой прием: после обычного призывания духов шаман снимает малицу и втыкает себе в живот, в голое тело нож по самую рукоятку. После этого все присутствующие подходят по очереди и стараются вытащить нож. Как кто ни старается, не может. Наконец один вытягивает, причем ясно слышен звук трения ножа о мясо. Этот и считается вором. Многие шаманы могут, стуча палкой о ящик, извлекать целые снопы искр, освещающих чум. Это — духи, которые в виде искр вылетают вон под влиянием шаманской ворожбы.

Далеко не всякий шаман обладает даром чудес. Мне так и не довелось видеть такого.

В достоверности приведенных фактов я лично почти не сомневаюсь, тем более что подобные же вещи удостоверены относительно индусских фокусников и факиров. Если не ошибаюсь, подобные штуки объясняются искусством производить оптические галлюцинации.

Таким образом, шаманы заведуют своеобразным богослужением, как нельзя более подходящим к характеру остяка, лечат его от болезней и даже творят чудеса.

Из изложенного видно, до какой степени трудно нашим миссионерам бороться с такой силой.

Скажу еще два слова об остяцких идолах. На священных местах иногда можно встретить ¹ крайне уродливые, грубые, человекоподобные изображения из дерева. Видя таких идолов, многие называют остяков и самоедов идолопоклонниками и фетишистами. Это, однако, совершенно не верно. Идол есть только изображение бога, но не сам бог.

¹ Идолы ставятся в уединенных местах и встречаются крайне редко. Я не видал ни одного (кроме как в Тобольском музее) и ни от кого из знакомых не слышал о местонахождении какого-нибудь идола. Обыкновенно вместо идола на священном месте стоит священное дерево, обвешанное оленьими рогами и тесемками. Это я видал близ Обдорска на Ангалском мысу.

Кормление идолов у остяков и самоедов, наказания (сечение) идолов, наблюдаемые путешественниками у остяков и самоедов (я не слышал, чтобы обдорские инородцы наказывали своих божков), и т. п. имеет символическое значение.

Религия их основывается на одухотворении природы. Каждое место имеет своего духа (водяного или лесного).

Над всем же миром царит недосягаемый Торым, который олицетворяет высшее духовное начало, проникающее всю природу, и которого только почитают за настоящего бога остяки. Таким образом, эта религия сильно приближается к монотеизму, у отдельных же представителей остяцкого племени даже к деизму.

IX

Взгляд остяков на крещение. — Смесь язычества и православия. — Влияние крещения на нравственность дикарей вообще и в частности остяков

Нелегка работа православного миссионера в Обдорском крае. Инородцы довольно редко отдают крестить своих детей и почти никогда не хоронят своих покойников. Это происходит оттого, что остяки придают наибольшее значение именно похоронным обрядам. От способа погребения зависит, как будет жить покойник в патламе, а также вернется ли он домой к ужасу своих [родичей] или же будет спокойно заниматься своим делом в царстве теней. Только остяцкий обряд достигает своей цели, и потому остяки, если похоронят по-православному, то потом все-таки проделывают над покойником все, что требует остяцкий обычай. Крещению же остяки не придают большого значения. На крещение остяки смотрят как на посвящение и отдачу себя под покровительство «русского бога» (Рус-Торым, или чаще — Никола-Торым, т. е. Святитель Николай, в честь которого построена в Обдорске церковь). Крещение обыкновенно обуславливается какою-нибудь случайностью. Напр., поедет остяк через Обь весной по тонкому льду, и вдруг лед затрещит, а кругом образуются полыньи. Вот в таком-то случае остяк иногда и дает обет Николе-Торыму креститься в случае чудесного избавления. Но, крестившись, он все-таки не забывает и своих родных богов, остается в многоженстве и обращается к шаманам.

Один миссионер рассказывал мне такой случай: приходит к нему остяк и просит окрестить своего сынишку.

— А ты сам-то крещеный? — спрашивает миссионер.

— Нет, у нас и в роду не было крещеных.

— Ну, а жена твоя крещеная?

— Нет, мы и не венчались по-вашему.

— Ну, брат, так я твоего сынишку не могу окрестить, потому что у нас нужно, чтобы родители воспитывали крещеного младенца по нашей вере, а ты с женой чему его учить будешь?

— Нет, батька, сам я не крещусь, а вот парнишку окрести, сделай милость.

— Да ты с чего надумался его крестить?

— Да видишь ли, батька, пошел я на охоту, ходил, ходил и все зверя не мог встретить; такая неудача. Вот я и взмолился Николе. «Никола,— говорю я,— пошли ты мне счастье, я тебе за это окрещу своего сына». Ну, и точно, что помог Никола.

— Ну, у нас так нельзя: крестись сам с женой, тогда и сына крестим.

— Нет, я так не хочу, потому мне еще незачем. Я уж не буду крестить сына, а уж лучше Николе положу 1 рубль в кружку, а то он на меня гневаться будет, что не сдержал обещания.

— Это как ты хочешь, только я тебе скажу, что Николе твоего рубля не надо, напрасно это ты беспокоишься, а лучше всего крестись сам.

— Нет, батька, не хочу,— отвечал остяк и пошел.

Крестившись, остяк переносит на новую религию все свое старое мировоззрение. Приведу следующую картину с натуры: в летний день на траве около самой церкви сидит группа остяков, мужчин и женщин, и пьет водку. Одна остячка отделилась от группы и с бутылкой в руке подошла к самой церковной ограде. Тут она стала кланяться и креститься, причем время от времени отливала водку из бутылки на землю. Своего рода древнегреческие возлияния богам.

Часто во время своих поездок миссионеры встречали совершенно сознательное упорство язычников. Господин Росляков, сопровождавший в качестве толмача одного миссионера, передавал такой эпизод. По приезде в одни юрты миссионер встретил одну остячку, которая жаловалась на своего мужа: «Он у меня крещеный, а между тем взял себе вторую жену, да, кроме того, занимается еще шаманством». Миссио-

нер велел остоятке позвать к нему своего мужа. Когда тот явился, то пастырь стал упрекать заблудшего за его дурное поведение. «Ты,— говорит,— крещеный, разве не знаешь, что закон не позволяет иметь больше одной жены?» — «У нас можно»,— отвечает с уверенностью остяк. «Как это у нас, да ты кто? Ты ведь православный, а не язычник и шаманством еще занимаешься, это разве полагается христианам?» Остяк молча выслушал увещевания священника и говорит: «Вот что, батька, я тебе скажу: я к тебе в Обдорск не езжу, в твои дела не мешаюсь, ну и ты ко мне не езди и в мои дела не мешайся!» Затем он встал и ушел.

От многих мне приходилось слышать, что крещеные инородцы начинают жить хуже в нравственном отношении. Один обдорянин рассказывал мне про новообращенного самоеда, который раньше, когда был язычником, всегда аккуратно платил свои деньги. Когда же крестился, то перестал и платить. Ему и говорят: «Что же это ты, раньше был такой честный, а теперь мошенничаешь, а еще крещеный!» — «Что же,— отвечает самоед,— я теперь такой же крещеный, как и вы, русские; ну и мошенничаю так же, как вы все тут мошенничаете, оно так и следует быть!»

Многие путешественники уже давно отмечали довольно странный факт: обращенные в христианство дикари отличались несколько не лучшей, а часто даже худшей нравственностью, чем их собратья язычники. То же самое мы видим и среди обдорских инородцев: обращенные в христианство остяки и самоеды по своей нравственности несколько не выше язычников. Наоборот, замечается, что среди крещеных больше воров, пьяниц и лентяев, чем среди шаманистов. Как объяснить это странное явление?

Мне приходилось слышать следующие объяснения:

1) Крестятся обыкновенно те остяки и самоеды, которые чаще трутся около русских и, следовательно, более цивилизованы; а так как цивилизация касается дикарей своими худшими сторонами, то естественно, что крестится более испорченная часть инородческого населения.

2) Ввиду того, что инородец и после крещения не расстается с верованиями предков, крещение получает значение чисто формального перехода в православие, обусловливаемого какими-нибудь практическими видами (получение белой рубашки и т. п.). Таким образом, крестятся те инородцы, которые всего индифферентнее относятся к вопросам нравственности, которые мало дорожат верой отцов и вообще какой бы то ни было верой.

3) Приходилось слышать и такого рода предположение, будто инородец, глядя, как живут русские, принимает крещение как своего рода разрешительный билет на всякого рода пороки, наблюдаемые им у русских.

Предположение это, однако, трудно допустить ввиду особенности остяцкой религии, о которой мы упоминали выше, именно — индифферентности остяцкого бога к грехам людей. Правда, Торым наказывает людей за лжеприсягу, святотатство, ловлю рыбы из священного места и т. п., но этим и ограничивается его нравственное влияние, стало быть, незачем бросать столь удобную веру, если хочешь грешить.

Можно еще предположить, что крестившийся инородец тем самым отпадает до известной степени от своего общества и освобождается от нравственного авторитета своих сородичей. В то же время он не пристаёт и к своему новому обществу и, таким образом, является каким-то отщепенцем, оставшим от одного берега и не приставшим к другому. Брошенный на произвол судьбы и предоставленный исключительно своим силам, дикарь легче подвергается дурным развращающим влияниям. Много вредит и то обстоятельство, что остяки лишены какого бы то ни было школьного образования и воспитания, а также мало видят гуманного к себе отношения. Заметим в утешение себе, что и на всем земном шаре, а не только у нас одних, миссионерство есть дело в высшей степени тяжелое.

Х

Обычаи остяков.— Общественные празднества.— Род.— Образ.— Черты их уголовного права: наказания, очистительная присяга.— Профессор А. И. Якобий в Обдорске и его деятельность.— Сообщение «Русских Ведомостей» о мерах, принятых в помощь остякам

У остяков мы встречаем некоторые явления, которые можно объяснить остатками первобытного коммунизма. Раз в год, осенью, несколько остяцких родов (ватага — по местному русскому наименованию, абразь — по-остяцки) собираются к священному месту для общего празднества. Недалеко от Обдорска есть такое священное место. Туда собирается 7 родов, и празднество продолжается 7 дней.

Каждый день один род по очереди угощает всех остальных. Остяки едят, пьют, пляшут. У них для этого построена

особая юрта. На этих празднествах остяки маскируются. Маски делаются из бересты. Мне передавали, что под конец попойки все участвующие предаются «свальному греху». Не знаю, насколько это верно.

На эти празднества очень трудно попасть, они, несомненно, имеют религиозный характер.

В своих брачных и наследственных обычаях остяки строго придерживаются гентильного¹ родства. Родство определяется принадлежностью к роду. Родственниками считаются члены рода — абрась. Из названий нельзя вывести родового характера того союза, который остяки называют абрась. Большинство из этих названий представляют слова, ничего не означающие в остяцком языке, напр.: Яги, Пандо, Тальчоп. Хотя есть и такие родовые прозвания, как Серас-хой (богатый человек). Личные имена, наоборот, большею частью производны: Вуул-хой (большой человек), Ай-пеньзяр (маленький барабан), Хуу-ленг (запачканный), Лась-нинг (снежная женщина), Ерт-иги (дождевой старик), Пилянг (парный, близнец), Нем-ли (безымянный), Навы (белый), Йири (дедушка) и т. п.

Часто крещеные остяки сохраняют свои языческие имена, даваемые обыкновенно по случаю какого-нибудь обстоятельства при рождении ребенка (напр., снег шел, дождь).

Браки возможны только между членами различных родов. Эндогамические² браки не допускаются.

Степени нашего кровного родства, а также свойства у остяков почти не имеют значения, раз только они не переходят границы данного рода. Таким образом, единоутробные брат и сестра, хотя бы и происходящие от отцов, принадлежащих к двум разным родам, жениться не могут: здесь, стало быть, имеет еще значение кровное родство. Во всех остальных случаях строго приводится агнотическое³ родство, а именно: отец с сыном могут жениться на родных сестрах. Посынок может жениться на мачехе. Отец может передать сыну свою молодую жену. Два брата могут жениться на родных сестрах. Если один брат женится на хорошей, здоровой женщине, то стараются и для другого брата взять ее сестру в надежде, что и та будет хорошая (порода, значит, такая). Младший брат может взять жену старшего брата,

¹ Гентильное — родовое. (Примеч. сост.)

² Эндогамический (эндогамный) брак — обычай у первобытных народов брать жену исключительно из своего же племени или рода. (Примеч. сост.)

³ Агнотическое — родство по мужской линии. (Примеч. сост.)

но обратно — нельзя¹. Дядя может жениться на племяннице. Вдова может выйти в род своего мужа, но в свой прежний воротиться не может. Один и тот же мужчина может жениться на двух родных сестрах и т. д. Одним словом, обычай не признает только тех браков, которые совершались бы между членами одного и того же рода, хотя за давностью лет родственные отношения членов рода уже определены быть не могут.

По маловажным преступлениям, где обе стороны — инородцы, остяки и самоеды судятся по своим обычаям у своих старшин, которые часто бывают пристрастны и иногда берут взятки. Наказание обыкновенно заменяется платой в пользу обиженного.

За кражу взыскивается с вора двойная или тройная стоимость похищенного. В прежнее время пеня была четверная. Сокращение пени, вероятно, объясняется или обеднением инородцев, или учащением краж. Бедного вора, с которого взять нечего, — секут. Большое значение имеет очистительная присяга: она часто освобождает обвиняемого даже при наличии прямых улик. Присяга состоит в том, что обвиняемый кусает медвежьей лапу, причем говорит: «Если я виноват, то пусть меня съест зверь».

Остяки, при личных сношениях с ними, производят очень хорошее впечатление кроткого, доброго и честного народа. Остяки довольно редко воруют: остановившись в остяцкой юрте, вы можете не опасаться за целость вашего багажа. Остяки очень любят детей: я лично никогда не видел, чтобы родители били своих ребятишек. Остяцкие дети никогда не бьют и не мучают животных, игры их не имеют в себе ничего зверского и жестокого. Иногда говорят о некоторой половой распушенности остяков; но распушенность эта не особенно велика и не представляет ничего особенного сравнительно с уровнем общечеловеческой нравственности, да и объясняется она скорее чисто физиологическими причинами: остячки отличаются довольно страстным темпераментом, чем отличаются, кажется, от самоедов.

В остяцкой юрте всегда чувствуешь себя как-то хорошо: гостеприимные хозяева рады угостить чем могут и поговорить о своих делах. Сколько восторга возбуждает в детях какой-нибудь кусок сахара или булки, который дашь этим замазанным, растрепанным, но милым и доверчивым малышам.

¹ Обязательного «ужичества», или левирата, однако, не существует.

Левират — обычай, в силу которого брат бездетно умершего обязан жениться на его вдове. (*Примеч. сост.*)

За последнее время газеты часто сообщали известия о поездке заслуженного профессора Казанского университета А. И. Якобия в северные области Тобольской губернии. Я имел удовольствие познакомиться с ним в прошлом году в Обдорске и не могу удержаться, чтоб не сказать несколько слов об этом замечательном человеке.

С целью исследовать на месте причины вымирания инородцев, выяснить меры к облегчению их участи, а также и самому непосредственно участвовать в организации помощи инородцам, проф. Якобий предпринял ряд поездок в Березов, Сургут, в Обдорск и оттуда дальше к Обской губе, в отдаленный Надымский край. Преклонный возраст и слабое здоровье не помешали ему взяться за дело с замечательной энергией. Во всех его словах и действиях сквозит горячая любовь к дикарям, желание поднять их и защитить.

Отношение старого профессора к осяткам производит трогательное впечатление: бывало, он заходил в их бедные юрты, носил детям игрушки, все осматривал, обо всем расспрашивал, и осятки очень полюбили этого добродушного, словоохотливого, симпатичного старика. В осяцкой юрте профессор как бы олицетворял собою первый луч света той могучей и далекой цивилизации, которая до сих пор так мало добраго принесла дикарям.

Подобно всем дикарям, обдорские инородцы сталкивались преимущественно с хищническими элементарными — вообще, с оборотной стороной русской цивилизации. В лице же проф. Якобия они встретили одного из представителей той идейной, гуманной и самоотверженной части русского общества, которая живет любовью к Родине на основе общечеловеческих идеалов. И осятки по-своему оценили этого представителя русской интеллигенции: они относились к нему с доверчивою любовью и уважением и прозвали его Вуул-хой (большой человек).

Пламенный, чисто юношеский энтузиазм и горячий идеализм этого человека минувшего поколения идет рука об руку с трезвенным отношением к делу и умением верно оценивать людей. Расспрашивая осятков, он вникал в мельчайшие подробности, строя свои планы, он все взвешивал и рассчитывал.

Только уж слишком много надежд возлагал старик на помощь нашего общества; да еще замечался один недостаток: горячо преданный осяткам, он слишком скептически и худо относился к местному русскому и зырянскому населению и пренебрегал его интересами.

А между тем именно это русско-зырянское население дало профессору тех даровитых и преданных помощников, без которых ему бы не собрать никогда точных сведений о крае, которые сопровождали его в путешествии и которые, в сущности, только и могут быть хорошими исполнителями задуманных планов.

Одна из главных мер, которую задумал А. И. Якобий, — это учреждение миссионерского пункта с культурными и образовательными задачами в местности, удаленной от влияния русских купцов и промышленников.

Влияние это сказывается не только на остяках, но и на самих миссионерах. Затем он мечтает о том, чтобы правительство, насколько возможно, взяло бы в руки снабжение инородцев необходимыми для них товарами.

В № 208 «Русских Ведомостей» за 1895 г. я с удовольствием прочитал корреспонденцию из Тобольска, где сообщается о том, что проф. Якобий прочитал еще в марте две публичные лекции об остяках.

«По окончании доклада проф. Якобия, — говорится в корреспонденции, — начальник Тобольский губернии Н. М. Богданович, председательствовавший в собрании, где происходило чтение, сказал краткую речь на ту тему, что благодаря энергии профессора освещены темные стороны жизни Севера, и для того, чтобы профессор был уверен, что его труды не пропали даром, что хоть часть из тех мер, которые предлагал профессор для улучшения положения инородцев, будет исполнена, он лично дает обещание профессору, что те меры, которые в его власти, будут проведены в жизнь без канцелярских проволочек с 1 января 1896 года, именно: запрещение ввоза спиртных напитков, ограничение въезда зырян, насколько это позволяет закон, и расширение деятельности казенных магазинов, снабжение их не только мукой, но и другими предметами, необходимыми для инородцев».

XI

Кругооборот обдорской жизни в продолжение года. — Замечания о климате. — Масленица в Обдорске. — Обдорская весна. — Белые ночи. — Начало рыболовного сезона «Воньзь идет!». — Прибытие тоболяков. — Рыбный промысел. — Тундра летом и осенью. — Возвращение с промыслов. — Прибытие парохода. — Свисток парохода под северным Полярным

кругом.— Сдача рыбы и прижимки со стороны тоболяков.— Зима.— Езда на собаках.— Тундра зимой.— Сравнительная таблица температур в Обдорске и в Петербурге.— Северные сияния

Жизнь в Обдорске идет правильным годовым кругооборотом, определяясь сменой времен года. Обзорение этого кругооборота общественной и торгово-промышленной жизни Обдорска всего удобнее начать с февраля. Кстати, будем говорить и о климате Обдорска; может быть, это и пригодится кому-нибудь из читателей, которому почему-нибудь придется прогуляться в «тундры Севера». Пока скажем о климате вообще, что в Обдорске он хотя суров, но довольно здоров. В Обдорске нет никаких лихорадок и т. п. местных болезней, которые так отравляют жизнь на других, южных наших окраинах.

Читатель, пожалуй, улыбнется, когда я ему скажу, что из разговоров с лицами, бывавшими в Туркестане и на Кавказе, я пришел к убеждению, что в Обдорске можно прожить с гораздо меньшим ущербом для здоровья, чем в упомянутых «благословенных краях». За четыре года своего пребывания на Севере я не заметил никаких ухудшений в своем здоровье, то же скажут и все долго бывшие в Обдорске, если только жизнь их была обставлена сколько-нибудь сносно в материальном отношении.

Если что вредно отзывалось на многих приезжих, так это тоска, являвшаяся следствием отсутствия общества и развлечений, хотя и в этом отношении Обдорск, как увидим дальше, нисколько не хуже многих уездных городов.

Итак, начнем с февраля.

Зима еще в полной силе. Зима продолжается в Обдорске около 8 месяцев, считая с половины сентября до половины мая; морозы доходили при мне до -45 по R . Средняя температура зимы около -15 R . Вообще в Западной Сибири зимой не так холодно, как в Восточной под теми же северными широтами, зато и летом не так жарко. Обдорская зима не столько страшит своими морозами, сколько надоедает своей продолжительностью. В начале февраля утихает сумятица ярмарки, купцы уезжают с пушным товаром в Ирбит. Начинается самый глухой сезон обдорской жизни. До самого вскрытия рек замирает торгово-промышленная жизнь Обдорска. Самоеды со своими стадами уходят по направлению на север, запасаясь у обдорян необходимыми для них предметами: печеным хлебом, сукном, разного рода утварью

(котлы, чайники, чашки), оружием и инструментами (ножи, топоры, напильники, ружья, арканы, капканы, пешни¹) и украшениями (разного рода погремушки и колокольчики, которыми обвешивают свои капоры самоедки).

Все это забирается преимущественно в кредит, с обязательством отдать долг пушным товаром к следующей ярмарке. Напр.: дает обдорянин самоеду 1 пуд хлеба, который ему стоит, положим, 1 руб., а самоед ему должен возвратить пса, ценою около 2 руб. 50 коп.

Несколько оживляются обдоряне на масленице. Еще за неделю начинают устраивать катушки (ледяные горы), чтобы кататься с них на «кованках», «санках», а то так просто на железных листах или на коже.

Катушки освещаются цветными фонарями, которые клеят сами устроители катушки. Катушки устраиваются компаниями, нарочно для этого составляемыми. Одни сгребают снег, устраивают бег, другие возят воду и поливают «катушку».

Это единственный случай в Обдорске, где вполне успешно применяется принцип ассоциации.

Обыкновенно конкурируют две или три компании; каждая старается как можно лучше украсить катушку, чтобы ходило больше народу, особенно барышень. Вечером зажигают фонари и катушка оживляется; несмотря на жестокие морозы, обдоряне веселятся от души:

В этом году почти всю масленку стояли морозы около 45 R. Морозная пыль и пар от дыхания толпы стояли над катушкой. Синие, красные, желтые и зеленые фонари тускло мерцали сквозь облако пара и ночную мглу. Фигуры обдорян, то бегущих с санками на гору, то стрелой, с шумом и грохотом летевших вниз по бегу, имели какой-то фантастический вид: точно ад с чертями. Иногда эта картина освещалась таким светом, перед которым меркнет всякая иллюминация человеческих рук: на небе разыгрывалось северное сияние. Веселей говор, смех, грохот «кованок» (салазки) как-то раззадоривали и манили на катушку.

Мне сперва казалось, что при таком страшном морозе какое уж катание? Но потом я соблазнился и побежал с санками

¹ Пешня — железный наконечник в виде острия копья для шеста, которым погоняют оленей. Пешня служит украшением, а частью оружием от волков, а также чтобы отталкиваться, когда в гололедицу олени не могут идти при противном ветре. Пешня, кроме того, перетягивает шест (хорей), так его удобнее держать. Оленей погоняют другим концом, на котором приделан деревянный шарик.

к толпе. Оказалось, что ничего, можно: малица и пимы прекрасно защищали от холода, и не прошло и получаса, как я уже немного даже вспотел. Катаются и по одному, и по двое: кавалер с дамой. В Прощеное воскресенье иногда устраивают проводы масленицы. Как-то раз, идя по улице, я услышал какие-то странные дикие звуки: тут был и звон колокольцев, и грохот бубна, и пронзительные звуки гармошки. Обернувшись в ту сторону, я увидел оригинальное зрелище: в крестьянские дровни, завешанные рогожей, была впряжена лошадь, тоже вся в рогоже, в лоскутках, лентах и колокольцах. На ноги лошади были натянуты старые, рваные портки и даже сапоги. Из-под рогожного шатра, укрепленного на дровнях вместе с каким-то соломенным чучелом, неслись дикие звуки. Это были проводы широкой масленицы. Старый русский обычай еще хранится на дальнем Севере. Вечером в Прощеное воскресенье еще раз катаются на катушке. Катаются до ночи, с особенным оживлением, больше уж не придется за целый год. Догорают свечи, и гаснут один за другим разноцветные бумажные фонари. Катушка темнеет. Пора расходиться. Жалко обдорянам расставаться с катушкой, и грустной ноткой звучат прощальные слова расходящейся молодежи: «Прощай, катушка! Простите все!»¹

Наступает Великий пост, и религиозное население Обдорска начинает «постовать» (говеть). «Полно уж вам чертей мутить», — ворчат на молодежь старушки, и церкви наполняются сокрушающимися о своих грехах. Посты в Обдорске соблюдают строго, хотя попадаются вольнодумцы, рассуждающие на ту тему, что, дескать, «не входящее в уста, а исходящее из уст оскверняет человека».

Скучно и однообразно проходят конец февраля, март, апрель и начало мая. В это время зато больше всего читают. Число выданных книг из обдорской библиотеки, разрешением которой село обязано теперешнему губернатору Н. М. Богдановичу, доходит в это время до 300.

Весна долго заставляет себя ждать. Зима страшно надоедает, тем более что в это время всего чаще бывают бураны и реже северные сияния — эта краса нашего Крайнего Севера. Понемногу прибывает день.

В начале апреля я уже ходил без фонаря на метеорологическую будку в 9 час. вечера, а с 5—7 мая можно уже читать без огня всю ночь напролет. С этого времени вплоть

¹ Особенность обдорской масленицы, между прочим, та, что почти вовсе не пекут блинов.

до 1 июля пойдут белые ночи. Солнце только на полчаса зайдет за Урал и опять снова показывается. Меня это раздражало, даром что петербуржец. Стоит круглые сутки солнце на небе; что день, что ночь — все одно. Начинаешь тосковать по звездному небу и луне.

Таяние снега начинается только с конца апреля и с начала мая, но зато как скоро идет дело этого незаходящего солнца в открытой, безлесой тундре. На тундре, по буграм, чернеют проталинки, гремят ручьи, прилетают вороны, лебеди, гуси, утки, петушки.

Но не радуется сердца обдорская весна. Воздух не наполняется ароматами распускающихся почек (да есть ли почки у тех розог и палок, которые заменяют деревья в Обдорске? — замечу я как не ботаник); птички не оглашают своим веселым щебетаньем унылой грязно-бурой тундры и бледного полярного неба; только одни петушки гнусливо курлыкают по буграм. Весна в Обдорске, если так можно выразиться, исключительно метеорологическая: изменяется температура, тает снег, прибывает день.

Все это достаточно для записывания в «Книжку наблюдений» и для составления ежемесячных таблиц, представляемых потом в Главную Физическую Обсерваторию, но для души, для самочувствия живого человека, всю долгую зиму мазавшего свой нос гусиным жиром от отмораживания, — это слишком мало.

Реки вскрываются в конце мая, а иногда и в начале июня¹. С начала апреля и до начала июня, благодаря распутице, Обдорск не получает почты² и вообще отрезан от всего остального мира.

Понятно, с каким нетерпением все ждут почты. На «яру» (крутой, высокий берег), где стоит беседка, построенная лет 10 тому назад политическим ссыльным Щетинским *, постоянно толпится народ с биноклями и подозрными трубами. Все высматривают, не плывет ли каюк с почтой или паузок тобольского промышленника, поснешающего на рыбный промысел.

¹ Число дней, когда реки свободны от льда, среднее за 6 лет: Полуи — 127; Обь — 141 день.

² Почтового отделения в Обдорске нет. Почта идет (два раза в месяц) из Тобольска да Березова, а оттуда с оказией передается в Обдорск. Отправки из Обдорска и получения бывают около двух раз в меслц. Письмо идет от Обдорска до Петербурга 5—6 недель. Зимой — скорей, чем летом, когда держат ветра. После распутицы приходилось иногда получать 10 июня письма, отправленные из Петербурга 20 февраля или 1 марта.

Житель Малого Атлыма



Со вскрытием рек Обдорск оживает. Рыбпромышленники деятельно снаряжаются к отправке на низ. Оригинальную и оживленную картину представляет тогда берег Полуя. Песчаная береговая полоса вся усеяна разного рода «посудами»; тут и тяжелые «неводники» (большие лодки), и маленькие городоушки и бадьяновки.

Местами виднеется целый лес мачт каюков и паузков, уже совсем оснащенных и готовых к отправке. По берегу горят костры, на которых кипят котлы со смолой. Промышленники суетятся около своих посуд, конопатят, смазывают, сталкивают их на воду. Хорошо в это время в ясный весенний день пройтись по берегу. Что-то здоровое, бодрящее в этом воздухе, напоенном запахом смолы и дыма, и в оживленном говоре дружно работающей толпы.

Северяне-промышленники представляются здесь со своей лучшей, симпатичной стороны, и невольно желаешь им всем от души хорошего улова. Все ждут «воньзя». Вонзь (остяцкое слово) означает первый подъем рыбы с моря. Тут рыбы бывает всего больше, и улов воньзя нередко окупает затраты на весь летний рыболовный сезон. Слова «вонзь идет» как электрический ток пролетают по селу, и все встрепенутся и засуетятся. Больше нельзя ждать ни одного дня.

Между тем к Обдорску начинают подплывать сверху тобольские купцы и промышленники. Это опасные конкуренты для обдорян: значительная часть всей низовой рыбы (едва ли не 9/10) ловится ими. Они ловили бы и больше, но дальность расстояния и бури многоводной Оби держат их суда и мешают им попасть к вонзью.

Тобоялки приплывают на паузках и баржах. Баржи, кроме законтрактованных в Тобольске рабочих и разных предметов, необходимых для рыбной ловли, везут еще товары: хлеб (всего от 20 до 40 тысяч пудов ежегодно), соль, разного рода мануфактуры, частью закупленные на Ирбитской ярмарке, частью изделия кустарей Тобольского округа. Рыболовные принадлежности — неводная мережа, сети, кибасы (грузила), наплавы (поплавки), варовины и веревки, лодки и проч. — представляют изделия кустарей преимущественно Тобольского округа. Товары эти частью принадлежат тобольским купцам Броншикову* и Корнилову*, имеющим в Обдорске свои лавки, частью привозятся по заказу обдорских купцов, у которых тоже лавки в селе.

Баржи идут без всякого буксира «по низ воды», т. е. по течению. Для того, чтобы баржу не пришивало к берегу, употребляется «рыск», состоящий в следующем: если баржу

прибьет слишком близко к берегу, то завозят якорь в направлении от баржи к другой стороне реки перпендикулярно к береговой линии и бросают его. Тогда течением реки баржа естественно отдаляется от берега и выравнивается по линии, идущей вдоль русла от той точки, где брошен якорь. Когда мешает встречный ветер, то употребляют «водяной парус». Для этого к носовой части баржи привязывают за корень целое дерево (ель) с необрубленными ветвями верхушкой вниз. К верхушке привязывается камень, чтобы «парус» опустился в воду отвесно. Напор воды двигает баржу вниз по течению, несмотря на встречный ветер.

Если иногда приходится плыть против течения, напр. подымаясь по Сосьве к Березову или по Полую к Обдорску, то плывут «завозом», т. е. завозят вперед баржи якорь, бросают его и потом притягиваются к нему (при этом иногда бывают несчастия с людьми, если канат лопнет).

Такого рода передвижение хоть и не очень скоро, зато очень дешево, благодаря чему цены на продукты в Обдорске не очень высоки, если принять во внимание отдаленность его от рынков¹.

Многие продукты привозятся довольно плохого качества. То же можно сказать и об обуви и о разного рода материях. Раньше было еще хуже, но и теперь московские и др. фабриканты любят сбывать в Сибирь браковку.

Товар закупается на Ирбитской ярмарке, потому что все равно туда надо ехать сбывать пушнину.

В других местах Сибири купечество уже завязало непосредственные сношения с русскими фабрикантами.

Время вскрытия рек открывает начало охотничьего сезона. Здесь стреляют гусей, лебедей, уток, петушков (род куликов). Прежде дичи бывало гораздо больше, хотя и теперь хороший стрелок возвращается часто весь обвешанный утками. Утки очень дешевы, особенно в период линяния, когда остяки ловят их сетями («кисканы»), копеек 5 за штуку. Гуси, гуменники² доходят до 1 руб. Лебляжьи шкуры очень дешевы: копеек 10 за штуку.

¹ Так, пуд ржаной муки [стоит] обыкновенно около 90 коп. (от 65 коп.—1 руб. 40 коп.), смотря по привозу. Керосин 8—10 коп. за фунт; свечи стеариновые 25—30 коп. фунт; сахар 20—25—30 коп. фунт; мед 25 коп. за фунт, масло коровье «чухонское» 20—25—30 коп. за фунт, спички безопасные 10—12, редко 15 коп. пачка; водка-углевка 50 коп. бутылка; столовая водка за печатью — 70 коп. бутылка; соль 2—3 коп. фунт; укусуная эссенция на 4 бут. 40 коп. склянка. Обувь в Обдорске тоже не дорога (опойковые сапоги — 6 руб.; личные 4—5 руб.).

² Гуменник — птица из семейства утиных. (Примеч. сост.)

Наконец, большая часть населения уезжает «на низ». Обдорск пустеет. Проходя по улице, часто видишь избы с заколоченными ставнями. В иных домах остаются только женщины и дети; впрочем, те, которые уезжают далеко и в продолжение лета не наезжают в село, берут с собой и семейства.

Рыбу ловят, как и везде по Оби, преимущественно неводами. Есть и разные другие способы рыбной ловли, но о них мы говорить не будем, так как очерки наши и без того растянулись. Общественная форма промысла почти исключительно предпринимательская, если не считать ловли с «полуневода», т. е. улов делится пополам между хозяевами лодки и невода, с одной стороны, и работавшими без своих орудий — с другой.

Большинство обдорских промышленников — мелкие, нанимающие около 5—7—12 рабочих. Некоторые имеют и больше, иные и до 100 человек; рабочими являются частью русские и зыряне из обдорских жителей, частью (значительное большинство) — остяки. Рабочая плата колеблется от 5—7 руб. до 30—50 руб. за лето. Как среднюю цифру можно принять 20 руб. Так как многие работы не требуют ни силы ни умения, то нанимают часто мальчиков, почти детей, а также стариков и калеков. Вот этим-то и дается такая нищенская плата, как 5—7 руб. за лето. Работа на промыслах идет не непрерывно, а спорадически — во время хода рыбы, и ее нельзя назвать особенно тяжелой; большинство хозяев сами неводят наряду со своими рабочими. Содержание рабочих хозяйское: хлеб, рыба, чай; кроме того, хозяин выдает рабочему пару бродней и суконный гусь.

Рыболовные пески снимаются в аренду у инородцев. Плата на песок за лето обыкновенно от 20 до 70 руб., доходит и до 300, бывает в исключительных случаях и больше. Промысел начинается в низовом краю с конца мая или с начала июня и продолжается до конца августа.

Начинается лето. Оживает чахлая растительность. Острова и отмели Полуи покрываются травой; на лазури вод ярко выступают изумрудно-зеленые луга этих лагун, где потом около Петрова дня обдоряне будут косить сено. Оживает и печальная тундра: грязно-бурая окраска ее переходит в зеленоющую. Подальше от села, особенно по южным склонам, встречаются разные цветочки: колокольчики, шиповник, незабудки, а также ягодные цветы.

Лето в Обдорске короткое, не больше полутора месяцев, с половины июня до августа: в это время можно даже купаться, хотя больше 20—25 раз мне ни в одно лето не

приходилось купаться. Обдоряне купаются очень редко, и большинство вовсе не умеют плавать.

Остающиеся в Обдорске, преимущественно служащие, устраивают иногда прогулки на лодках и пикники в окрестности Обдорска. Но все удовольствие прогулки уничтожается тучами мошек и комаров, от которых ничто не спасает. Многие надевают на лицо сетки, смазанные дегтем, но и это не помогает. В самом селе мошек и комаров нет, но стоит только выйти в тундру — так и облепят. Только когда подует холодный ветер с Урала, мошкара исчезает, но тогда и гулять не особенно приятно. Термометр летом не подымается выше +20 R, что бывает очень редко. Обыкновенная температура +10 — 12 R в тени.

С середины августа начинается уже осень: тундра темнеет, принимая какой-то бурый колорит. С сентября начинаются заморозки. Часто снег выпадает в первых числах сентября, хотя долго не держится. Окончательно покрывается земля снегом около 1 октября.

К концу августа снова оживляется Обдорск: к этому времени съезжаются промышленники со своих рыболовных заведений, разбросанных почти до самой Обской губы. Выйдя на яр, всегда увидишь каюки, идущие на веслах или парусах по Полую. Скоро весь берег усеян лодками. Всюду толпится народ. Воздух пропитан запахом рыбы, идет оживленный говор об удачах и неудачах промысла. Все ждут пароходов, которые приедут за рыбой. Первый пароход приходит обыкновенно 29—30 августа, последний не позже 5—7 сентября. Всего пароходов приходит в это время 5—6. Из Тобольска они идут по течению, и притом без буксируемых барж, отчего почти 1500 верст до Обдорска проходит очень скоро, за 3—4 дня.

Стоит проезд довольно дешево: каюта рублей 10—15; это самое удобное в смысле дешевизны и быстроты время для того, чтобы приехать в Обдорск. Только вот обратный путь долг. Назад в Тобольск пароходы идут около трех недель.

Приход пароходов ожидается с нетерпением. На яру толпится публика, многие с биноклями: все напряженно смотрят на светлую полосу Оби, не покажется ли дымок из трубы. В это время обдоряне напоминают каких-то Робинзонов, ожидающих на своем острове, не покажется ли европейское судно.

Прибытие первого парохода составляет целое событие. Особенно эффектно выходит, когда пароход подходит в темную

осеннюю ночь. Издали видны снопы искр, вылетающих из трубы, гулко раздаются по воде шум колес. Весь яр покрыт народом: тут и ряса священника-миссионера, и мундир заседателя, и малицы, малицы без счета. Вся эта толпа забытых обитателей тундры напряженно ждет. Вот раздастся свисток... Читатель, не бывавший на Крайнем Севере, никогда не представит себе того впечатления, которое производит свисток парохода под северным Полярным кругом!.. На минуту забывается тоска и чувство одиночества и заброшенности. Пароходный свисток кажется каким-то голосом из родной стороны, где жизнь бьет ключом среди всяких благ цивилизации и широко развитой общественности. И хотя в глубине души понимаем, что и «там», в родной стороне, жизнь в сущности так же бесцветна, пошла и бесцельна, как и здесь, в тундре, но все-таки хоть на минуту чувствуешь какую-то иллюзию, какие-то надежды.

Вот наконец пароход пристал. Спускается трап, и толпа валит на палубу. Кто встречает приехавших знакомых и родных, кто спешит покупать разные редкие фрукты, как-то: огурцы, капусту, репу, а иногда яблоки и арбузы, привозимые из степного края. Другие просто толкаются по палубе и дивятся на давно невиданные предметы. Особенно интересуется обдорчан пароходная машина. С чувством непонятого для читателя волнения подхожу я к этой машине и не нагляжусь на сталь и медь ее могучих и блестящих рычагов, валов и поршней... Людям, к которым никто не приехал и которым некого ждать, остается после этого отправиться в буфет пить пиво, которого в обдорском кабаке не достанешь. Они это и делают, и когда потом, спотыкаясь и ковыляя, они бредут по домам, то для всякого встречного вполне несомненно, что пароход пришел.

Постояв день, пароход идет дальше на низ Оби забирать баржи и паузки крупных рыбопромышленников. Потом снова приходит «туд-хап» (огненная лодка) в Обдорск и продолжает нагружаться рыбным товаром. Дней десять продолжается пароходное время и понемногу начинаешь привывать к мысли, что пароход, собственно говоря, вовсе не такое чудо, чтобы бежать на него дивиться. 10—14 сентября уезжает из Обдорска последний пароход, увозя за собой баржи и паузки, нагруженные обдорской рыбой. Всего вывозится рыбы из Обдорска, по приблизительному расчету местных жителей, около 200 000 пудов на сумму около 300 000 руб. (покупная цена в Обдорске).

Обдоряне сдают соленую «стоповую» рыбу тобольским купцам. Те, пользуясь выгодами своего положения (перевоз-

Пристань
на реке Сосьве
у г. Березова



зочные средства в их руках, самих их немного, можно всегда стакнуться), дают за рыбу очень дешево: мерный муксун (12 верш.) фунтов 6—8 весом идет иногда по 12—13 коп. штука, как это было в 1893 г. При этом беспощадно бракуют рыбу. Если не хватает до меры (12 верш.) хоть полпальца, то это уже не муксун, а недомуксунок и цена ему 7—8 коп. Иногда употребляют такой прием: сгибают рыбу в дугу и меряют по хорде.

Плачутся обдоряне, да куда с рыбой денешься? Ну, и приходится продавать почем дадут. Истинную цену, по которой сдается рыба, не всегда можно узнать. Часто тоболяк, купив у обдорянина муксуна по 15 коп., берет с него обещание говорить всем, что продал по 12—13 коп., чтобы таким образом не повышать цены.

Иногда покупатель, купив партию по 13 коп., прибавляет продавцу рублей 100, о чем, конечно, умалчивается, так что прочие обдоряне думают, что сдача произведена по 13 коп. (о прибавке не знают), и сами тоже продают по той же номинальной цене, но уже без прибавки.

Уехали пароходы, и снова затихает «Северная столица». Замирает и природа. Тундра имеет самый безотрадный вид. Далеко в беспредельное пространство уходит ее неровная бугристая поверхность, покрытая мхом и пожелтевшей теперь осокой. Чахлые деревца с облетевшими листьями кажутся издали какой-то паутиной, покрывающей неровности почвы.

Печальны теперь ямы и озерки, где уже не встретишь, как прежде, целых стай диких уток.

Вода сбывла и обнажилась грязная «няпя» (ил, глина) полуйских берегов. Во время весеннего половодья вода разливается на такое пространство, что реки Полуи и Обь сливаются в одно сплошное водное пространство, так что Обдорск точно стоит на берегу какого-то моря, усеянного островками, гривками и полузатопленными талами (ива).

Когда вы едете по Оби, то иногда трудно сказать, где верховье реки, где низ, где правая, где левая сторона. Река разливается по «сорам»¹ местами верст на 40 в ширину, разделяется на многочисленные рукава. Вы плывете то по какому-то озеру, которое кажется замкнутым со всех сторон лесом, то въезжаете в узкую протоку, идущую через наполовину затопленный лес. Только правый высокий берег несколько помогает ориентироваться.

¹ Сор — это озеро, остающееся после спада воды. Сор то сливается с Обью, то остается отделенным от нее.

Но вот наступает зима с ее морозами и буранами. Реки замерзают в середине октября, а в конце этого месяца уже переходят за Обь оленеводы, идущие мимо Обдорска на юго-восток, где потеплее. Оленеводы-зыряне привозят мерзлое оленье мясо и несколько дней оживляют село своей джигитовкой с уханьем и свистом. День становится все короче. В декабре читать без огня можно только от 10 ч. утра до 1 ч. дня.

Все покрыто снегом; по улицам скользят легкие нарты, запряженные оленями, и небольшие саночки, на которых собаки возят дрова и воду. Езда на собаках довольно неудобна. Это животное, вообще весьма неглупое, никак не может помириться с своею ролью двигательной силы и сколько-нибудь серьезно относиться к своим обязанностям. Собаки то и дело забегают во все встречные ворота и грызутся с другими собаками, опрокидывая санки и проливая воду. Если вы на улице встретите собак в упряжке, то совету посторониться, иначе они бросятся и покусают вас.

Остяцкие собаки (белые, с лисьей мордочкой, с торчащими ушами и с загнутым кверху пушистым хвостом) вообще довольно смиренные и умные, когда же везут, всегда находятся в самом озлобленном настроении и яростно бросаются на всех встречных. Зима в Обдорске не столько страшна своими морозами (на морозе человек скорей бегаёт¹), сколько наедает своей продолжительностью.

¹ Относительно морозов обдорские говорят, что тогда они себя легче и здоровее чувствуют. Да и я всегда предпочту обдорский мороз петербургской слякоти.

Кстати, приведу выписку из «Летописей Главной Физической Обсерватории». Я возьму 1889 год, как заключающий наиболее полные данные. Предлагаемая таблица содержит показания температуры по Цельсию в Обдорске и в Петербурге за 1889 г. и потом в Обдорске средние за 6 лет (1883—1889 гг.).

	Температура по новому стилю в Петербурге	По С° за 1889 г. в Обдорске	Средняя температура в Обдорске за 6 лет
Январь	−7,8	−21,8	−25,4
Февраль	−11,1	−19,9	−19,5
Март	−7,3	−15,9	−18,2
Апрель	+2,1	−6,6	−11,7
Май	+12,7	−3,2	−4,3
Июнь	+15,7	+6,8	+6,3
Июль	+17,6	+12,0	+14,2
Август	+15,3	+12,2	+10,8
Сентябрь	+9,6	+6,7	+4,4
Октябрь	+7,3	−6,3	−5,4
Ноябрь	+2,0	−16,9	−17,1
Декабрь	−3,8	−18,3	−21,4
Средняя за год	+4,4	−5,9	−7,4

Часто в лунный вечер я отправлялся погулять по тундре. Тундра тогда довольно хороша. Снег весь облит серебристым светом, и луна бросает резкую, почти черную тень на волнообразную поверхность белого покрова. Небо чисто и прозрачно, как кристалл. Кругом немая тишина. Только иногда по дороге раздается тихий топот и шелест — то самоеды едут на оленях. При лунном свете они имеют какой-то фантастический вид. Олени бегут изумительно легко по снегу, точно не касаясь земли, и легкие нарты точно так же беззвучно скользят по снегу.

Мохнатые фигуры самоедов неподвижно сидят с пестами в руках. Тундра в эту пору на меня производит впечатление очень трудно передаваемое. Особенно унылого нет ничего, страшного тоже нет; так что-то, совсем без всякого определенного выражения, кроме тишины, спокойствия и какого-то величавого равнодушия. Кажется, что тундра спит тихим сном. А как красиво бывает, когда разыграется северное сияние! Долго стоишь и смотришь, как переливаются и играют зеленоватые лучи, то собираясь в бахрому наподобие гигантского волнующегося занавеса, то распускаясь в пучки вверх от горизонта. Раза 4 за все время я видел и багровые пятна и полосы, что довольно редко бывает. Обыкновенные же сияния желтовато-зеленого цвета наблюдаются около 20—30 раз в зиму. В зиму 1893 г. я видел в ноябре два раза такие сияния, которых не запомнят даже старожилы: широкая разноцветная, точно река расплавленного металла, шла полоса по всему небу через зенит. Обыкновенные же сияния бывают только на северной стороне неба, и только отдельные лучи достигают зенита.

XII

Свадьба в Обдорске. — Свадебные песни. — Святки. — Маскирование. — Вечера, хороводы, песни

Осенью чаще всего бывают свадьбы в Обдорске. Я часто с удовольствием бывал на них. Обдорская свадьба сохранила много черт старинного народного быта, но вместе с тем [сюда] проникла значительная примесь новейших городских обычаев. Поэтому подробное описание обдорской свадьбы не представляет этнографического интереса. Только на одно можно обратить внимание: это свадебные песни и величания.

Свадьба продолжается обыкновенно четыре дня: в первый день девшник, во второй «баня», в третий венчанье и свадебный вечер, в четвертый «пированье».

Все эти дни на каждый случай поются особые песни, носящие яркий отпечаток далекой старины. В этих песнях постоянно упоминаются князья и бояре, «стольный Новгород», древнее оружие, терем и т. п.

Понятно, что в самой Сибири эти песни возникнуть не могли (особенно в Обдорске) уже по тому одному, что упоминаются, между прочим, такие растения, цветы и плоды, которых в Сибири нет, напр. «розан, мой розан, виноград зеленый», «груша зеленая», «крем (?) деревцо» и т. д.

Сами обдоряне говорят: «Так наши отцы пели, мы те же песни поем, прежде однако гораздо больше было песен, теперь забываются некоторые». Да, забываются, а со временем и вовсе исчезнут. А жаль! Помимо того историко-этнографического интереса, который возбуждают эти песни, они замечательны еще и в чисто музыкальном отношении по своим прекрасным напевам, полным задушевности и архаической простоты¹. Многие обдорские песни, как образцы северно-русского народного музыкального творчества, могут быть поставлены наравне с «Ваней-кляшником», «Подуй, подуй, погодушка, с родимой стороны», «Ваня, разудала твоя голова» и т. п.

Приведу некоторые из этих песен:

Выпадала порошенька
На землю, землю талую,
Что по той по порошеньке
Выбегал серый заюшка,
А за заюшкой лисанька,
А за лисанькой добрый конь.
На добре-то коне молодец,
Он *тугой-от* лук натягивал,
Калену стрелу накладывал,
Сам-от стрелке приговаривал:
— Ты лети-ко, моя стрелонька,
Выше лесу стоячаго,
Ниже облака ходячаго
Высоко по поднебесью,
Далеко по сырой земле.
Ты подстрель, подстрель заюшку,
Что под правую под лазушку.

¹ При мне еще кое-кто в Обдорске начал собирать обдорские песни и записывать не только слова, но и мотивы.

Увидала его мамонька
Из высокога *терема*,
Из *косяцата* окошечка,
Из немецкаго стеклышка
Исполать тебе... (*иля жениха*)
Исполать тебе (*отчество*).
Ты умел хорошо родитися,
Хорошо снарядитися
Пред *князьями-боярами*,
Пред своей меньшей братней.

* * *

Как во стольном *Новом городе*,
Во столовой новой горнице
Тут стоял нов кипарисов стол,
За столом сидел молодец,
Он чесал кудри русыя
Черепеховой гребелочкой.
Он чесал, сам приговаривал:
— Приходи-ко, моя барышня,
Ты катись, груша зеленая,
Прилетай-ко, моя ласточка,
Проблести, искра алмазная.
Не успел речи окончить он,
Как вдруг двери растворилися,
На пяте остановилися.
Как ответ держит девица,
Отвечает свет (*иля невесты*):
— Если б я была боярышня,
Я ходила бы со мамками.
Если б я была груша зеленая,
Я б висела в зеленом саду,
В зеленом саду у баяпки,
Если б я была ласточка,
Я б летала во синем небе.
Если б я была искра алмазная,
Я была бы в золотом перстне,
В золотом перстне у молодца
У... (*иля и отчество жениха*).

Из обдорских свадебных песен в музыкальном отношении особенно хороши следующие: 1) «Увивается ласточка, увивается косатая» и т. д., 2) «Как по речке, реке», 3) «Как по сням, сеничкам», 4) вторая из приведенных нами: «Как во стольном...» и т. д., 5) «Крем (?) деревцо пошатнулося», 6) «Через речку рябинка лежала» и другие.

Песни эти поются девушками — подругами невесты. На меня всегда производили сильное впечатление старинные напевы, которые особенно хороши в хоре. Раньше приходилось

встречать подобные вещи разве только в сборниках Рыбникова*, Якушкина* и др., а тут слышишь и видишь все это воочию и мысленно переносишься за несколько веков назад и дивишься, как мог сохраниться этот осколок русской старины среди остяцкой тундры. Слова о боярах и боярышнях, гуляющих в зеленых садочках среди деревьев и цветов средней России, производят впечатление грустного и трогательного контраста, когда они поются под северным Полярным кругом в печальной и дикой тундре...

Время подходит к Святкам. Обдорск опять просыпается от своей обычной спячки. Начинается маскарадная потеха.

Выйдя на улицу вечером, то и дело встречаешь группы «маскированных». Рядятся остяками, остячками, стариками, чертями и т. п. Но встречаются и довольно изящные оригинальные костюмы: казаков и казачек, малороссов, генералов каких-то фантастических армий, турок, дураков и проч.

Любимый маскарадный костюм в Обдорске — костюм дурака: широкий балахон, шаровары и колпак, все это обвешано бубенчиками. Маскированные (не только местные жители, но и заезжая интеллигенция) ходят из дома в дом, танцуют, поют и дурачатся. Святки проходят очень оживленно. Более богатые из купцов устраивают вечера, на которых часто бывает очень весело: танцуют (польку, вальс, кадрили, казачка), поют разного рода песни: местные обдорские и другие, даже малороссийские, занесенные сюда студентами-хохлами, иногда попадавшими в Обдорск. В перерывах между танцами девушки водят хороводы. Молодежь устраивает разного рода игры с песнями. Этих игр в Обдорске очень много, некоторые довольно оригинальны. Напр., такая: выходят трое (обыкновенно две женщины, из которых одна держит шапку, а другая трость, и один кавалер) и поют:

Пошла наша черемха
Из города в деревню.
Да дева ай-люли, да радость моя
(припев).

Что крестьянину на пашню,
Крестьянке в избушку.

Да дева ай-люли и проч.

(подходят к одному из публики, изображающему «крестьянку»).

Ты позволь нам, хозяйюшка,
Здесь расположится
Со всею семьею.

Еще шапку-то на спичку,
(при этом одна из играющих вешает на стену шапку).

Еще тростку-то на лавку,

А повозник-от под лавку
(изображающий «повозника» остается).

Не пора ли собираться,
Со хозяином прощаться.
Еще где-то моя шапка?
(играющий подходит к «хозяину», который подает шапку).

Это шапка-то не наша.
У меня была шапка:
Окол соболиный,
А верх бархатный.
Если хошь меня ограбить,
Прикину я тебе
(бросает «хозяину» шапку).

Еще где-то моя тростка?
Эта тростка-то не наша,
У меня была тростка
Бела камышева,
Кольцо золотое
(бросает «хозяину» тростку).
Еще где-то мой повозник?
Это повозник-от не наш педь.
У меня был повозник
Белый кудряватый,
(растрельывает «повознику» шевелюру)
Холост неженатый.
Если хошь меня ограбить,
Прикину я тебе
(толкает «повозника» к хозяину).

Потом снова поют: «Не пора ли собираться» и проч., опять подходят к хозяину и спрашивают шапку, тростку и повозника. Во второй раз все оказывается «нашим», и игра кончается.

Из игровых песен и хороводов многие известны и в других местах России, как, напр.: 1) «Как по морю, морю синему... плыла лебедь», 2) «А мы просо селяли», 3) «Во лузьях», 4) «Ходит царь вокруг Нова-города», 5) «Ходит царь-царевич, да сын царев», 6) «Уж я селяла, селяла ленок». Но есть и такие игровые песни, которые если и известны в других местах России, то очень редко встречаются, напр.: 1) «Научи-ко меня, мати, научи-ко, сударыня, как ленок мне мочити», 2) «Хожу, гуляю я во народе», 3) «Как во поле было во поле, в широком раздолье», 4) «Сидит дрема» (две последние песни занесены из-под Самаровского — село при впадении Иртыша в Обь), 5) «На коленочки козел припадает», 6) «Ты заря ли, моя зоренька», 7) «Отворяйтеся, широкие ворота, я поеду в Китай-город гуляти», 8) «Шелковая ниточка к стенке льнет», 9) «Олень» и мн. другие.

Пока молодежь танцует и поет, более солидные люди сидят за винтом. Винт и преферанс не только успели проникнуть в Обдорск, но и весьма прочно укорениться в нем. Теперь только остяки и самоеды не играют в винт, хотя

с картами и они знакомы, но дуются больше в «дураки». Одета публика по-городски: мужчины в крахмальных сорочках и черных сюртуках, дамы в платьях чуть ли не по последней моде. Во время моего пребывания в Обдорске появилась мода на дамские платья с широкими рукавами и пуфами. Когда я в первый раз в Обдорске увидел такие платья, то подумал, что это — обдорская мода и был очень удивлен, когда узнал, что так скоро проникло на дальний Север последнее слово искусства. В прежние времена пьянство в Обдорске было развито до гомерических размеров. Теперь уже не то. Конечно, и теперь на вечерах напиваются (без этого же нельзя), но очень редко бывает, чтобы гости лишились способности самостоятельного передвижения.

XIII

Обдорская ярмарка.— Внешний вид ярмарки.— Появление самоедов.— Толмачи.— Скупка пушнины на дому у обывателя.— Угощение.— Преобладание торговли в кредит.— Сравнение с Сургутской ярмаркой.— Цены на пушнину

В начале января открывается в Обдорске ярмарка и застаёт жителей в самом разгаре святочных удовольствий. Днём обдорянин торгует с нарты «на тундре» среди пестрой толпы наехавших самоедов, а вечером он уже отплясывает трепака, наряженный чертом или фантастическим «казакком».

Шум обдорского карнавала довольно курьезно сливается с ярмарочной суматохой и беготней. Улицы кишат самоедами, которые в своих мохнатых и пестрых гусях и парках сами-то похожи на маскированных, а тут же среди них под вечерок пронесется, гремя бубенчиками, тройка «дураков» или проковыляет «черт», едущий верхом на метле.

Непривычная для европейского глаза обдорская действительность сливается с произведениями обдорской фантазии, и удивленный путешественник может с недоумением спросить: «Где же тут кончается мир реальный и начинается мир фантастический?»

Но скоро конец веселью. После крещения грешно чертей мутить. Маскарадные костюмы прячутся в сундуки до следующего года, и обдоряне с жаром принимают за самоедов.

Обдорская ярмарка, играющая не последнюю роль в торговле пушниной вообще в России, открывается 2 января. К этому времени съезжаются самоеды с пушным товаром,

также отчасти с мамонтовой костью, моржовыми клыками, тюленьими шкурами и другими, более второстепенными предметами. Самоеды сдают свой товар обдорянам частью за наличные деньги, частью в обмен на товар, преимущественно же в виде отдачи долга, сделанного за год и больше перед данной ярмаркой. Числа 10—15-го приезжают в Обдорск тобольские купцы и их «доверенные», человек 5—6. Сами тоболяки непосредственно от самоедов пушнины не скупают, а берут то, что собрано обдорянами. Исключение составляют только двое купцов — Корнилов и Бронников, имеющие в Обдорске своих постоянных доверенных, непосредственно ведущих дела с инородцами.

С приходом тоболяков первый процесс ярмарки — соби- рание пушнины — кончается и начинается второй — сдача товара тоболякам. Числа 20-го кончается ярмарка. Тоболяки нагружают нарты пушшиной и, обыкновенно, по двое, по трое, для безопасности, едут в далекий обратный путь до Тобо- льска, а оттуда в Ирбит на ярмарку. В конце января туда же собираются и некоторые обдорские купцы, чтобы самим про- давать товар, а главное — для того, чтобы насладиться раз- ного рода вокально-музыкально-скандальными прелестями большой ярмарки в культурном городе. В Обдорске на сей последний счет совсем, совсем плохо...

Самоеды, спустившись к Обдорску, останавливаются обыкновенно в тундре, не доезжая нескольких верст до села. Тут некоторые из них отправляются с небольшим количест- вом пушнины, так сказать, на разведки, разузнать цены на товары. Потом уже и остальные начинают наезжать в Об- дорск со всеми своими товарами.

Обдорская ярмарка расположена в конце одной из улиц, выходящих в тундру. По обеим сторонам разбросаны амба- ры, в которых обдоряне производят свою торговлю. Впереди этих амбаров стоят еще по обеим сторонам улицы нарты, с которых тоже производится торговля, преимущественно ме- новая. На этих нартах разложены товары, необходимые самоедам: кирпичный чай, сукно разных цветов для летних гусей и для пошивки женской зимней одежды, медные по- брякушки, которыми обвешиваются самоедки, пояски, котлы, ножи, топоры, кремни, огнива, ружья, сети, ящики, железные листы, на которых разводятся костер в чуме, кап- кань, разного рода деревянная посуда, изготовляемая зыря- нами: ложки, чашки всех величин. Тут же и остиаки со своими убогими произведениями: тагарами (травяные циновки), травяными подстилками, чагой (грибовидные наросты на

деревьях), замороженным жиром и морошкой, зимней рыбой, собачьей шкурой и проч. Настоящая торговля происходит, однако, не здесь, а по домам. С нарт же на ярмарке торгуют преимущественно беднейшие обдоряне. Товар они берут в кредит у обдорских купцов, которые ставят при этом цены выше лавочных и вообще сильно эксплуатируют обдорскую мелкота.

В сущности, сами обдорские купцы иначе почти и не могут поступать, так как отчасти зависят, в свою очередь, от тоболяков. Мелкие торговцы, таким образом, находятся под двойным прессом и, с своей стороны, волей-неволей должны налегать на инородцев, которые выносят уже тяжесть, так сказать, тройного давления. Жалко смотреть бывает на мелкого русского торговца: морозится бедный целый день на холоду («сопли выжимает»), а выручит за день какой-нибудь рубль-два. Иные за всю ярмарку выручают всего рублей 10—15, да и то рады, что хоть без убытку остаются; а и это бывает, особенно когда «купец» при расчете еще возвысит цены своего товара...

С виду ярмарка имеет очень оживленный и оригинальный вид. Такого зрелища нигде не увидишь. Всюду толкаются неуклюжие фигуры самоедов. В своих мохнатых гусях, разукрашенных лоскутьями шкур, подбитых цветным сукном, они напоминают каких-то белых медведей. Особенно оригинальны самоедки: вместо малицы и гуся они носят *ягушки*. Ягушка — шуба, подбитая снизу оленьим мехом, а снаружи украшенная собачиной и полосами разноцветного сукна так, что внизу по подолу идет полоса белой собачины, затем выше — полоса красного сукна (вершка 3 шириной), потом полоса черной собачины, далее — желтое сукно. Ягушка застегивается спереди и обхватывается широким поясом, состоящим из разного рода медных колец и щитков. На животе у пояса — медная пряжка около $\frac{1}{4}$ арш. в диаметре. Но всего замечательнее огромная шапка в виде капора (фасон напоминает киргизские шапки) с большими полями из собачьего меха, отчего лицо самоедки точно окружено сиянием кругом, вершков на 5. Чтобы такое сооружение могло держаться на голове, к нему сзади подвешиваются всевозможные побрякушки, медные круги, колокольчики, бусы — всего фунта 4—5. Все это, конечно, звенит и гремит на ходу. Трудно передать, на что похожа самоедка в своем национальном костюме: что-то пестрое, яркое, пушистое и мохнатое, вдобавок тяжелое и неграциозное.

Между неуклюжими самоедками мелькают юркие фигуры зырян в малицах, с белой опушкой вокруг лица. Зыряне,

как *халевы* (чайки), носятся по всей ярмарке, зорко высматривая товар. Лишь только пройдет самоед с какой-нибудь шкуркой, сейчас же на него набрасывается целая стая зырян и обступает со всех сторон, стараясь поскорее перекупить. Раньше бывало и так: налетит зырянин на оторопевшего самоеда, выхватит у него из рук шкурку, а сам — стрекача, ищи его потом в толпе. Теперь такие примитивные приемы уже выводятся.

Так как значительная часть товаров отпускается в кредит, то обдоряне стараются ловить своих должников, а те, с своей стороны, стараются утечь от кредитора, чтобы продать товар за деньги, что гораздо выгоднее для самоеда. Происходит настоящая лопля самоедов, принимающая подчас довольно курьезный характер. Для этого служат так называемые «толмачи». Толмач, собственно, значит, как известно, переводчик, но немного переводят обдорские толмачи. Это скорее зазывальщики. Проходя по улице в той части ее, с которой видна дорога в тундру, вы еще задолго до времени открытия ярмарки увидите где-нибудь на ограде кладбища или на бревнах неподвижно сидящие человеческие фигуры, пристально смотрящие в бесконечную даль тундры. Это толмачи. Издали они напоминают каких-то хищных птиц. Белые опушки малиц у зырян придают им вид кондоров. Вот вдали показывается самоедская нарта, и скоро угрюмый инородец, погоняя хореем своих оленей, въезжает в село. В одну минуту толмачи срываются со своих мест и, как ястребы, налетают на добычу, предлагая или тут же продать, или же, большею частью, заывают к хозяину в дом.

Если пройтись несколько раз по ярмарке, то скоро начинаешь удивляться отсутствию сколько-нибудь ценного пушного товара у самоедов; видишь преимущественно разные лапки: лисьи, песцовые, крестоватиковые, да изредка промелькнет шкурка белого песка или оленина. Неужели только и всего привезли самоеды? Нет, в том-то и дело, что главная, настоящая торговля идет не здесь, на тундре, а по квартирам обывателей.

Приехав в село, самоед направляется к кому-либо из обдорян. Здесь его гостеприимно встречают, угощают мерзлой рыбой, олениной, рыбьим жиром и прежде всего водкой. Какого вкуса эта водка — лучше и не говорить. В прежние времена самоедов не пускали в дом, а торговали с ними на дворе; потом стали пускать в кухни. А теперь уже во время ярмарки самоедов можно встретить во всех «залах» и «гостиных». Дом обдорянина превращается в маленькую ярмарку:

дикие сыны тундры со своими семействами сидят прямо на полу, едят и пьют, а напившись, начинают петь свои бесконечные дикие песни и кричать.

После угощения начинается торговля, бывает, что и не начинается, ибо самоеды часто ходят из дома в дом, выпивают, едят, поют и в заключение — ничего не продают. Конечно, иногда напившийся самоед и нарвется и продаст свой товар за бесценок. Вообще, в этой торговле отношения между продавцами и покупателями довольно оригинальны. Обдоряне стараются всячески воспользоваться простодушием и пьянством дикарей, а самоеды стараются о том, чтобы как можно больше съесть, выпить, не продавая ничего до времени. Часто самоед, который торгует, приводит с собой товарищей, у которых ничего нет; но ведь и им хочется выпить и закусить. Нужно, впрочем, опять повторить, что торговля производится, главным образом, в кредит, и только тут она дает действительные выгоды. Прямо же на деньги довольно редко удается купить дешево, особенно если принять во внимание расходы на угощение и толмачей. Исключительно дешевые покупки у самоедов в настоящее время довольно редки и, во всяком случае, не характеристичны для положения дела. Кредитный характер торговли (а также и меновой) объясняет нам, почему приезжающие на ярмарку тоболяки сами непосредственно не скупают пушнины у самоедов, а предоставляют это обдорянам.

Кроме Обдорска есть еще самоедская ярмарка в Сургуте. Судя по статьям г. Неклепаева («Самоедская ярмарка в Сургуте») в «Сибирском Листке» за 1893 г., между обеими ярмарками очень много общего. Разница только в том, что в Сургуте нет «толмачей» и что должники там более закабалены: они там точно поделены между сургутянами и почти не смеют отойти к другому, не заплативши первому постоянному кредитору. Разница эта, вероятно, объясняется конкуренцией зырян в Обдорске¹. Зыряне увеличивают собою число скупщиков пушнины, набивают цены и, таким образом, создают более выгодное положение для самоедов. У самоедов в Обдорске более соблазна изменить своему постоянному кредитору, чем в Сургуте. Обилие же покупателей и притом значительное количество зырянского пролетариата, а также и все возрастающего русского объясняют, по моему мнению, и появление толмачей: при более сильной конкуренции

¹ На эту благотворительную роль зырян нельзя не обратить внимания ввиду некоторых предположений о запрещении им въезда в Обдорск.

необходимо употреблять и более сильные средства для привлечения самоедов. Между тем в Сургуте, где постоянно живущих скупщиков сравнительно меньше, да и к тому же — свои люди, одного племени, легче стеснить инородца, да и особых зазывальщиков не требуется; дескать, «куда самоедам деться, все равно к нам придут, ну, а мы лучше поделим их между собою, да и будем каждый своих обрабатывать, друг другу, значит, не мешая».

Из этого следует, что в Обдорске экономическая жизнь бьет более сильным ключом, чем в Сургуте, идет интенсивней; а стало быть, тут более должен быть заметен тот экономический процесс, который за последнее время все явственнее обозначается в Обдорском крае — процесс концентрации торгово-промышленной деятельности в руках все меньшего числа лиц ¹.

¹ Вот некоторые сведения о пушном и другом товаре и о ценах на него в Обдорске:

Песец белый (зимний) — 2 руб.—2 руб. 50 коп. за шкуру не выделанную.

Крестоватик (летний песец) — 70—90 коп.— 1 руб.

(Полный подбор крестоватика для шубы 40 руб.)

Песец голубой (очень красивый мех серо-дымчатого цвета) — 10—15—25—30 руб.

Лисица (сиводушка и белодушка) — 4—6—8 руб.

Лисица чернобурая — 38—40—55 руб. (совсем черных лисиц я не видел, те доходят и до 100 руб. и даже дороже за шкурку).

Белка серая — 18—20 коп.

Горноста́й — 35—50 коп.

Росомаха — 4—6 руб. (идет, между прочим, в Обдорске на капоры самоедок).

Белый медведь, хорошал шкура — 60—70 руб.

Разного рода олени шкуры, как-то:

Оленья постель (выросток) — 1 руб. 50 коп.— 2 руб.

Неплюй (олень молодой) — 2 руб. 50 коп.— 3 руб.— 4 руб.

Пешка (олень-сосун) черная — 1 руб. 50 коп.— 1 руб. 85 коп.— 2 руб.

Пешка рыжая — 50—70 коп.

Лебляжья шкурка — 5—10—15 коп.

Шейка гагары — 1/2 — 2 коп.

Волчонок — 20—30 коп.

Тюлень — 3—4 руб.

Цены на шкурки меняются на каждой ярмарке. Сравнительно прочно стоят цены на лисиц. Изменение цен зависит частью от улова, частью от требования в Ирбите и за границей (Лейпциг). Приведенные цены — те, по которым обдоряне сдают тоболякам пушнину.

Что касается до того, почему сами обдоряне берут от самоедов, то это очень трудно свести в какую бы то ни было таблицу, так как все это дело случая. В общем, мне кажется, что при кредитной торговле получается прибыль в среднем 30—50 %. При покупке же на наличные деньги — в среднем 10—20 %.

Развитие концентрации торгово-промышленной деятельности в Обдорске. — Причины концентрации в торговле пушниной и рыбной промышленностью. — Артельное рыболовство как желательный исход для мелких промышленников. — Попытки поднять артель на Мурманском берегу. — Артель латышей на Западной Двине

Казалось бы, что в Обдорске, лежащем под самым Полярным кругом, на промерзлой, никогда не оттаивающей глубже 1½ арш. почве, самая жизнь должна была застынуть в раз отлившиеся формы. Жизнь есть приспособление внутренних отношений к внешним, как сказал Г. Спенсер.

Стало быть, степень сложности этих «внешних отношений» и должны определяться жизненные процессы и явления того или другого края. При бедности и однообразии природы и вообще условий Обдорского края мы вправе ожидать, что жизнь там должна была отлиться в известные, определенные формы, наиболее подходящие к данной местности, и уже более нечего ожидать никакого развития, или, по крайней мере, оно будет совершаться так туго, что его трудно будет приметить.

Но дело в том, что Обдорск находится в зависимости и под влиянием других местностей, главным образом Тобольска, и это влияние хотя и отдаленного рынка постепенно вносит разного рода изменения в экономическую и бытовую жизнь северного села.

Нам приходилось часто читать, что не в одном Обдорске, а и в других «северных столицах», в разных Турухансках, Верхоянсках, Средне-Колымских и проч. поселениях, подходящих по условиям к Обдорску, замечалось сосредоточение торгово-промышленной деятельности все в меньшем и меньшем числе рук. Но все эти заметки были отрывочны и кратки и почти вовсе не давали ответа на вопрос: всегда ли так было или мы только ныне замечаем известный процесс развития в ту или другую сторону? Поэтому мы должны пожелать побольше ответов на этот вопрос, основанных на фактическом изучении данной местности.

Экономическая жизнь Обдорска зиждется на торговле пушниной и на рыбном промысле.

В торговле пушниной концентрация стала замечаться не более 15 лет тому назад. В прежние времена крупные купцы, державшие в Обдорске своих доверенных, почти не поку-

пали ничего у инородцев непосредственно. Это дело находилось в руках мелких промышленников, составляющих постоянное, оседлое население Обдорска. Мало-помалу дело стало изменяться: доверенные тобольских купцов сами стали зазывать к себе самоедов и скупать пушнину у них непосредственно. В настоящее время только те тоболяки, которые не имеют своих доверенных в Обдорске и наезжают только на ярмарку, обращаются к посредничеству обдорян.

Мало-помалу все выгоды торговли с самоедами сосредоточиваются в руках более богатых, преимущественно тобольских купцов, имеющих в Обдорске своих постоянных доверенных. Происходит это таким образом:

Как мы уже сказали, торговля, главным образом, меновая и притом кредитная. Товар, который отпускают инородцам, закупается в Тобольске и др. местах и доставляется в Обдорск на баржах и пароходах. Отсюда и понятно громадное преимущество тоболяков, а отчасти и тех богатых обдорян, которые имеют возможность нанимать пароходы для перевозки своих товаров. Хлеб и прочее тоболяки перевозят на собственных пароходах. К тому же перевозка эта еще окупается рыбопромышленностью. Приходя в Обдорск с товаром, пароход возвращается тоже не пустым, а с рыбой. Ввиду удаленности Обдорска от рынков доставка товаров и проч. находится в руках небольшого числа лиц, так что, привезя товары, они всегда могут установить цены по своему произволу. Если бы не слабая конкуренция 5—6 обдорских купцов, из которых один (И. И. Карпов) завел летом 1894 г. свой пароход (первый пароход, принадлежащий обдоряину), то тоболяки являлись бы единственными господами положения.

В самом деле: допустим, что тоболяк купил муку по 50 коп. за пуд. Доставка на собственном пароходе не обойдется и 10 коп. с пуда. И того, стало быть, 60 коп. За этот пуд хлеба он выменивает песка. Между тем обдорянин покупает этот пуд хлеба иногда за 1 руб. 40 коп. (как, напр., в 1892 г.) и обменивает этот хлеб на того же песка. Тоболяку песок, значит, стоит дешевле. И так относительно всех прочих товаров. Купцы нарочно продают хлеб и проч. самоедам дешевле, чем своим конкурентам обдорянам.

Вследствие этого торговля пушниной поневоле должна сосредоточиться в немногих руках. Дело стоит так, что для конкуренции с тоболяками приходится чуть ли не самим пароходы заводить.

Таким образом, мелкие торговцы должны с течением вре-

мени все больше ступшеываться, превращаясь в ярмарочных толмачей и т. п. пролетариев.

То же самое приходится сказать и о рыбопромышленности.

На стороне тоболяков все преимущества крупного капитала, которые еще более усиливаются от слабости конкуренции ввиду отдаленности Обдорска от рынков.

Перевозочные средства все в руках тоболяков. Выше я уже говорил, как пользуются они выгодами своего положения, назначая при скупке рыбы цены по своему усмотрению.

К особенностям дела в Обдорском крае (удаленность Обдорска и малочисленность скупщиков) присоединяются и те общие эконоимические факторы, которые по законам политической экономии всегда дают перевес крупной промышленности над мелкой.

Здесь это можно иллюстрировать следующим примером: для невода длиною в 400 сажень требуется в Обдорске 10 человек рабочих, между тем как для невода в 150 сажень требуется 6 человек. Ясно, что чем длиннее невод, тем больше можно поймать рыбы. Следовательно, при увеличении невода почти втрое (что дает почти втрое больший доход) число рабочих приходится увеличить меньше, чем вдвое. Таким образом, при увеличении рыбного промысла расход пропорционально доходу уменьшается. И наоборот, чем меньше промысел (здесь мы измеряем крупность производства длинной невода), тем больший пропорциональный расход.

Конечно, если мы обратимся ко всем мелким промышленникам (остякам и русским, остающимся на лето в Обдорске), к таким, которые промышляют сами, без работников, сетями, а не неводами, которые даже аренды ни гроша не платят (да и что с них возьмешь?), так эти, конечно, несут меньший расход сравнительно с доходом. Такие мелкие рыболовы большею частью и рыбу-то не солят, а сдают прямо сырой, если есть налицо покупатель (копеек 10 за муксуна). А если нет, то рыбу хоть собакам бросай, потому что, несоленая, она скоро портится. Но ведь таких рыболовов нельзя принимать в расчет; такой промысел хотя и не требует большого расхода (иногда почти никакого расхода, т. к. сетку, лодку можно и у доброго человека попросить), но зато и дает самый незначительный доход; больше всего ловят таким родом не для дохода, а для собственного потребления. Да и промысел такой возможен только вблизи места постоянного жительства. Словом, это уже не промысел, а так себе — пропитание по образу птиц небесных, которые не жнут, не сеют и в житницу не собирают. Впрочем, многие из про-

мышленников, доведенные до отчаяния низкими ценами на рыбу, говорили иногда: «Да из-за чего мы бьемся? Только рабочих кормим! Себе в убыток! Не лучше ли ловить рыбу самим для себя сетями, по крайней мере, хоть сыт будешь». Конечно, это можно сказать только в минуту отчаяния, когда опускаются руки ввиду того, что труды почти целого лета пропадают почти даром.

«Что же делать?»— спросит читатель. Хорошо, если бы мелкие промышленники соединились в артели. Тогда они могли бы устроить промысел на началах крупной промышленности, и в то же время эта промышленность была бы народной, а не индивидуалистической и капиталистической. Да, конечно, это было бы хорошо! Много есть, вообще, хороших вещей! Вопрос только в том, насколько они исполнимы.

Вот на Мурманском берегу бывший архангельский губернатор генерал Баранов в половине 80-х гг. задумал было устраивать рыболовные артели. Приступлено к делу было в высшей степени рационально, именно: был созван съезд поморов-промышленников и им самим предложено было обсудить меры к организации артелей. Выработали проект: артель должна была состоять из 4—5 человек, причем она имела право на казенную ссуду до 450 руб.¹, но дело в конце концов не выгорело.

Артели часто не возвращали ссуд, которые уходили на уплату старых долгов, способы рыбной ловли не совершенствовались. Правда, сведений мы за последнее время не имеем, судя по началу, трудно допустить, чтобы поморы сумели организовать в самостоятельные артели, независимые от скупщиков и проч. А вот латыши по р. Западной Двине, судя по словам г. Красноперова², издавна, еще со времен средних веков, ведут тот же рыбный промысел на артельном начале. И какая артель! В нее входят почти все жители данной местности. «Латыши,— читаем мы у г. Красноперова,— издавна занимают рыбной ловлей по р. Западной Двине, на протяжении 18-верстного течения, вплоть до устья, и все сети плетут сами, силами членов своей семьи (обдоряне же, заметим мы от себя, плетением сетей вовсе не занимаются)... Латыши образуют свою прекрасно организованную общину, подобия которой мы не встречаем среди наших русских рыболовов, вследствие чего они и живут закиточнее наших рыболовов...

¹ Об этом см. статьи Максимова «С берегов Финмаркена». (Русское богатство, 1892г., № 6—7; «С Мурманского берега». Русская мысль, 1893 г.

² Русское богатство, 1894 г. № 6. «Осташи».

Члены этой рыболовной общины главной целью своею по отношению друг к другу ставят взаимопомощь во всех несчастных случаях на началах равенства и братства.

Латышская община, состоящая из 20 семей, покупает на общинный капитал пеньку или лен берковцами¹, платя по 50—60 руб. за берковец. Затем пенька эта раздается каждой семье для пряжи и плетения сетей, кто сколько хочет. Условием ставится, чтобы никто не имел права продавать пеньку ни в сыром, ни в обработанном виде, а каждый пользовался бы ею только в пределах своей общины... Община выбирает из своей среды на 1—3 года старшину, и члены ее называют друг друга братьями... Кулачества здесь не видно и следа, т. к. все держится взаимопомощью.

За право ловли община платит городу 2000 руб. ежегодной ренты. Лов рыбы разделяется на дневной и ночной, причем первый практикуется одновременно всей общиной под руководством своего старшины, в ночное же время каждый ловит рыбу для себя и даже может продавать ее. пойманная днем рыба продается общиной, и деньги составляют общинный капитал, часть которого идет на уплату аренды за право ловли, другая отчисляется в неприкосновенный капитал на общинные нужды, пропала ли у кого лодка или невод, сгорел ли у кого дом, община помогает ему: на общинный капитал купит новую лодку, выдаст пеньки для сети, выстроит новый дом. Умер ли в семье единственный работник, община и тут приходит к осиротелой семье на помощь: она хоронит на общинный счет своего собрата, выдает вдове и детям на вспомоществование. Остальные деньги, вырученные от продажи общинной рыбы, делятся поровну между всеми общинниками».

Так вот каковы латыши! Значит, можно так устроиться. Положим, что у латышей могла возникнуть идеально совершенная артель отчасти потому, что лов рыбы сгруппирован на сравнительно небольшом пространстве (всего 18 верст), но ведь общая заготовка сетей и образование общинного капитала возможны и при большой разбросанности промысла. Положим далее, что этих латышей немного и ловят они рыбу в продолжение нескольких столетий, так что община их представляет продукт многовекового опыта на почве приспособления к окружающим условиям. Между тем в Обдорске население многочисленнее, да к тому же сбродное,

¹ Берковец — 10 пудов. Так продавали лен, пеньку и т. п. товары. (Примеч. сост.)

пришлое. Много вредит также и национальная разношерстность населения: тут и русские, и зыряне, и самоеды, и остяки. При теперешнем уровне развития обдорского населения об артелях почти нечего и думать (хотя ниже я укажу на кое-какие зародыши будущих артелей).

«Народ у нас несогласный» — часто доводилось слышать. Но ведь все идет вперед. Ведь все, что выгодно для человека и что зависит от его сил, рано или поздно должно совершиться. И можно сказать с уверенностью, что как бы странным и невозможным ни казался известный порядок, но если он действительно выгоден, то наступление его представляет лишь вопрос времени. Жалко, что время это для Обдорска не скоро еще настанет.

Из мер, скорее осуществимых, многие предполагают учреждение срочного пароходства по Оби до Обской губы. Пароходы ходили бы себе все лето и понемногу забирали бы рыбу. Тогда цена на нее поднялась бы, облегчился сбыт, привоз стал бы более равномерен и т. д. Но это предположение кажется мне довольно трудно осуществимым: при громадности расстояний расход на содержание парохода не окупался бы. Не так много уж ловят здесь рыбы (всего, как я уж говорил, около 200 000 пудов), да и способ приготовления ее — крутой засол — делает ее товаром малоценным.

XV

Рабочий вопрос в Обдорске. — Необходимость промышленной инспекции. — Как отразится концентрация на технике рыбного дела, на положении рабочих и на положении обдорского населения. — Толки в Обдорске об устройстве артели из русских и остяков. — Необходимость этого дела для решения важнейших вопросов обдорской жизни. — Заключение

Разбирая вопрос о концентрации рыбного промысла, мы не можем обойти здешнего рабочего вопроса, т. к. изменение формы промысла существенно отразится на положении рабочих, ведь промысел в низовом краю исключительно предпринимательский, т. е. все рыболовное население разделяется на рабочих и хозяев.

При изучении отношений между хозяевами и рабочими нас прежде всего поразит разноречие мнений, масса фактов самого противоречивого характера, так что за отсутствием в крае статистических исследований трудно составить вполне

определенный взгляд на дело. Хозяева во всем винят рабочих, рабочие — хозяев. И те, и другие жалобы часто не лишены основания. Хозяева говорят: «Нет никакого сладу с этими караванными»¹, ведь значительная часть их — это поселщики, варнаки, на иного и смотреть-то боязно — все равно, что каторжник. А ведь я (хозяин) среди них один, а их-то человек со 100 бывает. Меня не то что избить, а и убить могут. Закобьются один, двое — и вот все рабочие при неводе ничего делать не могут, потому что для неводьбы нужно определенное число лиц; и это бывает в самое горячее время, когда рыба валом валит, когда два, три дня могут чуть ли не все затраты оправдать. Да и работают лениво, когда почешутся, да когда поворотятся. Иным подавай каждый день непочатый хлеб; чуть маленько зачерствел — не надо, бросают. Мы из-за чего и коров часто с собой возим на промысла — много лишнего хлеба бросается, так пусть коровы едят, все же даром не пропадает» и т. д. и т. д.

Жалуются и обдорские хозяева на своих рабочих-остяков: «Им бы только напиться да спать завалиться». С другой стороны, и рабочие жалуются на низкую плату (относительно остяков низкая плата обуславливается осенним наймом, играющим ту же самую экономическую роль, как и наши осенние наемки сельскохозяйственных рабочих).

Конечно, с обеих сторон есть много преувеличений, но есть и доля правды.

В 1892 г. были выработаны врачебной управой в Тобольске правила о найме и содержании рабочих. Многое в этих правилах было хотя и хорошо задумано, но неприменимо собственно для низового края, так, напр., обязательство кормить рабочих кроме мяса, рыбы, хлеба и чая еще капустой, картофелем, маслом.

Нужно заметить, что эта пища (овощи и масло) здесь очень дорога, так что сами хозяева ее не часто лакомятся, кормить же рабочих, особенно остяков, которые ее и не едят никогда почти, было бы совершенно убыточно. Запрещалось еще доставлять рабочих *завозом*² на баржах, а непременно буксиром. Это уже совсем неосновательное требование, т. к. иначе здесь невозможно, как именно завозом и рыском. Определен был еще минимум рабочей платы — 30 руб. за лето. Минимум этот если и возможен для тоболяков, то к обдорским хозяевам он неприменим. Во-первых, потому, что

¹ Караванный — рыболовный рабочий из-под Тобольска.

² Термины «завоз» и «рыск» мною объяснены выше.

здесь на рыбный промысел сплошь и рядом нанимаются и старики, и дети, и всякие калеки, т. е. всегда найдется нетрудная работишка и для таких (вроде чистки и соленья рыбы), а этим рабочим себе в убыток платить 30 руб. Во-вторых, нужно припомнить крайне тяжелые условия, в которых находятся обдорские промышленники, прижатые тоболяками и поневоле принужденные прижимать своих рабочих. Здесь мы встречаемся с теми же условиями, какие находим на Мурманском и Терском берегах в Архангельской губернии. Там тоже дурные отношения поморов к своим рабочим вызываются тем, что сами поморы эксплуатируются, с одной стороны — норвежцами, с другой — архангельскими купцами.

Там эксплуатация эта развивается на почве тех же условий, какие мы описывали в Обдорске, т. е. главным образом дальности расстояния от рынка сбыта и закупки необходимого для промысла и своего пропитания, а также неимения в своих руках перевозочных средств при слабой конкуренции. Таким образом, норвежцы и архангелогородцы жмут поморов, а те, в свою очередь, жмут своих рабочих и покрученников¹. То же и в Обдорске.

Говоря об урегулировании отношений между рабочими и хозяевами, следует остановиться на предположении учредить либо постоянную промысловую инспекцию, либо временные командировки с инспекторскими целями. Эти временные командировки, систематически производимые, скоро накопили бы достаточный материал для выработки наиболее целесообразных правил, а также для организации надзора. В то же время промысловый инспектор мог бы, разрешая на месте более значительные споры и столкновения, предупреждать и пресекать разного рода злоупотребления и самоуправства. Рабочие, видя, что их справедливые жалобы быстро и удачно удовлетворяются, приучались бы к отстаиванию своих интересов на почве законности и порядка, а не при помощи бунтов, мордобитий и т. п. (Мне говорили, что бывали случаи, что хозяев или их приказчиков, особенно нелюбимых, рабочие убивали, стаскивая, напр., темной ночью с посуды в воду, — конечно, это очень и очень редкие случаи, за последние 5—6 лет ни одного такого факта я не слыхал.) С другой стороны, и хозяева воздержались бы от самодурства и эксплуатации. Летом 1894 г. через Обдорск

¹ Покрученник — рабочий на промыслах, находящийся на хозяйском содержании. (Примеч. сост.)

проезжал доктор Дунаев, командированный из Тобольска с целью ознакомления с санитарно-гигиеническими условиями жизни рабочих. Вместе с тем он вникал и в отношения между хозяевами и рабочими. Очевидно, что эта командировка может послужить основанием для будущего промыслового надзора, основанного на точном изучении местных условий. Было бы очень желательно (насколько это возможно) соединить санитарно-полицейские цели с задачей распространения более совершенных способов приготовления и сохранения рыбы¹.

Возвращаясь теперь к вопросу о концентрации рыбного промысла, мы выскажем убеждение, что явление это почти неизбежно. Сохранить мелкую форму промышленности почти невозможно; организовать артели тоже очень трудно; по крайней мере, в ближайшем будущем. Тем не менее та или другая экономическая политика может иметь некоторое практическое значение. Ввиду этого является вопрос, нужно ли считать эту концентрацию явлением желательным или нет? Тут возможны, собственно, несколько ответов.

Во-первых, с точки зрения техники промысла. Несомненно, что чем более промысел будет поставлен на началах крупной промышленности, тем успешнее будет ловля и приготовление рыбы, т. к. только крупный промышленник может применить усовершенствованные приемы. Только, кажется, не обдорянам и даже не тоболякам завести здесь рациональную рыбопромышленность.

Часто доходят в Обдорск слухи то о норвежских, то о датских компаниях, которые собираются заняться рыбопромышленностью по Оби. Было даже известие о какой-то французской компании (с участием сына известного Лессепа), затем говорили об одном московском рыботорговце, который послал своего сына для разведок на низ Оби, но тот, убоившись путешествия в каюке в такую даль, как Обдорск, возвратился вспять.

До сих пор эти слухи так слухами и остаются, и многие полагают, что отдаленность Обдорского края от рынков будет надолго отпугивать крупные капиталы, т. к. при затруднительности сбыта овчинка не стоит выделки.

Второй вопрос, на котором стоит остановиться, это влияние на изменение быта рабочих. По этому вопросу трудно

¹ Летом 1895 г. Министерство земледелия командировало на низовья Оби ихтиолога с целью исследования нужд обдорской рыбопромышленности и выработки более рациональных способов приготовления продуктов рыболовства.

дать категорический ответ. С одной стороны, рабочему лучше у мелкого промышленника, потому что тот с ним на равной ноге, вместе с ним и работает, и ест, вообще отношения бывают почти товарищеские. На большом же заведении этого, конечно, быть не может. Но зато мелкий промышленник поставлен в столь тяжелые условия, что ему иногда приходится голодать вместе со своими рабочими. Между тем крупный промышленник имеет возможность лучше содержать своих рабочих, да и надзор удобнее устроить, раз промысел будет менее разбросан.

Аналогичный вопрос возбуждался в сибирской печати недавно относительно рабочих на золотых приисках по поводу исследований об этом В. И. Семевского (печатавшихся года два тому назад в «Русском Богатстве» и «Русском Мире»). Многие полагали, что в интересах самих рабочих нужно желать сосредоточения золотопромышленности в немногих руках, т. к. тогда стало бы гораздо легче наблюдать за благосостоянием рабочих. Мнение это, несомненно, должно быть принято в расчет, особенно ввиду того, что рабочие на рыбных промыслах и золотых приисках рекрутируются приблизительно из одного и того же элемента, т. е. наиболее бедного и неразвитого. Только, кажется, на золотых приисках больше т. наз. «шпаны» — посельщиков, бродяг и т. п., на рыбных промыслах большая часть рабочих — крестьяне Тобольской губернии.

Однако, как ни много имеет за себя это мнение, я бы не высказался категорически за него, т. к. при более близком знакомстве именно с мелкими и средними рыбопромышленниками находил много черт, ускользающих от наблюдающего издали. Вопрос неизбежно усложняется. Прежде всего — как быть с мелкими рыбопромышленниками, если осудить их на разорение? Легко сказать — разорить чуть ли не половину села! Нужно сказать, что именно мелкие и средние промышленники представляют из себя, так сказать, самую здоровую часть населения. Уровень их умственного и нравственного развития, может быть, даже выше, чем у крупных коммерсантов, которые при внешней своей полированности все-таки в душе остаются Кит Китычами. В Обдорске значительная часть средних промышленников читает и выписывает газеты и журналы, один выписывает даже «Вестник рыбопромышленности», из чего видно стремление к рациональной постановке промысла.

Именно в этой среде выражается с наиболее симпатичной стороны национальный тип сыпа родной земли — залог

и основа развития края. Эти данные культурно-общественного характера чего-нибудь да стоят. Да и вообще, концентрация промысла, основанная на разорении мелких и средних промышленников и образующая два класса — кучку богачей вверху и массу бесхозных пролетариев внизу — мало встретит защитников в русском обществе. Как-то не глянется такой порядок русскому интеллигентному человеку. На Западе еще туда-сюда. Там на такой порядок еще можно смотреть как на неизбежную переходную ступень и проч. и проч. Но у нас эта «переходная ступень» может затянуться на слишком долгое время, «пока же солнце взойдет, роса очи выест». В заключение следует сказать, что процесс концентрации торгово-промышленной деятельности идет не такими еще быстрыми шагами, чтобы кричать «караул!» и требовать немедленно категорического ответа на вопрос «что делать?».

В прошлом году среди небольшой компании обдорян поднялись толки о необходимости устройства артели, сначала дроворубной, а потом рыболовной. Компания была невелика: всего 4—5 человек. Все народ молодой, из русских крестьян, разорившихся вследствие непосильной борьбы с крупными промышленниками и служивших у них в рабочих или торговавших в кредит на ярмарке. Средств на обзаведение и первоначальные расходы у них не было вовсе, и потому дело ограничивалось одними разговорами. Факт сам по себе незначительный, но я все-таки не могу не упомянуть о нем. Идея этого дела очень уж симпатична, и потому каждая мелочь достойна внимания.

Все члены этой компании — люди хорошие, трудолюбивые и честные. Планы у них были самые широкие; раздобывшись деньжонками на рубке дров, они думают потом устроить рыболовную артель. Вместо арендования песка у остяков они предполагают вступить с ними в компанию, приняв и их в свою артель. В качестве местных аборигенов члены кружка хорошо знакомы с остяцким населением и могут выбрать из них наиболее подходящих людей. Остяки хотя народ довольно вялый и сам по себе лишенный духа инициативы, но в обществе нескольких русских, которые к ним будут хорошо относиться и сумеют заслужить их доверие, они представят превосходный артельный элемент. У остяков и теперь существуют небольшие артели, только они несамостоятельны и работают на кулаков точно так же, как работает на тех же кулаков и значительная часть русского же населения. Дух самостоятельности и энергии внесет

в остяцкую артель лучшая в нравственном отношении часть русского населения, которая к тому же поставлена в такие тяжелые условия, что соединение с остяками на почве самостоятельного артельного труда является для нее самой единственным исходом. Сами члены этой русской компании мечтали о том, что их остяцко-русская артель станет рассадником членов будущих таких же артелей, которые со временем должны реорганизовать рыбопромышленность низового края. Были голоса, говорившие, что в будущем, когда дело окрепнет и разовьется, можно завести и свою кооперативную лавочку в Обдорске, а потом и свой пароход. Все это, конечно, пока только мечты и разговоры; в действительности есть только люди... без денег, но с прекрасными и искренними намерениями. Но в этой мечте столько увлекательного и трогательного, что хочется верить. В самом деле, среди русского населения, до сих пор только эксплуатировавшего инородцев, возникает мысль о соединении с ними на почве братского труда!

Идея эта может вызвать сочувствие со стороны многих мелких промышленников. Дело в том, что если остяки, объединенные в самостоятельные артели, сумеют освободиться от кабалы крупных кулаков, то они перестанут, как теперь, сдавать им свою рыбу за бесценнок, а с тем вместе подымется и цена на рыбу. Тогда рыбопромышленность станет возможна как честный и себя окупающий труд. Теперь же промышленник только тогда может вести дело с выгодой, когда он держит в своих когтях десятки и сотни остяков, отдающих свою рыбу за бесценнок. Это создает такое положение, что кто бы вздумал исключительно сам ловить рыбу, неминуемо разорился бы, т. к. рыба закабаленных остяков страшно понижает рыночную цену. Как ни трудно осуществимы изложенные мною планы кружка, но они представляют единственное средство для решения главнейших вопросов Обдорского края: инородческого и рыбопромышленного. Я оставил Обдорск, когда идея эта еще только возникала. Но я думаю, что дело одними разговорами не кончится, и если оно обнаружит какие-нибудь признаки жизненности, то вполне заслуживает общественной и правительственной поддержки. Конечно, одной помощью артели нельзя ограничиться. Необходимо поставить еще как следует дело пикольного образования остяков, хотя бы в таком виде, как мы указывали выше в главе об остяках. Тогда будущее остяцкое поколение, воспитанное в школе и в образцовом рыбопромышленном заведении, даст из своей среды контингент годных членов артели.

При повышении уровня развития остяцкого населения станут возможны и дадут практические результаты правительственные меры к облегчению их положения. Главная задача этих мер должна состоять в том, чтобы освободить инородческое население от неоплатной задолженности местным кулакам. Но для того, чтобы эти меры могли бы приносить действительную пользу, остяки должны представлять кое-какие данные, которые указывали бы на их способность воспользоваться государственною помощью к своему благу. При теперешнем же их состоянии — и духовном, и экономическом — даже трудно указать такие меры, которыми они могли бы воспользоваться. Нужно, чтобы они постепенно сами развивали бы свою самостоятельность. Хорошо поставленная школа с летними занятиями учеников на образцовом рыбопромышленном заведении и устройство рыболовных артелей с участием добросовестных русских рыболовов мне кажутся верным, хотя и медленным путем для поднятия благосостояния обдорских инородцев.

Если первоначальные покорители Сибири и много зла принесли инородцам, то в настоящее время беднейшая часть «потомков Ермака» может стать во главе возрождения края, тем более что сам роковой ход экономической эволюции в Обдорске диктует этим «потомкам» в их собственных интересах эту благородную задачу. В заключение замечу, что никакие благие правительственные начинания не будут иметь успеха и останутся на бумаге, если они не встретят сочувствия хотя бы в малой части обдорского русского населения, от которого только и может зависеть практическое осуществление в Обдорске этих благих начинаний.

К. В. Гамалецкий

Константин Владиславович Гамалецкий (ок. 1865, м. Ракишки Ново-Александровского уезда Ковенской губ.— после 1893) происходил из семьи неутвержденных дворян-шляхтичей. Его отец дослужился до чина 7-го класса и стал надворным советником, что давало право приписаться к дворянам. Окончил Виленскую гимназию, где дружил с Б. Пилсудским. В Вильно входил в довольно многочисленный революционный центр, возникший после разгрома местных кружков «Народной воли» и организации «Пролетариат». Будучи в Тобольске, Гамалецкий просил поселить его с ссыльным Пашинским, которого назвал родственником, на самом деле они работали в одном кружке.

Поступил в Петербургский университет, видимо, на медицинский факультет. Почти сразу его подвергли обыску, но безрезультатно. Вошел в университете в польский студенческий кружок. Через этот кружок установил связи с виленскими подпольщиками группы Александра Ульянова, которые в это время готовились к покушению на Александра III. Чтобы приготовить взрывчатку для метательных снарядов, химикаты должны были получить в Вильно. Виленские адреса и предоставил Гамалецкий. В университете, очевидно, входил в студенческое научно-литературное общество, в котором чуть позже участвовал В. В. Бартенев. В пользу этого предположения говорят следующие факты. Во-первых, среди знакомых Гамалецкого в Петербургском университете многие были членами этого общества. Во-вторых, в Сибири он сразу проявил интерес к научным занятиям.

Арестован в марте 1887 г. Обвинялся по делу 1 марта 1887 г., где проходил как свидетель. По высочайшему повелению из дела А. Ульянова была выделена группа обвиняемых, в том числе и Гамалецкий.

Административно выслан в Сибирь на 5 лет. В Туринск прибыл 5 июня 1887 г., а на следующий день, когда его увозили в Пелым, все туринские ссыльные «в числе 14 человек в видах выражения сочувствия провожали его по улице до речной переправы, а затем

на расстоянии полверсты полев по трактовой дороге», — писал исправник. Большинство туринских ссыльных в это время придерживалось народольческих взглядов и этим актом проявило свои симпатии.

На следующий год в Пельме в феврале 1888 г. Гамолецкий просил «отлучек» по инородческим поселениям, так как хотел заняться «изучением Пельмского края в этнографическом отношении». В просьбе ему отказали. О научных интересах Гамолецкого в Пельме знали его друзья в других местах ссылки. А. И. Бородин, сосланный в Березов, видимо, дал его адрес венгерскому ученому Б. Мункачи. Мункачи в Пельме Гамолецкого уже не застал. Некоторые сведения об информаторах ему предоставили новые ссыльные: М. П. Орлов, Н. Л. Зотов и И. М. Соколов.

Летом 1888 г. Гамолецкого перевели в с. Демьянское Тобольского округа. Перевод был вызван тем, что в Пельме должны были вывезти упоминавшихся выше участников сургутского протеста — Орлова, Соколова и Зотова, и тобольские власти распорядились освободить Пельму от ссыльных. Гамолецкий оставил им засаженный картофелем участок земли, самовар, книги и аптечку.

В Демьянском Гамолецкий несколько раз неосмотрительно высказал неодобрение печестным поступкам волостного старшины Овсянкина, и тот, злобствуя, стал преследовать Гамолецкого, «досаждать на каждом шагу». В письме к чиновнику по крестьянским делам К. В. Гамолецкий писал в декабре 1888 г.: «Характеристика Овсянкина коротка. Этот субъект — кулак и аферист, и этим объясняется вся его деятельность, как служебная, так и частная. Дело в том, что волость Демьянская находится в кабале у нескольких кулаков, которые ссужают крестьян мукою, деньгами и т. п., сдирая с них небожеские проценты. Составляя с ними компанию в деле поставки дров на пароходы, Овсянкин ведет у себя в д. Черный Яр негласную мелкую торговлю и занимается рыбным промыслом». Овсянкин силен «своим экономическим положением», и ничто не стесняет его деятельности. «Крестьяне демьянские — такой забитый и несмелый народ, что не осмеливаются начальству высказать свои жалобы на самоуправство старшины и писаря. Здесь повторяется явление повсеместное в России, явление эксплуатации, обхождения и попрания закона кулаками». Разоблачение старшины привело к аресту Гамолецкого. После этого даже выезды на рыбную ловлю приводили к обвинениям в агитации против правительства.

Другие факты из жизни Гамолецкого в с. Демьянское приводил в воспоминаниях Н. Н. Накоряков, правда ошибочно называя Гамолецкого политкаторжанином. «Гамолецкого я знал как надежного товарища, на скромность которого можно вполне положиться», — вспоминал о нем один из друзей. Гамолецкий работал

десятником артели, которая прорубала дорогу от Тобольска вдоль Иртыша. В 1891 г. во время эпидемии холеры Гамолецкий и местный плотник П. С. Доронин стали «смелыми и верными защитниками села против холеры»: они учили, как предохранить себя от холеры, оказывали первую помощь заболевшим, дезинфицировали помещения, хоронили умерших. Кроме того, «пан Костя» остановил грабеж артельщиками съестных припасов у крестьян. Вот еще одно свидетельство: «В глазах дореволюционной детворы этот высокий, могучий рыжий человек с топором за поясом и ножом за голенищем сапога был героем, правда всегда неистово ругающимся со своей буйной ватагой, но добрым и ласковым к нам, ребятам». К. В. Гамолецкий действительно имел запоминающуюся внешность: рыжий, с красноватым оттенком; на лбу, как написано в особых приметах, с правой стороны имел маленькое родимое пятно.

1 апреля 1892 г. Гамолецкий прибыл в Тобольск, 8 апреля окончился срок ссылки, и он уехал; известно, что в течение 5 лет ему было запрещено жить в университетских городах. Вскоре он перебрался в Америку, где, по некоторым данным, примкнул к анархической группе.

О К. В. Гамолецком см.: Накоряков Н. Из далекого прошлого // Доронин И. Семья Дорониных.— Свердловск, 1966.— С. 6.

ДЕМЬЯНСКАЯ ВОЛОСТЬ

В 270 верстах от Тобольска по р. Иртышу лежит Демьянская волость с центром управления в селе Демьянском. Волость раскинулась на пространстве 30 верст: вверх по Иртышу до д. Кокуя, верст 15 с лишком; д. Кривкова, крайняя в волости, лежит в 15 верстах от Демьянска.

Граничит волость вверх по Иртышу с Юровской волостью, по нижнему его течению — с Филинской волостью (бывшей Денщиковской).

Волость занимает преимущественно правый берег Иртыша. Здесь расположены пашни и большая часть селений. За прибрежной полосой, занятой человеком, верстах в 5—10, стоит лес — глухой непроходимый урман, а далее необозримые болота, уходящие на север к Югану и к Нарыму. Левый луговой берег занят сенокосными угодьями, далее — лес и болота, простирающиеся до Конды.

Почва в Демьянской волости песчано-глинистая, как и по всему побережью Иртыша до Самарова. Берег Иртыша представляет наслоение пластов суглинка, песку, горшечной

и железистой глины разных цветов и оттенков — от красного и желтого до серо-синеватого.

В глинах попадаются кости мамонта, но, насколько мне известно, находимые останки бросались жителями без употребления. По словам некоторых жителей, много костей мамонта по р. Демьянке, в одном из ее притоков.

Низменный берег за рекой против Демьянска состоит из ила, на котором крестьяне раньше сеяли хлеб. Теперь большие воды мешают этому; напр., в 1891 г., в малую воду, один только крестьянин сеял на илу.

Согласно данным всеподданнейшего отчета * по Демьянской волости за 1891 г., жителей в волости числится:

	м.	ж.		м.	ж.
крестьян	1439	1473	дворян	1	2
отставных солдат	92	97	духовных	4	2
запасных	49	38	граждан	2	2
инородцев	32	40	купцов	4	4
ссыльных	19	4			
	1631	1652		11	10

Волость составляют 2 общества: Демьянское и Черноярское. Первое имеет 1008 ревизских душ, 588 дельных работников, 300 домохозяев, имеющих право голоса на сходе. Второе состоит из 271 ревизских душ, 122 дельных работников, 68 домохозяев. К Демьянской волости причислено демьянское инородческое общество. В обществе демьянском бродит мысль о разделении его на 2 или 3 общества — для большего удобства в собирании сходов и для облегчения производства дел в сельском управлении. Впрочем, поднятый несколько лет тому назад на сходах, этот вопрос не разрешен пока. Сторонниками разделения являются, главным образом, демьянцы, жители села, имеющего пристань пароходную и дрова на ней, а также и общественный кабак. Эти-то доходные статьи возбуждают в демьянцах благородное желание оставить их исключительно за собою; та же причина — участие во владении доходными статьями — удерживает «деревенских» от выделения в особые общества.

Населенные пункты Демьянской волости образовались чрез расселение жителей села Демьянского (Демьянского Яма). Демьянское село представляло первоначально поселение крестьян, присланных из России для отбывания земской гоньбы. Эти-то жители (ямские охотники, как упоминается

в крепостях) выселялись на пустые места или на земли, купленные у инородцев — остяков. Так, напр., д. Малый Ярок¹ стоит на крепостной земле, купленной у остяков лет 150 тому назад.

Главные занятия жителей: хлебопашество и рыбный промысел. Важную статью дохода составляют дровяной промысел и ямщина; далее отхожие промысла и мелкие заработки.

[Земледелие]

Описывая землевладение и хлебопашество волости, я буду говорить главным образом про землевладение и земледелие жителей села Демьянского, как известного мне лучше всех. < . . . >

Во владении демьянцев находится земля трех родов: общественная (деловая), распаша и крепостная.

Общественная земля разделена на участки, которые находятся во владении одного или нескольких селений. Так, например, демьянцы владеют одной пашней, в их же пашне находятся некоторые жители деревень Черняковой и Ерахиной; деревня Трухина с Ерахиной владеют одной отдельной пашней.

Земля демьянцев делится на 9 паев, носящих родовые названия, напр.: пай Лифановых, пай Куклиных, Вторушинных, Елесинных и др. Каждый пай делится на полосы по числу душ, около 25—28. Вследствие убывания площади пашни от размывания Иртышом берега, а также вследствие изменения количества душ в паю (каждый год может измениться число дельных работников) приходится каждый год «поверять души», переделывать землю в паях и, от времени до времени, уравнивать площади паев. Последний передел паев был в 1891 г., предпоследний лет 15 тому назад.

По моему приблизительному вычислению, в демьянских паях на душу причитается около десятины (0,8—1,0) земли, на каковое количество высевается 30 пудовок зерна; в д. Ерахиной на душу приходится $746\frac{2}{3}$ кв. саж., высевается $17\frac{1}{3}$ пудовок. В д. Жорновой на душу (до раздела распашей) приходилось $332\frac{1}{2}$ кв. саж. земли с высевом $6\frac{1}{8}$ пудовок,

¹ Малый Ярок представляет собою деревню в 20 дворов. Прежние жители, остяки, продав крестьянам землю, переселились на луговую сторону в Коряны юрты. У М. Ярка находятся древние остяцкие кладбища, о которых упоминается в крепости (кладбищные клетки). Около деревни попадаются в земле кольца медные, пряжки и т. п. древности. Несколько лет тому назад был найден медный идол (шайтан, как зовут крестьяне), который попал как-то к кузнецу и был расплавлен для поделок.

не считая земли над Иртышом, иловатой, на которой сеют во время маловодья.

У демьянского домохозяина земля состоит из 13 полос средним числом; полосы эти разбросаны в различных полях, далеко отстоящих друг от друга (версты на 4, напр.— крайние). Все отнимает массу времени на переезды. Ширина полос 3—5-саженная, бывают до 10 саж. ширины; длина различна, от 30—40 до 100 саж. и более.

Не все демьянцы обрабатывают свои полосы. Некоторые (немногие, впрочем) летом уходят «в невод» (на рыбопромышленные пески), иные не имеют возможности и средств обрабатывать все полосы и отдают их богатеньким мужичкам, которые за пользование землею платят за собственников мирской сбор 6 — 7 руб. в год, а за пользование покосами отбывают гоньбу. Справные мужики «покупают» т. обр. по несколько (до 10) лишних душ и обрабатывают их, имея скот и лошадей.

Роспаши состоят во владении распахивавших участки или их наследников. Часть демьянских роспашей образовалась так: демьянский рыбопромышленник Питухин, нанимая рабочих на пески, до спада вод и до начала работы на песках занимал их расчисткою леса за Демьянском, в так называемых *гарях*. В настоящее время роспаши перешли к наследникам и часть их заброшена. В обществе подымался несколько раз вопрос о разделе роспашей, но пока он встречает оппозицию. Владельцы роспашей и арендаторы участков противятся этому. Кроме того, отдаленность роспашей от селения затрудняет правильное уваживание, оно доступно только хозяйствам, имеющим много лошадей.

В черноморском обществе роспаши в настоящее время разделены по душам после 3—4-летней тяжбы между обществом и владельцами роспашей.

Крепостная земля приобретена предками владельцев путем продажи и залога земель инородцам, принужденными к этому ясаком и голодом.

Т., напр., в крепости Мурзинских юрт читаем: «Се аз мурзинских юрт ясашные остяки Якунка Мурзин с сыном... да аз елимко полкоев с сыном, да аз ооска малданов с братом своим таярком, да аз ахсагал андюшкин и т. д. ... дали есм сию поступную запись демьянскому ямскому охотнику артемию палицыну в том что взяли якунка с товарищи артемья великого государя в ясак положить и себе на прокормление в голодное время пять рублей денег, а за те его взятые денги поступились мы якунка с товарищи ему артемию и детям

его и внучатам все безповоротно сенных своих покосов и поскотинного места, а межа тем покосам» и т. д. и т. д.

Во многих крепостях соседней Юровской волости — в д. Мокроусовой, Малиновской, Солянской встречаем то же — земли инородцев переходят во владение русских путем купли или заклада и невыкупа.

Крепостные земли в настоящее время состоят в общинном владении родов крестьянских или отдельных семей, которые пользуются ими, деля их между собой по душам.

Таныки¹, покупая землю остяцкую, принимали к себе в общее владение товарищей, которые вкупались или впрашивались к ним. Земля делилась или на самостоятельные независимые участки, или поступала в общее владение и делилась по душам.

Крепостные земли, особенно покосы, составляют предмет тяжбы между обществом и владельцами. По примеру юровского общества (Юровской волости), выкупившего крепостные покосы, черноярское общество с согласия владельцев разделило покосы за неуплатою наложенных на владельцев платежей.

Демьянские сенокосные земли находятся в общинном владении всего общества. Тянутся они полосой в 1—2 версты шириной по берегу Иртыша от местности против Кокуя Юровской волости до Мурзиных юрт Демьянской волости на протяжении 20 верст.

Покосы делятся на 19 паев (собств. 17 паев и 2 полупайка). Паи получают названия — то родовое, то название деревни: напр., пай Молоковых, Вергуновых, Мало-Ярковский, Перваловых, пай Гатилловский и др. Границы паев известны, определены давно стариками.

В паю косят в среднем 40 душ. Паи делятся на 4 урка каждый; границы урков постоянны. Смотря по качеству травы в урок набивают больше душ или меньше и соответственно этому делят его на полосы большей или меньшей ширины. Отмечают границы полос по берегу Иртыша, так что полоса одним концом упирается в Иртыш, другим в лес.

Ставят сено также четвертями, в некоторых только паях, напр. в паю Елесиных. Здесь пай делится на 4 части, которые содержат определенное постоянное число душ, которое не меняется, несмотря на качество травы. Так что границы четвертей и полос в четвертях постоянны; переход из четверти в четверть не допускается, тогда как это возможно в паях и урках вообще.

¹ Танык — коренной засельщик, первый собственник.

Перед сенокосами члены каждого пая «сводятся покосами», т. е. распределяют между собой местности, где будут косить. Это требует предварительного знания местности и травы.

Как я уже упоминал, один конец полосы покоса упирается в лес, и конец этот зарастает лесом. Между тем крестьянин, ожидая, что полоса достанется на другой год другому, ему же попадет полоса нечищенная, не рубит мелкой заросли, занимающейся у лугов, и т. обр. площадь сенокосов сокращается. Это-то обстоятельство, а также потеря времени при «сведении покосами», заставляет крестьян относиться критически к общинному владению сенокосами, и я слышал неоднократные заявления, что следовало бы перейти к подворной собственности покосами, чтобы всяк знал свой участок и косил и чистил сам на свой страх.

В Демьянской волости возделывают преимущественно яровые хлеба: ячмень и овес. Сеют и рожь, но большую часть на отдельных участках — роспахах, не входящих в состав общинных полей. Дело в том, что после уборки хлеба¹ огороды разгораживаются и скот вытаптывает и стравляет жнивье, и тут уж трудно уберечь озимь, огораживать же одну полосу, подчас весьма длинную, не под силу крестьянину. Под пар оставляют $\frac{1}{4}$ полей приблизительно.

Урожай средних яровых хлебов 4—5 зерен, картофеля — 7. Рожь может родиться хорошо. Один крестьянин, мне знакомый, сеял 24 фунта ржи, а снял 25 пудовок.

По данным всеподданнейшего отчета 1891 г., в волости:

	Рожь	Овес	Ячмень
Сеют	108	370	870
В 1891 г. собрано четвертей	362	1480	4350

Всех пахотных земель в волости 450 десятин, по данным того же отчета.

	Лен	Конопля
Посеяно в 1891 г. (пудов)	35	9
Собрано волокна семян (пудов)	75	18
	105	27

¹ Здесь уборки хлеба наступают вдруг для деревень, находящихся в одной пашне — *кладиво*.

Кладиво — время возки хлеба с полей, складывание хлеба в скирды, гумна. (Примеч. сост.)

Впрочем, цифрам, добытым статистикой волостного правления, доверять особенно нечего, и можно их принять только к сведению.

Демьянский пахарь огораживает свои полосы, и он должен выставить средним числом 30 прясел по 3 саж. длины, итого 90 саж. огорода.

Орудия в демьянском хозяйстве употребляются примитивные. Поля обрабатываются сохой деревянной, которая вырубается и выкалывается из елового пня и снабжается сошником, отвал обивается жестью. Бороны деревянные с железными зубьями.

В настоящее время один кулак купил себе в Тюмени соху-пермянку на колесах, которой можно пахать глубже или мельче по желанию. Он остался доволен покупкой, и пример его находит подражателей.

Молотья производятся цепями в гумне на «долони» на открытом воздухе. В 91-м году один кулак демьянский устроил первое крытое гумно.

Измолоченное зерно провеивают на долонях лопатами. Вейлок здесь не знают. Впрочем, один молодой крестьянин, видевший в Томске вейлку, сделал сам такую же; вейлка его действует, но довольно слабо — теперь она заброшена, и за смертью строителя остается только памятником его изобретательности.

Жнут хлеб серпами, каковое занятие предоставляется бабам.

Сено косят литовками, которые нкупаются у местных торговцев. В начале 1892 г. какой-то «российский» крестьянин привез несколько бочек кос, которые раздавал в долг по 1 руб. 20 коп.— 1 руб. 50 коп.— отдать зимой 92—93-го года. Он проделал уже эту аферу около Тобольска, и крестьяне «разделались хорошо», как он говорит.

О машинах-косилках, жнеях, вейлках и т. д. получают крестьяне понятие от матросов, служащих на пароходах сибирских, и от случайно заезжающих людей, но относятся скептически к успешности работы машинами при отсутствии «знающих людей». Указывают на Башмакова, торгующего крестьянина из села Базьяновского Самаровской волости, который купил сенокосилку, но поработал недолго, т. к. она сломалась и лежит теперь без употребления. Отсюда видна необходимость иметь крестьянским обществам своих агрономов, которые бы руководили земледелием и знакомили бы с машинами и их употреблением.

В общем, я заметил, что крестьянин здешний плохо об-

рабатывает землю. Он работает усердно, кладет навозу сколько может, но он не понимает, на какую глубину следует ему распахивать землю, не понимает, какие составные части навоза для него важны: назем¹ в его «дворе»; хлебах сгорает, сохнет, мочится дождем, потому что «двор» закрыт не крышей, а рядом решетин (жердей), перекинутых со стены на другую и покрываемых соломой и снегом на зиму. С другой стороны, и понимая важное значение, напр., правильного унавоживания, крестьянин средний вряд ли мог бы ввести его в своем хозяйстве. После вывозки навоза его растрясаят (разгребают) по полю, но не закапывают тотчас, и он сохнет так неделю и более, причем качество его понижается от улетучивания аммиака и разложения его солей. Зарывать же тотчас крестьянин не может, не имея свободных лошадей или рабочих рук.

Некоторые крестьяне понимают земледелие лучше других, старательнее вспахивают землю, «угоивают» ее, заводят хорошо крытые дворы и т. д., но делиться своими познаниями с другими, поучать их — Боже, сохрани! Это здесь не водится. Здесь каждый «сам знает». Впрочем, об этом еще поговорим впереди.

[Скотоводство]

В связи с земледелием стоит скотоводство², и оно имело бы здесь все шансы развития, если бы был обеспечен сбор сена с прииртышских лугов. Иртыш сильно разливадается, и вода стоит часто долго. Тогда сена ставят мало, и приходится резать скот и съедать или продавать мясо за бесценок; остальную часть скота население принуждено кормить таловой корой.

Целые дни крестьянин рубит тальник и дома скоблит кожуру для корма; оскобленные прутья идут на дрова. Скот ест тальник и, лишь бы было его вволю, может прокармливаться хорошо.

Ненадежность пользования левобережными сенокосами делает неустойчивой эту отрасль хозяйства.

Завести сенокосы на правом, нагорном берегу Иртыша до сих пор не пытались. В так называемых гарях на восток от Демьянска можно бы найти не одну сотню десятин покосов, поросшую в настоящее время мелким березником. Под

¹ Назем — навоз. (Примеч. сост.)

² По всеподданнейшему отчету за 1891 г., количество скота по волости: лошадей — 1529, рогатого скота — 1701, овец — 1393, свиней — 404.

боком у Демьянска в 1 версте находится т. наз. Большое болото, содержащее около 200 десятин, поросшее небольшим сосняком; осушить его легко, так как из болота текут ручьи в две противоположные стороны, изливающиеся первый в Большой ручей — старый рукав Демьянки, другой — в Черный ручей, под увал между д. Рачевой и Демьянском. Это требует работы сообща, но, к сожалению, демьянские общественники умеют вместе только из кабака домой ходить (в кабак в одиночку), и, конечно, в Иртыш утечет много воды, прежде чем демьянцы додумаются вести самостоятельную сообща какую-либо работу.

Посмотрите на демьянцев, как они исполняют т. наз. *сделки* (работы по устройству спусков к реке, исправлению дорог и т. д.). Двигутся они вяло, точно сонные, зорко наблюдая, чтобы не сделать больше другого: чуть один остановился закурить сигарку — остальные тоже... Они сознают это сами и полагают, что истый, добрый мужик может работать хорошо только для себя. Кладиво одновременное, и помочи, если существуют, то в силу некоторых условий жизни. Кладиво одновременное вследствие того, что при вывозе хлеба с полей приходится разгораживать огороды, и при неправильной, неодновременной уборке хлеба скот легко может попадать в поля и поедать хлеб. Сделать ворота в каждое поле у демьянцев не хватает охоты, и вот пока свозят хлеб вдруг, жалуясь и ропща на этот способ уборки.

Помочи употребляются у крестьян победнее, которые немного имеют лошадей, но справные мужики предпочитают наем помочам.

Человек, наслушавшийся в обществе толков об общественной земле, об общественных покосах и т. д. и т. д., будет поражен неприятно, выйдя на демьянское поле во время пахоты. Он увидит это общественное поле разбитым на узенькие полосы. По полосам этим взад и вперед топчутся вахлаки, бороздя ниву. Отбороздив одну полосу, крестьянин снимается, подвязывает свою соху на сошки или устанавливает на колеса, переезжает на другое поле и там опять бороздит полосенку. Сколько переездов, какая потеря времени, в то время как для вспахивания такой же площади земли в помещичьих хозяйствах в России употребляется вдвое-втрое меньше людей.

Особенно заметна потеря времени в обыденной жизни демьянца, например, в вопросе об уходе за скотом.

Скот крестьянский ходит здесь без пастуха. Каждый день выгоняют («проганивают»: «Поди, поди благословесь, поди

Пароход
«Березовец»
у пристани
Березова



со Христом, Красулька!») его бабы под увал на луга или гари, и каждый день почти ходят «по коров», которые добровольно не идут домой, и потому член семьи идет отыскивать коров, узнает их по колоколу, навешенному на шею одной из них, и гонит домой. Это занимает 2 часа времени, не меньше, а иногда ходят 4—5 часов и до глубокой ночи, не находя коров, которые залегают где-нибудь в чаще и спокойно пережевывают корм. Иногда коровы не ходят домой по нескольку дней, и тогда семья сидит без молока.

Пастуха крестьяне не нанимают, говоря, что место не способно («вишь — лес»), а когда ему говоришь, что в Западном крае и в лесу пасут скот, и в узких долинах между полями, то они пожимают только плечами. Между тем потеря времени громадна. < . . . >

Нельзя сказать, чтобы крестьяне были довольны своими порядками; были даже попытки гонять скот на водопой по очереди по нескольку дворов вместе, но после 2—3 недель опыта новаторы вернулись опять к старому, единственно вследствие непривычки, как мне кажется, делать что-либо сообща. < . . . >

[Рыбный промысел]

Средства для расплаты за долги и для уплаты податей крестьянин добывает промыслами, из которых самый важный — рыбный промысел. Рыбным промыслом занимается 308 домохозяев в волости.

Рыба необходима здешнему жителю и составляет для него более важный предмет его пищи, нежели мясо. Летом рыболовство занюляет жителю досужее время от земледельческих занятий, а осенью и зимою составляет источник заработка. Рыба ловится в Иртыше и во многих речках, озерах и сорах, которыми изобилуют здешние места. Ловятся осетр, стерлядь, нельма, язь, налим, щука, чебак, а в озерах — окуни, караси, ерши и т. д.

Промышленники ловят рыбу самоловами, переметами и чердаками.

По окончании полевых работ начинают готовиться к промыслу: спускают веревки, прогоны, skut колена (конопляные веревочки) для уд, приготавливают и точат уды для самоловов, чтобы с первых чисел октября быть готовыми к отплытию на низ Иртыша для промысла или к ловле дома, у Демьянска или ближних деревень.

Лов рыбы производится дома и в *избушках*, т. е. про-

мышленники уходят на реку из дому или из избушек. Избушки эти представляют землянки, наполовину выкопанные в земле, с небольшим окошком в крыше, а часто и без окошка; в одном углу *чувал*, т. е. обмазанный глиною очаг с отверстием в крыше, в чувале горит огонь, наполняя дымом избушку; когда протопится, закрывают снаружи отверстие сеном и доской, и в избушке жарко; земляные нары под стенами да 2—3 перекладыши под крышей, на которых сушится одежда, довершают незатейливую картину. В избушке такой воздуха соразмерно с количеством обитателей весьма немного, но мужик незатейлив, не требует удобств и известного процентного содержания кислорода — жалуется на духоту, на головную боль, на «воздух чяжолой», но мирится с этим как с необходимым фактом, и «саламат и турумат»¹ радуют его неприхотливое сердце. Что ловля в избушках противится самым элементарным правилам гигиены, что промышленники, особенно молодые прогонщики, слабеют и хиреют за это время — это факт. Но что поделать с другим таким же фактом, что «всяк сам себе хозяин» и имеет право не обращать внимание на здоровье свое собственное и людей, связанных с ним родством или договором. Одно только остается: пожелать скромно, чтобы будущий рыбопромышленный инспектор по Иртышу и Оби обратил внимание на условия труда мелких рыбопромышленников, и обсудил, какие меры можно и следует принять для искоренения сего зла.

Распределение дня на промыслах таково: утром, часов в 7—8, промышленники встают. Прогонщики (помощники хозяина) приносят дрова, топят чувал, варят пищу. После завтрака прогонщики складывают на нарту ящик с бережно уложенными самоловными связками, берут пещни, сак, парус, чтобы укрыться от ветра, и отправляются на лед. На льду продавливают замерзшие дыры, в которых опущены самоловы: ряд уд (30—40), привязанных коленцами к длинному *прогону* (лычная веревка) на расстоянии $\frac{1}{2}$ аршина. На уды навешиваются осокоревые *бабашки*, которые, мелькая в воде, приманивают рыбу. Промысловики вынимают тяжелый *якорь* — камень, опущенный на дно на якорнице, — отвязывают самолов от якоря и бережно вытаскивают из воды, снимая с уд рыбу. К якорю привязывают новый само-

¹ Саламат — похлебка налимя со звеньями рыбы, очищенными от костей, и ксенями, раздавленными в похлебке. Турумат — ксени налима с кашей ячменной.

К сень — налимя икра. (Примеч. сост.)

лов, опускают его на дно и, убив колотушкой добытую рыбу, переходят к следующей самоловной дыре, чтобы там сменить старый самолов, снять рыбу и опустить новый, с отточенными удами и с навешенной бабашкой, покрупнее или помельче, смотря по тому, на какую лучше попадает. Когда таким образом будет высмотрено дыр 12—15, промышленники идут домой, где прогонщики опять затопляют печь, развешивают для оттаяния и просушки самоловные связки и варят пищу. В это время хозяин, уложив добытую рыбу в устроенный возле избушки сруб, ложится отдыхать, потом обедает и затем, когда самоловы высохли, когда прогонщики сняли («сосдевали») бабашки с уд, он принимается за точение уд. Точит уды промышленник, пробует их остроту о палец, ноготь, смазывает маслом, чтобы не ржавели, и складывает отточенные самоловы бережно на шестики. Прогонщика дело — снять бабашки с высушенных самоловов, надеть новую, сухую бабашку на отточенные уды, потом сложить самоловы в ящик в известном порядке, чтобы они не спутались; долбление дыр во льду и хозяйство домашнее тоже, как видим, входит в обязанности прогонщика. Ночью, в 12—1—2 часа, в избушке спят. Наутро они будут делать ту же работу, и так каждый день до Рождества или Крещения.

Как всякое занятие, ловля самоловами требует сознательного отношения. Секрет ловли состоит в том, чтобы установить надлежащее соотношение между величиной бабашки, степенью пригнутости острия уды и длиной острия.

Рыба, видя болтающуюся в воде бабашку, старается ее поймать и чаще всего ударяет хвостом по бабашке, чтобы направить ее в рот; тут-то она и попадает — чаще всего хвостом или боком, реже «шаглами». Если острие не сильно отогнуть вперед, то рыба сорваться не может, если острие длинно, то оно залезает за кожу, но тогда и легко может выскользнуть при движении рыбы. Навешивание крупной, средней или мелкой бабашки тоже требует наблюдательности и работы мысли.

Конечно, средний промышленник не обладает особыми познаниями по части рыболовства и зачастую не может добыть ничего в том самом месте, где рядом с ним его сосед, но смысленный парень, ловит ее массы. Является зависть, придирки, ругань, подозрения, что человек «чего-то знает» — но, конечно, бедняга не догадывается, что человек «знает» дело. Сосед же свою сметку хранит про себя и в душе посмеивается над незнающим товарищем; конечно, научить, показать — ни-ни! — соседи понимают, что такое «жизнь» и что сентиментальничать здесь нечего.

Ловля самоловами дома производится так же, как и в избушках; из дому ловят те, которые не могут уезжать далеко, имея мало работников дома. Работают они так же, с разницей, что прогонщиками у них являются 7—8-летние мальчики, а то и девушки. Дома, в Демьянске, рыбы в Иртыше меньше, чем на низу, но за 70 человек [ловят] — дома поближе к «домашности».

Грустный вид представляет демьянская улица вечером зимою. За «пучинными» окнами тускло светит лучина, [то] по временам вспыхивая, то замирая и наполняя избу дымом и копотью. У лучины на лавке сидит мужик, согнутый над деревянным станочком, на котором отпиливает уд; лязг пилы неприятно раздражает нервы. На скамейке рядом с промышленником или на колодке у ног его сидит прогонщик, *сдевая* самоловы (т. е. снимая бабашки). Тут же сидит хозяйка с пряслицей и от времени до времени, втыкая новую лучину, рассказывает какую-нибудь сплетню из жизни соседей. Порой слышится ругань, плач ребенка и редко-редко голос мальчика, читающего книгу.

В каждой избе визжит подпилоч, в каждой избе жужжит веретено, в каждой избе всяк занят «своим» делом — и чувствуется, что никто здесь не интересуется чужим делом. Наутро мы увидим мужиков на льду: в гусях, броднях, перебирающих самоловы или долбящих дыры. К вечеру они повернут домой, кто пешком, таща нарту на лямке, кто на санях. И будут они спрашивать друг у друга, сколько кто добыл, какую бабашку навешивал, на какой бабашке лучше попадает и т. д. и т. д.

Тяжелее всего достается прогонщику, т. е. начинающему промышленнику, который не умеет точить уд и не имеет своего «завода». Кроме рыболовной работы в избушках ему приходится варить пищу и ходить по хозяйству; дома, в Демьянске, он только помогает в ловле. Вознаграждение он получает натурою: $\frac{1}{4}$ улова (1 часть промышленнику за работу, 2 части ему же за «завод», 4-я часть — прогонщику), искусному прогонщику поступает 13—14 фунтов. Содержание прогонщик имеет свое: хлеб, соль, крупа, мука, одежда; рыба потребляется без расчета из улова.

В последнее время (1891 г.) прогонщики стремятся наниматься за определенную плату — руб. 10, напр., за время ловли ($\frac{1}{2}$ октября, ноябрь, декабрь) на хозяйском содержании.

Ловля переметами производится на низовьях Иртыша, в Самаровской волости. Переметы отличаются от самоловов отсутствием осокоревых бабашек; вместо них на уд наса-

живается червь, который заготавливается в конце августа и в сентябре месяце. Червей копают на полях, накапывают по несколько тысяч; тысяча червей стоит 50—60 коп. Переметчик накладывает червей в кадку, пересыпает землю и везет их на место промысла. На льду для предохранения от мороза он держит червей за пазухой и необходимое количество — во рту для немедленной насадки на уду. Высмотрев переметы, он насаживает на уды червей и опускает их опять в воду.

Переметами ловят, главным образом, язя. Ловят переметами недостаточные крестьяне и начинающие рыбопромышленники, которым не под силу завести самоловы. Переметный промысел менее надежен, чем самоловный, при котором добыча больше и вернее. Переметчик добывает годом много, годом мало.

При хорошем улове добывается пудов 20 рыбы «на прогон», т. е. на 20 самоловных связок, не считая части, отданной прогонщику. Добывают по 8—10 руб. на семью, а то по 4 и даже 2 руб.

Два описанные вида промысла — самоловный и переметный — доставляют крестьянину необходимый запас денег для уплаты податей, которые и взыскиваются тотчас по приезде промышленников домой и по продаже ими рыбы. Добытая рыба продается или на месте ловли в Самаровской волости местным кулакам, или в Демьянской волости, куда приезжают торговцы из-под Тобольска — «подгородные» крестьяне верховых волостей. Немногие едут в Тобольск со своей рыбой. Цены продажные колеблются, смотря по спросу и предложению: налима продается от 40 коп. до 80—1 руб. 20 коп., язь — 1 руб. 50 коп., стерлядь около 4 руб., осетр — 4—6 руб., смотря по тому, холостой он или икраный, щука от 80 коп. до 1 руб. 20 коп. Цены повышаются к Рождеству и к Новому году, после чего падают. Рыба идет в Тобольск, а оттуда на ярмарки в южные округа: в Ишимскую, Крестовскую и в заводы Пермской губернии.

После Нового года добыча рыбы для внешнего рынка постепенно прекращается, и промысел рыбный производится для внутреннего потребления. В это время поднимают *юровы*, перед ледоходом ловят нельму чердаками, весной и летом — ловля переметами, неводами, сетями и т. д.

«Юрова» есть ложбина в реке, куда, как говорят крестьяне, «ложится» стерлядь. Над этой ложбиной ставят самоловы и добывают изрядное ее количество.

Демьянцы владеют «юровой» совместно с жителями кокуйского общества. Каждый год идут охотники на Кокуй и

там «подымают юрову» и ловят дня 2—3, предоставляя затем кокуйцам ловить одним. Заранее назначается время ловли, и промышленники на санях с самоловами собираются на реку, перед «юровой», которая уже разделена елками на 20, напр., «ставов», т. е. рядов, в которых следует ставить самоловы. Устанавливаются все в шеренгу или две, прочитывают молитву «Отче наш» и со словом «амин!» кидаются впергонку, чтобы занять место в средних «ставах», как раз на середине «юровы». Рев, шум, бег взапуски — все это представляет оригинальное зрелище. Этот обычай бежать взапуски на «юрову» все держится, несмотря на вред, могущий произойти, — увечье, излом саней и т. д., хотя многие и желают замены его или общему ловлею и дележом рыбы, или разделением по жребию места ловли.

В апреле месяце, перед вскрытием реки, демьянские крестьяне ловят нельму чердаками. Ловлею занимается немного семей — 15—20, не больше, но промысел этот интересен по массе труда, затрачиваемой часто без результатов.

Перед ловлею размеривают ширину реки на двухсаженные делянки, которые разбираются по жребию участниками ловли. По размеренной линии выкалывают борозду, а пониже, на расстоянии двух сажен, проводят другую. Пространство между бороздами выкалывается артелями против каждой делянки, и т. о. получается т. наз. *иордань*. На берегу иордани каждая артель укрепляет бревно, завалень, который укладывается концами на более тонких бревнах («пальцах»), лежащих перпендикулярно к иордани; сверху завалень придавливается «гнетами», лежащими над «пальцами» и скрепленными с ними деревянными болтами.

Существенную часть чердака составляет колода с белоногами и коромыслом. Колода есть бревно по длине завальня с укрепленными перпендикулярно в концах длинными жердями, гладко остроганными — белоногами. Коромысло есть жердь в длину колоды с большими лучками на концах.

Колода с белоногами устанавливается так, что белоноги проходят через лучки коромысла и утыкаются в дно несколько наклонно к течению реки; колода же лежит над завальнем. Для большей устойчивости белоног вверху чердака долбится дыра и пропускаются туда два каната с петлями на концах; течение их выносит в иордань, и белоноги перед установкой проходят через эти петли и устанавливаются; вверху [1 сл. нрзб.] закрепляются и замораживаются. Когда белоноги установлены, то к коромыслу, которое находится пока на поверхности воды, привязывают нижний край «саипа» (сеть

вроде мешка, суживающаяся в одном конце), а его бока — к 2—3 кольцам, предварительно надетым на белоноги, пока лежащие на воде над лучком коромысла, и при помощи особой жерди прижимают коромысло с нижним краем саиша ко дну. Верхний край саиша привязывается к колоде. Т. обр. колода с белоногами и коромыслом представляет род ворот, через которые нельма, идущая сверху реки, входит в саиш.

Постройка чердака требует немалой затраты труда: приходится долбить лед толщиной в 6—7 четвертей, на постройку уходит не меньше 10—15 рабочих дней; кроме того, приходится в продолжение 2—3 недель ловли ходить раза по 2 в день смотреть саиш. Случается часто, что труды по постройке чердака пропадают и нельмы не добывают вовсе, напр., в 89-м году, когда чердаками рыбы не добыто, зато по вскрытии реки в неводах попало много нельмы. Чердаки стоят до самого ледохода, в последние дни ловли и при снятии чердаков [промышленнику] грозит опасность в виде трещин и дыр во льду.

В д. Черноярской ловят рыбу зимними чердаками, которые отличаются от вешних тем, что строятся в обратную сторону — ловушка устанавливается на нижней стороне иордани, против течения реки, и попадает нельма, идущая вверх по течению.

Весной, тотчас по вскрытии льда, начинается неводьба и идет до водополя. В это время дьямьянцы запасаются рыбой (недостаточно, впрочем) на страдное время пахоты и на Петровку.

С прибычею воды рыба идет в речки, озера, в омуты — на мелкие места и там мечет икру. Тут ее ловят мордами, кривдами и бьют острогами.

Морда есть большая ловушка длиной в 2—3 аршина, сплетенная из лиственничных или сосновых «жалинок» (жалина — прут, отщепленный от лиственничного бревна и обструганный тонко) и имеющая форму усеченного конуса. Внутрь морды вкладывается и увязывается у основания маленький конус из жалинок, сходящихся внутри морды, но не скрепленных ничем, так что рыба может проходить свободно вовнутрь, но выйти оттуда уже не может, натываясь на вершину конуса. Морды ставятся на суше; вода подходит все ближе, и с нею рыба, ища удобного места для икротетания, входит в морду.

Кривда есть род сети. Один ее конец укрепляется в воде, другой держится рыбаком при помощи веревок. Сеть натянута. Когда рыба ударится о стенку сети, то промышленник

это чувствует, моментально стягивает веревочки, и рыба запутывается в сети.

Много урону делают рыбе острогой. И это тем важнее, что рыба в то время мечет икру.

Сколько добывается рыбы в Демьянской волости, вычислить пока довольно трудно. По данным всеподданнейшего отчета за 1891 г., в Демьянской волости добыто рыбы:

	пуд.	руб.
Осетра	90	450
Стерляди	120	480
Язя	240	360
Нельмы	40	160
Щуки	400	360
Окуня	150	135
Налима	3400	2040
Ерша	50	40
Чебака	700	350
Итого	5190	На 4375 руб.

Третья часть добытой рыбы употребляется в пищу. Сорта рыбы получше — осетр, стерлядь мерная — продаются, конечно.

Признаться, я не расположен верить вышеприведенным цифрам. Во-первых, потому, что в волости не существует никакого намека на статистику и что крестьяне знают только вес продаваемой рыбы, того же, что съедают, они не учитывают. Во-вторых, сведения эти, как мне объясняло вол. правление, взяты от скупщиков рыбы в Демьянске, которые несколько не заинтересованы в даче правильных цифр и склонны их уменьшать. Демьянские скупщики могут дать только показания относительно зимнего улова, так как они покупают только зимнюю, мороженую рыбу, добытая летом рыба идет для домашнего употребления, и небольшая часть ее продается на пароходы.

Вычислить количество добываемой рыбы в Демьянской волости можно, вычисляя отдельно улов рыбы весной и летом, т. е. размер домашнего потребления и размер зимнего улова.

Попробуем определить потребление рыбы дома. Если бы крестьянин демьянский имел более средств и более досуга, чем теперь, то он бы ел рыбу круглый год. В настоящее время крестьянину иногда и не хватает рыбы, а кто победнее, тот частенько прибавляется кирпичным чайком и постными «штями».

Положим, что он ест рыбу полгода. Количество жителей в волости (мужчины, женщины и дети) — 3232. Положим,

что для прокормления их рыбой в год нужно в среднем заготовить по $\frac{1}{2}$ фунта рыбы на человека в день. В год, стало быть, потребляется 7373 пудов. Это больше официальной суммы улова по всей волости. Среднюю цифру потребления — $\frac{1}{2}$ фунта в день на человека без различия возраста — я вовсе не считаю преувеличенной, крестьянин ест рыбы много; ест он ее утром, и в полдень, и вечером, и потребляет рыбы больше, чем мяса; в скоромные дни и даже в Пасху рыба появляется на столе.

Количество рыбы, добываемой на продажу. В волости, по сведениям всеподданнейшего отчета, 308 рыбаков. Цифру эту я считаю близкой к действительности. Допустим, половина из них уезжает на низовья Иртыша (на самом деле уезжает меньше). В волости, стало быть, ловит 154 рыбака и каждый добывает в среднем по 10 пудов — всего 1540 пудов. (На низу Иртыша ловят, конечно, больше.) Итого в пределах волости добывается не меньше 8913 пудов рыбы.

По рассказам старожилов, рыбы в Иртыше раньше было больше, но теперь она убежала, «то ли пароходы ее испугали, то ли народу размножилось». Не оспаривая этих двух положений, я замечу, что крестьяне вылавливают рыбу хищнически, лова ее во время икрометания и лова много «животи» (мелкой рыбки) то на еду, то для наживы на уду. Такой способ ловли не может оставаться без последствий, и количество рыбы будет уменьшаться. Но пока рыбы в Иртыше и в окрестных речках, озерах, сорах — благодать, и пришелец из России удивляется тому факту, что рыба сама заскакивает в лодку. Это случается нередко ночью, когда спящая рыба, стоя у берега, при проходе лодки сильным прыжком бросается на реку и попадает в лодку.

Да, рыба пока есть, и желательнее, чтобы она была и чтобы рыболовство здесь достигло возможно большего развития, чтобы были выработаны приемы правильной эксплуатации естественных богатств края, не истощая их и не порабощая промышленностью человека.

Ямщина

Кроме указанных промыслов не последнее место занимает падающий уже промысел — ямщина. В былые годы, когда не было развито пароходство, когда не была еще построена Екатеринбургско-Тюменская ж. дорога, тогда процветала здесь ямщина; ходили здешние мужики и в «Ирбеть»,

и в «Екатеринбурх», и «в заводы», коней добрых держали и жили исправно. Теперь уже не то. Кладь в Пермскую губернию и обратно идет по ж. дороге, и нынешний ямщик совершает путь между низовьями Иртыша и Оби и Тобольском до Рождества, и меньшее их количество — в Ирбит после Рождества. Купцы стараются товар из Ирбита отправлять весною пароходами и зимой отправляют на Иртыш и на Обь только самое необходимое.

По данным всеподданнейшего отчета, считается в волости 200 ямщиков. Цифра эта мне кажется преувеличенной; к тому же число ямщиков колеблется в зависимости от урожая трав или хлеба.

Кладь перевозится от Малого Атлыма (село на Оби, верст 500 с лишком от Демьянска) до Тобольска и Ирбита. Везут вверх товары местных купцов и промышленников — Шеймина, Земцова, Кайгородова, Протопопова, Мотошина и др. — произведения местного промысла (рыбу, шкуры, мясо) и сверху — произведения российской мануфактуры. Цены за провоз пуда клади колеблются в зависимости от урожая сена и овса по тракту, от экономического положения населения в данное время, от предложения труда ямщиков и от соглашения купцов. В 88—89-м году провоз пуда клади до Ирбита от Демьянска и обратно — 80—90 коп., в 89—90-м — 75 коп. В 1890 г. цены на провоз были следующие: от с. Мал. Атлым до Тобольска — 65 коп. с пуда, от Вороны (4 пряжки ниже Самарова) — 41 коп., от Самарова — 30—35 коп., от Демьянска — 18—20 коп.

Зима 1890/91 г. была бессенная, сено продавалось за воз от 2 до 3½ руб., маленькие кучки по 25—30 коп., овес — до 60—70 коп. пудовка. Вышеприведенные цены провоза немногим выше нормальных.

В неурожай трав цена провоза подымается, но не настолько, впрочем, чтобы плата за труд ямщика была одинаковой с таковою же в урожайный год. Неурожай многих заставляет наниматься в ямщину, чтобы прокормить как-нибудь лошадей. Увеличенное предложение труда понижает провозную цену до уровня содержания лошади. Ямщики, которые ездят из года в год, которые имеют постоянные сношения с купцами, те имеют возможность запасти овес, вырядить лишний пятак на пуд и из году в год зарабатывают чистого барыша до 10 руб. на лошадь. Но положение мелких ямщиков, которые принуждены ехать на низ искать наемки или впрашиваться в артель к «справным» ямщикам, — другое, и заработок их невелик. Продолжают они держаться

этого промысла частью вследствие инерции, частью — не привычки к иному труду.

Ямщик должен иметь добрую лошадь, которая бы не приставала, будучи недели 2—3 и больше в дороге, сани с ядреными березовыми полозьями, с веревочной обдержкой и рогожами для закрытия клади и крепкую, надежную сбрую — словом, упряжи на лошадь не менее 15 руб. В дорогу он собирается, как и на всякую работу вообще, медленно, не торопясь, складывает на каждые сани по мешку овса, берет запасы хлеба и рыбы для себя и, одетый в полушубок и гусь, в широких броднях, выступает в путь, пуская «передовой» самую сильную лошадь, в лучшей упряжи и харьковской дуге, блистающей красками и золотыми или серебряными узорами.

Идут ямщики день — идут за возами. Мороз сибирский леденит кровь в жилах, падает инеем на гривы лошадей и мохнатые гуси и бороды ямщиков. Они идут неторопливо, покрикивая на лошадей. Приходят напряжку, на постоялом дворе дают роздых лошадям и, поев сытно, по-ямщицки, спят немного, пока кони не съедят свой корм. Напив коней, выступают опять в дорогу, не останавливаясь на ночлег, если дело срочное. Идут они так все вперед, проводя ночи на санях, не раздеваясь по неделям.

По Тюменскому и Ирбитскому трактам часто «пошаливают», останавливают обозы, срезавают тюки с возов и т. д., и потому ямщик везет с собою на случай «гирьку», привязанную на цепи к палке. Впрочем, оборона мало помогает, грабители, одетые в белом, чтобы не отличаться от снега, залегают возле дороги и срезают тюки, опутанные веревками, прежде, чем полусонные ямщики сметят дело. Ирбитский тракт издревле составляет арену грабежей и убийств, и рассказы о приключениях и опасностях на тракте заставляют ямщика сторожить и припасать оружие.

[Охота и ореховый промысел]

Звероловством крестьяне Демьянской волости занимаются мало. Во всей волости наберется всего несколько человек охотников, которые проводят осень и зиму в охоте за белкой или зверем.

Количество зверя, добываемое в год и показанное во всеподданнейшем отчете, составляет трофеи с промысла инородцев, причисленных к волости или живущих в соседних инородных волостях.

В 1891 г., согласно отчету, добыто шкур:

соболей	200	на 700 руб.	белок	1000	150 руб.
олений	30	45 руб.	лисиц	20	70 руб.
зайцев	80	8 руб.	лосей	100	500 руб.

Всего — на сумму 1473 руб.

В некоторых деревнях жители ловят зайцев при помощи петель, которые прикрепляются к пригнутой к земле вершине березки, так что когда заяц попадает в петлю (шей), березка выпрямляется и заяц оказывается повешенным. Добывают также крестьяне лисиц и волков отравленными пилюлями, но, повторяю, занятие это не имеет характера промысла.

Медведи могут преспокойно ходить около здепных мест, т. е. низкое качество ружей и отсутствие смелости не позволяют крестьянам выступить против зверей, когда они подходят, что случается, впрочем, весьма редко.

Охотятся крестьяне за оленями на кондинских болотах в Великом посту, на склоне зимы, когда солнце пригревает, и тающий снег, замерзая по ночам, образует кору (*наст*), способную выдержать человека. Охотники собираются в артели, берут собак и гонятся за оленями, которые поминутно проступают сквозь наст. По крепкому насту охотникам удастся убивать оленей. Но если случится талица, тогда охотникам горе: забравшись в урман за десятки верст, им приходится шагать по колена в снегу, неся домой на плечах поклажу. Так что рискуют охотиться только любители опасностей и приключений, которые безропотно переносят свою неудачу.

Лоси водятся в большом количестве по р. Демьянке, и охота на них сопряжена с опасностью, так как зверь этот силен и не бежит от человека, а в случае промаха кидается на охотника. Добывают его инородцы больше пастороженными луками и ружьями.

Кедровый промысел — непостоянный. Урожай ореха истребляются белкой, ронжей, медведем, и сбор ореха производится раз в несколько лет. Своих кедровников в волости не имеется; в окрестных лесах там и сям разбросаны кедры, но их заглушают пихты и ели, и приносят они мало ореха.

Кедровники демьянские выгорели лет 30—40 тому назад, и крестьяне в «пищечный» год ездят в Демьянку к остякам, где за небольшой кортом¹ «носят» шишку. Едут на промысел в конце июля и начале августа на несколько недель. Сбивают шишку, залезая на кедры при помощи когтей железных, привязанных к ногам. Ловкий промышленник

почти бегом карабкается на кедровые толщиной в 2—3 обхвата. Несчастные случаи, однако, редки, каждый год почти падает кто-нибудь с кедра.

Сбивают шишку также *колотом*. Деревянное бревно подвешивают на перекладине и, раскачивая при помощи веревки, ударяют [им] в дерево, от сотрясения валятся шишки.

Поработав в лесу несколько недель, промышленники строят из кедровых плотов, насыпают шишку и плывут домой. В конце августа или начале сентября приплывают домой, и здесь наступает дежурство шишки и кедров. Затем орех очищается от порядочно подопревшей за время пути шелухи, просушивается, просеивается, провеивается и ссыпается в мешки. В урожайный год получается по 20—30 пудов ореха на промышленника. Цены здесь колеблются от 1 руб. 50 коп. до 2 руб. 50 коп. за пуд. При хорошем урожае шишки ходят за орехом и весной и собирают шишку из-под снега, но качество внешнего ореха ниже.

[Обрабатывающая промышленность]

Обрабатывающая промышленность развита в волости слабо, производит она, и то в недостаточном количестве, предметы внутреннего потребления.

Зерновой хлеб, собираемый в волости, перерабатывается в муку на двух водяных мельницах в волости. Одна из них, устроенная в 1877 г., перемалывает 3000 пудов зерна, другая, существующая с 1890 г. — 500 пудов. Каждая занимает по 2 рабочих. За помол берется по 1½ коп. и по 1 фунту муки с пудовки хлеба.

Означенных мельниц недостаточно для удовлетворения нужд волости, и крестьяне до сих пор принуждены были ездить в соседние волости на мельницы, где им приходилось ждать очереди после местных крестьян. Понятно, с какою готовностью крестьяне помогают каждому, желающему устроить мельницу в пределах волости. Для работ по постройке мельницы они посылают рабочих, по человеку с дома, причем дают приговор на выделение части земли под мельницу, определяющий также отношения между обществом и мельником: соблюдение очереди, первенство крестьян местного общества перед приезжими, цену помола и т. д. В настоящее время, кроме указанных выше мельниц, строятся еще 3 ветряных мельницы; 2 уже окончены, но работа их неудовле-

¹ Коротом — здесь: плата за прокат, аренду. (Примеч. сост.)

творительна, так как построены они мастерами-самоучками, допустившими много промахов.

Кожевенных заводов 3: в д. Рачевой, Жорновой, на Черном Яру. Сумма производства 240 руб., каждая кожевня занимает по 2 рабочих. <...>

Качество кож, выходящих из передела, невысоко, и крестьяне предпочитают отдавать кожи в тобольские кожевни. Цена выделки кожи — 1 руб.

Шерсть, остающаяся при фабрикации, высушивается, промывается, сортируется и продается в Ирбитскую ярмарку.

Кожевенное производство распространено здесь подгородными татарами.

Перегонкою дерева занимаются в д. Малый Ярок и в Закрыгасном выселке (ямный способ сидки). Печному способу сидки смолы и дегтя научили крестьян курганские выходцы, выселенные с родины тяжелым 1891 г.

Выделка кирпича и пичуг (для неводов) не составляет постоянного занятия, устройство печей самое примитивное.

Ремесла — кузнечное, столярное, кадочное, горшечное — развиты мало.

Ремесленник посвящает ремеслу время, свободное от полевых работ, и борется с недостатком денег в волости, общою бедностью или недобросовестностью — причинами скудного и неправильного вознаграждения за его труд.

Занятия, присущие только бабам, — синепие холстов, шитье полушубков и тканье. Холст синится для юбок, рубах и портов. Занимаются в волости 3 бабы — синялки. Краску получают от приезжего крестьянина из Пермской губернии, который каждый год ездит с краской по Иртышу и выменивает ее на щетину.

Полушубки шьются по 10 коп. с овчины, в каждой деревне есть свои специалистки этого дела.

Пряжа и тканье заполняют досуги девушек и баб осенью и зимой. Старинная пряслица и своедельные кросна — вот орудия труда в этом деле.

Труд здесь мало соединяет, а больше разъединяет людей. Занятия разбиты по отдельным хозяйствам, избам, разделены между отдельными единицами, заполняя целиком их досуг. Это относится особенно к бабам. Бесконечные хлопоты по хозяйству, ребята, пряжа и т. д. одурманивают и убаюкивают их, отвлекая мысли от страшной bestолковости их жизни. Хорошо и это, если только можно считать это утешением.

[Отхожие и прочие заработки]

Подспорье в жизни находит крестьянская семья в отхожих заработках, высылая своих членов на пароходы и на баржи. Эти заработки важны крестьянам тем, что дают за труд точное, установленное денежное вознаграждение, которое при отсутствии денежных запасов в волости крайне им необходимо.

Поступает на пароходы молодежь, которая в службе видит нечто привлекательное, образовательное, дающее возможность «увидеть свет». Действительно, крестьянин, похитив матросом на пароходе, полируется, приобретает некоторые хорошие и дурные стороны, но так как жизнь дома и без того развивает дурные наклонности — узкий эгоизм, стремление к наживе и поклонение перед рублем, — то я замечу только хорошее, что человек воспринимает массу впечатлений, научается грамоте, развивается в нем любознательность, а главное, не наблюдаемая до сих пор черта — товарищество.

Наем на пароходы сибирских компаний Курбатова и Игнатова, Корнилова, Ширкова и др. производится через лоцманов, происходящих из здешней местности, которые и набирают партии по 10—12 человек. В начале декабря составляется лоцманом список панимающихся, посылается в контору, которая высылает задатки по 10—15 руб. на человека и получает паспорта. Сибирякам проставляется цена, *какая на Вятке будет.*

Дело в том, что компании главный контингент рабочих почерпают в Вятской губернии. Неурожайность почвы, скудость земли заставляют население жить отхожими заработками; народ, нанятый на Вятке и увезенный в сибирские реки, зависит от компаний и не уходит летом домой «страдовать», как это сплошь и рядом делали сибиряки. Впрочем, теперь положение Сибири ухудшается, и сибиряки исправно проходят навигацию.

Главные пункты наемки матросов на Вятке есть села Орловского уезда Истобенское, Шалеговское, Пустошинское, Спасское — центры волостей тех же названий. Истобенское село многолюдно, так что усадебной земли не хватает для построек, на одной делянке селится по 2 дома. Надельной земли, кроме усадебной и огородов, истобяне не имеют (по словам матросов). Другие волости имеют надельную землю, лес и т. д. и нуждаются меньше истобян. Население в Орловском уезде сильно скучено. Шалеговское село

отстоит от Истобенского в 12 верст, Пустошинское в 14, Спасское в 15, Орлов в 24, Вятка в 25. Население в большей части ходит на пароходах по Волге вверх и вниз, по р. Белой, Северной Двине или сплавляет барки в Питер. В Истобенском живут капитаны, лоцманы, водоливы и т. п. чиновный люд.

До 1887 г. плата сибирским матросам была 15 руб. в месяц, в этом году Корнилов, производя наемку на Вятке, сбавил цену до 14 руб. Рабочие не сбавляли, бились 3 дня, дело доходило до драк между протестующими и согласными сдаться. Наконец истобяне, меньше всех обеспеченные, под влиянием земляков своих — лоцманов и капитанов не выдержали, согласились на 14 руб., за ними пошли и другие. Другие компании тоже сбавили плату рабочим. С той поры максимум платы, которую получали матросы, был 14 руб. в месяц, новички у Курбатова нанимались от 12 руб. в 1891 г. и от 10 руб.

В Истобенском набирается около 1000 рабочих всеми компаниями. В Демьянской волости набирается матросов около 100 человек.

Наемка матросов ставит население в зависимость от лоцманов, заведующих наемкой; чтобы войти в список нанятых, следует послужить лоцману, угостить его, заручиться протекцией и т. д. и т. д. Это обстоятельство, конечно, развращает людей.

Итак, плата здешним матросам — *какая на Вятке будет* — во всяком случае, понижается; если принять во внимание понижение ее абсолютное и относительно цены хлеба. В 1891 г., когда в Сибири пуд хлеба доходил от 1 руб. до 1 руб. 80 коп., матросов нанимали гораздо дешевле других лет — по 10—12 руб.: в месяц, и цена поднялась только благодаря холере. Содержание матросу стоит рублей 6—8 в месяц; кроме того, матросы имеют доходы от грузки дров, багажа, товаров и т. д., затем могут провозить на свою долю немного товаров, купленных дешевле, — словом, можно полагать, что матрос за навигацию выносит полное свое жалованье.

Работает матрос на пароходе через 8 часов, так что в одни сутки приходится ему стоять одну вахту (8 часов), в следующие — две вахты (16 часов). В трудных случаях пути — например, на перекатах — все матросы должны выбегать на палубу, на пристанях — тоже. Работа хоть и не трудная, но хлопотная и требует некоторой сноровки. Чистка палубы, кают, наметка, выкидывание и подымание якоря, отдавание и приемка снастей и т. д. и т. д. — все это дело матроса на

пароходе. Помещаются рабочие в «шакшах» на носу и корме парохода, содержатся они негигиенично, судя по рассказам. Пища варится на кухне, нарочи ¹ отведенной для матросов.

На зиму некоторые матросы остаются на зимовках за половинную цену — 6—8 руб. в месяц — с октября по 1 марта. Работа состоит в одалбливании парохода кругом и в поддержании на нем исправности.

С весны пароходы приводятся в порядок для выступления в навигацию: чистятся, красятся — и все это исполняют рабочие, взятые от сохи. Вятский никогда не скажет «не знаю», за всякую работу берется, говорит, что она ему знакома. «Ты крашивал?» — спрашивает маляр вятского «увальня». «Крашивал...» — отвечает. «Куски в чашку», — договаривает. Товарищ-сибиряк возмущен невозмутимым нахальством вятского «слепня» ². Но тот, не смущаясь, водит кистью по стенам и скоро приучается сносно работать. Следует вятским отдать справедливость: они грамотны и знают ремесла. В селе Истобенском есть училище с курсом ремесел.

Не блестяще положение матроса, но ему светит надежда, что через несколько лет его сделают штурвальным, водоливом, быть может, привыкнет к местности и в лоцмана попадет, а лоцман получает 500—900 и 1000 руб. за навигацию! Далее вожделения матроса не идут, и только самые честолюбивые думают о poste капитана.

Следует добавить, что большинство капитанов, лоцманов и даже управляющие пароходными конторами добились своего положения, пройдя все ступеньки иерархической лестницы. Все эти местные воротилы: Селиверстовы, Россошины и т. д. и т. д. — все это коренные вятские или сибирские элементы. Это явление радует, конечно, патриота, но радует ли оно русского пассажира или мужика, потребляющего дорогую муку, привезенную этими господами, и радуется ли тому наш демьянский мужик — не знаю. А впрочем, почему бы ему и не радоваться?

Демьянская волость дает также рабочих и хлеботорговцам, сплавляющим летом хлеб на барках на низ Оби. Весною, в апреле, происходит в Демьянске наемка людей Корнилову — нанимается 20—30 человек с лоцманом из здешних же крестьян. Труд рабочих состоит в сплаве барки. Барка идет большею частью «рыском»: завозят вперед якорь,

¹ Нарочи — здесь: специально. (*Примеч. сост.*)

² Вятские часто страдают куриной слепотой от плохой пищи.

опускают на дно, а на барке воротом «выхаживают» снасть. Очистка баржи и выгрузка законтрактованной торговцем муки тоже дело рабочих. За лето рабочие получают около 30 руб., муки по несколько пудов на брата, пять кирпичей чаю на артель. (В 1890 г.— 27 рублей, 8 пуд. муки, 5 кирпичей чаю.)

Кроме означенной платы рабочие имеют доходы при выгрузке частной муки, так что зарабатывают от 10 до 18 руб.

Барка идет от Тобольска до Обдорска месяц-полтора, смотря по количеству пунктов, где сгружается мука. Командует приказчик, заведующий грузом и его распределением. Приказчик имеет в своем распоряжении водку — ведер этак до 15 — для выдачи рабочим в холодное время, во время болезни и в торжественных случаях: отправление из Тобольска, прибытие и отправка из Демьянска, прибытие в Самарово или Обдорск, когда рабочим подносится *привальное* и *отвальное*. Пункты назначения — Березов, Мужики, Обдорск, — оттуда рабочие едут домой на своих лодках.

Следует еще упомянуть о мелких заработках крестьян демьянского общества. Это таска дров и продажа съестных припасов на пароходной пристани. Мужики зарабатывают в лето «на табак» по несколько рублей, таскают [дрова] по 25—30 коп. сажень.

Бабы выручают различно, смотря по достатку двора. Зажиточные дома от продажи масла, яиц, рыбы свежей и соленой выручают по 30—50 руб. В среднем, полагаю, продажа припасов дает около 10 руб. на двор. Продажею занимаются, главным образом, жители села Демьянского и выселков, близких к пристани.

Когда *подходит пароход*, вы увидите массу баб и девушек с ведрами, туесами и т. д., полными всякой снеди. Все бегут, перегоняют друг друга; нужно пробежать расстояние почти в 1 версту, отделяющее село от пристани. Никаких попыток продавать товары в складах на пристани не было. В последнее время аферисты подумывают открыть лавку на пристани, и уже конечно, местные жители в выигрыше материальном не будут.

Впрочем, если бы бегание женщин Демьянска прекратилось, нравственность бабья выиграла бы. Русский пассажир или матрос любит знакомиться с девушками, и знакомство это, если оно и ограничивается разговорами и курением сигарок, нисколько не возвышает нравственно женский пол. А что некоторые женщины любезность с пассажирами простирают и дальше — это факт.

Демьянское общество пользуется доходной статьей — общественным кабаком, открытым в 1891 г. по почину чиновника по крестьянским делам. Несмотря на неудачу, постигшую питейное [заведение] в год открытия, — растрату 300 с лишком рублей, общество не выпустило этого дела из своих рук и в первый же год доход питейного равнялся 600 руб. с лишком. Теперь общество может рассчитывать на 1000 руб. дохода в год.

Подати и повинности

Демьянское общество с 988 ревизскими душами платит государств. сборов (подушной и оброчной подати и др.) 4302 руб. 74 коп. Недоимки с пр{оплх} лет составили 2337 руб. 44 коп., страховой сбор — 170 руб. 21 коп. Итого — 6810 руб. 39 коп.

С черныярского общества с 267 душ следует государств. сборов 1162 руб. 78 $\frac{1}{2}$ коп., недоимки — 598 руб. 64 коп., страхового сбора 28 руб. 69 коп. Итого 1790 руб. 11 $\frac{1}{2}$ коп.

Всего волость платит 8600 руб. 50 $\frac{1}{2}$ коп. Общая сумма недоимки — 2936 руб. 08 коп., в расчете на 1 ревизскую душу — без малого 2 руб. 34 коп.

Кроме того, 20 душ, причисленных без согласия обществ, в демьянском обществе платят 87 руб. 10 коп., недоимки за ними 479 руб. 33 $\frac{1}{2}$ коп. Итого — 566 руб. 43 $\frac{1}{2}$ коп.

Четыре души, причисленные к черныярскому обществу без его согласия, платят 17 руб. 42 коп., недоимки за ними 66 руб. 69 $\frac{1}{4}$ коп. Итого — 84 руб. 11 $\frac{1}{4}$ коп.

Общая сумма недоимки по душам, причисленным к обществам без их согласия, — 546 руб. 02 $\frac{3}{4}$ коп., на 1 душу — 22 руб. 75 с лишним копейки.

Недоимка на крестьянах существует каждый год почти; если она очищается к концу года, то это благодаря займам у местных кулаков, к которым прибегают «волостные», не желая получить нагоняй свыше за неисправное поступление сборов. Кулаки, благодаря этим финансовым операциям, приобретают вес в делах волости, что, конечно, идет на вящую им пользу. К «перехватыванию» денег у кулаков волостные прибегают особенно в последнее время, когда платежная сила крестьянина уменьшилась. Факт скрывания истины путем займа у кулаков выяснен в «Сибирском Листке»*, в корреспонденции из Бронницкой волости, и можно полагать, что он практикуется не только в нашей местности.

Займы у кулаков и зависимость населения от них будут продолжаться и развиваться, пока не будут сделаны изменения в способе взимания податей.

При слабом, непостоянном приливе денег в волость, при постоянном выжимании денег из крестьянина торговцами и кулаками взнос податей затрудняется, и потому естественно крестьянин приходит к желанию уплачивать подати самым необременительным для него способом: натурою или трудом. Так, например, крестьяне желали бы сильно выставку дров на пароходы обратить в общественную повинность, которая дала бы возможность при посредстве пароходных компаний уплачивать *трудом* лежащие на них подати.

Нарастание недоимки на душах, причисленных к обществам без согласия последних, объясняется неохотою ссыльного элемента к оседлости и к постоянному, правильному труду. Шатается этот люд по селам и весям необъятной Сибири, разнося повсюду разгул и крайне легкомысленное отношение к жизни. Может ли иначе поступать человек, лишенный нравственных устоев, брошенный в чужую, негостеприимную среду.

Ссылка есть ноющая постоянно язва Сибири, и каждому отдельному уголку приходится нести не материально, так нравственно последствия преступлений «несчастных».

Кроме государственных сборов волости приходится отправлять еще земские и мирские повинности. Из них земская гоньба до настоящего года отправлялась натурою, остальные повинности исполняются наймом, покрываясь соответствующими сборами.

По отправлению натуральных повинностей на Демьянской волости по уравнительному расписанию, утвержденному правительством, лежит следующее:

1. Отправление земской гоньбы в пределах волости, исправление дорог, мостов, переправ в районе волости (исполн. натурою).

2. Помощь в гоньбе Самаровской волости на Реполовском станке.

3. Содержание 12 мостов по Тюменскому тракту, 1 моста по Березовскому тракту.

4. Содержание вол. правления и училища. Наем сторожа, рассыльных и сотского для земского заседателя. Содержание волостного писаря, оспопрививательницы, сельских писарей, просвирни.

Все означенные повинности стоят до 9000 руб. Начиная с 1878 г. одна ревизская душа оплачивала:

	1878	1885	1886	1887	1888
Гос. сбор	2 руб.				
I полугод.	73 $\frac{1}{4}$ коп.	36 коп.	53 $\frac{1}{2}$ коп.	38 $\frac{1}{2}$ коп.	45 коп.
Гос. сбор	2 руб.				
II полугод.	73 коп.	53 коп.	50 коп.	37 $\frac{1}{2}$ коп.	21 коп.
Мирской сбор	2 руб. 16 коп.	1 руб. 67 $\frac{1}{2}$ коп.	2 руб. 14 коп.	2 руб. 51 $\frac{3}{4}$ коп.	2 руб. 90 $\frac{1}{4}$ коп.
Итого	7 руб. 62 $\frac{1}{4}$ коп.	6 руб. 56 $\frac{1}{2}$ коп.	7 руб. 17 $\frac{1}{2}$ коп.	7 руб. 27 $\frac{1}{2}$ коп.	7 руб. 56 $\frac{1}{4}$ коп.

Санитарное дело

От Тобольска до Самарова на протяжении 500 с лишком верст охраняют народное здравие 3 фельдшера под наблюдением одного врача.

В Демьянске живет фельдшер, заведующий Демьянской, Юровской и Филинской волостями на протяжении 200 верст. Легко видеть, что помощь эта недостаточна, и пользуется медицинской помощью население Демьянской волости — остальные волости видят фельдшера во время эпидемий и тогда, когда он выезжает в объезд. Медикаментов в распоряжении фельдшера мало. Управа высылает фельдшеру лекарств на 25 руб. Средства быстро расходуются, и фельдшер опять без медикаментов, не может успешно работать. Несмотря на неоднократные предложения завести обществ. аптеку, общества отвечают отказом точно так же, как они отказываются строить больницу.

Вопрос об устройстве больницы важен для края, принужденного в опасных случаях отправлять больных в Тобольск за 300 верст. Независимо от гигиенической обстановки больница облегчила бы работу фельдшера, принужденного ходить и ездить по частным избам. Преобладающие болезни: катары желудка, лихорадки, простудные заболевания легких и последствия надсады — *грыжа* и т. д.

Присылаются сюда фельдшера — или воспитанники Омского фельдшерского училища, или военные фельдшера, прошедшие под наблюдением врачей установленный курс в лазаретах. Как можно заранее полагать, воспитанники фельдшер-

ского училища выгодно отличаются от лазаретных фельдшеров в смысле специальной подготовки и нравственности.

Лет 10 тому назад здешний крестьянин лечился своими «средствами» и у знахарей. Когда был прислан первый фельдшер, к нему почти не обращались. Но мало-помалу народ стал поддаваться медицине, особенно со времени молодого, энергичного фельдшера Врачинского. Крестьяне почувствовали к медицине доверие; параллельно с этим стало уменьшаться влияние знахарей. Фельдшер стал в нашей местности необходимым лицом, и если раздаются жалобы на «фершалов», то осуждаются только худые, и мнение «нам никаких фершалов не надо» отпадает.

В первое время, в 1886—1888 гг. фельдшер жил себе в селе, мало его беспокоили. < . . . > Ныне не то — сплошь и рядом обращаются к помощи фельдшера, и рабочий его день становится все дольше.

В вознаграждение за свою службу во время дня и ночи фельдшер получает 15 руб. в месяц. Вознаграждение это едва достаточно для жизни холостого фельдшера, и уж конечно не хватает его для семейного при увеличивающейся дороговизне жизненных продуктов. Следует заметить, что положение фельдшера заставляет его поддерживать отношения с местной интеллигенцией, уровень потребностей которой довольно высок. Понятно, что вознаграждение за труд фельдшера слишком низко, особенно ввиду увеличивающегося спроса на медицинскую помощь. К тому же отношение здешнего грубого и необразованного народа крайне тяжело для фельдшера. Народ смотрит на него как на наемника и словом и обращением часто высказывает это, даже при самом безукоризненном отношении фельдшера к своему делу. К таким тягостным явлениям должен быть готов всякий интеллигент, работающий между народом.

Работать много, работать, не зная себе определенного отдыха, получать недостаточное вознаграждение и подвергаться неприятностям со стороны тех, в чью пользу работаешь, может только человек, отрекшийся от мира сего, жертвующий собою. И фельдшеру приходится так жить под угрозой потерять место и средства к прозябанию.

Сказанное о фельдшерах относится и к акушеркам. В Демьянске на тот же медицинский участок полагается одна акушерка, обязанности которой кроме специальных занятий состоят в надзоре за оспопрививанием. Требования помощи акушерки и ее рабочее время увеличиваются благодаря безукоризненному исполнению обязанностей.

Вместе с тем увеличивается в фельдшерах и акушерках сознание своей беспомощности в деле борьбы с болезнями при условиях крестьянской жизни — развивается апатия к делу и неаккуратное отношение к обязанностям. Их переводят, присылают другое лицо, которое принимается с энергией за неблагодарный труд — потом энергия ослабевает, и опять идет старая история.

Тяжесть санитарного дела в народе выносят на своих плечах сельские фельдшера и акушерки. Полагая им недостаточное вознаграждение за труд, общество требует от людей самопожертвования. Это крайне странное и грустное явление в обществе, где царствует, наоборот, девиз: *«каждый для себя»* и *«человек человеку волк»*.

Положение сельских медицинских чинов должно быть улучшено — это вопрос неотложный, если желательно, чтобы они имели возможность ревностно исполнять свои обязанности.

Если помощь людям у нас недостаточна, то ветеринарное дело и вовсе ничтожно. От Тобольска до Самарова имеется один фельдшер, который в 1891 г. командирован в Степную область для борьбы с чумной эпизоотией. В настоящее время помощи ветеринарной нет, и крестьянин прибегает к помощи доморощенных коновалов и знахарей.

У Антоновых захворала лошадь. Начала хромать, перестала есть. Лошадь добрая. Жалко. Кинулись к деду Филиппу — Филипп пришел, посмотрел, пощупал копыто — горячее, обвязал зачем-то ногу тряпкой и заявил, что он *«не приматся»* лечить. Беда! Послали за Пронькой Каюковым, тоже знахарь. Пронька пришел, пощупал — решил, что боль в плече, и тут же приступил к лечению.

Связали лошадь и свалили на бок у ворот пригона. На больную ногу надели петлю и пропустили ее через ворота, там встал парень и крепко натянул веревку. «Резать собираетесь лошадь, что ли?» — спросил я мужиков. «Резать!» — отвечает Пронька с видом оскорбленного самолюбия.

Принесли шайку с водой, мыло и палек для катания белья. Пронька принялся усердно намыливать плечо лошади, затем разминать и укатывать его вальком. «Эк, сколько крови набило!» — показывал он зрителям собирающуюся под валиком складками кожу. Лошадь тщетно порывалась встать, иногда она усиленно билась и вырвалась наконец из рук медика. «Тише, скотина! Тебе же лучше делают!» — успокаивал Пронька, сваливая лошадь опять и прикручивая

туже веревки. Валек заработал опять, и лошадь в изнеможении только тяжело дышала...

Около часу возился Пронька и после операции, изведя несколько шаек воды, торжественно заявил, что лошадь будет здорова. Но следующие дни не оправдали заявлений Проньки, и хозяева лошади принуждены были обратиться к помощи Митрия Иваныча — ямщика и любителя лошадей. Митрий Иванович пришел, увидел, сказал: к копыту присунулся мокрец и надобно пристрелять копыто. На следующий день явился он во всеоружии: с натруской и с ружьем; зарядил его порохом и выстрелил в копыто почти в упор. Лошадь взвилась на дыбы и стала топтаться, храпя и озираясь по сторонам.

«А не стрелять ли еще раз?» — сказал Митрий Иваныч. «Ну, что ж — валяй!» Еще раз грянул выстрел, еще раз заметалась лошадь.

Действительно, скоро лошадь поправилась, и случай этот доставил лишнее доказательство медицинских познаний Митрия Иваныча. Так вот, читатель, как мы лечим лошадей в отсутствие ветеринарной помощи!

Училищное дело

Молодому поколению Демьянской волости есть где учиться: в волости имеется сельское училище в Демьянке. Существует оно давно; велось учение с 1867 г.— сначала местным церковным причтом, затем светскими учителями и учительницами. В 1874 г. построено училище с классом на 25—30 человек и квартирой для учителя. Много потрудился в деле устройства училища бывший тобольский исправник Дзерожинский *, оставивший в здешнем крае благодарную о себе память как о человеке, заботящемся о просвещении и экономическом благосостоянии народа. «Сто лет ему здравствовать, если жив, а если умер — Царствие ему небесное!» — говорят мужики, особенно кто победнее.

Ремонт и очистка училища лежат на обязанности сельского общества. Оно же доставляет освещение, и отопление, и сторожа.

Книги для чтения и учебные пособия приобретаются на отпускаемые казначейством 50 руб. в год, из этих же денег покупают для учащихся бумагу, перья, чернила и т. д. Библиотека училища заключает в себе около 800 экземпляров книг, считая в этом количестве и учебные пособия. Из этого

числа 77 томов приходится на фундаментальный отдел, в котором находятся необходимые руководства, методика и проч. пособия для наставника. Далее следуют книги для классного и внеклассного чтения — число томов этого отдела доходит до 340. Большинство книг духовного или духовно-нравственного содержания; немало книг по истории, географии и проч. Третий отдел составляют учебники и учебные пособия.

Училище начало правильно влиять на детей в недавнее только время. Вначале оно не процветало; с 1867 г. дало десяток-другой грамотных из массы учеников, поглощенных приливом неграмотности. Полный курс учения начали проходить с 1887 г., когда был выпущен один ученик. В 1889 г. выдержало экзамен 3 ученика, в 1890-м — 7 учеников. В 1891 г. не было экзаменов (по вине смотрителя, не пожелавшего приехать к назначенным экзаменам). В 1892 г. — 7 учеников.

Равным образом усилился наплыв учащихся. Число учеников, колебавшееся около 15, возросло в 1888 г. до 30—40. В последнее время учителю приходилось отказывать в приеме за недостатком места. Число учащихся девочек в году невелико (1—2, не больше). Успешность обучения вызывает в населении стремление к грамотности. Этим школа обязана демьянскому учителю Кузнецову, добросовестно относившемуся к своим обязанностям. Он уехал в сентябре 1892 г., к великому сожалению населения.

Среди населения волости замечаешь развитие грамотности. Это отрадное явление вызывается не одним только влиянием училища. На каждом шагу — в волостном правлении, в кабаке, дома — мужик убеждается в пользе учения. Рассыльные волостного правления в промежутках между «беганьем» по службе узнают буквы и разбирают «Губернские ведомости» или «Сельский вестник».

Ямщик неграмотный просит грамотного человека растолковать ему смысл цифр, чтобы понимать значение знаков на верстовых столбах. Неграмотный новобранец перед призывом мечтает о том, как он научится грамоте и станет писать сам письма домой и придет свое фотографическое изображение во всех воинских доспехах.

Даже бабы, изможденные ношением ребят, и те в промежутках между сплетнями и руганью в избе подчас вздыхают, думая о своей доле: «Эх, кабы мы были грамотными!» — хотя в общем держатся правила: «Куда мы с ей, с грамотностью-то?»

Посмотрите, какое удовольствие семье доставляет мальчуган, разбирающий родное слово. Зимний вечер. По лавкам сидят бабы, девки за пряслицей. У лучины, вспыхивающей иногда ярким бело-синим огоньком, сидит мальчик с книжкой. Он читает сказку. Вся семья слушает, мелюзга и та прерывает свою возню и умничает, глядя на старших. А сколько радости матери, глядя на сына!

Грамотность развивается, это бесспорно. К несчастью, народ имеет мало возможности доставать книги. Впрочем, за последнее время прилив книжек в народ усиливается. Некоторые коробейники подвозят книжки в народ. Теперь не редкость найти здесь Сократа, Поучения Иоанна Златоуста, сказки Толстого и др.

Народ у нас начинает читать. То, что мужик делает, он делает основательно, и содержание книжек врезывается в его темя. Один крестьянин, прочитав сказку Толстого «Чем люди живы», рассказывал мне ее содержание с мельчайшими подробностями, видимо увлекаясь прочитанным. А «Сократ», а «Власть тьмы» Толстого¹, «Где любовь, там и Бог» его же разве не потрясут души крестьянской, разве не окажут на него свое влияние?

Ни одна капля силы не пропадала еще, и труды людей просвещения приносят видимые, отрадные результаты. Человек, страдающий пессимизмом — «болезнью века», пусть посмотрит на народ. При тяжелых условиях жизни — сколько в нем силы, сколько мощи, сколько стремления вперед! Неужели можно сомневаться в поступательном движении человечества?

Общественная жизнь в Демьянске

Крестьянская жизнь в сравнении с жизнью вышестоящих классов не представляет такого отчуждения частной домашней жизни от жизни общественной. Здесь интересы общества вторгаются постоянно в жизнь семьи, семейные интересы обсуждаются на сходах и в волости. Сельские власти — это всем и всякому понятные люди, их действия — также; словом, крестьянин развивается под влиянием общества, живет в нем и имеет все шансы сделаться общественным человеком.

¹ В одном доме я слышал три раза повторяемое чтение «Власти тьмы», и каждый раз чтение это глубоко потрясло слушателей...

К сожалению, в действительности общественные чувства развиваются туго. Общественной единицей является семья — замкнутая, самодовлеющая группа, собранная под властью большака и имеющая свои самостоятельные стремления: благоденствие ее членов.

Общество есть совокупность таких семейных организаций, которые, обладая своей собственной силой сцепления, тем не менее входят в более или менее продолжительные связи и отношения с другими семьями. Соревнование между семьями сильно и является причиной неустойчивости общественной жизни.

Личность общественника подвергается влиянию двух сил — сознания пользы своей как члена общества и тяготения к домашности, к семье, где он наглядно, воочию видит материальные свои выгоды.

Общественная жизнь проявляется на сельских и волостных сходах, в общественных учреждениях, даже в кабаке, тоже общественном учреждении своего рода. Учреждения эти, выражая собою состояние общественной, жизни в данный момент, в свою очередь влияют на нее.

Крестьянское самоуправление введено у нас с 1879 г. Действует здесь Общее Положение о крестьянах с дополнениями 1883 г. До этого управляли волостью полицейские власти чрез волостных голов и старост. Простое было время! Голова решал тогда дела волости купно со «стариками», по обычаю, а может быть, и по своему нраву. Апелляционной инстанцией был земский заседатель; милость его или немилость служила законом.

Старики вспоминают эти времена с сожалением, говоря, что лучше тогда было. Но «мир» нынешний как-то не разделяет их мнения, и рассказы стариков о «добрых старых временах» — о том, как они судили да рядили, как заседатель карал и миловал, как в припадке благородного негодования пол-Демьянска порол за неисрванный взнос податей — вовсе не доказывают справедливости их слов.

Ныне крестьяне только начинают привыкать к новым законам и к мысли, что судьбами человека управляет не воля начальника, но закон и приговор общества на сельском сходе.

Сельские сходы составляют из крестьян-домохозяев, не опороченных и не достигших 60 лет, в каковом возрасте крестьянин освобождается от всех взносов и повинностей, сохраняя, впрочем, право на землю под условием, конечно, уплаты мирских сборов. 47-я статья Общего Положения,

допускающая на сходе, кроме домохозяина, другого члена семейства без различия пола, здесь мало применяется, и узнали про нее мужики официально от г. чиновника по крестьянским делам только в последние годы, когда в черноморском обществе часть сельского схода намеренно не явилась на сход, чтобы лишит приговор полномочности.

В последнее время заметно возбуждение интереса к сельским сходам. Многие вопросы — открытие общественного питейного [заведения], выборы должностных лиц, переделы земли, переверстка податей с ревизских душ на дельные рабочие души и т. д. — сильно волнуют крестьян, и сходки их в настоящее время нередко представляют весьма оживленное собрание, какого старики не запомнят.

Способ обсуждения дел на сельском сходе оставляет желать весьма многого. Беспорядок в обсуждении вопросов, незнакомство с законом, с пределами компетенции схода, а главное — забота о личных своих интересах и пренебрежение к делам общественным — вот условия, при которых постановляется приговор. Самый способ обсуждения вопросов ревом, где нет возможности выразить свое личное мнение или услышать чужое, сильно мешает выяснению дела.

Согласно Общему Положению, председателем схода является староста, но он обыкновенно (в демьянском обществе) не вмешивается в обсуждение дел, не наблюдает за правильностью подачи мнений, а сидит в сельской управе, в то время как сход в сборной ревет и галдит, обсуждая прочитанное писарем предложение.

Любопытную и оживленную картину представляет иногда сельская сходка. Небольшая сборная битком набита народом. Дым махорки застилает воздух. Усатые, бородатые лица, красные от пота, белые шабуры, полущубки; между степенными лицами домохозяев изредка мелькает лицо какого-нибудь юнца, пришедшего послушать старших. Все оживленно толкуют или напряженно слушают. Общий рев и шум. Изредка выделяется возглас общественника, покрывая собой стихающую волну речей: «Господа общественники!..» И льется речь его плавная, простая, возбуждающая то одобрение слушателей, то крики протеста. С улицы подходят сходочники более равнодушные к делам, мирно толковавшие до этого о своих заботах, и прислушиваются к прениям, стараясь понять, в чем дело. Галдение продолжается до глубокого вечера, и члены враждебных на сходе партий подумывают уже, что пора и сход кончать, и кабак открыть.

Иногда, как дополнение схода, в какой-нибудь избежке идет попойка — то угощаются члены схода, ушедшие тайком и продающие свой голос какому-нибудь кулаку за бутылку наливки. Они веселы, и весело будет им подписывать приговор. Взаимное восхваление и изъявление дружбы; напоминаются также и нанесенные друг другу пакости, но они тут же забываются с общего согласия. Приходят и новые сходочники, улизнувшие из сборной на весть о даровом вине.

Наконец, когда общественники догадались до седьмого пота и когда этим путем мнение большинства определилось, выступает опять на сцену староста и, прочитав обществу приговор, гонит общественников подписываться. «Подписывайтесь! Подписывайтесь!» — кричит он, удивляясь, если какой-нибудь общественник отвечает, что не желает подписываться, не будучи согласен с приговором.

Если на сходе обсуждалось несколько вопросов и составлено несколько приговоров, то всех неграмотных с одного приговора переписывают на другие. Самих общественников мало интересует в большинстве случаев, подписаны ли они и под каким приговором. При такой индифферентности массы можно добиться проведения какого угодно приговора, особенно легко уничтожить постановление схода. Стоит только сказать общественникам, что подписей достаточно, как остальные неподписавшиеся повалят со сходки, довольные, что разделались, что можно идти домой или в кабак. В сельском управлении остаются только более рьяные члены схода — посмотреть, сколько голосов под приговорами, как относятся староста с писарем ко всей этой процедуре и т. д. И из наблюдений этих оказывается, что записаны под приговором не присутствующие на сходе, находившиеся в отлучке члены схода или что масса находившихся на сходе не записана, что приговоры, утверждение которых желательно почему-либо старосте или «волостным», покрываются подписями и скрепляются должностною печатью старосты через день и позже схода, когда наберется необходимое число подписей, что приговоры, нежелательные для сих господ, прячутся под другие приговоры во время подписывания и что грамотные, не обращая внимания на сущность приговора, подписываются на имеющихся палицо и не замечают утайки приговора. И выясняется многое другое, свидетельствующее о том, что для массы крестьян общественные дела, общественные интересы менее важны, чем их собственные, домашние дела, что во всякое время общественник готов

махнуть рукой на дела общества, говоря: «Как их бьет, так и бей!» Словом, дела обстоят пока благополучно, так же, как и в любой городской думе, где гласные причисляют себя к «интеллигенции».

Раз нет выработанных практикой приемов и правил обсуждения дел на сходе, всегда можно ожидать курьезных постановлений, после которых общество только почесывает затылки и разводит руками...

Общественники не знают заранее [ни] очереди, ни сущности разбираемых на сходе дел. *Дворовые десятиники*, вызывая крестьян на сход, на вопрос «зачем» отвечают или догадками о предмете суждения, или незнанием.

Прибавим еще частную причину: на беспорядок обсуждения дел у нас на сходе влияет и недостаток помещения. В демьянском обществе сельская сборная мала и никак не поместит зимою 300 человек, вмещая не более 100. Летом сельский сход разбросан на улице и в сборной, и дело от этого, конечно, не выигрывает.

Равнодушие общественников к общественным интересам и понятно. Крестьянина, необразованного, не привыкшего к работе мысли, давит его частная, домашняя жизнь. Предыдущая жизнь (до введения Общ. Положения) не могла в нем воспитать гражданских чувств. Врывающийся в крестьянскую жизнь капитализм также расшатывает общественную жизнь.

При таких условиях обществом ворочать кучке горланов не составляет труда. Это и было в Демьянской волости недавно, когда дела общества и волости отчасти вершила шайка крикунов, которые при выборах, при обсуждении дел, при заключении условий с кабатчиками или торговцами брали взятки, нынствовали и т. д. В конце концов обществу надоела эта канитель, и благодаря некоторым энергичным членам схода шайка была посрамлена и рассеяна.

Конечно, эта процедура не происходила так просто и скоро. Приходилось обсуждать общественные дела по домам, на улице, в кабаке, узнавать закулисные отношения в волостном правлении и т. д., наконец, открыто на сходе обвинять и уличать горланов во взятках и пьянстве. Масса, как всегда бывает в таких случаях, относится к делу *инертно* и мало вникает в сущность дела, но все-таки энергичная личность может рассчитывать на ее симпатии и одобрение. Совет общественная пробуждается-таки в конце концов.

Общее Положение введено здесь недавно, орудует делами общественными поколение, воспитанное в старых порядках,

но и на нем заметно, что обсуждение дел на сходах воспитывает крестьян, приучает их к сознанию своих прав и обязанностей, приучает признавать права других, заставляет думать не только о своей «домашности» и семье — словом, делает бессознательного производителя материальных полезностей гражданином. И конечно, желательнее, чтобы развитие народа шло далее в том же направлении.

Одна из слабых сторон общественной жизни есть отсутствие призрения для неспособных к труду и опеки для малолетних. Не говоря уже о том, что вообще личность человека ничем не ограждена в настоящее время от превратностей судьбы, но и личность неспособного к труду совершенно оставляется без помощи, и судьба его предоставляется воле Божьей.

Согласно Общему Положению, опека над малолетними и призрение подлежат ведению сельского схода. Но сход, когда приходилось наблюдать, уклонялся от своей задачи, предоставляя призрение нуждающихся ближайшим родственникам или оставляя им единственный путь пропитания: хождение по миру.

Нищий не подвергается презрительному обращению. «Дедко» или «баушка» всегда получают подавание: ломоть хлеба, горсть муки, [1 сл. нрзб.] льну, а под праздник — сметану и рыбу. Но, глядя сбоку, видно, что помирщик не чета прочим людям и это тяжелый и горький способ пропитания даже для этих невзыскательных людей.

Опеку над малолетними поручают их родственникам. Когда малолетние возмужают, отношения их к попечителям прекращаются в волостном суде, и добрых отношений нет. Родители, если не желают жить с детьми или если дети их не уважают, пользуются опекой общества и волостного суда. Обычай назначает им *отсылной* хлеб: 12 пудов муки в год, 1/2 пуда соли, 3 пуда крупы, мяса и рыбы по 1 пуду, дров по 1 сажени в месяц, если родитель живет отдельно.

На сельских сходах выбираются «сходочники волостные» по одному от 10 членов схода. Судя по смыслу 71-й ст. Общ. Полож., по которой сход волостной составляется «...из крестьян, избираемых от каждого селения или поселка, к волости принадлежащего, по одному от каждых десяти дворов», и 72-й ст., по которой от поселка, выселка, хутора, починка, застенка, односелья и проч., где менее 10 дворов, предоставляется посылать на сход по одному выборному, — волостные сходочники должны быть представителями из-

вестных групп и должны соответственно этому и избираться сельским сходом. Но вот это-то начало представительства вовсе и не принимается во внимание, и волостные сходчики избираются от всего сельского схода, и на сходе волостном из любой деревни может и не быть выборных.

Волостной сход представляет солидное присутствие, которое спокойно обсуждает дела. Никакой гарантии честности сход не представляет, ибо при выборе сходчиков преобладают соображения очереди, семейных отношений, домашних дел, нравственные же качества человека оставляются в стороне.

Нередко сход принимает решение, согласное с видами старшины и писаря; т., напр., в 1889 г. сход подарил волостному писарю С-ву 80 руб., взысканных в первый раз за земскую гоньбу с инородцев демьянского общества, которые не привлекались до сего к этой повинности. 80 руб. не шутка в бюджете волости, но некоторые члены схода утешали себя, что все равно эти деньги были бы украдены, так уж лучше их подарить. Что думали о сем предмете другие члены схода, не знаю; можно полагать, что мысли их не были так сумрачны, судя по обычаю волостных писарей перед прибавкой жалованья обещать угощение более влиятельным членам схода, а то и всему сходу.

Понятно, что не все постановления волостного схода нравятся обществу, а напр., упомянутое выше и вовсе не понравилось. Но имеют ли право сельские сходы опротестовать постановления волостных сходов? В Общ. Положении не видно указаний относительно взаимных отношений сельских и волостных сходов, практика здешней жизни этих вопросов не разрешает.

Дело в большинстве случаев кончается тем, что крестьяне погалдят, погалдят и замолкнут, и любой из крикунов, можно держать пари, поступив на сход, потянется при случае к писарскому угощению и вступит с писарем в конфиденциальные отношения.

Как и на сельские сходы, на волостные выборные являются, не зная, о чем придется судить и каково мнение об этом предмете сельского общества, выбиравшего волостных сходчиков. Таким образом, весьма сомнительно, чтобы волостной сход представлял собою мнения жителей волости. Он дает случайные мнения, которые поколебать и направить известным образом весьма легко.

Очень важным для волости учреждением является волостной суд. Жалоб на волостной суд раздается много в рус-

ской печати, ругают его и в нашей местности, [потому] что человек поневоле поддается влиянию этого общего мнения и склонен видеть в суде волостном много нехорошего. В первых, состав судей не представляется надежным. В судьи, как и в сходочники, опять-таки в силу условий крестьянского быта, заставляющего крестьян выбирать людей на должности, не обращая внимания на их нравственность, попадают часто люди неграмотные, вялые, незнакомые с законом или прямо нечестные. Все это, конечно, не мешает добросовестному отправлению должности, если интересы судей не затронуты в делах — самый отъявленный плут во многих случаях несложной крестьянской жизни может судить здраво и справедливо. Но все-таки, я полагаю, на добросовестность и беспристрастность суда полагаться нельзя, как и вообще доверять нравственным качествам любого жителя волости. Здесь нет возможности до службы узнать человека; по крайней мере, средней руки крестьянину это затруднительно. «Парень он ладно — ничего худого за им не слышно, чего напрасно?» Пристрастие же к родственникам, потворство пакостям «своего» человека здесь не только не порицается, но возводится в семейную добродетель. По крайней мере, принцип свойства и родства находит ярых защитников между стариками, имеющими пока фактически влияние в деревне (в селе Демьянском, бойком и развитом пункте, оно ослабевает).

Суд волостной представляет немало дел, в которых человек чувствует какую-то каверзу, несмотря на ловкую запись решения суда писарем, так что решение не представляет повода к кассации. Здесь формула: «Суд, руководствуясь местными обычаями...» — скрывает собою часто весьма неприглядные причины того или другого решения.

Суд волостной пользуется самостоятельностью в своих решениях. Его решения окончательны и жалобы на них *по существу* не принимаются, а могут они отменяться, кассироваться в случаях: 1) если не все лица, участвовавшие в деле, вызваны на суд, т. е. получили повестки; 2) если дело неподсудно волостному суду; 3) если при постановлении суда участвовало менее трех судей (по требованию стороны отводится судья, находящийся в родстве с противной стороной); 4) если в деле о проступке вынесено наказание сверх означенного законом. При таких условиях и при неразвитости тяжущихся, непонимании ими закона и при отсутствии в деревне юридической помощи суд имеет возможность постановить по делу пристрастное решение, руководствуясь

местными обычаями и порядками, причем согласие решения с местными обычаями вовсе для суда не обязательно, а высшим мериллом правды является совесть судьи, на которую крестьяне далеко не всегда могут рассчитывать.

Человек, знакомый с местной жизнью, может заранее определить решение суда в известных делах. Дела инородцев против местных крестьян-кулаков будут решены в благоприятном для последних смысле. Т., напр., 2 дела инородцев Пахтышевых против демьянского кулака Ивана Пуртова из уголовных, так как они обвиняли его в мошенничестве, волостным судом были превращены в исковые и рассмотрены в благоприятном для кулака смысле. Дела инородца Шальчина также рисуют нам отношение русского народа к инородцам. Шальчин, инородец Мурзинских юрт, круглый сирота, был принят с имуществом своим в семейство крестьянина Мотошина. Шальчин ушел от них на службу на пароход, оставив у Мотошиных все пожитки и скот на прокормление за известную плату, внесенную им раньше. Год 1891-й был бессенным, и скот Шальчина погиб, так как М-ны не заботились о его прокормлении. Свой скот прокормили сеном и таловой корой.

Когда Шальчин по окончании навигации сошел с парохода, то оказалось, что у него имущества нет. Скот погиб, деньги за прокорм его взяты, мука, припасенная им из Томска и оставленная в соседнем селе для себя, взята М-ными, все имущество, рублей на 40—50, удержано будто бы за содержание его, Шальчина, в продолжение нескольких месяцев. Суд почти весь иск Шальчина отклонил, признав в его пользу телушку, которую М-ны должны отдать истцу, когда она родится.

У того же Шальчина, по смерти отца, соседи-крестьяне захватили землю под предлогом, что он не платит повинностей, хотя Ш-чин исправно уплачивал ясак своему голове романовского инородческого общества. Жалоба Шальчина, неправильно направленная в суд, была принята к рассмотрению и признана неосновательной, а доводы крестьян — правильными.

Тяжбы родителей с детьми в большинстве случаев будут рассмотрены в пользу родителей. Здесь судьи подчиняются поневоле царящему между крестьянами правилу: «отцу-матери никто не укажет».

Дела богатых, влиятельных крестьян будут рассмотрены т. обр., что влиятельный, зажиточный крестьянин за поступки поплатится штрафом или арестом, бедный же крестьянин

ответит арестом и спиною. Иначе и быть не может: судьи, принадлежащие большей частью к разряду зажиточных крестьян, действуют сообразно своим взглядам.

Независимо от сего на судей действуют общественное мнение, советы писаря, так или иначе имеющего возможность известным образом истолковать закон, замечания волостных заседателей, которые присутствуют при обсуждении дел якобы для порядка, пользуясь тем, что Общее Положение, воспрещая старшине и старосте вход в судейскую камеру, не упоминает о помощниках старшины.

Институт чиновников, надзирающий за отправлением правосудия, навряд ли может поправить недостатки волостного суда. Для этого будет недоставать понимания крестьянской жизни. В этом отношении могут дать указания сами крестьяне, которые часто приходят к мало-мальски сведущему человеку в деревне и просят его писать апелляционную жалобу. Напрасно толкуешь ему, что решение волостного суда окончательно, что жалоб на решение дела по существу писать нельзя,— нет, не втолкуешь никак.

Съезд выборных волостных судей с двух-трех смежных волостей как апелляционная инстанция мог бы принести немало пользы. Такой съезд пересматривал бы дела по проступкам, наказуемым телесно, дела об опеках, призрении и наследстве — стало быть, более важные дела в крестьянской жизни, прочие маловажные дела оставляя за окончательным волостным судом.

Суд волостной все-таки в большинстве случаев выносит вполне правильные решения (обвиненная сторона, конечно, почти всегда ругает суд: «Наших слов не принимают!»). Суд не придерживается никакого определенного кодекса и рассматривает каждый случай, принимая во внимание условия действительности, не стесняясь обычаям.

Я позволю себе привести одно решение суда. В нашей местности сестры помогают одна другой при выходе замуж и выходящей молодухе снаряжают приданое. Солдат Д-н женился на Марье Самковых, у которой имелись две сестры, помогавшие ей в приданом. Недолго прожил солдат с молодой женой; к концу года она родила, потом захворала и, прохворав месяц, умерла вместе с ребенком. Солдат маялся вокруг больной, свету белого не видя; и с домашностью-то водился, и с больной, и с ребенком, днем работал, ночью не спал — словом, бился, как рыба об лед. Смерть жены освободила его наконец от хлопот. Тестева семья ничем до того не помогала солдату, прислала только на похороны человека

могилу копать, а после поминок взялась за сундуки покойной. Муж начал протестовать, и дело кончилось тем, что спорное имущество было увезено в волость. Волостной суд, приняв во внимание, что муж, кроме издержек и изъяду, ничего от жены не видал, что в трудное время, которое он провел около больной, ему никто не помогал, постановил: приданое жены оставить за мужем (вопреки обычаю) и возложить на мужа долг местному торговцу, лежащий на приданом жены.

Что волостные писаря имеют возможность влиять на волостной суд и влияют, показывает следующий факт. Молодая вдова А-дра Зарубина приняла в дом крестьянина Ефима Батенева с уговором жить в доме вместо мужа и обвенчаться через несколько времени, а если рассорятся, то рассчитаться ему как работнику по цене в год 30 руб. с разными прибавками. Ефим полгода прожил, но с тещей не поладил, и у них дело разошлось. При расчете вышел спор и дело дошло до суда. Суд волостной присудил взыскать в пользу Зарубиной 21 руб. с Б-ва и обоих выдержать под арестом за нанесенные друг другу обиды.

Между тем решение суда после оказалось записанным, по словам Зарубиной, вовсе не сходно с действительностью. Именно: вместо взыскания 21 руб. оказался занисанным полюбовный расчет. Истица Зарубина подавала жалобу на волостного писаря в подлоге, выставляя свидетелей, доказывавших истинное решение суда. Дело было прервано удалением писаря от должности; Зарубина не повторяла своих жалоб.

Да, нет писарей хороших в деревне, а имеющиеся налицо — как далеки от средней даже порядочности! «Наемные шкуры», как их величают в глаза даже крестьяне, насколько не заботятся об интересах волости. Одна их забота — карман себе набить!

«Здесь всяк думает о себе! Удивительно ли, что писарь, не находя себе признания своих заслуг и труда, не думает об обществе, которое относится к нему во многих случаях несправедливо, и сходится с более дающими? Наконец, не все же действия писаря корыстны, в иных случаях писарь действует в угоду обществу или отдельным лицам бескорыстно, просто по своему убеждению. Позвольте же и ему иметь свои взгляды!..» Так мне объяснял «неблагонадежный» писарь свои отношения к обществу.

Что касается до меня, то я должен признаться, что труд писаря нелегкий. Главное, у писаря нет определенного вре-

мени труда. Целый день сиди в канцелярии — целый день найдется дело. Днем, вечером и до глубокой ночи будут приходиться крестьяне, т. к. для них часов нет и нет им возможности согласоваться с часами приема, если б они были назначены. А не найдут писаря в волости или заставит он себя ждать, сейчас попреки и пересуды: на мирской шее едут, да еще и величаются!

А начальство сколько бумаг присылает в волость! Сколько отчетов, ведомостей и т. д. Отписывайся, писарек! В волости ведутся 44 книги.

Писарь получает 700 руб. в год; освещение и канцелярские принадлежности на его счет (100 руб.), наем помощника (15 руб. в месяц) — получается 420 руб. в год, 35 руб. в месяц, что для холостого вполне достаточно, для семейного при довольно высоких требованиях жизни демьянского интеллигента и дороговизне жизни — нет.

Что сказать о сельских должностных лицах? Закон требует от них безусловного отдания себя служению общественному благу, от людей, которые жизнь целую упражнялись в применении принципа «моя личная выгода есть добро и должна быть добром для всех»; от людей, которые общественные дела, общественную службу всегда считали чем-то второстепенным, не заслуживающим внимания, которые идут на службу, чтобы отвести очередь и которые в заботе неусыпной о домашности, о семье не пропускают случая уехать домой и которые умственно не подготовлены к своему делу. Нечему удивляться, если слышишь, что в волостном правлении производятся хищения почти каждое трехлетие. То старшина с писарем растратят суммы, то сборщик утаит часть собранных податей, то староста выкинет штуку с сельской казной или обществ. деньгами. Все у нас случается, и до сих пор Бог миловал, всякие пакости сходили с рук: то манифестом дело прикроется, то с обществом сладятся (мол, сочтемся как-нибудь, погодно платиться станем). И живет вор в обществе, и никто его как-нибудь не назовет, все по имени да по отчеству величают. Хорошо у нас в Демьянской волости жить!

Есть еще в волости нашей учреждение — Демьянское ссудно-сберегательное товарищество, называемое крестьянами «банкой». К несчастью, «банка» лопнула, и содержимое ее иссякло. В настоящее время члены существующего на бумаге товарищества изыскивают способы, как бы удовлетворить кредиторов и собрать долги. Но пока, кроме канители, ничего не выходит. К 1 января 1888 г. членов со-

стояло 31. Паевого капитала было 845 руб. 90 коп., вкладов — 230 руб. Далее сведений нет.

Нельзя пройти молчанием и демьянского кабака, ибо это есть тоже учреждение, играющее немалую роль в общественной жизни. Общее мнение о сем притоне, о его безобразии и дурном влиянии преувеличено; без сомнения, имеет кабак свои дурные стороны, но в настоящее время он положительно незаменим.

Кабак есть сборный пункт крестьян во многих общих делах.

Напр., сводятся покосами крестьяне по традиции у кабака, собираются на траве и судят да рядят. Артели рыбаков, охотников, барочников набираются в кабаке. А сколько заказов, подрядов заключено в питейном!

Нужно узнать про работу какую, найти человека — идти некуда, кроме кабака. В кабаке запасается демьянец нужными сведениями, в кабаке он отдыхает от тревожной домашней жизни... Кабак служит клубом для демьянцев, местом препровождения времени. В кабаке в обыкновенное время люди мало пьют, несколько завсегдатаев пьют по шкалику, но в общем люди ведут себя трезво. В праздники, конечно, пьянства больше.

Атмосфера душная, пропитанная испарениями водки и дымом махорки, пол пыльный или грязный, грязные закопелые стены, духота, крики и гам, нередко ругань и кулачная расправа — вот условия, при которых крестьянин отдыхает от дневных забот. Дома он чувствует себя еще хуже. Ворчанье жены, шум и шалости ребятишек успели надоесть и примелькаться.

Крестьянин нуждается в осмысленном, разумном отдыхе, он ищет его и мечется, ища его у соседа, в здании волостного правления или в кабаке, не находя себе удовлетворения. Клуб сельский, место отдохновения для труженика, где бы он чувствовал себя равноправным посетителем и которое бы действовало на него облагораживающим образом, доставляя отдых и пищу духу, есть дело настоятельное, необходимое.

Сельские столовые или чайные, открываемые часто вместо кабаков, могут быть первым шагом к такому учреждению. К несчастью, такие чайные или столовые возникают у нас только благодаря холере, и то временно. Дай Бог, чтобы они не прекращались и могли развиваться без эпидемий!

Человек, знакомый с народной жизнью теоретически, по книжкам, читавший много о развитии общины и общинных

листва, рассеются в разные стороны, чтобы войти в состав новых, высших организаций, или, сохраняя настоящую связь между членами, она будет приспособляться к новым условиям жизни и прогрессировать, — разбирать этот вопрос мы не будем. Обеднение массы, необеспеченность в первых необходимых потребностях при современном способе владения землей имеют своим следствием бегство крестьян в города, поиски отхожих заработков, переселенческое движение, год от году усиливающееся — все эти явления указывают на то, что «что-то в Датском королевстве неладно» и что корень зла таится глубоко — в неустройстве современной экономической жизни.

Присматриваясь к жизни крестьян, следует прийти к выводу, что выделение среди общины «справных мужиков» есть факт необходимый, вполне естественный, необходимое следствие предшествующих экономических отношений между членами общины.

В современной общине (я буду говорить только о виденных мною лично) мы видим индивидуальное, несколько ограниченное пользование землей и индивидуальное пользование орудиями труда. Остатки старинной общности в виде переделов, раздела распашей, общего пользования жнивьем после уборки хлебов и помочей — вот формы, которыми отличается общинное землевладение от индивидуального. Взгляд на землю как на общую собственность «мира» существует, хоть и проникает в жизнь желание разделить участки между семьями навсегда, «чтобы всяк знал свою часть».

Общности интересов, солидарности и братства, соединявших членов первобытной общины, теперь нет. Все это мы можем встретить между членами семейств, но и отсюда вытесняет их индивидуализм. Формы общинные еще существуют, но духа в них нет. И в первобытных общинах солидарность была стихийная, бессознательная, являлась результатом необходимости, ибо вне общины человек погибал. Солидарность и братство не мешали ему быть «зверем», грубым, эгоистичным существом, что выступает наружу и теперь. «Каждый для себя!» — вот девиз в жизни современной общины.

Первобытное равенство и обеспечение жизни давно уже стало воспоминанием старины. Но, пока потребности были развиты мало, пока их удовлетворение требовало меньше усилий и благоприятных условий, чем в настоящее время, сильной разницы в положении членов общины не было. Нужда не заставляла, как теперь, бедных жаться под крылья

справных. В Демьянске лет тому 30—40 не употребляли пил, не знали пиленых досок, а выкалывали доски из бревен клиньями и топорами. Косили траву горбушами¹. Потребности были проще. Мало потреблялось ситцу и пимов, употребляли холст, ходили в чирках (зажиточные — с красной опушкой), не знали [ни] самоваров, ни чаю, пуд муки стоил 15 коп., рабочий день оплачивался также пятиалтынными. Теперь уже не то. Ситец заменяет домашний холст, самовар и чай кирпичный заменяет полевой чай с солодкой... пуд муки ржаной стоит 1 руб., ячной — 60—70 коп., тогда как рабочий день в самое страдное время стоит 40 коп., зимой же 15 коп. С течением времени необеспеченность крестьянина растет, удовлетворять возрастающим потребностям становится труднее, и в случае какого-нибудь неблагоприятного обстоятельства в жизни семьи, а их, конечно, не оберешься (болезнь, смерть, недород, падеж скота, несоответствие между числом работников и неспособных к труду в семье), семья впадает в критическое положение. Приходится обращаться к соседу за помощью. Вначале отношения эти имеют добродушный характер взаимной помощи; сосед довольствовался за услугу такой же помощью в нужное время, дружною, благодарностью.

Следует объяснить характер личных отношений между крестьянами, которые указывают на то, что прежнее братство не воспитало в них ни внимания к чужим нуждам, ни деликатности. Человек, которому лень войти в избу за делом, кричит во всю мочь под окном, не заботясь о том, что там могут быть больные.

Десятник из волости вызывает крестьянина громким криком из дому и стучит в стену избы палкой. Спросить под окном называется — «сгаркать, среветь», опросить человека на дороге — «обреветь».

Подати в волость крестьянин никогда сам не принесет, покада за ним не придет рассыльный и, стуча в стену или в ставни палкой, громко не «срвет»: «Подать неси!» Многие, придя в волость с податью, сидят там, не заявляя, что пришли с податью; не потребуй от них сборщик подать — уйдут с деньгами домой. Взять чужую вещь или инструмент какой и испортить или потерять его и уж ни в коем случае не отнести самому — дело заурядное. «Надо, так сам придет», — рассуждает резонно крестьянин и не заботится отнести взя-

¹ Горбуша — коса, употребляемая в Сибири для кошения густых и высоких трав в кочковатых и лесистых местах. (Примеч. сост.).

тое. То же самое и с деньгами. Грубость отношений заставляет кредитора требовать, или, как здесь говорят, «просить» долг, который отдается туго, точь-в-точь как подать. Сам должник приносит долг в таком только случае, если нужно заполучить что-нибудь вперед. В общем, должник старается протянуть свою задолженность в надежде, что справный с целью получить долг даст ему работу.

При таких условиях справному соседу скоро надоедает играть в филантропию, и он, раз-другой «наказавшись», «намазавшись», делается осторожнее. Обеспечивать свои интересы какими-либо документами не в обычае (в старину здесь употреблялись бирки для записи долга; бирки расщеплялись, и половина оставалась у кредитора, другая же половина — у должника за матицей; если должник долго не уплачивал, то кредитор приходил, брал бирки из-под матицы и угрожал их сломать и ломал в случае упорства, говоря: «Да будет тебе стыдно!» — и это считалось бесчестьем должнику), и кредитор дает в долг с расчетом и выбором, пользуясь какой-нибудь «прижимкой», заставляющей должника удовлетворить его. Роль «прижимщика» чаще всего исполняет нужда.

Нужда теперь и заставляет должника оказывать кредитору услуги, которые вознаграждают его за беспокойство. Т., напр., за пользование баней для сушки и мятья льна — день жать и баню вымыть, конечно. За ссуду семян для посева — половина урожая. Ссуда денег производится под проценты по 15 коп. с рубля в месяц, кроме того — поработать в страдную пору «за благодарность». А дают деньги и на таких условиях: за Великим постом ссужаются 5 руб. до Микола — день жать. У нас правил на это нет никаких, у нас просто иной раз и без процента сосед даст денег, а иной раз бедняк рублевку пропойт справному соседу, чтобы взять у него займы два рубля — и не получит ничего — все бывает!

Услуги безвозмездные существуют в таких случаях, когда крестьянин не умеет вычислить их стоимости, и в незначительных вещах, например пользование чужой посудой, инструментами, точилом, жерновами и т. п. Невнимание к чужой собственности проявляется здесь вполне, но при взаимности таких отношений соседи себя в убытке не считают, и создает это только путаницу отношений.

В глухих, отдаленных от тракта деревнях держатся еще старинные обычаи взаимной помощи, одолжений, услуг и т. д. (напр., для покойника в деревне отпиливают на гроб

от первого попавшегося кедра, и собственник не имеет права протестовать). Но в более бойких местах, например в селе Демьянском и ближних деревнях, прежние соседские отношения стусеваются, и отношения между справными и бедными превращаются в эксплуататорские. Девиз «Каждый для себя» определяется точнее: «Твоя беда — моя корысть!»

Еще более обостряются отношения, когда на сцену является рубль, что теперь наблюдается повсеместно, когда крестьянское натуральное хозяйство превращается в денежное. Здесь целью крестьянской жизни является не накопление «потребительной ценности», а собирание «деньги», которая при благоприятных условиях становится капиталом.

Насколько мне приходилось наблюдать, между богатенькими мужичками есть дома, пользующиеся древним, коренным богатством. Дом зажиточный, хлеба запас большой, с году на год остается, деньги если есть, то «коренные», словом, дом — полная чаша. Обычай и нравы таких семей простые, отношения к «нужным»¹ более добродушные.

Другой разряд справных — это недавно «поправившиеся», благодаря какому-нибудь случаю, очень часто весьма темному и загадочному. Богатство здесь — деньги, увеличивается оно аферами, а не сельским трудом, отношения к нужным безжалостные, формальные. Деньги, документы, расписки — вот средства, которыми орудует такой кулак по отношению к бедным.

Замечательно, что ни один из здешних кулаков не пользуется репутацией честного, неподкупного человека. Многие из них выросли в бедности, терпели нужду, побирались у соседей. Неожиданно бедняк «попадает на линию», ему пофартит получить место, служить на пароходе, в городе и т. д. — заводит постройку, покупает хлеба, и только глухая молва соседей об убийстве, совершенном где-то, о деньгах, которые ловко «попали», и т. п. указывает на загадочность быстрого обогащения.

«Выносит» крестьянин деньги из «ямщины», из службы (военной) и обращает их в средство наживы; деньга родит деньгу и плодит в крестьянской массе нищету, унижение, разврат...

Три мужика ямщичали. По дороге «пристали» к одному дому. В доме оказались старик, старуха да стряпка, сын хозяйский куда-то уехал. Стряпка, кормя мужиков, уносила куда-то пищу. На вопрос приезжих, куда [она] носит пищу, ответила: «Собаке».

¹ Нужный — здесь: нуждающийся. (Примеч. сост.)

Ответ показался подозрительным; ямщики стали при-сматривать за возами и ночью в ограде застали какого-то человека, срезывающего тюки с возов. Удар гирькой по лбу — и вор убит. Ямщики упрятали труп в сугроб и вернулись в избу. Наутро старик беспокоился в ожидании сына и как-то промолвился: «Сын-то мне не дорогой, да пояс-то на нем дорогой». Тут ямщики «потыкнулись» и, улучив минуту, отырыли труп, сняли пояс с запрятанными в него деньгами.

По приезде домой мужики стали поправляться мало-мало. Муки сусеки полны, деньги водиться стали, начали и людям «подавывать». Один из них, М., брал летом муку на барках по 50—70 коп., отдавал людям по 1 руб. [с условием] отдать к Миколу.

Один нужный крестьянин брал у М. муку несколько лет сряду. В один неурожайный год он задолжал 20 руб. Кредитор вызвал должника на суд, и на суде заключили сделку: М. взял у должника за 9 руб. покос (по 3 руб. за год) на три года. В страду на покосе ставится по 12 стогов, в среднем цена стогу 3—4 руб. Остальные деньги разделены по срокам. Вскоре кредитор умирает внезапно от разрыва сердца. Осталась после него вдова — жадная, сварливая баба. Не прошло и года, как на почтенную вдовицу было сделано нападение. Два демьянских крестьянина-бобыля уговорились убить ее и уехали для этого в выселок, в котором [она] жила. Случай спас ее от смерти: она, избитая и окровавленная, была спасена приходом племянника, долго лечилась и как-то оправилась, несмотря на пролом головы. Разбойники ушли в каторгу.

Выздоровев, вдовица принялась собирать долги и стала таскать должников и в суд, и в волостное правление. Должник, опять находясь в затруднительном положении, отдавал вдове лошадь ценою не меньше 25 руб. за 11 руб. с копейками. Верительница согласилась взять лошадь и велела должнику не работать на ней. Он не работал, и лошадь весну, лето и осень проходила на пастбище. В Покров 1890 г., когда сена поставили мало и кормить зимою лошадей оказалось трудным, вдовица от лошади отказалась, затем опять взывает 11 руб. 70 коп. сполна. А сколько ругани, попреков, возни по судам! Дело тянется и еще.

В 80-х гг. в Черноморском обществе солдат О-н вышел со службы, вынес деньги и немало. Некоторые видели у него неразрезанные листы бумажек. Вскоре после возвращения его домой пришел в волость запрос, не имеет ли солдат каких денег. Общество отозвалось незнанием. В Туркестане у кассира в казначействе, в котором О-н стоял на часах,

пропали деньги. Кассир застрелился. Подозрение пало на солдата, его обыскивали, но ничего не нашли. Местная молва обвиняет солдата в преступлении, но это не мешало, однако, людям искать его знакомства и дружбы (ныне он умер). «Славной такой солдат! Простой был, Царство ему небесное! И доволен я был от него!» — прибавляет расчувствовавшийся рассказчик.

Один местный кулак живет припеваючи и, конечно, пользуется всеобщим уважением. Ранее, лет 30 тому назад, дела его были не блестящи. Другой, местный промышленник Питухин, владелец песков и богатый человек, пришел с голубушкой пьяный в гумно к П-ву и запрятал в стог свой бумажник, боясь его потерять. Несколько времени спустя хватился бумажника, искал, но не нашел нигде. П-ов же с этого времени стал «поправляться» и теперь слывет аферистом и справным хозяином и грабит безбожно остяков.

Живут у нас два брата в обществе, почтенные «дельцы». Молодость их была тяжела, жили они бедно, побирались. Старший ушел наконец на пароход и там, пройдя ступени пароходной иерархии, получил место лоцмана в 900 руб. Младший в службу ходил, вынес оттуда деньги. Живут теперь в достатке, увеличивают его торговлей рыбой и мукой, маклачат¹, продают, эксплуатируют крестьян, которые, завидя своим благодетелям, поминают охотно их горькое, тяжелое прошлое. В семье отношения тяжелы: ни любви, ни уважений, ни взаимной уступчивости. «Ндраву не препятствуй!» — вот весь сказ.

Роман Довнер, ссыльный поляк, — делец не последний. Жил долгое время бедно. Поправился при постройке дома одного купца. Грабеж остяков, сидение в кабаке и т. д. дали возможность выплыть в «люди». Зарезался наконец, запутавшись в делах. «Простой был мужик! — поминают его мужики. — Кормил мир, чего напрасно!» Его родственник по жене Федор Саламатов содержался в тюрьме по обвинению в крупной краже. Ныне торгует, считается почтенным субъектом в селе.

Не желая утомлять читателя, я прекращу перечень фактов, рисующих способы собирания у нас капиталов. Если народную молву нельзя считать безошибочным судьей и свидетелем чьей-либо жизни, то следует признать, что во всяком слухе есть доля правды, как «нет дыма без огня»;

¹ Маклачить — быть маклаком, т. е. посредником при мелких торговых сделках. (Примеч. сост.)

особенно это наблюдается в жизни крестьян, которые знают тонкости жизни друг друга. Взгляды крестьянина на богатство доказывают полнейшее его равнодушие к способу собирания достатка. И потому, поживя в деревне, присмотревшись, как наживаются здесь денежки, выносишь убеждение, что богатство наживается злодеянием, плутнею, фартом, стечением обстоятельств, но не трудом.

В крестьянской жизни видеть это легче, так как, вообще, отношения здесь не так сложны, как в высших слоях общества. Имеем ли мы право гордиться перед мужиком своею порядочностью, нравственным уровнем,— мы, потомки кулаков или княжеских смердов? И у нас девиз «Бери, что только можешь брать» царствует во всей силе, и мы братаемся и знакомимся с казнокрадами, аферистами, кукуевцами!

Многие стороны крестьянской жизни представляют зеркало, в котором высшие слои общества могут увидеть и узнать себя.

[Крестьянская семья]

Цель жизни здешнего крестьянина, как он себе ее представляет, есть накопление богатства. В семье крестьянской все вообще и каждый в частности воодушевлены одной идеей накопления, приобретения в «домашность». Интересы хозяйства, труд первенствуют в жизни семьи, все подчиняется им. Каждая семья походит на шайку заговорщиков; воодушевленных одной целью, которые работают вместе и обсуждают образ действий, нередко с целью опередить соседей или сделать им подрыв.

Семьею управляет отец, иногда мать-вдова, если сумеет удержать власть в своих руках, а то старший брат... Старший брат, глава семьи, называется «батушкой» и пользуется правами отца. Впрочем, такие семьи редки, и теперь разделы семейств представляют обычное явление.

Соответственно своему значению большак пользуется некоторым почетом; семья слушается его распоряжений, указаний. Если семья «грудная», большак принимает на себя работы более почетные, более легкие, он является уже не работником, а руководителем.

Большак заведует хозяйством и казной, которую отдает на хранение жене; она хранит ее где-нибудь за печкой, в сундуке или в другом укромном месте и выдает мужу по его требованию.

В денежных делах перед людьми муж и жена составляют два юридических лица... Муж «не знает дела» жены, жена «не знает дела» мужа. На деле происходит иное, очень часто и муж, и жена «знают» свои дела отлично. Неопытному человеку часто приходится страдать от такой двойной игры. Т., напр., жена бедняка просит у вас денег в долг, обещает отдавать молоком. Вы ей верите — даете деньги. Получите несколько крынок, и затем молока вам не носят. «Муж не велит». Если вы обратитесь к мужу, получаете ответ: «Я этого дела не знаю». Так же поступает и жена. Если муж брал деньги, то жена «не знает» и знать не хочет. Тактика «незнания» употребляется в делах постоянно. Муж и жена совещаются о каком-нибудь деле, между тем в сношениях с посторонними «знает» один муж, баба же — «наше дело женско, чего мы там знаем?». Словом, супружество вместе с семьей, которая молчаливо соглашается с действиями руководителей, находится как бы в постоянной конспирации от остального мира и эксплуатирует посторонних, особенно не принадлежащих к среде крестьянской.

Дает ли семья личности каждого члена опору и надлежащее развитие? Что касается удовлетворения материальных потребностей — да. Член семьи и участвующий в работах пользуется правом и «ест». «Робишь — так ешь» — это правило, применяющееся к жизни каждого члена семьи. Что касается до других запросов, напр., образования, то они встречают не всегда радушный прием. Т., напр., некоторые семьи без видимой нужды отымают детей из школы, помимо их желания учиться; в других семьях девушки и парни не пускаются в школу, несмотря на свое желание; девушки вообще лишены возможности учиться и должны «прискакивать» от пряслицы к читающим братьям, чтобы поучиться чтению. В одной семье 17-летний сын напрасно упрашивал отца позволить ему приготовляться в городское училище и получил отказ и немилость родителей, хотя семья по своим средствам могла оказать сыну помощь и лишиться на несколько лет работника.

Личность члена семьи не всегда уважается. Между неразделенными братьями редко находишь мир; большак пользуется своим правом старшинства, требует уважения к себе, желает, чтобы брат «слушался». Но брат слушаться не всегда хочет, особенно если он солдат, если он грамотен, если считает себя не глупее старшего.

Случается и девушке не ладить с семьей — напр., если она хочет замуж идти, а семья хочет, чтобы она «порибила

еще» — вот вам и «грех» готовый. Девушка, недовольная грубым обращением братьев и невесток, уходит и нанимается в стряпки. Я знал крестьянина, который 5 лет не ходил к сестре, вышедшей замуж, он сердился, что рано вышла, «мало робила». Иногда родители выделяются из семьи, не находя в ней уважения, и тогда суд волостной присуждает им от детей «отсыпной хлеб».

Примеров несогласий в семье слишком много. Все они указывают на то, что не все члены семьи чувствуют себя в ней хорошо. И остается им покориться своей участи и жить, пока Бог терпит, или выделяться. Последнее теперь наблюдается часто, холостые и женатые члены семьи ищут в отдельной жизни простора и независимости. Я наблюдал несколько примеров раздела семей в Демьянске, и все они доказывают как факт притеснения личности в семье, так и желание современным крестьянином личной свободы — желание, которое в старинных многочисленных семействах не выступало, да и не могло выступать при отсутствии каких бы то ни было требований к человеку, кроме «роботы». «Робишь — так ешь, чего тебе еще надо» — ответ, который не всегда нравился нынешнему члену семьи... Совместная жизнь многих людей в одной избе раньше никому не казалась тягостной, теперь же двум семьям трудно ужиться в одной избе.

Почин разделу дают бабы, как более восприимчивый элемент, но причиной раздела служит несогласие мужиков, ибо несогласие баб для них вещь маловажная. В наблюдаемых мною примерах разделов отделялись младшие братья, они жаловались на дурное обращение старших и нечестное пользование казной (прикарманивание денег). Старшим не нравилось то, что младшие «не слушаются». Один жаловался на брата-солдата за то, что все книжки читает да знает со своим товарищем по службе, а дела не знает. После раздела связь солдата с другом стала еще теснее, всякие неземледельческие работы они производили сообща. Иногда жалуются, что человек неприятный в семье — «неразговористой».

Еще пример. Живут два брата — солдат и крестьянин, неграмотный, неразвитой мужик. Жена старшего брата (крестьянина) вела себя слишком интимно с одним из демьянских «хороших». Пошли сплетни. Узнал про это солдат, самолюбивый, вспыльчивый человек, и вступился за честь дома, потребовал от старшего, чтобы тот унял свою жену и «поучил» ее. Получает ответ: «Да чего ты сердишься, тебе разве жалко ее?» Солдат решил делиться, т. к. не мог пере-

носить стыда всему дому... Домашним стоило больших усилий уговорить его остаться в семье.

Семейные разделы здесь — явление нормальное, необходимое.

Экономический вред [от раздела], расстройство хозяйства, отягощение баб дополнительной работой и т. д. выкупаются нравственной пользой, независимостью и свободой личности, и увеличивающееся число разделов доказывает, что в крестьянской жизни личность начинает заявлять свои права.

Перед Рождеством или еще раньше отец семейства, имея холостого сына «уже в поре» и чувствуя необходимость в работнице, собирает семейный совет и решает, что надо бы женить Ванюху. Назначается время свадьбы, при сем определяется сыну одна или несколько невест, к которым следует засылать сватов. Сын смотрит на приготовления довольно равнодушно. Как истый крестьянин, он сознает, что ему нужно жениться; держать работницу для ухода за скотом и т. д. — убыточно. Он знает, что мешкать нечего. О каждой из девок он имеет свое мнение, но чтобы чувствовать влечение, которое бы перевешивало его материальные расчеты, — этого нет. Поэтому он и смотрит равнодушно на приготовления к сватанью...

Настает время сватанья. В сватовья выбираются люди степенные, они идут в назначенный дом, расхваливают жениха, просят невесту замуж, и если откажут, возвращаются и после семейного совета опять идут «сговаривать» в тот же дом или пробовать счастья в другом.

Семья, которая отдает невесту, тоже руководствуется своими экономическими соображениями. Долго сидела дочь в девках или много их дома — родители не дорожатся и отдают охотно, калыму просят немного. Если дочь молода, взять ее труднее: калым высок, родители несговорчивы: «Пускай посидит еще дома-то, чего ей торопиться. Наробится еще у чужих-то».

Как в жениховой семье не церемонятся с чувствами жениха, так на симпатии невесты много внимания не обращают. Играют, конечно, свою роль твердость или мягкость характера.

Я видел один союз. Солдат состоял в любовной связи с девушкой. Жили они дружно и были верны друг другу. Приходит солдату время жениться, т. е. семья — родители и старший брат — надумала, да и жена брата жалуется, что

много работы со скотом, одной не управиться, а работницу нанимать — сам солдат видит — неудобно. Женись, и только! Рад бы солдат жениться на любезной, послал бы сватов к ней, да на ту беду отец ее уехал в ямщину, долго ждать возвращения. А семья приступает: женись или отделийся, так жить нельзя! Советовался солдат и с милой, она просит подождать еще год. А семья все пуще теснит, следят его шаги, не дают им сходиться, поговорить. Наконец-таки уломали. Покорился солдат своей участи, домашность и семья оказались сильнее. «Делайте как знаете!» Послали к невесте сватов, два дня бились — сосватались на 20 руб. калыма. Сыграли у невесты и жениха несколько вечеров, потом пошли «на день укладывать» — назначать день венчания. А там и повенчались. Стоит ли говорить про любовь этой четы — пусть себе живут да наблюдают приличье!

Покинутой девушке приличье оказалось ненужным, вскоре начала она «бегать», т. е. таскаться с парнями; и весною ей уже вымазали окна. <...> Молодая жена не будет иметь любящего мужа, точно так же сомнительно, чтобы покинутая девушка вышла замуж по любви. Связывать пары людей будет работа, заботы о домашности и т. д., но будут ли между ними любовь и дружба? Это можно представить, наблюдая крестьянскую жизнь. Ругань с утра до вечера — крепкая, постоянная, проникающая всякий самый мирный разговор в семье. Грубый вопрос, ответ тоже в форме грубого отрицания, отсутствие доброго слова, веселого, бойкого взгляда. Эта грубость так въедается в мужика, что он просто не умеет ласково говорить с женою, которая все-таки обыкновенно его величает. Я много видел крестьянских семей и мало, очень мало среди них согласных. И стороной приниженной является жена. Ее дело — управлять домашностью, обстирывать, обшивать семью. Она должна напрясть, наткать холста,шить мужу рубах, портов, рукавиц, шить шабур. Она же должна от продажи [1 сл. нрзб.] холста или произведений домашности купить мужу ситцевую рубаху к празднику, получая от мужа обувь — две пары чирков и пару бродней в год.

Муж вносит в семью силу пахаря. Он вспахивает и засеивает поле, делясь с женщиной трудом по вывозке назьма и оставляя ей заботу сжать хлеб. Уборка хлеба, молочение производятся повсеместно женщинами. Зимой труд рыболова целиком достается мужу. Женщина же принимает заботы по уходу за скотом, стряпне и т. д., которые своею разнообразностью и множеством заставляют ее уставать сильнее

мужика... На плечах женщины больше забот, и потому она скорее старится.

Довольна ли женщина своим положением в семье? У меня не хватит духу это утверждать. Из виденных мною поближе десятков двух семей 1—2 женщины, не больше, похвалятся своим положением, участь остальных действительно достойна жалости. Все эти разные Иваны Иванычи не считают своих Матрен или Акулин равными себе людьми. Это видно и по обращению в совместной жизни, по грубости и числу зуботычин, отпускаемых щедрою рукою.

Пример первый. Солдат, женившийся на молодой, симпатичной и очень доброй по характеру девушке, 6 лет не говорит с нею доброго слова, узнав, что она до замужества имела связь с другим парнем, плодом чего и явилась дочь. Грубость, попреки, злое слово, зуботычина — вот приемы обращения. Особенно не нравится ему, если жена читает или пишет.

Пример второй. Мужик избил свою жену в день свадьбы за то, что она закурила сигарку. Ревнивец бьет жену при всяком случае.

Пример третий. Жена измучена бронхитом, родами; она не лечится, так как семья не исполняет за нее ее доли в работе, она простужается, и тогда опухают лицо и ноги. Просила добрых людей научить ее, как *робят не носить*.

Пример четвертый. В той же семье жена старшего брата, благодаря своей пронырливости, плутоватости, забрала верх над мужем, обкрадывает домашность, сплетничает и ябедничает на невесток. <...>

Пример пятый. Жена покинута мужем, который ушел в другой конец села в бабье семейство и обзавелся детьми и домашностью. Не любя мужа, она выжила его капризами и брюзжанием. Живет в любовной связи.

Пример шестой. В д. Петуховой крестьянская жена повесилась: причина — несогласная жизнь.

Пример седьмой. Пожилой муж имел «на стороне» подругу, заразился от нее сифилисом и заразил жену. Сам с подругой лечился, кое-как вылечился, а несчастная жена без всякой помощи, лечить ее муж не желает. «Пусть пропадает» — вот весь сказ.

Пример восьмой. Муж принят в дом вопреки воле дочери, любившей другого. Жизнь внешне приличная, но без добрых отношений; частая ругань, изредка — нооби.

Пример девятый. Молодая жена не любит мужа-старика и уходит от него к другому. Муж требует, чтобы жена наблюдала «закон», и обращается к властям.

Пример десятый. Отец взрослых детей женился во второй раз. Жена изгнана из дому происками семьи, дитя отдано в приемыши.

Если наблюдсти жизнь семейную во всей волости, перечень несчастных супружеств составит, наверное, 3/4 их общего числа. Может ли быть счастье в супружестве, основанном на экономических расчетах? Жизнь супружеская хотя бы в нашей волости дает ответ. А Демьянская волость не есть, наверное, исключение из других местностей России.

Здесь я говорил про отношения мужа и жены. Но жена вступает в союз не только с мужем. Она вступает уже в организацию, в которой обыкновенно главенствуют родители мужа — свекор и свекровь. Почет им и уважение! И главное — замена их в хозяйстве. Свекровь, уступая невестке место у печи, тем не менее требует себе почета за свои тоже выстраданные долгие годы. Требует, чтобы невестка «спрашивалась», как жить и как быть, и всегда встречает молодуху с затаенной завистью и злобою. Завидует ее молодости и проворству, злобится на то, что она отымает любовь сына. И вот между бабами возникает постепенно вражда, в которой молодому мужу приходится играть роль посредника, — и бьет он часто жену по наущению матери, которая следит за нравственностью жены и за оказыванием почета мужу. И матери достается тоже. В войне не разбирают ни правды, ни справедливости.

Но годы проходят, жена старится и мирится со своим положением. У ней уже дети, и она воспитывает их так же, как и ее воспитывали: работа первым делом, а остальное — как Бог даст. Взрослых дочерей она выдает по своему и мужа усмотрению или оставляет дома, если нужны работницы.

Посмотрим, каково положение дочери в доме. С малых лет она привыкает к работе, с малых лет садится за прядку, моет со старшими бабами полы, ходит полоть лен и жать хлеб. Грамоте ее никто не учит; она растет веселая, довольная, ходит за коровами в лес, распевая нехитрые песни...

Совместная жизнь с взрослыми, и особенно с бабами, которые не знают воздержанности в словах и ведут беседы в присутствии детей решительно обо всем, научили девочку с 8—10 лет всем тайнам жизни. Она уже знает, что у Ганихи брюхо на нос лезет, хотя муж сослан давно, и что брюхо ей неприлично, во-первых, потому что Ганиха маленька, во-вторых, [потому] что у ней поселенец живет. Она знает, что девки бегают к парням, и еще многое другое. Она видит свободные отношения молодяжника — парней и девок, видит,

что парень не пройдет мимо девки, чтобы не пошутить с нею, не щипнуть, толкнуть, свалить на снег. И она с удовольствием принимает задевания ее мальчиками, крича во весь рот, как и старшая: «На, лешак, парня!»

Приходит пора зрелости; в ней усиливается щегольство, она не прочь пококетничать и подразниться с парнями и начинает «зариться» на какого-нибудь. Святки. Вечерки, гулянья. В случаях недостатка нет: первая связь — и девушка имеет уже своего «дружка», с которым живет, которому шьет кисеты, рубашки и пребывает в верности. Иногда девка «оконфузится» — принесет ребепка, но это случается редко. Но редкий дружок платит взаимностью, раньше или после он изменяет. Она привязывается к другому, но уже мало ее огорчает, если и тот изменит: дальше и она сама не верит любви и связывается иногда «для счета». Несколько лет такой «гульбы» развивают в ней равнодушие к мужчинам, и идет она замуж за нелюбимого, часто соглашаясь с экономическими расчетами семьи. Семья смотрит сквозь пальцы на ее свободную жизнь, мать говорит: «Сами молодыми были!», отец считает недостойным заводить разговор о пустяках, где бегают дочь, — до того ему дела нет, лишь бы на работу являлась. Одни братья относятся поостороже к сестрам и требуют, «чтобы работу робыли».

Теперь посмотрим на экономические условия жизни девушки. Она трудится, это бесспорно, день-деньской... Работы в семье: помогать матери в домашнем хозяйстве, бороться во время сева, жать хлеб, помогать в уборке его, молотить, косить, грести сено, ездить на мельницу, на неводьбу, отбывать земскую гоньбу, работать при поставке дров на пристань. На себя девушка полет лен и рвет его, приготавливает пряжу, ткет холст, которого приготавливается несколько сортов: мешечный, изгребный, пачесный, тонкой; цена мешечного 4 коп. аршин, изгребного — 8—10, пачесного и тонкого — от 12 до 18 коп. Иногда нанимается деваха ткать: 20 коп. на хозяйских харчах за выткание стены тонкого холста (12 аршин). В день 12 аршин изгребного [холста] может выткать самая искусная точья¹. Средняя точья ткет 6—7 аршин. Выткать стену изгребного холста стоит 15 коп.; стало быть, в день может девушка зарабатывать 7½ коп. Ранее, лет 10 тому назад, брали за семеричный холст (в 7 пасм шириною) по 7 коп., за одиннадцатичный холст — по 11 коп. Стирка белья на местных «господ» в Демьянске дает

¹ Точья — женщина, занимающаяся ткачеством. (Примеч. сост.)

некоторым известный заработок — берут по одной копейке со штуки, если мыло хозяйское, 2 коп., если мыло свое, и 3 коп., если требуется починка. Постоянный заработок девахи доставляет продажа на пароходе съестных припасов — ягод, молока и масла от своих коров и т. д. Деньги, вырученные от продажи общего имущества — молока, рыбы, делятся между бабами, [от продажи] яиц от куриц, составляющих частную собственность, ягод — поступают в ее доход.

Выручают девахи в лето по несколько рублей, иногда до 10 (которые побойчее). Зимой деваха по воскресеньям и в дни, свободные от молочения дома, идет молотить к соседям; цена — 15 коп. на хозяйских харчах. (Следует заметить, что лет 30—40 тому назад день молочения стоил 5 алтын на хозяйских харчах, а пуд муки стоил столько же, если не меньше. Теперь не то; пуд муки стоит 80—90 коп.— стало быть, теперь цена труда понизилась в 6 раз.)

Холста продается на 2—3 руб. в год на низу и в прелелах волости.

Иногда деваха, не находя дома определенного занятия и чувствуя себя неустойчиво в семье, уезжает в Тобольск, Березов и в низовые села в стряпки к местным «господам», т. е. крестьянам-кулакам, которым средства позволяют жить на господскую ногу. Там она получает вознаграждение 1 руб. 50 коп.— 2 руб. в месяц и обувь, т. е. пару чирков и пару ботинок в год. Девахи победнее поступают в «пострадки» к местным справным крестьянам, берут 8—10—12 руб. в год на хозяйских харчах и обувь — пару чирков и пару броден. Жизнь пострадок отличается свободой. Как своя семья, так и семья, у которой служит, не занимает ее свободного времени, что для нее важно, ибо она прядет в это время на себя. Что касается ее поведения, то за этим не смотрят вовсе. Только местные «хорошие», давая работы больше и вознаграждение выше, требуют скромного поведения.

Годичный заработок девахи достигает 15—20 руб. в год, каковую сумму она издерживает на одежду и наряды, которые дорожают с каждым годом. К счастью, кунцы и торговцы любезны, дают в долг и ждут по году, а если девка хорошенькая, то и дольше. Мода проникает и в деревню; ситцевые юбки и передники стали необходимыми каждый день; по воду девахи не идут в холстинных юбках, это считается неприличным, а наряжаются в ситцевые юбки, блузы и платья. Это есть явление стихийное, неотразимое — результат повышения уровня потребностей.

Не повышается ли параллельно этому легкость заработка?

Нет. С каждым годом становится труднее добывать копейку, и некоторым девам предстоит вопрос: как получить недостающую сумму? Искушение велико, и некоторые поддаются ему. Местные молодые люди из купчиков и т. п. пользуются этим. Отношения эти иногда окрашиваются взаимным расположением и любовью, но ...они вносят зло в крестьянскую среду, развивая корысть и разврат. Пароходы, пристающие на Демьянской пристани, также несут соблазн в лице ловеласов пассажиров, и глухая весть идет, что некоторые женщины и даже девки поддаются случаю...

В заключение я расскажу истории двух девушек, из которых одна — чужая, была у нас в Демьянске мимоходом.

Одна девушка, красивая, смелая, своенравная, любила почтового смотрителя. Он собирался жениться на ней. Но... так-таки и не собрался. Огорченная девушка пустилась во все тяжкие; красивая, она кружила головы всем, но видно было по ее отношению к людям, что она всякого презирала. Привязалась на время к одному местному «интеллигенту», но бросила и его и живет, не обращая внимания на молву людскую. Заняться тяжелым крестьянским трудом не хочет, выйти замуж за крестьянина семейные традиции не позволяют (семья жила когда-то хорошо).

Такова же история другой, мелькнувшей в Демьянске и уехавшей обратно в Тобольск... Родилась она в Таре у бедных родителей, которые рано умерли, оставив сироту на руках у деда и бабки. Положение их было тяжелое, одета она была бедно и завидовала своим подругам. Она искала работы, занятия. Нашлась одна женщина, которая обещала ей доставить место в Тобольске. Она уехала с этой женщиной в Тобольск, там нашлось место стряпки у некоего молодого человека. Девушка полюбила и привязалась к нему, но он покинул ее. Без средств к жизни, лишенная надежды и веры в будущее, она пошла шататься и менять кавалеров. От одного, пожив немного, переходила к другому; наконец, попала в экономки к старому холостяку в Демьянске, которому без стеснения наставляла рога. Наконец, рассорившись с ним, уехала обратно в Тобольск на счет одного молодого человека, отправлявшегося на военную службу.

Дальнейшую судьбу этих девушек мы узнаем, просмотрев аналогичные истории, разбросанные хотя бы, напр., в книжке В. Бутса «В трущобах Англии». Необеспеченность, недостаток образования, легкомыслие — сильно затрудняют ей самостоятельное существование, а полнейшая возмож-

ность проявить свою удаль на стезе разврата и наслаждений толкают ее на путь гибели. То, что мы видим в Англии, других государствах, в России, наблюдается и здесь, в Сибири.

[Жилища]

Жилища в Демьянской волости построены по одному типу: 4-стенная изба, соединенная сквозною холодною сенью, с такою же горницей. Поднявшись по нескольким ступенькам на крыльцо, вы вступаете в сень, из которой налево и направо идут двери в избу и в горницу; прямо дверь на заднее крыльцо, которое ведет обыкновенно во «двор», обиталище коров и мелкого скота. Под сенью часто помещаются свиньи, что наполняет дом весною специфическим запахом.

План избы и горницы одинаков. Эти помещения разделяются вдоль русскою печью и дощатою перегородкою, которые отделяют т. наз. *куть*, часть жилья, назначенную для стряпни. Обыкновенно в той или другой части дома по 5 окон — одно окно в кути против устья печи («цела»), по 2 окна с каждой стороны переднего угла.

Отсутствие полатей и лавок под стенами отличает обыкновенную горницу от избы. Пол, перегородка крашены, стены обиты обоями; кровать широкая в углу; несколько стульев, стол в переднем углу, увешанном образами, составляют убранство горницы. Следует упомянуть также о хромолитографиях Никольского рынка, украшающих стены и изображающих царское семейство, сцены из охоты и военного быта; иногда попадаются картины изд. Посредника.

Изба есть главная часть дома, жилище семьи, которая ютится в ней круглый год. Зимой в ней тепло, даже жарко; стеклянные рамы заменяются коровьими пучинами, которые лучше держат тепло. Длинная русская печь, полати с набросанной на них одеждой тянутся от печи к противоположной стене. Под полатами угол у двери занят супружеской постелью. В переднем углу под образами стол, в перегородке врезан шкаф, лавки под стенами, 1—2 табуретки, скамья под печью — вот мебелировка избы.

В кути — стол для стряпни, полки с посудой, за печью полки, спуск в подполье, где помещаются крынки хозяек, домашняя утварь, даже жернова.

Соразмерность кубического содержания воздуха в избах с количеством живущих людей — это вопрос, крестьянам

неизвестный. Живет в избе семейство, не обращая внимания, достаточно ли воздуха или нет. Т., напр., в избе, содержащей не больше 4—5 куб. сажень воздуха, зимой живет до 20 человек; во всяком случае круглый год помещаются 4 бабы с ребятами, не менее 7—8, да 2 мужика. Воздух убийственный, но народ невзыскательный: тепло им — это главное. И так везде. Спят на полу. Про «гноус» и говорить нечего — кишит он в изобилии. Плодят его и курицы, ютящиеся в шестке под печью, и люди — способствует размножению тепло, сырость, остающаяся в пазах во мху от мытья стен. Летом спасаются люди ночью во дворах, на поветях, в завознях и т. д. Моют избы каждую неделю, перед каждым праздником скоблят стены «под слой».

Чистота и опрятность не всегда здесь сопровождают зажиточность, точно так же и у некоторых бедных хижина отличается чистотой, но в общем жилища у более бедных крестьян оставляют желать многого.

У многих жилье состоит из одной избы с сениями, не всегда закрытыми от ветра. Зимой дверь такой избы, отворяясь почти на морозе, пропускает в избу клубы холодного воздуха, который стелется по полу, проходя под люлькой, висящей у кровати на березовой жерди на $\frac{3}{4}$ аршина над полом.

Пол одинарный, в одну доску, со щелями, которые служат зачастую местом испражнения для ребят, пропускает из подполья холод. В большинстве домов из-под полу дует.

Ребятишки босые, бегают по полу, дурят, шумят, маленькие ползают. Двери отворяются ежеминутно, мать носит с улицы воду и выливает в чап, стоящий в кути или у печи, входят и уходят мужики. Каждый раз в избу врываются волны морозного воздуха. Бог не всегда хранит ребят — дифтерит и горячка уносят их в могилу. Крепыши остаются, а слабенькие упокоятся в могилках, вызывая в родителях сожаление, что вот и вывожен был, и такой славный паренечек, и чрез несколько времени уже отцу-матери пособник, а теперь жди опять, опять водись, опять майся!

Старухи, если спросить их о числе приносимых ребят, передают цифры 10—11—15, иногда 20 детей, из которых оставалось в живых не более 2—3; остальных «Бог прибрал» в первые месяцы и годы жизни. Нынешние зрелые женщины дают, по-видимому, больший процент детей, переживших младенческие годы.

Так, важная для здоровья человека статья — отхожие места — устраиваются на заднем крыльце, свиньям на утеху. При суровом климате — полнейшая возможность простуды, особенно для больных.

Между зажиточными крестьянами распространяются 5-стенные дома. Это продолговатые 4-стенные дома, разделенные внутри поперечной капитальной стеной. Расположение комнат зависит от усмотрения хозяина, во всяком случае дома эти теплее 4-стенных и менее представляют опасность простуды.

Бани здесь строятся курные, бань с печами и трубами очень мало. Нерасположение свое к баням «по-белому» крестьяне объясняют [тем], что черные бани лучше нагреваются и в них удобнее мять лен.

В деревнях, удаленных от Демьянска, постройки солиднее, опрятнее; очевидно, лес строевой там близко и крестьянин имеет много свободного времени построиться порядочнее. В Демьянске постройки неопрятны.

Одежда

Материал для одежды демьянцев, приготовляемый на месте, есть холст разной доброты и «сукманина» — шерстяная ткань с льняной основой. Из этого материала готовится рабочая одежда — синяя изгребная рубаха, порты, женские юбки и рубахи, холстинные шабуры и сермяги.

Бродни и чирки шьются из кожи, выделяваемой на месте. Потребляется их по 2 пары в год, не считая неводных броден.

Привозной материал, потребляемый здесь, — ситцы и полотно разных цветов, шведская материя, казинет, сукно и т. п.

Сапоги, димы шадринского или тобольского изделия привозятся местными торговцами.

Полушубки шьются из местных овчин, шитье их и покрой ничем оригинальным не отличаются. Черные выпушки по швам отличают здешние полушубки от таковых же расшитых цветными снурками, которые носят в Юровской волости.

Праздничную одежду составляют визитки из указанных материй, блузы, брюки и сапоги. Полушубок черный или суконное пальто, меховая шапка и шерстяные исподки, обшитые холстом, довершают одеяние демьянца.

Женщины носят ситцевые юбки, блузы и носят одежды на городской манер. Старинные бабьи кафтаны и андараки встречаются только у старух. Холстинные «верхницы» — род широкой блузы, надеваемой через голову в широкий шейный прорез, тоже исчезают.

Теплою одеждой — гусьями; малицами — демьянцы запасаются на низу, где покупают гусь в 10 руб., малицу в 3 руб. средним числом. Носят также собачьи дохи, не уступающие теплотою малицам.

Пища

Если сравнить питание здешнего крестьянина с питанием крестьян некоторых местностей России, напр. на Вятке, — то придется признать, что в здешних местах питаются гораздо лучше. Обилие рыбы и мяса, достаточный запас молока дают возможность крестьянину питаться удовлетворительно, хотя есть немало жителей, которые питаются плохо.

Вот перечень предметов, употребляемых в пищу: мясо (говяжье преимущественно), рыба (чебак, налим, щука, окунь, ерш, режа — стерлядь), молоко пресное, кислое (варенец), простокваша, творог, масло коровье, сало животное, жир рыбий, масло постное, ячная и ржаная мука, просовая крупа, чай, водка, картофель, лук, репа, морковь, редька, капуста, огурцы (редкие овощи, мало их разводят), ягоды (брусника, морошка, черемуха; клюква; земляника, княжника и малина — продаются), грибы (грузди, еловики, синявки, масленники). Эти-то продукты в приготовленном или сыром виде составляют незатейливый репертуар местных кушаний.

В году постных дней бывает 150 средним числом. В это время рыба, чай и постные щи с жиром составляют обыденную пищу крестьян. Половину Великого поста и Петров пост крестьянин проводит на чаю да на постных щах с жиром, так как рыба в это время выходит и рабочее время не дает крестьянину заняться рыболовством.

Обыкновенное меню среднего крестьянского обеда составляют похлебка мясная, рыбная или постная, жареное мясо или рыба и на заедки пресное или кислое молоко. Похлебка мясная известна здесь только одна: шти из ячной крупы с мясом или рыбой, затем уха из разных сортов рыб, между ними почетное место занимает налимина. Далее идут рыбные пироги, морковные, пареничные.

Хлеб употребляется ячный, т. наз. ярушник. Употребляется также ячный с ржаным и ржаной хлеб (в пост). Мучники — ячное тесто в ржаной корке. Шаньги — творожная или картофельная лепешка в ржаной корке. Налесники — ячные хлебы, помазанные сметаной. Блины ячные. Пирожки

мясные, картофельные. Оладьи, калачики и т. п. пристрапушки. Каша ячная «завариха» — ячная отсеянная мука, заваренная кипятком — едят ее с молоком. Каша из ячной крупы, картофельная, репная, просовая (последняя — редкое лакомство). Кисели: овсяный, ржаной, ячный. Яичница употребляется в заговенье (яйца продаются).

Бедные семьи питаются, конечно, поплотше. Количество белков и жиров уменьшается, больше потребляется крахмала. В пост— чай с ячным хлебом, вареный картофель, если есть (салят его мало, и хватает до поста, редко до Пасхи), постные ячные щи, иногда с луком, иногда рыба. Вот обычный состав обеда бедняка в это время... Бобов и гороху крестьяне употребляют мало, разводят их только для лакомства.

Как видно, пища здешнего крестьянина не отличается разнообразием, а между тем одно приготовление обходится крестьянину недешево¹.

Рабочий день здешнего крестьянина начинается приблизительно в 7—8 часов утра, кончается летом с закатом солнца, зимою — глухой ночью. Рабочий день женщины дольше часа на два. Крестьяне южных округов с насмешками отзываются о здешних жителях, называя их лентяями и засонями. Крестьянин «российский», вставший до свету, на верное, согласится с этим взглядом.

Отсутствие срочной и спешной работы при малых размерах земледелия и отсутствии фабричных промыслов не заставляют крестьянина подыматься рано, и потому крестьянин спит дольше, не менее 7—8 часов в сутки, тогда как «российский» спит не более 4—6 часов. Это есть обстоятельство, благоприятное для здешних — и только. Впрочем, и здесь многие встают на работу гораздо раньше.

Труд крестьянину кажется неизбежным злом, от которого избавляют его деньги, и потому он завидует «хорошим», которые имеют много денег и долго спят и гуляют в то время, когда он работает. Это мнение не может влиять хорошо на успешность труда. Крестьянин работает медленно, лениво, зная, что «хоть докуль работай — работы не переробишь». Я не видел одушевления в работе, не видел любви к труду, я не видел, чтобы крестьянин был «зол на работу», как это подмечает Успенский. Я не видел всего этого ни в работе для домашности, так поглощающей его существование,

¹ Далее опущен расчет затрат на приготовление пищи, времени и дров в натуральном выражении и в рублях, а также цифры среднего годового потребления крестьянами основных продуктов. (Примеч. сост.)

ни в работе общественной, в т. наз. «делках» (обществ. работы по исправлению дорог — по 1 человеку с дома), когда всякий старается сработать поменьше.

Старики работают лучше, трудятся с любовью и в праздник скучают без работы, у среднего поколения любви к труду что-то не заметно. Любым замечанием можно остановить здешнего крестьянина в работе, втянуть в разговор, и тяготиться этим он не будет. В жатву, сенокос встретим различные типы: от лентяев, любящих покуривать, до трудолюбивых, работающих поистине в поте лица.

Работают и здесь. Посмотрите на парходной пристани человека, колющего кедровые чурки. Он медленно, не торопясь, ударами березовой колотушки забивает топор в чурку и наконец раскалывает ее. Сколько чурок он расколлет, сколько пота прольется на этой работе с утра до вечера!

Самоловщик долбит пешней промерзшие самоловные дыры, на морозе вытаскивает самоловы. Ветер бьет ему в лицо, знобит щеки, руки. Но самоловщик терпит и одну за другою сменяет связки и к вечеру возвращается домой, чтобы приняться за их точку. А на «чердаках»! Приходится долбить борозды во льду на 6—7 четвертей, раскалывать льдины на мелкие куски и грузить их баграми под лед... Во всяком случае труженик работает тяжелее торговца, афериста и кулака, которые называют здешний народ лентяями, желая, очевидно, чтобы работа заполняла у него не 12—15 часов, как теперь, а все двадцать.

Сравнительно с крестьянами южных округов и местностей России здешний крестьянин работает меньше. При малом развитии земледелия и промышленности этот день удовлетворяет его потребности, а бедняк — тот и до свету встает и не покладает рук, а все не везет ему на жизненном пиру, и мы не будем желать здешнему крестьянину меньше спать и не будем звать его лентяем. Придет время, надвинется сюда новая, лихорадочная жизнь, и крестьянин станет вставать пораньше и работать побольше.

Труд детей

В 1891 г. на пристани Демьянской один проезжающий пассажир обратил внимание, что крестьянин пилит дрова с 10-летней девочкой. В порыве благородного негодования он обратился к мужику с упреками в отягощении непосильным трудом девочки; он доказывал необходимость учения,

говорил, что физически истощенный ребенок не может быть здоровым, что он даст жизнь слабому поколению и т. д. и т. д. Много еще он говорил в этом роде и кончил тем, что дал девочке двугривенный. Отец в ответ объяснил, что семья у него велика, дети малы и девочка, как старшая, есть единственная его помощница, нанять работника он не в состоянии. Не знаю, что подумал помянутый пассажир, но полагаю, что он удалился в грустном раздумье. А если бы он пожил дольше, то был бы более огорчен.

Дети здесь, как, разумеется, и во всей России, с раннего возраста являются помощниками родителей в их трудах... Начиная с 6—7 лет детей сажают на лошадь при вывозке наезма, во время кладива, бороньбы. Несчастные случаи нередки, дети ушибаются, пугаются, увечатся. Но помимо всего этого маленькие работники несут свою службу, переходя из дома в дом, от соседа к соседу.

Подрастая, дети переходят к более трудным занятиям, помогают родителям в ловле самоловов, «сдевая» и складывая самоловы, участвуют в пилке и колке дров, уборке сена, жатве и т. д. Школа закрыта для большинства детей вследствие занятий: мальчики помогают отцам в промыслах, девушки — [матерям] в уходе за ребятами и домашностью.

Мальчики в возрасте 12—14 лет и более употребляют в ловле самоловов. Обязанность прогонщика — долбить дыры во льду, складывать связки самоловов на нарту. Придя в избушку, прогонщик обязан затопить чувал, развешать для протайки и просушки самоловные связки. Затем «сдевает» бабашки с самоловов, надевает на выточенные уды и складывает связки для ловли. Кроме этих специальных обязанностей на прогонщике лежат обязанности повара: принести дров в избушку, затопить чувал, сварить обед и т. п. В это время хозяин спит.

Прогонщику, работающему дома, легче, чем отъезжающему на низовья Иртыша, и дома работают дети помоложе.

Здоровье

Здоров ли здешний крестьянин, ответить довольно трудно. Из медицинских тетрадей фельдшеров видно, что преобладающие болезни — катар желудка и горячки. Мы видим также частые случаи ушибов и поранений при работе.

Кроме острых случаев встречаем массу длительных болезней. За четырехлетнее пребывание между крестьянами

здоровых я видел мало, их можно найти только между молодежью. Крестьяне постарше каждый почти страдает то бронхитом, то одышкой, то грыжей, то хроническим катаром желудка и т. д. и т. д. Немало детей с прирожденной грыжей. Женщины страдают хроническими болезнями дыхательных органов, женскими болезнями и невралгией, которой подвергаются, выбегая из теплой избы в холодные сени.

В общем, приходишь к заключению, что суровый климат, негигиеничное жилище, неправильное питание, тяжелый труд подтачивают организм крестьянина и делают его в 30—40 лет хронически больным.

Времяпровождение

Досужее время у крестьян — годовые праздники, святки и масленица. В летние праздники молодежь обоего пола собирается на берегу Иртыша, в престольные праздники — в Демьянске и проводит время в хороводах, играх и веселой беседе. Играют в городки и бабки мальчики и взрослые крестьяне.

Девки и парни составляют круг и ходят, распевая песни, поют хоть и нескладно, зато весело. Песни по складу и словам не местные, не отличаются ни оригинальностью мысли, ни чувством.

Оригинален обычай во время хоровода «идти разлукой». Парень, желая вызвать девушку из круга, касается картузом ее головы, и она, немного погодя, уходит. Идут они куда-нибудь в поле, недалеко от круга, и гуляют, оживленно беседуя. Так происходит объяснение в любви, сообщение друг другу секретов, а то и просто «сговаривание» к связи любовной, что практикуется широко при полной свободе отношений между полами.

Характеристической забавой на таких гуляниях бывает борьба, особенно в Троицын день, когда в Демьянск собираются толпы народа со всех окрестных деревень и из соседних волостей — Юровской и Филинской. Образуется большой круг, на который выходят бойцы — борются, держась за опояски, обвязанные вокруг туловища. Требуется устойчивость и крепость в ногах. Сваливается противник ударом ноги по икре и усилиями рук.

Игрища в разное время приурочиваются к разным местностям: в Петров день гуляют в селе Романовом Филинской волости, в Прокопьев день — в селе Юровом, в Ильин — в деревне Рачевой. На праздники съезжаются отовсюду,

и жители приглашают гостей и угощают их, будь он родственник, знакомец или нет.

За последнее время игрища делаются все менее оживленными.

Экономические ли затруднения народа, развитие ли индивидуализма или то и другое вместе тому причиной?

Самый веселый праздник для крестьян — святки. Промысла кончаются, добыча продается — стало быть, и время досужее и средства позволяют. Приезжают паровозики — народ щеголеватый, любящий повеселиться. Подходит пора набора солдат. И вот с ноября начинаются вечерки. Собираются где-нибудь у вдовы-солдатки. Кортомится изба за 75 коп., сумму эту парни раскладывают между собою, покупают свечи и собирают девушек.

На вечерке по лавкам рассаживаются парни, девушки садятся на колени. Идут пляски и песни, под аккомпанемент которых парень с девахой ходит посередине избы. Каждая песня кончается поцелуем, после чего пара расходится, девушка или парень уходит, а остающийся выбирает себе из сидящих другую пару. Иногда играют в «суседки». Эта игра состоит в том, что выбранный сват, или «палач» со жгутом, спрашивает сидящих парней, доволен ли девкой, не желает ли перемены. Парень отвечает, что доволен или вызывает другую девку — перебегающих палач бьет жгутом.

Иногда на вечерку врываются ряженые («машкарованные», как их называют) в разнообразных костюмах, берестяных масках или завешанные платками и пляшут; раскрывать маски считается неприличным.

От рекрутских или паровозских вечеров отличаются вечерки свадебные. На вечерку к невесте или жениху идут девки с пряслицами и прядут, напевая песни. Набираются постепенно парни, пряслица кладутся под лавки, и вечерка разыгрывается на славу, в то время как в кути сидят невеста с подружками и пьют приданое. Масленицу встречают сначала в Черноярской деревне, затем в Рачевой и, наконец, в Демьянске. Катюшка, собиравшая веселую толпу, пустеет; взамен того по улицам устраивается катание на санях, и катающиеся соперничают друг с другом в убранстве саней и лошадей. Водка усиливает радостное настроение мужичков, которое продолжается еще день — Воскресение — «цоловник», когда ходят «прощаться в грехах» из дома в дом. Вечером, «напрощавшись» вдоволь, возвращается мужичок домой, где его ожидают уже редька с квасом и картофель с жиром. Назавтра — похмелье и пост...

Как я уже раньше заметил, местные песни ничего оригинального не представляют, упоминания в них о Саратове, Москве и т. д. указывают на их неместное происхождение.

Представляют ли что-нибудь оригинальное и малоизвестное местные пословицы, суеверия и предрассудки, я не берусь судить, будучи мало знаком с этим предметом, и ограничусь их перечнем.

Пословицы и поговорки

Глазам стыдно, так душе не обидно.

Сзади хомута не надевают.

Земле навоз, коню овес, барину кто бы поднес.

Наруби воз голов — привези воз рублев.

Добыл утку, потерял лодку.

Гол, как швед.

Кабы не клин да не мох, так бы плотник подох.

Черныш-огарыш, куда ползешь? — Молчи, верчена дыра, и тебе то же будет!

Обычай, суеверия, предрассудки

В Радуницу кладут на стол яйца, блины, творог в чашке и ложки тут же, закрывают все это скатертью. Это ставится как угощение духов родственников, которые приходят в родной дом.

В Крещенский сочельник в амбаре на сусеках с мукой кладут посередине крестики, испеченные из хлеба.

Интересно заклинание судей и начальников: «Господь Иисус Христос, идет раба Божия Анисья на суд праведный, впереди ее сам Иисус Христос, нозади ее Пресвятая Мать Богородица несет тридевять замков и тридевять ключей, замыкает зубы и губы начальникам, чтобы они зуб и губ не разводили на рабу Божию Анисью. Аминь тебе, Господи.— Я твой волк, ты мой козел, отойди от меня, а то съем я тебя».

Это заклинание я взял из рукописи, найденной мною у одного крестьянина. Оно напоминает одно из приведенных у Успенского.

Накануне Крещения пекутся сочни круглые с отверстием в середине — так называемый *зворост*, употребляемый для гадания. Гадающие выходят вечером на улицу и бегут, зажав

глаза хворостом и смотря вперед через отверстия. Суженый или суженая будут походить на попавшегося парня или девку, с которыми хворост переламывается и съедается.

На Купальницу рвут папоротник и кладут в кровать. Старинный обычай.

Когда деваха выткет первые красна, устраивают ей купание — обливают водой.

Крестьяне верят в домового «суседко». «Суседко» иногда проказит. В одном доме захворала курица. Виноватым оказался суседко. Привязали под крыло лапку куропатки и кропили святой водой.

Крестьянин верит в «вещиц», «труболеток», что они влезают в трубу, вынимают плод у беременных женщин, проделывают то же над коровами и т. д.

Существует вера во «вражних» мужиков и баб. К вражним бабам летает «змей». Очевидно, так народ представляет себе полет аэролитов¹, которые описывают на небе дуги и теряются в просторстве. Мужик, стоя на улице, видит, что блестящая, искрящаяся звезда или шар западает где-то за крышу. Объяснение факта готово: к тетке Марье змей летает. Змей рождается так: иногда петух сносит яйцо. Петушиное яйцо женщина должна парить у себя под мышкой. Через две недели рождается «змей» в виде красивого мальчика и затем начинает летать к женщине по четвергам и носить ей деньги и подарки.

В борьбу с вражней силой вступают так называемые «знахари» — они грамотны, читают псалмы, знают молитвы Архангелу Михаилу, разные заговоры и т. д. Особенно важна их роль на свадьбах, где они в звании дружек отгоняют всякую нечисть, которая зарится на счастье молодых. Перед отъездом к венцу дружка прилепляет к сбруе лошадей кусочки священного воска с соответствующими молитвами, он провожает их в церковь и затем из церкви домой. На свадьбе он правит порядок, держа плетку в руке, чтобы устрашить нечистую силу. Он видит насквозь человека, который приходит с целью испортить² свадьбу, и заставляет его грызть угол избы, держа в подоле конский помет. Когда молодые идут на подклед, дружка молится, и наговаривает, и встречает затем молодых. За свои труды дружка получает 3 руб. и более, и поят его вдоволь.

¹ Аэролит — метеорит. (Примеч. сост.)

² Если «подклед» проходит неблагополучно, т. е. соитие новоженое не наступает или если явятся какие-нибудь осложнения, что вполне возможно при нервном потрясении, — кто-то их «испортил».

Знахари занимаются и лечением, лечат людей и скот. Людей лечат редечным соком с наговорами, и помогает. Скоту помогает меньше.

Лекарства от лихорадки.

Привязывают на шею летучую мышь, завязанную в тряпке, или нитку, выдернутую из покрывала покойника. В обоих случаях больной не должен знать, что ему завязано. Пугают больного. Знахарь кидается на него с плеткой и с криком. Лихорадка приходит к больному в образе женщины. Чтобы ослабить действие применяемых знахарем средств, она хитрится: приходит то раньше времени, то позже.

Над веком у человека бьется «живая руда»; дотронуться пальцем — сейчас умрешь.

Могильная кость лечится тем, что больной, идя в церковь, к обедне, должен шоркать косточку о дугу стоящей у церковной ограды лошади.

Для предотвращения эпидемии следует добывать *новый огонь*. Заливают в печи загнилку, выгребают золу и выбрасывают. Добывают огонь трением двух кусков дерева, и этим огнем затапливают печь.

Приметы

1. Пустую колыбель нельзя качать, ребенок будет неугомонный.
2. Кто скоро выдувает огонь, у того жена (муж) послухмянна (послухмянен).
3. Вечером сметья¹ на улицу выносить нельзя.
4. Деваха, которая зашивает платье на себе, не снимая его, зашивает себе память.
5. Крестьяне верят в незачинные дни. В каждом доме есть список незачинных дней. На какой день недели выпадает Благовещение, тот становится незачинным.
6. Во время Крещенского водосвятия смотрят, в которой стороне небо ясно. Где ясно, там урожай, где пасмурно — неурожай.
7. Когда из дому кто-нибудь отправляется в дорогу, ничего никому не дают и не одалживают. Точно так же и по годовым праздникам «деньги спят».
8. На ночь нельзя оставлять светца стоящим — непременно нужно положить под лавку.

¹ Вероятно, сору. (Примеч. сост.)

9. Чтобы корова с пастбища охотно шла домой, в Великий Четверг вызывают каждую по кличке в трубу.

10. Молоко нести по улице в открытом сосуде нельзя: всякие люди ходят, могут его испортить.

Указанные выше приметы свидетельствуют о сильном еще влиянии старинных языческих понятий. Исследователь-специалист нашел бы здесь гораздо больше любопытных верований. Я же привожу только мельком попадавшие в мои заметки. Должен признать, что суеверия в настоящее время сильно подрываются развитием грамотности, и знахари неоднократно подвергались насмешкам и глумлению. Тем не менее знахарь будет существовать, пока его не вытеснит хороший фельдшер, и будет он орудовать на свадьбах, пока будет держаться обычай «подкледа» — соития новоженков после обеда, возлияний и нервного потрясения, вызванного венчанием и последующими церемониями.

Интеллигенту, живущему в здешней местности, предстоит много усилий в борьбе с невежеством и предрассудками, но ему помогут в этом более развитые крестьяне, которых можно найти и в этих закоулках.

Говор демьянца

Демьянец внятно произносит «о», это оканье весьма характерно. Очень часто гласные смягчаются. Например: демьянскойой, польскойой (т. е. дикий, живущий в поле), чайкю, молочкя и т. д.

В некоторых словах «е» переходит в «я» (хлябать) или в «я»: исть (вместо «есть»), ричкя (вместо «речка») и т. д. Иногда согласная «в» переходит в «м»: сламноу (вместо «славный»).

В глаголах первого спряжения гласная «е» выпадает: он знат, ты делашь, мы читам.

В прилагательных окончание *-ий*, *-ый* заменяется окончанием *-ой*: доброй, красной, желторотой.

Ругаясь, здешний крестьянин чаще всего поминает «лешака»: «На лешак! Задави лешак! Карауль ты лешак!» Другие ругательства: «На пятнай! На язви! На якори! На жаби ты да и разжаби! На карнай! На стреляй ты! Чтобы те выпали камни-те! (глаза).

Считаю нелишним выписать здесь слова, определяющие местность.

Бор, *боровое место* — возвышенность, покрытая сосновым лесом; *сосновый лес*.

Урман — глухой, дремучий лес, преимущественно кедровый.

Лес также называется *вотчиной*.

Согра — кочковатое болото, поросшее низким сосняком или кустарником (в Пелыме Туринского округа — *сарча*).

Щетка — кочковатое мокрое место, поросшее травой.

Грива — возвышенное место, поросшее лиственным лесом.

Увал — возвышенное место над равниной.

Яр — берег реки.

Гора — возвышенный правый берег Иртыша.

Мыс — выдающаяся высокая часть берега.

Сор — озеро, соединяющееся с рекою, или широкий разлив реки. Соответствует слову «туман» в Пелымском крае.

Курья — то же, что «урай» в Пелымском крае. Означает озеро или залив реки, соединенный с рекой узким каналом. В водополье курья наполняется водой и соединяется с рекою; летом вода сбывает, канал пересыхает и является озеро, лежащее в стороне реки.

Лайда — отмель, залитая мелко водой под высоким берегом.

Полой — узкий залив реки между мелями или косами.

Льва — маленькое озеро.

Вискирь — комель дерева с корнями.

Наст (у пелымцев — *чарым*) — обледенелая поверхность снега, образующаяся к весне от таяния снега днем и замерзания ночью.

И. Я. Неклепаев

Иван Иоакимович (Якимович) Неклепаев (27.05.1865, Смоленск — 1930), сын священника, окончил Смоленскую духовную семинарию, организатор кружка учащихся, где основное внимание уделяли саморазвитию; заведовал библиотекой, доставал революционную нелегальную литературу. Занятия посещало 25 человек, издавали рукописную газету «Писарев», вышло 5 номеров. С 1882 г. И. Неклепаев подчинен негласному надзору. В 1884 г. его фамилию находят в списках известного революционера Г. А. Лопатина.

Административно по высочайшему (царскому) повелению выслан в Сибирь. Ссылку с 29 августа 1885 г. отбывал в Кондинске, затем в Сургуте. Неоднократные прошения Неклепаева о переводе в другой город оставались без последствий. Вед обширную переписку с ссыльными Архангельской губ., Сибири и Казахстана. В списках политических ссыльных, имевшихся в Париже у идеолога революционных народников П. Л. Лаврова, имя Неклепаева встречается несколько раз. В 1888 г. подвергся обыску в связи с его письмами, обнаруженными в Архангельске. Доставал паспорта двум удачно бежавшим из Сургута ссыльным. В январе 1890 г. ссылка продлена на год, в мае переведен в Барнаул.

После ссылки И. Я. Неклепаев жил в Перми, служил в управлении железной дорогой, сотрудничал в экономическом обществе. В 1893 г. примкнул к революционной организации «Народное право», за что в 1896 г. выслан на 5 лет в Усть-Сысольский уезд Вологодской губ. В ссылке составил «Систематический сборник постановлений Усть-Сысольского Вологодской губернии уездного земского собрания за 30 лет. 1869—1898» (Вологда, 1899). Работа отличалась четкостью построения, удобством расположения материала, высокой точностью.

В октябре 1901 г. уехал за границу, где получил агрономическое образование. В начале XX в. служил агрономом в Вологодской губ. Активно сотрудничал во многих газетах. Псевдоним «Z».

Наиболее известна работа Неклепаева «Поверья и обычаи Сургутского края» // Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. — Омск, 1903. — Т. 30.

В газете «Сибирский Листок» в 1893 г. опубликована статья Неклепаева «Самоедская ярмарка в Сургуте», на основании которой «Тобольские губернские ведомости» писали о типичности торговых отношений финно-угорского населения Сибири.

Об И. Я. Неклепаеве см.: Будаев Д. И. Деятельность революционных народников в Смоленской губернии в 70-х — 80-х годах XIX века // Материалы по изучению Смоленской области. — Смоленск, 1963. — Вып. V. — С. 165—185.

Рощевская Л. П. Сельские и коми краеведение // Родники Пармы 93. — Сыктывкар, 1993. — С. 167.

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА В СУРГУТСКОМ КРАЕ

I

Было время, когда и наука, и культурное общество смотрели на народную медицину с величайшим пренебрежением, считая ее плодом дикого невежества и темноты народных масс, сбродом всевозможных нелепостей и суеверий. Но теперь этот взгляд уже отжил свое время, и я едва ли ошибусь, если скажу, что установление правильной точки зрения на народную медицину у нас в России следует приписать земским врачам, которые, можно сказать, первые столкнулись на практике с народной медициной и первые же вступили с ней в борьбу. Но эта борьба в то же время заставила земских врачей ближе присмотреться к тем способам и приемам лечения, какие практикует народ с незапамятных времен для врачевания своих болезней. И вот, если на первых порах со стороны земских врачей высказывалось отрицательное отношение к народной медицине и даже нередко возбуждался вопрос о борьбе с ней путем полицейских мер, то впоследствии эти отношения стали совершенно иными.

Более близкое знакомство с народной жизнью изменило взгляд и на народную медицину. На съезде земских врачей Саратовской губернии в 1887 г. уже поднимается вопрос о том, нельзя ли утилизировать народную медицину в интересах населения и нельзя ли «овладеть доверием народных

лекарей и лекарок, которые часто, отличаясь полной добросовестностью и осторожностью, приносят населению (сплошь и рядом совершенно бескорыстно) значительную долю пользы, подавая ему первоначальное врачебное пособие и снабжая его некоторыми гигиеническими и диететическими сведениями»

Это стремление утилизировать народную медицину тем более имеет оснований, что, как заявили составители программы вопросов, подлежавших обсуждению на вышеназванном съезде, «наличный медицинский персонал в состоянии оказывать пособие не более как одной пятой части населения». И это в Саратовской губернии, где, как известно, медицинское дело поставлено лучше всех прочих отраслей земского хозяйства. А что же делается в неземских губерниях?

В защиту народной медицины за земскими врачами возвысили свой голос и представители науки. Вероятно, многим еще памятна речь проф. Рейна о русском народном акушерстве, произнесенная на III съезде врачей в 1889 г. Указав на то, что 90% родов в России составляют удел народного акушерства и что вопрос о народном акушерстве должен быть отнесен к числу крупных вопросов, достойных подвергнуться коллективному обсуждению врачебного сословия, проф. Рейн, между прочим, высказал:

«Помимо своего значения государственного, помимо глубокого интереса для каждого образованного человека, изучение народного акушерства, по моему убеждению, может остаться не без пользы и для дальнейшей разработки некоторых вопросов научного акушерства. Особенно это отпосится к физиологической части акушерства. Здесь веками накапливались наблюдения народа над процессами, повторяющимися почти ежедневно; притом наблюдения эти производились при обстановке, отличной от той, в которой собираются данные, служащие основой для научного акушерства. Таким путем создалось бы, да позволено будет мне это сравнение, как бы акушерство экспериментальное, акушерство сравнительное, столь же важное для научного акушерства, как и сравнительная анатомия и сравнительная физиология — для анатомии и физиологии человека»².

Таким образом, в настоящее время накопилась уже масса фактов, указывающих, что среди употребляемых народом

¹ «Народная медицина» В. Бирюковича.— Русская мысль, 1893.— С. 70.

² Там же, см. с. 70—71.

средств и приемов лечения не все так вздорно и нелепо, как казалось это раньше, и в научную терапию вошло множество чисто народных средств, особенно так называемых лекарственных трав; которые с успехом применяют и ученые врачи. При этом, между прочим, оказалось, что многое из того, что считается как бы последним словом медицинской науки, как, напр., массаж, гидротерапия, гипноз (внушение), уже давно предвосхищено народом и практикуется народными врачами.

Но это одна сторона дела. Если, действительно, народная медицина представляет плод векового опыта в сфере лечения болезней, и если среди этих веками выработывавшихся и веками практикующихся приемов и средств нередко встречаются и такие, которыми может воспользоваться научная медицина, то, с другой стороны, не нужно забывать и то, что народная медицина сохранила в себе многие остатки первобытного миросозерцания, того миросозерцания, которое населяло всю природу различными духами, беспрестанно вмешивающимися в человеческую жизнь и даже принимающими в экстренных случаях тот или другой видимый образ. Для иллюстрации мне достаточно указать на тот общеизвестный факт, что все так называемые злые болезни, вроде, напр., холеры или, как мы увидим ниже, лихорадки, народ обыкновенно олицетворяет в образе различных человекоподобных существ и даже создает о них целые легенды. И то, что можно наблюдать в этом роде среди каких-нибудь дикарей Австралии, существует и у нас в России. «Даяки, — говорит Спенсер, — которые, подобно австралийцам, приписывают всякую болезнь духам, подобно австралийцам же олицетворяют все болезни. Спрашивая о том, прошла ли у вас оспа, они никогда не назовут ее по имени, а скажут оставил ли он вас?»

Иной раз они называют ее «вождь»¹. Это говорит Спенсер о даяках, живущих на острове Борнео. А вот что происходит у нас в Олонецкой губернии. «Среди жителей Обонежья (Олонец, губ.), — пишет один наблюдатель, — оспа считается самой почетной и уважаемой гостей, вследствие чего злые ее проявления стараются всевозможными способами умиловить; в разговоре оспу иначе не называют, как «оспа-матушка» или «оспа-Ивановна», причем обыкновенно прибавляется: «прости нас грешных». Как только кто-нибудь в деревне заболит оспой с явными ее признаками,

¹ «Основание социологии», изд. Н. А. Рубакина. — 1898 г. — С. 144.

с которыми уже все крестьянское население хорошо знакомо, соседи немедленно собирают своих детей, одевают их в праздничные платья и ведут к оспенному больному приветствовать «оспу-Иванову». Приветствие это выражается в трехкратном поцелуе больного, и в нем нередко принимают участие дети крестьян ближайшей округи, которых для этой цели приводят иногда за 10—15 верст. Все время, пока оспенный больной в доме, 4—6 недель, обычаем строго-настрога возбраняется всем членам семьи переменять одежду, мести и мыть избу (кроме сеней), а также произносить бранные слова; при нечаянно произнесенном слове означенного характера все члены семьи, нередко десятки раз в день, подходят к больному и просят у него прощения, кланяясь и произнося: «оспа-матушка» или «оспа-Ивановна», «прости нас многогрешных».

Если болезнь, как говорят крестьяне, «не унимается», а начинает переходить из дома в дом, что, конечно, и бывает при таких условиях, то те крестьяне, у которых оспенных больных нет, отправляются со своими детьми на поклонение к «оспе-Ивановне» с приношениями. В каждом таком доме заготавливается «триденять» маленьких пирогов из ржапой или пшеничной муки и приносятся с поклонами и приветствиями в дар оспе: пироги раскладываются на столе около больного или на его постели, и ими угощаются все посетители больного»¹...

Это первобытное миросозерцание, не заглушенное в массе и поныне, составляет тот фон, на котором, в числе прочих явлений, напр. народной агрономии или народной метеорологии, развилась и народная медицина. Отсюда становится понятным, между прочим, и то обстоятельство, которое так часто ставят в вину народной медицине, что хотя среди различных целебных народных средств и встречаются некоторые, заслуживающие внимания с точки зрения научной медицины, но в общем все-таки эти последние тонут в массе несомненных нелепостей и суеверий.

Присматриваясь к народным способам лечения, нельзя не заметить, что в громаднейшем большинстве случаев вместе с физически целебными средствами здесь действуют и известные психические факторы в виде тех или других психических влияний, вызванных самой обстановкой народного лечения. А эта обстановка, как известно, обыкновенно бывает построена на

¹ «Русские Ведомости» — 1891. — № 67. — Корреспонденция из Обонежья.

целом ряде различных суеверий, представляющих из себя не что иное, как обломки первобытных наивных верований. И, может быть, терапевтическое значение громадного большинства народных средств заключается не столько в действительной, так сказать, физической полезности их, сколько в этих психических влияниях, связанных с применением указанных средств и с известной обстановкой лечения. В этом, быть может, и кроется чудодейственная сила народной медицины, ибо иначе трудно объяснить, каким образом совершенно нелепые или даже явно вредные средства могли удержаться в народной практике; удержались же они потому, что вся сила лечения в данном случае была не в них, а в той вере в чудесное, в том первобытном мирозерцании, которое представляет особенно благоприятную почву для всевозможных психических влияний. А роль этих психических влияний в терапии, хотя и недостаточно еще разработанная в науке, как известно, громадна. Ниже мы увидим любопытный образчик терапевтического значения известной обстановки лечения, основанной на целом ряде самых диких и нелепых суеверий.

Таким образом, народная медицина представляет громадный интерес как с точки зрения чисто медицинской, так и с точки зрения этнологической.

Но несмотря на всю свою важность, эта отрасль медицины изучена в России крайне слабо, чтобы не сказать более. Впрочем, это всегда бывает с изучением тех сторон жизни, которые стоят на рубеже двух различных областей знания, в данном случае — медицины и этнологии. Медики, быть может, не берутся за нее, считая ее делом этнологов, а этнологи, в свою очередь, ждут ее разработки от медиков, и в результате получается то, что о русской народной медицине нет ни одного сколько-нибудь обстоятельного исследования ни с точки зрения медицинской, ни с точки зрения этнологической. В «Библиографическом указателе» по медицинской литературе, составленном Д. Н. Жбанковым и приложенном к известному «Земско-Медицинскому Сборнику», изданному IV съездом врачей в память Пирогова в 1890 г., по народной медицине указано не более 40 названий, причем все это небольшие статьи и заметки в разных медицинских журналах и газетах. И это на протяжении более чем 30 лет (1858—1890). Не большее внимание посвящено этому предмету и в специальной этнографической литературе, если, впрочем, не считать массы мелких заметок в губернских ведомостях и в провинциальной прессе. Не обладая

специально медицинскими познаниями, в нижеследующем очерке я представляю лишь этнографический материал по народной медицине одной местности, которую мне приходилось наблюдать, предоставляя медицинскую обработку этого материала лицам, более меня компетентным.

II

Местность, о которой я собираюсь говорить, это — Сургутский округ Тобольской губернии, расположенный по среднему течению реки Оби и ее притоков, на границе Тобольской и Томской губерний. Преобладающее по численности население этого края, вообще крайне малолюдного и пустынного, — оседлые остяки, живущие в юртах, разбросанных по берегам Оби и по некоторым наиболее крупным ее притокам. Русское же население, весьма здесь немногочисленное, сосредоточивается лишь в окружном городе Сургуте и в немногих, 6—7, чисто русских поселениях. Главным занятием жителей края, как русских, так и инородцев, являются рыбные и лесные промыслы. Хлебопашеством здесь не занимаются, оно прекращается верст за 500 от Сургута, приблизительно на середине пути, если ехать из Тобольска по Иртышу вниз, между Тобольском и с. Самаровским. Но в последнее время, с развитием по Оби пароходства, все эти промыслы отступают на задний план перед тем заработком, какой дают населению города и деревень, куда пристают пароходы, — доставкой пароходских дров, в громадном количестве поглощаемых обскими пароходами и заготавливаемых обыкновенно зимой. Кроме того, для жителей русских деревень и более состоятельных горожан некоторый заработок дает и извоз.

Хотя мои наблюдения относятся, главным образом, к городу Сургуту (*и исключительно к русскому населению края*), но Сургут, населенный казаками, теперь обращенными в мещан и крестьян, с очень небольшим пришлым элементом в виде администрации и невольных обитателей, в сущности, ничем, кроме присутствия здесь окружного начальства, не отличается от других русских поселений округа. Городовое поселение в Сургуте еще не введено, и хотя он считается уездным городом, но это скорее небольшое село, где есть полицейское управление, почтовая контора, небольшая воинская команда и три изнывающих от скуки жандарма. Вот и все городские атрибуты Сургута. Здесь нет ни

казначейства, ни суда, ни даже тюрьмы. И вообще, таких городов, как Сургут, вероятно, очень немного в России.

Невелики преимущества Сургута и в культурном отношении перед округом. В начале 1890-х гг., к каковому времени относятся мои наблюдения, на весь город с 2000-м населением было только две школы, это — приходское училище для мальчиков и небольшая школа грамотности для девочек, конечно далеко не вмещающие в себя всех желающих учиться детей. В это же время появилась первая и единственная школа в уезде — в одной из ближайших к Сургуту русских деревень. Этим и ограничились здесь все меры к развитию народного образования. Но нужно заметить, что эти три школы — продукт самых последних лет, а раньше, до конца 1870-х гг., когда здесь появилось приходское училище, ни в городе, ни в уезде не было ни одной школы.

В таком же неудовлетворительном состоянии, впрочем, как и повсюду в Сибири, находится здесь и медицинская помощь. Будет даже правильнее сказать, что русское население края почти совсем лишено медицинской помощи, так как имеющаяся в городе и единственная на весь уезд больница приказа общественного призрения на 12 или 16 коек предназначена исключительно для инородцев (главным образом для лечения остяков от сифилиса). А обставлена эта больница столь жалким образом, что сплошь и рядом здесь нельзя было достать (в городе, конечно, нет аптеки, и лекарства продаются при больнице) самых элементарных медикаментов, вроде, напр., хины или салицилового натра. Я не говорю уже о хирургических инструментах, о самой обстановке больничного лечения. Все это имеет воистину анекдотический характер.

До 1888 г. на весь город и округ был один только врач, и когда он уезжал по округу, а в округе есть селения, отстоящие от Сургута на 1000 и более верст, не говоря уже про сургутские пути сообщения, при которых и на поездку в 20 верст можно ухлопать несколько дней, — то все городское население на несколько месяцев оставалось совершенно без всякой медицинской помощи на попечении одного фельдшера (из двух состоящих при враче фельдшеров одного он брал с собою в уезд). Но если фельдшера и в России представляют элемент крайне сомнительный, то о сургутских и говорить нечего. Огромное большинство их, по крайней мере при мне (1885—1891 гг.), кажется, ровно ничего не знает, кроме как ставить клистиры и «пускать» кровь. В уезде,

впрочем, не было даже и фельдшеров. Единственными представителями медицинской помощи в уезде, в двух или трех селах были оспопрививатели,— невежественные, даже прямо неграмотные и вообще ниже всякого описания. Это почти полное отсутствие до недавнего времени каких бы то ни было средств к образованию, с одной стороны, и жалкое состояние медицинской части, с другой, на общем фоне дикости и захолустности края, создают, конечно, прекрасную почву для того, чтобы народная медицина расцвела здесь самым пышным цветом.

III

Сделаться знахарем (или лекарем), по мнению сургутян, вовсе не хитро. Стоит только взять «Васильевский огарок»¹ и, отправившись с ним ночью на Иванов день (23 июня) в лес, забраться в самую чащу, где больше всяких разных трав, и, очертивши этим огарком широкий круг, засесть в него и дожидаться полуночи... А что будет в полночь, об этом сургутяне рассказывают так: «В полночь заговорят травы, и всякая трава начнет сказывать своим голосом, от какой она болезни лечит. Та скажет: я лечу от хрипоты, другая: а я от ломоты... И пойдут промеж них разговоры, всякая трава начнет как бы хвастаться, а ты только сиди, да слушай, да запоминай. А потом, расчертившись (огарком в обратном направлении тому, как очерчен был круг), нарви себе этих трав, и будешь большим знахарем, будешь доподлинно знать, от какой болезни какая трава помогает... Но только,— прибавляют рассказчики,— для этого большая сметливость нужна... Жутко в лесу сидеть одному до полуночи, а как заговорит всякая трава по-своему и начнут на них прыгать огоньки — на всякой траве свой огонек: то зеленый, то синий, то красный,— такой страх нападет, что не выдержишь, только успеешь расчертиться и убежишь...»

Так рассказывают сургутяне об ужасах Ивановской ночи, и в эту ночь, действительно, боятся ходить в лес,

¹ Этот огарок готовится вечером накануне Нового года, почему и называется «Васильевским». (Васильевский вечер — вечер разного года гаданий.— *Сост.*) Первый огонь в этот вечер добывают на лучинку; слезу зажигают уже после того, как лучина загорит. Полученный таким образом огарок, по мнению сургутян, обладает таинственной силой отгонять нечистого духа, почему и употребляется при некоторых наиболее странных гаданиях и вообще во всех тех случаях, когда дело сопряжено с риском заплатить собственную жизнь.

а лекарственные травы предпочитают собирать днем, но непременно накануне Ивана Купала. Этим делом обыкновенно занимаются старухи лекарки, которые и лечат потом безвозмездно или за самое скромное вознаграждение — «чем поблагодарят» — всех обращающихся за их помощью больных. К врачу или фельдшеру сургутяне обращаются редко, с большой неохотой и только в тех случаях, когда переберут все свои домашние средства, и последние окажутся бессильными побороть болезнь. А в деревнях и селах, где, как мы видели, нет никакой медицинской помощи, кроме жалких оспопрививателей, и поневоле приходится прибегать только к доморощенным лекарям и лекаркам (последних здесь больше) и лечиться «своими средствами».

Эти последние здесь столь разнообразны, что нечего и думать о том, чтобы описать их в сколько-нибудь систематическом порядке. Вместе с лекарственными травами тут идет в дело и масса других разнообразнейших средств — начиная какой-нибудь «молчаной водой» или «переносной землей» и кончая «сном Пр. Богородицы». Ниже я представлю лишь ряд наиболее распространенных в здешнем крае болезней и все известные мне местные способы их лечения. При этом я буду придерживаться исключительно воззрений самих сургутян, так что в ряду этих болезней, с одной стороны, могут оказаться и некоторые проблематические, вроде, напр., болезни, появляющейся, по словам сургутян, от того, что съешь какую-нибудь пищу, которую понюхала собака или кошка, а с другой — в этот ряд могут не попасть и некоторые очень существенные болезни, скрываясь в таких неопределенных выражениях, как простуда или ломота в костях. Вообще, нужно заметить, что сургутские болезни, по-видимому, несложны, по крайней мере, по определению самих сургутян. По этому поводу мне вспоминаются слова Монтаня, который, говоря в своих «Опытах» о преимуществах простого народа перед культурным обществом, между прочим, писал:

«У народа самые имена болезней как бы смягчают их и делают более легкими: чахотку они называют кашлем, дизентерию — расстройством желудка, плевезию — простудой и, соответственно с этими успокоительными названиями, спокойно переносят недуг; он должен быть уж очень тяжел, чтобы заставить их прервать работу; в постель они ложатся для того, чтобы умереть»¹.

¹ Цитата мною взята из статьи Д. Мережковского «Монтань», «Русская Мысль», февраль, 1893 г., с. 160.

Вообще же, сургутяне различают следующие болезни: «лихорадочну болезнь, которая берет жаром и дрожжом» — иначе она называется здесь «лихоманкой» или «кумахой»¹, «сердечну болезнь», под которой разумеют отнюдь не болезнь сердца, а какое-то желудочно-кишечное расстройство (боль под ложечкой сургутяне называют: «сердце болит»), «гортанну болезнь» (болезнь горла), «нутрянну боль» или «болезнь по внутренностям», «безумку» (сумасшествие) и проч.

IV

Наиболее распространенными в Сургутском крае болезнями являются лихорадки, ревматизмы и вообще простудные заболевания, что объясняется как климатическими и почвенными условиями местности, так и образом жизни населения края. Европейскому жителю трудно даже представить себе то обилие воды, которое появляется здесь летом, когда разольется Обь. Вода в Оби начинает прибывать, по заметам сургутян, с Васильева дня (12 апреля) и прибывает без перерывов вплоть до Петрова дня (29 июня), т. е. без малого в течение трех месяцев, тогда как в европейских реках разлив продолжается не более 2—3 недель. Затем некоторое время Обь стоит на одном уровне, и лишь с середины июля вода начинает сбывать, чтобы только к сентябрю стать «в трубу». Таким образом, помимо естественных болот, которых здесь тоже достаточно, Обь своими разливами делает болотистыми на летнее время (по спаде воды) и все затопляемые ею окрестности и этим создает, конечно, благоприятную почву для всевозможных лихорадочных заболеваний. Кроме того, этому же способствуют и местные промыслы, особенно рыбные, которые происходят здесь главным образом весной и осенью; при суровом и крайне непостоянном сургутском климате и при необходимости все это время бродить в воде, эти промыслы, конечно, немало содействуют развитию ревматических и всяких простудных заболеваний. Словом, для развития «костной болезни», как выражаются сургутяне, куда они относят и лихорадку, так как от нее кости ломит, здесь слишком даже достаточно причин. И действительно, трудно встретить сургутянина, который в той

¹ Что значит «кумаха» и какого она корня — я не знаю, но в Сургуте есть даже песня, где поется: «Кумаха мепя не трясывала, громовая не колачивала». Кроме того, употребляются такие выражения: «Подь ты к кумахе!», «А кумаха ее знает» и т. п.

или другой форме не отдал бы дань лихорадке или не страдал бы ревматизмом, особенно под старость, не говоря уже о легких простудных заболеваниях, которым, впрочем, сургутяне не придают значения и обыкновенно не принимают против них никаких особенных мер: сходят в баню и стараются, если есть возможность, отлежаться дома. Но что касается лихорадки, то здесь ее считают одной из самых злых болезней, от которой уж не отделаешься одной баней, и против нее сургутяне употребляют массу всевозможных средств. А о самой болезни здесь существует даже поверье, что это — целая семья, состоящая из 12 сестер, которые трясут и колотят человека, причем когда наступает особенно сильный пароксизм болезни, это действует самая главная сестра — 12-я¹. Все эти 12 сестер — порождение знаменитой Иродиады, жены Ирода, потребовавшей голову Иоанна Крестителя. В силу этого же поверья специальным целителем лихорадки считается Иоанн Креститель, или, как чаще зовут его сургутяне, Иван Предтеча, которого обыкновенно величают в таких случаях: «Многомилостив и исцелитель всей костной болезни!»

По мнению сургутян, лихорадка может принимать иногда и человеческий образ и вообще действовать как какое-то особое живое существо. Поэтому одним из самых радикальных средств от лихорадки сургутяне считают лечение в черной бапе. Сущность этого лечения состоит в том, что больной на время приступа лихорадки должен в бане (обязательно черной) залезть на каменку и лежать там безмолвно и неподвижно. Во время приступа лихорадки к нему в баню явится сама лихорадка в человеческом образе (только, по словам сургутян, лица у ней не видно) и начнет всячески стращать больного, будто его задавит «банна суседка»² или что вот на него упадет печка и задавит его камнями и проч.

¹ Эти 12 сестер лихорадки напоминают другую болезнь, которая бывает в Сургуте на скоте и известна здесь под названием «ноготь крутой». Болезнь эта, по словам сургутян, бывает как у коров, так и у лошадей и выражается в том, что у скотины голова «стынет», и скотина не может ходить, тащит задние ноги, а затем ложится, не ест и околевает. По мнению сургутян, «ноготь крутой» тоже, подобно лихорадке, состоит из 12 «ногтей». Последний — 12-й — самый сильный. Если знахарь вылечит 12-й «ноготь», то сам должен помереть.

² «Суседка» то же, что в России домовый, но сургутяне различают три вида суседок: «избна суседка» (живет в избе), «скотска суседка» (живет в хлевах и наблюдает за скотиной) и «банна суседка» (живет в бане и считается самой злой и страшной). Кроме того, мне приходилось слышать еще

И станет эта «лихорадка» всячески вызывать больного на разговор или на какое-нибудь действие. Но больной должен все время молчать и лежать, как мертвый, и даже не может перекреститься. Если он выдержит это испытание, то «лихорадка» разозлится, что не сумела никак потревожить больного, оплюет ему все лицо и убежит. После этого у больного лицо «опрыщивает» (покроеся прыщами), и ему станет легче. Значит, лихорадка его бросила. Но если же больной как-нибудь пошевелится или что-нибудь проговорит на застраживания «лихорадки», то последняя примется еще злей и тошней его трепать.

Рассказанный сейчас способ лечения крайне любопытен как типичный образец народной медицины. Вы здесь ясно видите эмпирически полезное средство, закутанное, если можно так выразиться, в демонологическую оболочку. В сущности, все это лечение сводится к тому, чтобы вызвать у больного пот, что, конечно, вполне рационально при простудной лихорадке, которая чаще всего здесь бывает. И вот больного заставляют залезть в бане на каменку, но это, по-видимому, считается недостаточным, и тогда это лежанье на каменке обставляют такими условиями, которые, действуя на психику больного, еще более должны вызвать потоотделение. Нужно лежать безмолвно и неподвижно, что создает известное столь же физическое, сколько и психическое напряжение,— в бане, которая считается здесь самым страшным местом, и куда сургутянин даже днем ни за что не пойдет на долгое время один, и при этом еще ожидать прихода какой-то страшной гостьи, которая вдобавок будет пугать больного банной соседкой и тому подобными ужасами.

о существовании «земляной соседки», которая живет в земле и, кажется, имеет какую-то связь с огородами (в Сургуте у всех есть огороды, где сажают картофель, лук, репу, редьку и проч.). Все эти домашние духи отличаются друг от друга различными свойствами и отмежевывали себе особые сферы влияния, и время от времени проявляют себя какими-нибудь действиями по отношению к человеку и к домашним животным; действия эти, впрочем, не исключительно злы и недоброжелательны, за исключением банной соседки, которая, по-видимому, неспособна к добру. Тем не менее, в видах умилостивления и чтобы задобрить соседок, сургутяне считают нужным приносить им известные жертвы. Так, напр., с этой целью в Страстной четверг пекут для скотской соседки маленькие круглые хлебцы и относят их в «загородь» (хлев), где и кладут под матку. Кроме того, здесь, как и везде еще в простом народе, сильно распространена вера в леших, водяных, «вещиц», «полувещиц», оборотней и проч. Это длинное примечание я позволил себе для того, чтобы хотя мельком обрисовать перед читателем демонологические представления сургутян, входящие значительной своей частью в народную медицину.

В сущности, этого одного достаточно, даже если бы баня была совсем холодной, чтобы от напряженного состояния и от всех ожиданий суеверного сургутянина прошиб пот. Таким образом, вы видите здесь соединение и физических, и психических факторов, направленных против болезни, и участие этих последних особенно характерно для народной медицины. Ниже мы не раз еще встретимся с этим, а теперь я хочу рассказать еще об одном способе лечения лихорадки, где последняя тоже фигурирует в качестве какого-то живого существа. Но здесь дело обстоит уже совсем просто. Именно: на время приступа лихорадки рекомендуют садиться в погреб, причем идти в погреб обязательно нужно «взапятки» (задом), и просидеть там все это время одному взаперти. По-видимому, это значит просто скрыться от лихорадки, конечно, с известными предосторожностями (взапятки, чтобы след шел от погреба). Но лихорадка тем не менее будет искать больного, и если не найдет, то больному будет легче. Если же в это время, несмотря на запоры, кто-нибудь явится к больному в погреб, это значит — пришла лихорадка в человеческом образе, которая, разыскав свою жертву, станет еще больше ее мучить. С этою же целью скрываться от лихорадки советуют под опрокинутую кадку или накрывают больного на время пароксизма «поганым» корытом (в котором моют белье и которое здесь имеет какое-то особенное значение и употребляется при некоторых гаданьях).

Впрочем, по понятиям сургутян, лихорадка может принимать и не только человеческий образ. Так, если во время пароксизма болезни на больного сядет муха, то советуют сейчас же ловить эту муху и садить ее в какой-нибудь кожаный мешочек (предпочтительно в «пузырь» от тетерьки — опорожненный тетеревиный желудок). А затем этот мешочек с мухой бросить в печку, и когда он сгорит, то болезнь, по словам сургутян, будет вырвана с корнем. Обращаясь теперь к другим средствам, которые употребляют сургутяне от лихорадки, в нижеследующем списке я отнюдь не думаю исчерпать их все, а привожу лишь наиболее известные. Вот эти средства.

1) Если тихо подкрасться к тому дереву, на котором кукует кукушка, и взять из-под дерева землицы или отколотнуть с этого дерева кусочек коры, то эта земляца или кора помогают от всех болезней, но «наипаче от лихоманки».

Специально же от *лихорадки* употребляют следующие средства:

2) Пьют настой полыни (такой консистенции, чтобы он был «жаркого цвета»). Если с полыни вырвет больного, то

этой рвотой обмазывают все тело до лица включительно. После этого, по словам сургутян, на теле и на лице больного должны появиться прыщи и другие «больнушки». Это значит, что лихорадка «оплевала» больного и бросила, после чего больной обязательно должен выздороветь. Вообще, если больной лихорадкой «опрыщивает», это всегда служит симптомом выздоровления. С этой же целью во время пароксизма напиваются до рвоты вином и затем мажут себя этой рвотой, после чего больной будто бы должен «опрыщивать» и выздороветь.

3) Дают пить больному настоящий на водке нюхательный табак с сырым яйцом (чем крепче, тем лучше).

4) Пьют настоящий в теплой воде порошок мамонтова рога¹.

5) Поят больных редечным соком, выжатым из тертой редьки, с каким-то наговором.

6) Пьют детскую мочу (от детей не старше 5-летнего возраста), мужчины — от мальчиков, женщины — от девочек.

7) Пьют медвежью желчь, настоящую в водке.

8) «Нахлебываются», сколько можно вместить, простокваши.

9) Пьют настой в воде или в водке (густой, как смола) осиновой коры, причем, однако, в дело идет не всякая осина, а отыскивают непременно группу из трех осин и с одной из них берут кору.

10) Ложатся спать на навозной куче.

11)купаются в холодной воде.

12) Окачивают невзначай больного холодной водой.

13) Пугают больного, напр. стреляют из ружья близ сонного.

14) Мажут дегтем руки, ноги и спину больного (крестообразно).

15) Дают глотать катышки черного хлеба с каким-то наговором на бумажке, завернутой в хлеб.

16) Кладут под подушку или вообще под постель высушенную змею или надевают на шею больному защитный

¹ Находки костей мамонта и других допотопных животных довольно часто встречаются в Сургутском крае. Кроме того, мамонтовы клыки, которые сургутяне называют рогами, привозят на сургутскую ярмарку самоеды с берегов Ледовитого океана (см. об этом мою статью «Самоедская ярмарка в Сургуте» Сиб. Листок». 1893 г. № 4—5). А о самом мамонте у сургутян существует поверье, что мамонт живет под землей, делает там ходы и проч. Вообще, часть того суеверного почтения к мамонту, какое испытывают остяки, перешла и к русским, чем, быть может, объясняется потребление мамонтова рога в сургутской народной медицине.

в тряпочку змеиный «кожух» (оставленную ею кожу при линянье, которую иногда находят в лесу).

17) Дают есть больному нирог с начинкой из сороки.

18) Кладут под подушку кости падали так, чтобы больной не знал об этом.

19) Прячутся в печь перед приступом лихорадки.

20) Пьют настой «троецветки» (трава с тремя цветками «пишечкой» — голубым, алым и желтым) в воде или водке, настоянной до тех пор, чтобы получился «жаркой» цвет. Настой в вине считается более полезительным.

21) С дерева, разбитого молнией, берут щепки и обкуривают ими в комнате больного или кладут их больному под подушку.

От *простуды*, выражающейся в появлении большого жара, часто сменяемого ознобом, ломотой костей и проч., пьют настой багульника вместо квасу. Пьют еще от простуды настой пихты. С тонких веток пихты соскабливают кожицу и вместе с иглами настаивают в водке. Пьют натощак по рюмке и больше. Настой пихты пьют еще и от чахотки¹.

От *ломоты в ногах* простудного происхождения делают «муравейну ванну». Приносят из лесу в мешке муравьев и всыпают их в кадку с горячей водой, чтобы они околели. Затем охлаждают воду до того состояния, чтобы было «в утерп» (можно было терпеть), и ставят туда ноги, закрывши их одеялом, и держат их до тех пор, пока не остынет вода. Делают это до трех раз через день. Кроме того, от той же болезни употребляют еще ванны из кислой гущи из-под квасу, «елочек» (хвои) пихты и конского кала. Все эти ванны приготавливаются тем же способом, как и описанная выше «муравейна ванна».

Наконец, от *ревматизма* в ногах носят в стельках (на дне обуви) волчье лыко или кладут ноги в свежие березовые листья. Далее, от ломоты в костях втирают в больное место размоченную в воде бодягу или, как ее называют сургутяне, «вотягу», «вишь».

Прикладывают к больному месту лютик (растение, известное и сургутянам под именем лютика же) — средство вроде мушки, но сильнее. Как и при мушке, от лютика нарывает водянистый пузырь. Действует только свежий, только что сорванный с корня.

¹ От чахотки же, к слову сказать, весьма мало распространенной в Сургутском крае, пьют еще «дегтеву воду». Деготь кладут в отварную воду, потом воду сливают и процеживают сквозь чистую ветошку и затем пьют по три рюмки в день.

При *ломоте в костях* и боли в спине, или в груди, или в голове (простудного происхождения) «жгут ядно». На больное место кладут кусочек сырого трута величиной с кедровый орех и зажигают. Когда трут прогорит, образуется рана, которую прикладывают свежей зайчиной с мылом. Рана загнаивается, и из нее вытекает «дурь», — по объяснению сургутян, эта «кровь перегнаивается и делается «дурью», ее протирают ветошкой и затем вновь накладывают зайчьей шкурой с мылом. Первая зайчина лежит сутки, но в течение этого времени ее несколько раз снимают и «обихаживают»: спрыскивают свежей водой и вновь намыливают. Когда рана начнет заживать, больному станет легче. Средство употребляется здесь вместо банок или пиявок для пускания крови.

При *ломоте в пояснице* встряхивают больного так, чтоб у него «хрупнуло» в спине. Если в спине при этом «хрупнет», то, по словам сургутян, больному станет легче.

Кроме того, при боли в пояснице носят еще на теле медвежий зуб, так чтобы он лежал на пояснице¹.

От *ломоты в руке*, когда говорят, что «рука развилась», обвязывают руку у кисти или плеча (смотря по тому, где сильнее чувствуется боль) ниткой, свитой «наотмашь» (за спиной).

От *зубной боли*, которая здесь тоже очень распространена и, вероятно, всего чаще вызывается простудой, сургутяне употребляют следующие средства: прикладывают к больному зубу завернутый в ветошку толченый чернильный орешек, кладут на зуб, тоже в ветошке, листовой табак или трубочный сок, прикладывают к зубу репчатый лук, советуют есть мышинные объедки, т. е. обгрызанный мышами хлеб или что-нибудь подобное, и употребляют еще какие-то наговоры.

V

После простудных болезней, которые мы рассмотрели в предыдущей главе, наибольшее распространение в Сургутском

¹ Употребление в настоящем случае медвежьего зуба, вероятно, связано с теми представлениями о медведе, которые заимствованы сургутянами от остяков. Как известно, у остяков и других сибирских инородцев существует даже целый культ медведя (см. об этом ст. Н. Л. Гондатти «Культе медведя у инородцев северо-западной Сибири», «Труды этнографического отдела Москов. общ. люб. естествознания, антропол. и этногр.», кн. VIII, 1888 г.), часть которого в виде разных поверий и примет перешла и к сургутянам. Может быть, здесь кроется и целебная сила медвежьей желчи — средства, довольно часто употребляемого сургутянами при лечении различных болезней.

крае имеют болезни, так сказать, бытовые, т. е. обусловленные самим образом жизни и обстановкою быта сургутян. Сюда можно отнести кожные болезни, обуславливаемые главным образом грязью и нечистоплотностью как домашней, так и промысловой обстановки, травматические повреждения, вызываемые промысловым образом жизни, и расстройства кишечника. Эти последствия тоже вызываются чисто местными условиями и прежде всего недоброкачеством воды, которая, как мы видели выше, летом почти везде получает болотистый характер. Кроме того, у сургутян существует скверный обычай есть гнилую, совершенно протухшую и разложившуюся рыбу (так называемую, по-местному, «загорелую»), которая издает такое зловоние, что даже мимо того дома, где едят эту рыбу, нельзя пройти, не затыкая носа. А между тем рыбу в таком состоянии сургутяне едят отнюдь не от недостатка или бедности, но считают ее лакомством, находя в ней какой-то особенный вкус.

Я не говорю уже о том, что сургутяне, подобно всем вообще сибирякам, с большим удовольствием едят сырую рыбу, как мерзлую (т. наз. «стружанину», или по-сургутски «патанку»), так и только что пойманную из воды, причем ее сплошь и рядом тут же на ваших глазах распарывают и съедают. А благодаря всему этому, кроме катаральных расстройств желудка, здесь нередки случаи солитера и глистов.

Обращаясь к кожным болезням, мы прежде всего встретимся с разнообразными средствами, употребляемыми сургутянами для лечения *чирьев* и *прыщей* на лице. Так для устранения их моются «четвережной» (иначе «четверговой») солью. Соль эта готовится так: берут в узелок соли и вечером на Страстной Четверг (откуда и название «четвережная» соль) кладут этот узелок на окно или в продушину, которые обязательно должны выходить на утреннюю зарю. Соль лежит там до утра, т. е. две зари, вечернюю и утреннюю. Затем узелок с солью мочат в воде и кладут в печь на загнетку и держат там, пока высохнет, а потом и употребляют в дело.

Когда нарывает чирей, отыскивают какой-либо сук и крепят по суку безмянным пальцем, приговаривая: «как сук сохнет, так и чирей сохни» до трех раз. Затем, приговаривая то же самое, чертят тем же пальцем по чирью.

Иногда просто потирают по чирью безмянным пальцем, приговаривая: «как безмянному пальцу имени нет, так и тебе, чирью, места нет».

Прикладывают к чирью овечью шерсть со сметаной. Прикладывают также свежую зайчину, небольшой лоскуток, шкурой к чирью, шерстью вверх.

Наконец, отыскивают таракана, разрывают его и мажут чирей.

От *рябин* (пятен на лице) мажут лицо березовым соком. По мнению сургутян, если утереться тем же полотенцем, которым утирается больной этими рябинами, то пятна могут перейти, но только со старшего на младшего по летам или на ровню, а не наоборот; с младшего на старшего пятна не переходят. Также переходжи, по мнению сургутян, от старшего к младшему и те пятна, что бывают на лице у беременных жещин (так называемые «матежи»), но только переходят они с женщины на женщину же, причем могут перейти и к небеременным, если утереться полотенцем, которым утирались женщины с «матежами». Чтобы избавиться от них, советуют пойти в баню с той женщиной, от которой перешли «матежи», и тайком от нее утереться воротником ее белой рубашки, которую она приносила на перемену в баню.

От *коросты* мажутся дегтем или сметаной с толченым купоросом. Это же средство (сметану с толченым купоросом) употребляют и от венерических болезней¹, когда появляются струнья. Кроме того, струнья от венерических болезней присыпают еще солью.

К *нарывам*, от чего бы они ни происходили, прикладывают рубленую морковь (летом свежую, зимой обмоченную в воде) — вытягивает жар и способствует заживлению.

Прикладывают еще кашу из солдатской крупы на молоке, теплую, и когда она остынет (высохнет), заменяют ее свежей и теплой. Где быть провалу, там почернеет, тогда на это место прикладывают чего-нибудь «ядучего» — особую лепешку на меду или на постном масле. Если нарыв не прорвет и после этого, тогда кладут на него какую-нибудь серебряную вещь, напр. монету. Когда сделается провал, тогда варят желтый воск на деревянном масле, вроде пластыря, и прикладывают его на ветошке к больному месту — вытягивает жар и живит.

Если же нарывы бывают под мышками, что сургутяне называют «собачьи титьки» (отчего они происходят — сургутяне не объясняют, мне же не доводилось их видеть), то

¹ Вопреки общераспространенному мнению, среди русского населения Сургутского края сифилис и вообще венерические болезни встречаются очень редко, что, вероятно, объясняется совершенным отсутствием в этом диком крае продажной проституции.

лечат их, прикладывая к нарывам кислое тесто на ветошке. При этом употребляют какой-то наговор. Хлеб потом бросают собаке.

От «притки» (опухоль и краснота на ногах или на щиколотках) прикладывают красное сукно, натертое мелом. (А от «колжи» (колотья) в груди прикладывают к больному месту синее сукно или синюю сахарную бумагу и пьют синьку).

От язвы, которая бывает на пальцах и известна у сургутиян под именем «змеевца», прикладывают к больному месту свежий человеческий кал, и когда он подсохнет, заменяют его новым.

Обвязывают также палец нюхательным табаком. О самой болезни сургутяне думают, что в пальце зарождается какой-то мохнатый червь, который, если его вовремя не уничтожить, вырастает и может «щепиться», и от него пойдут мелкие черви. Поэтому, пока «змеевец» (иначе «волосень») в самом начале, надо его «заморить», опуская больной палец в горячую воду и держа его там, сколько можно терпеть.

От «ячменя» (на глазу) пекут небольшой каравашек из кислого теста, разламывают его и горячим паром от него подпаривают «ячмень», а затем хлеб этот бросают собаке (причем непременно почему-то сучке).

От *летучего огня* или когда губы трескаются (по-местному: «переветривают») мажут «серой» из ушей. «Летучий огонь» еще пересекают искрой: подставив легонько плашку (огниво) к больному месту, высекают над последним огоп и стараются так, чтобы искры попали на «больнушку», от чего будто бы она проходит.

От «золотухи» собирают листья смородины и настаивают их в воде (полгоршка листьев и половина воды). Горшок этот замазывают пресным тестом, вроде покрывки, и ставят на сутки в печку. Настоем мочат голову, если золотуха выражается в головных сыпях, и затем завязывают голову чем-нибудь теплым, чтобы она не охлаждалась. Кроме того, пьют этот настой вместо квасу.

При этой болезни, по словам сургутиян, нельзя есть «щучины», яиц, черного хлеба, свинины, соленого и нельзя пить кислого кваса. Если золотуха выражается в нарывах, то к этим нарывам кладут тонкую лепешку из крупитчатой муки на меду или па деревянном масле. Нарыв тогда лопается и выходит «дурь». Медовая лепешка скорее «прорывает», а с деревянным маслом скорее «закживляет» рану.

Пьют еще от золотухи окуневый жир и им же смазывают опухоли.

Обращаясь теперь к рассмотрению лечения травматических повреждений, я расскажу здесь об употребляемых сургутянами средствах для заживления переломов и порезов, а также и о лечении разных укусов, уколов и проч.

При *порезах* для остановки кровотечения присыпают рану солью или толченым углем; прикладывают также к ране лист «попурника» (подорожника).

Для остановки послеродового кровотечения, если таковое бывает очень сильным, употребляют пережженные и истолченные в порошок мышинные экскременты. С этой целью пьют еще настоянные в воде и точно так же предварительно пережженные и истолченные в порошок так называемые «лягушачьи ящички» (раковины каких-то слизняков, которые во множестве покрывают берега здешних рек по спаде воды). Это последнее средство пьют и от «резачки».

Для заживления ран (вообще) и чтобы они не гноились, мажут их медвежьим салом.

При *переломе костей* у людей и животных дается внутрь красная медь. В дело идут предпочтительно старые монеты — их скоблят и порошок разбалтывают в воде. О целебной силе меди в данном случае у сургутий существует поверье, что медь, принятая внутрь, охватывает излом кольцом, образуя таким образом как бы спайку кости. Говорят, как выпьешь меди, то сразу почувствуешь, что она начинает ходить по телу, отыскивая больное место. Ударится туда, сюда и, как только дойдет до излома, сразу остановится.

При переломе костей или при вывихе для уничтожения жара и опухоли прикладывают к больному месту тряпку, намоченную в человеческой моче, вроде компресса. Как только она высохнет, ее снимают и заменяют свежей¹.

Точно так же для вытягивания жара прикладывают к больному месту тертый картофель или гущу из-под кваса с глиной.

При *головных болях*, явившихся в результате ушиба головы, напр. при падении с какого-нибудь высокого места,

¹ Здесь кстати будет отметить и о других целебных свойствах человеческой мочи, по понятиям сургутий. Выше мы видели, что детскую мочу сургутяне пьют от лихорадки. Кроме того, человеческая моча считается у сургутий лучшим средством от опьянения, и ее насильно вливают в рот бесчувственному пьяному для отрезвления. Наконец, мочой же лечатся и от болезни глаз. Весной от снега, по выражению сургутий, «глаза скрадывает», т. е. глаза делаются воспаленными, красными, мутными, все время слезятся и болят. Страдающий этим все видит как бы в тумане, а в крайнем случае даже вовсе некоторых время не видит. От этого лечатся тем, что часто смачивают большие глаза своей собственной мочой.

когда опасаются, что мозг сотрясен, «правят мозг». Правеж этот заключается в следующем. Обвязывают голову поясом и делают на нем в четырех местах по значку: на лбу, на затылке и на висках. Потом повязку снимают и складывают ее надвое так, чтобы значки лба и затылка прились ровно на концах повязки; затем повязка складывается еще поперек так, чтобы височные значки приходились на концах сложенной повязки, т. е. повязка складывается сначала по продольной линии головы, потом по поперечной. В первом случае значки лба и затылка будут на концах повязки, и височные значки должны совпадать; во втором случае — наоборот. Если значки в том и другом случаях совпадают — сотрясения нет; если же не совпадают — думают, что мозг сотрясен. Тогда лекарка берет голову больного в руки и сильно встряхивает, отчего у больного сыплются искры из глаз. Потом голову туго стягивают платком и кладут больного в постель, «чтобы был покой». Примерно через полчаса платок развязывают.

От *ознобов* лучшим средством считается кошачье сало. Употребляется также и сало лисы.

Если *укусит собака*, то советуют выстричь у этой собаки клок шерсти, сжечь его и пеплом прикладывают к больному месту, предварительно обкурив больное место этой же шерстью. Собачий зуб считается худым зубом: укушенное им место долго не заживает.

Если *уколоть* руку *ершовой костью* и от этого образуется в руке сильный лом и пойдет кровь, то советуют больным местом потереть об этого же ерша «против шерсти», и оттого боль утихнет.

От *укуса змеи* (здесь говорят, что змея «ужалила»), когда образуется опухоль, чтобы прекратить ее дальнейшее распространение, перевязывают опухшее место чем-нибудь шелковым, напр. ниткой или платком или же женскими или конскими волосами. По словам сургутян, через шелковинку или волос опухоль не переступит. Затем стараются во что бы то ни стало вынуть из укушенного места «жалю». Что здесь принимают за «жалю», трудно сказать, но я сам был свидетелем, как однажды при мне вынимали у укушенного змеею человека «жалю», причем за такового сошла просто какая-то соринка, оказавшаяся в ране.

Если укусит змея, то сургутяне думают, что она сейчас же побежит к воде и ее следует «упредить», т. е. раньше нее окунуть в воду укушенное место. Если это удастся, то змея пропадет, если же нет, то человеку трудно будет вылечиться.

Вместо воды можно пользоваться и слюной, и следует сейчас же поклонить укушенное место.

Для того же, чтобы вынуть «жало», советуют наскоблить «громову стрелу» и посыпать рану этим порошком, и тогда «жало» само наверх выйдет.

В заключение этой главы расскажу еще о лечении сургутянами желудочных болезней.

От *поноса* сургутяне употребляют следующие средства:

1) Пьют настой зверобоя — дети в воде, взрослые предпочтительно в водке, первые по чайной ложке часа через 2—3, взрослые по три чашки или по три рюмки в день.

2) Пьют настой «троеперки» (трилистника) — способ употребления тот же, что и зверобоя.

3) Ржаной пережженный хлеб толкут в порошок, обваривают его затем кипяченой водой из самовара и «хлебают» вместе с водой.

При *болях в животе* очень распространенное средство — нашатырь в воде или в молоке.

От *икоты* пьют золу в воде. Это же средство употребляют и от *кликушества* (истерических припадков), вообще крайне редкой в этом крае болезни.

От *изжоги* (в Сургуте говорят: «сердце горит») едят мыло или же держат во рту что-либо медное, напр. крест, деньги и т. п.

VI

Теперь я скажу о лечении детских болезней. Из детских болезней сургутяне признают только «испуг», грыжу, «собачью старость» и особенно так называемые «уроки» и «призоры», т. е. болезни, обусловленные «дурным глазом». И хотя в Сургуте каждое лето по спаде воды (июль — август) умирают десятки детей от дизентерии, но этой болезни сургутяне не придают особенного значения. Еще меньшее значение придают они дифтериту, который появился в Сургуте впервые в 1889 г. и произвел целый переполох среди немногочисленного здесь культурного общества и врачей (незадолго перед этим в Сургуте появилось два врача: один для города, другой для округа). Сейчас же врачами были приняты все доступные здесь меры для локализации болезни.

Но сургутяне относились с эпическим спокойствием к этой неведомой для них «гортанной болезни», и в конце концов по поводу некоторых принятых врачом и полицией

мер у сургутян произошло даже столкновение с подлежащими властями, нечто вроде антидифтеритных беспорядков. После того дифтерит уже не переводился в Сургуте (до моего отъезда в 1891 г.), появляясь спорадически то там, то сям; но не заставляя, однако, сургутян обращать на себя большего внимания, чем на всякую другую «гортанную» болезнь. Впрочем, вообще я вынес впечатление, что сургутяне в массе довольно равнодушно относятся к детской смертности, отчего бы она ни происходила. Если же и придают некоторое значение вышеперечисленным болезням, то, мне думается, единственно потому, что все эти «испуги», грыжи и «уроки» отражаются на последующей судьбе ребенка, и быть может, даже на всей последующей жизни, что и заставляет относиться к этим болезням не столь индифферентно, как к тем, которые прямо ведут к смерти.

Если ребенок не спит по ночам без достаточных оснований, кричит, плачет, не ест и проч., то сургутяне обыкновенно предполагают здесь «испуг» и думают, что ребенок чем-нибудь испуган — каким-нибудь громким криком или стуком, страшным видом и т. п.

«Испуг» считается у сургутян серьезной болезнью, и если его своевременно не лечат, то ребенок может на всю жизнь сделаться «пугливым» — раздражительным, слабосильным, нервным. Поэтому сургутяне сейчас же стараются принять против испуга свои меры. Прежде всего, как бы следуя старинному медицинскому правилу: *similia, similibus, curantur*, в случае, если ребенок испуган громким криком, носят его под колокольный звон. Если это не помогает, лечат внезапным обливанием так называемой «молчанной», или «колокольной» водой. Вода эта добывается таким образом. В 12 часов ночи мать больного ребенка берет воду в заранее намеченном месте при слиянии трех ручьев. С этой водой она молча отправляется на колокольню. Здесь она обливает принесенной водой большой колокол (по другим рассказам — три колокола) и стекающую с колокола воду собирает в особую посуду, после чего эта вода приобретает целебную силу.

Вся эта процедура обязательно делается молча, никакие разговоры и вопросы встречных не должны вызывать ответа, иначе вода потеряет свои целебные свойства.

Затем испуганных детей обкуривают корнем чертополоха.

Умывают лицо детей «четверезной» солью, о способе приготовления которой было говорено выше.

Дают пить больным детям настой черной травы. Эту траву настаивают в водке трое суток в плотно закупоренной

бутылке или запаривают на воде в печи тоже в наглухо закрытом сосуде. Дают пить по две ложки в день: утром натощак и вечером перед сном. Это средство считается очень сильным, и думают, что большая доза может повредить.

От *грыжи*, которая в Сургуте является среди детей довольно распространенной болезнью, сургутяне употребляют следующие средства.

Дают пить ребенку «серу горючу» (обыкновенно желтую серу), истолченную в порошок и разведенную в материнском молоке, приблизительно золотник серы на 5 чайных ложек молока. Дают по две ложки в день, утром и вечером.

Поят детей ягодами волчьего лыка, тоже разведенными в материнском молоке. Одну ягоду разрезают на 5 частей, и каждая часть на одну чайную ложку молока. Это лекарство считается очень сильным и ядовитым, и его дают ребенку только раз в день.

Мажут детей поросычьей желчью, причем для мальчиков берется желчь от «мужичка» (так здесь называют самцов всех животных), а для девочек от «женки» (самки). У мальчиков мажут пупок и мошонку, у девочек тоже пупок и около лобка.

Дают пить детям «кучелебу», настоянную или в молоке, или в вине (приблизительно на стакан того или другого полагается одна ягода), по пол чайной ложке в день, — считается тоже очень ядовитым лекарством. Ягода эта различается сургутянами на мужскую и женскую: мужская — «попуречками», женская — «ямочками», и дают мужскую мальчикам, а женскую девочкам.

Принимают внутрь медвежью желчь в воде, а равно и куриную. Это средство от *грыжи* употребляется и взрослыми.

Дают детям киноварь в материнском молоке, в очень небольших дозах (говорят, с нее зябнут дети).

Дают пить брусничный сок, по чайной ложке два раза в день.

Настаивают в воде лиственничью губу и этим настоем поят детей.

При *грыже* прокалывают у детей в мочках уха дырочки и заставляют носить серьги как девочек, так и мальчиков, думая, что это помогает от *грыжи*. Наконец, детей, у которых замечена *грыжа*, никогда не целенают целиком, как всех прочих, а свивают их только до пояса, думая, что через это проходит *грыжа*, но зато у таких детей, по словам сургутян, бывают кривые ноги.

Если родится худосочный, бледный, старообразный ребенок, то говорят, что он «подвержен» *«собачьей старости»*. Чтобы «выправить» такого ребенка, надо его три дня садить на лопате в печь на несколько минут. При этом существует какой-то наговор. После того приготовленным заранее хлебом обтирают всего ребенка, а хлеб бросают собакам. В этом и состоит все лечение «собачьей старости» (вероятно, рахитизма или английской болезни).

«Уроки» и *«призоры»* — если человек «с дурным глазом» посмотрит на ребенка в то время, когда тот ест, и при этом скажет, что он много ест, то этим он может сглазить ребенка, или, как говорят сургутяне, «изурочить», «уркнуть», «озинуть на пищу», и у ребенка вследствие этого появляются «уроки в животе»: живот станет пучить, а ребенок — много есть и пить, но сам будет все худеть и хиреть.

Точно так же, если «урочливый» человек посмотрит на женщину, когда та кормит грудью ребенка, и при этом заметит, что у нее большие груди или сравнит ее с коровой, то может и женщину «озинуть на молоке», и у нее после этого «доспеются» (сделаются) «уроки в груди»: груди будут болеть и перестанут давать молоко.

«Изурочить» на еде можно и взрослого, у которого «уроки в животе» выразятся теми же симптомами (пученье живота и проч.), что и у ребенка, но взрослые менее «подвержены» этим «урокам» и «призорам», чем малолетние и особенно грудные дети, почему этих последних всегда и стараются кормить грудью где-нибудь наедине, чтобы посторонние не могли их видеть и «изурочить».

Наконец, урочливый человек, если подивуется на «красовитого» ребенка, то может «доспеть» «призоры» на лице, т. е. у ребенка появятся на лице пятна, разные «попури», лишай и проч.

Самым радикальным средством от «уроков» и «призоров» считается так называемая «четверезная соль», о которой уже не раз приходилось говорить выше. От «уроков в животе» эту соль разводят в воде и дают пить детям и взрослым; от «уроков в груди» раствором соли женщины моют себе груди, а от «призоров» умывают детям лицо.

Кроме того, от «уроков» лечатся еще так называемой «переносной землей»: с потолка трех домов, непременно таких, которые были перенесены со своих мест в другие, берут землю в определенной мере с каждого дома и эту землю дают пить больному в воде. После нее, по словам сургутян, у больного «уроками в животе» «доспеется»

понос, желудок очистится и придет в свое нормальное состояние.

От «уроков в груди» у женщин прикладывают к груди тертый картофель, который уничтожает лом.

«Призоры на лице» «сживают» еще тем, что мажут лицо у ребенка сметаной и затем приносят щенка — если «призоры» у мальчика, то «мужичка» (кобеля), а если у девочки, то «женку» (сучку) — и дают щенку слизывать эту сметану.

Так делают несколько раз, и призоры будто бы проходят: «Их слижет с лица собака».

Во всех этих случаях, т. е. и от «уроков», и от «призоров», употребляется еще такое средство: у того человека, который «изурочил», вырезают из какой-нибудь его одежды (обыкновенно из самой лучшей и дорогой, чтобы тому было особенно ее жаль) лоскут на спине против сердца, и этим лоскутом обкуривают изуроченного, причем это делается так, чтобы собственник испорченной одежды не знал, кто у него вырезал лоскут, иначе это средство не помогает.

Здесь нельзя не видеть аналогии, почти тождества, с тем средством, которое употребляют от укуса собаки. Там тоже выстригают у собаки клок шерсти и обкуривают им укушенное место¹.

Любопытна еще одна аналогия между «урочливым человеком» и собакой. Если собака (или кошка) понюхает пищу, то человек, потребивший ее, заболевает, чем — сургутяне не объясняют. Но уверены, что заболевает так же, как и с глаза «урочливого» человека, и заранее лечатся «переносной землей».

VII

В заключение я считаю нелишним сказать еще несколько слов о разных приметах и обрядах, касающихся больных и имеющих в некоторых случаях как бы профилактический и диететический характер. Вообще нужно заметить, что эти профилактические и диететические правила в народной медицине крайне скудны и состоят обыкновенно из ряда отрывочных советов и примет, где опять-таки, как и в сфере лечения болезней, правила разумного эмпиризма теряются среди пережитков первобытных воззрений.

¹ Укажу один аналогичный случай обкуривания. Если заболевает скотина, то у хозяйки этой скотины вырезают в некотором месте волосы и обкуривают ими скотину.

Выше мне приходилось говорить о сургутской диететике пищи при золотухе, но это, кажется, единственная болезнь, при которой сургутяне рекомендуют некоторый пищевой режим, хотя бы в виде отрицательных советов не употреблять той или другой пищи.

Но вообще, на пищу сургутяне не смотрят ни как на источник болезней, ни как на средство, при разумном употреблении которого можно побороть болезнь, и в этом отношении не придают ей особенного значения, дозволяя почти при всех болезнях есть все, что только может вынести натура.

Причем, как общее правило, при всех болезнях рекомендуется побольше есть: «будешь здоровей, а на тощий желудок и болезнь сильнее действует».

Гораздо большее внимание обращается, по-видимому, на сон. Хороший сон, когда, по выражению сургутян, «и рука спит, и нога спит», считается первым условием здоровья. Здоровым же сном считается так называемый «черный сон», «черный сон — до полуночи».

Ловя этот «черный сон», т. е. сон на закате солнца, сургутяне удивительным образом приспособили свою жизнь и привычки к местным географическим условиям. Как известно, весь этот край расположен севернее 61-й параллели (Сургут лежит под 61 градусом 17 сек. сев. шир.), и летом здесь ночей почти не бывает. Солнце заходит за горизонт всего на каких-нибудь 2—3 часа, и все это время так светло, что можно свободно читать книгу. Зато зимой уже в третьем часу дня приходится зажигать огонь. И вот заезжий турист наблюдает такую картину: зимой сургутяне ложатся спать необычайно рано; так, в 6—7 часов вечера уже все туземное население города спит и встает приблизительно в те же часы утра, когда здесь еще совершенно темно, так что в общей сложности сургутяне зимой спят чуть ли не двенадцать часов в сутки. Но затем, по мере того, как солнце подымается над горизонтом, время сна отодвигается все дальше и дальше, и летом сургутяне не ложатся спать раньше 11—12 часов ночи, а встают часа в 3—4 утра, т. е. спят не более четырех часов в сутки.

Правда, такое продолжительное бодрствование не по силам человека (нужно заметить, что и рабочий день в Сургуте, напр., для плотников, тянется летом около 20 часов, за небольшими вычетами на завтрак, обед и чай), и сургутяне обыкновенно ложатся еще в полдень на час или два отдохнуть; но вообще, по их понятиям, спать днем не следует: может приключиться болезнь.

В особенности же не следует спать днем весной¹. Также нехорошо спать и при закате солнца. Вообще, если человека начинает клонить в сон не вовремя, или, как здесь говорят, «сном давить» не в обычное время, то это предвещает какое-нибудь несчастье или даже близкую смерть. Что же касается бессонницы, то от нее сургутяне употребляют такое средство. По мнению сургутян, в голове у налима есть «сон». Это, по их объяснению, две маленькие кругленькие косточки, которые находятся по ту и по другую сторону налимого мозга и благодаря которым налим «дремлет». По другим рассказам, «сон» есть и у окуня. Эти две косточки из внутренней полости окуневьего или налимого черепа и кладут больному бессонницей под подушку. Это средство употребляют от бессонницы взрослые; бессонницу же у детей (кроме тех случаев, когда бессонница вызвана «испугом», о чем говорилось уже выше) сургутяне объясняют появлением на голове какой-то «скалки», вроде дробинки. Это и есть «бессонница» — ее обязательно нужно срезать, иначе с ребенком замаешься.

Этими предупреждениями относительно дневного и весеннего сна, кажется, и ограничиваются все, так сказать, профилактические советы сургутян. Впрочем, здесь следует упомянуть еще о том, что при эпидемиях (вообще), в виде предохранительной меры, делают на дверях домов дегтем кресты и им же обкуривают помещения. То же делают и при эпизоотиях с «загородьями» (хлев, где помещается скотина), причем здоровый скот обмазывают дегтем.

Обращаясь теперь к тем правилам, которые рекомендуются соблюдать больным (что можно бы назвать народной диететикой) следует сказать, что и эта часть правил так же скудна, как и рассказанные выше профилактические советы сургутян.

Больным (чем бы то ни было) запрещается смотреться в зеркало. Далее, запрещают больным причесывать волосы и стричь ногти: усилится болезнь. Это запрещение стричь ногти, может быть, стоит в связи с существующим у сургутян обычаем сохранять обстригаемые ногти, так как они пригодятся «на том свете». По словам сургутян, «на том свете» грешников заставят лезть на какую-то крутую и высокую гору, и вот, чтобы удобнее было карабкаться на эту гору, следует иметь ногти.

¹ Все весенние промыслы (ловля уток, ружейная охота и рыбная ловля) происходят здесь ночью, главным образом, на вечерней и утренней зорях, приблизительно от 10—11 часов вечера до 2—3 часов утра. Потом, вернувшись с промыслов, спят часов до 8—9 утра, что не считается дневным сном.

Больным, у которых есть жар, нельзя ходить в баню: жар может усилиться. Утопленников никогда не следует класть на голую землю, а непременно на доски, иначе с ним не отводиться. А отваживаются сургутяне с утопленниками обычным способом, как и везде в простонародье, т. е. откачивают их, положивши на простыню или какую-нибудь подходящую одежду. Об утонувших же сургутяне думают, что это утащил их к себе водяной, которого они так же боятся, как и лешего или как «банну суседку»¹.

При трудных болезнях, чтобы узнать, выздоровеет ли больной, употребляют воду с образа Св. Пантелеймона: образ обливают водой — если вода с него скатится вся, то больной выздоровеет, если же часть ее останется на образе, больной умрет. Эту воду дают потом больному пить. Действие ее таково: когда, на основании предыдущего испытания, видно будет, что больному суждено умереть, то выпитая вода ускорит агонию, и больной скорее начнет «страдать» (отходить). Если же больному суждено выздороветь, то он тотчас же почувствует облегчение. Образ этот ставят иногда в головах больного. При сильных болезнях кладут больному под голову «Сон Пр. Богородицы» (апокрифическую рукопись, имеющую какую-то таинственную и целебную силу). Если больной выздоровеет, то он после этого будет спать и почувствует облегчение, если же умрет, то станет «страдать». Если больной перед смертью все смотрит на потолок и на руки, то говорят: «скоро умрет». Если опасно больной быстро, или, по-сургутски, «устремно», глядит — помрет. А у кого взор томный, тот выздороветь. Если больной «ощипывается», т. е. щиплет руками одеяло, — скоро умрет.

В случае избавления от болезни сургутяне дают обет (или, как здесь говорят, «обвет») отслужить молебен тому или другому святому. При этом делают литые изображения из металла, кому какой по средствам, тех частей тела, которые болели, напр. руки, или головы, или сердца. Эти изображения подвешивают к иконам и жертвуют в храмы.

¹ Внезапная смерть в бане или от другой какой-нибудь причины обыкновенно приписывается «банной суседке». При этом замечается какая-то связь между банной суседкой и водяным. Так, по словам сургутян, водяной особенно любит бросаться на «парное тело», поэтому не следует никогда по выходе из бани тотчас же купаться, иначе утащит водяной.

В. Я. Яковлев (Богучарский)

Василий Яковлевич Яковлев (19.02.1861 г., г. Богучары Воронежской губ.— 8.05.1915, г. Москва) более известен под псевдонимом В. Я. Богучарский (иногда — Базилевский) — историк общественного движения, публицист, участник революционного движения, общественный деятель. Сын чиновника, дворянин. Окончил воронежское военное училище, служил при главном управлении казачьих войск, поручик. По делу о революционных народнических кружках среди членов военного ведомства и воспитанников специальных училищ Петербурга обвинен «в принадлежности к преступному кружку воспитанников Константиновского училища, в хранении № 10 революционной газеты «Народная воля» и в сношениях с руководителями преступного сообщества» в 1884 г. по высочайшему повелению выслан на три года в Западную Сибирь.

13 сентября 1885 г. поселен в Туринске, сразу стал хлопотать о выдаче пособия. По его инициативе была создана слесарно-кузнечная мастерская. Ее особенностью было полное отсутствие наемного труда и принцип равенства в распределении доходов: все получали равную долю, независимо от продуктивности работы. Непольные жители Туринска, и вместе с ними Яковлев, занимались также различного рода науками, сообщали собранные сведения в российские издания, иностранным ученым, занимались литературным творчеством.

Главной темой разговоров в ссылке были справки о товарищах, о месте и условиях их жизни. «Осведомленным всех оказался Василий Яковлевич,— вспоминал очевидец.— В конце концов за справками пришлось обращаться исключительно к нему. Он осведомил нас о наших товарищах по ссылке, о группировке их по кругу тех или других лиц, об условиях жизни и об отношениях к лицам надзора, а всего подробнее об охоте и охотниках, которой он, по его словам, и отдавал много свободного времени».

В некоторых воспоминаниях говорится, что из Туринска Богу-

чарский писал анонимные статьи об охоте в Тобольской губернии для иллюстрированного журнала «Природа и охота», однако нами подобных публикаций в журнале не обнаружено. Анонимная статья «Зверопромышленность в Тобольской губернии (из Сургута)» опубликована в «Сибирском вестнике» (1886, № 103), но Богучарский в 1886 г. был еще в Туринске.

В Сибири Яковлев (Богучарский) досконально изучил «Устав о ссыльных» и «Положение о полицейском надзоре» и придерживался мнения, что обороняться следует прежде всего легальным оружием. Он вел объяснения с властями чаще других, не только защищал отдельных ссыльных, но и всю колонию. Свои аргументы «долговязый блондин с нависшими на глаза прядями волос» излагал с великим жаром, поэтому власти считали его «наивреднейшим смутьяном». За самовольную отлучку в августе 1887 г. Яковлева перевели в Сургут, откуда в марте 1888 г. он написал в Тобольский губернский суд протест, в котором доказывал, что правил не нарушал. Он писал, что за несовершеннолетнюю отлучку был несправедливо присужден к трехмесячному аресту и вдобавок за это же переведен в Сургут. Действительная причина перевода заключалась в том, что Яковлев участвовал в протестах ссыльных против действий местной администрации.

И в Сургуте Яковлев оказался в самой гуще событий, о которых читатель уже знает из предисловия. К тому же в декабре 1887 г. выяснилось, что Яковлев заболел, но местный врач был не в состоянии оказать медицинскую помощь. Активная позиция во время сургутской истории привела к новой ссылке в с. Кондинское Березовского округа в апреле 1888 г. В июле того же года дисартамент полиции известил его об освобождении от полицейского надзора, а через месяц — пришло новое распоряжение о переводе в Якутскую область с продлением срока надзора на 2 года. В этом новом распоряжении было сказано, что предыдущее извещение якобы относилось к другому лицу.

В Якутской области Яковлев, судя по воспоминаниям друзей, продолжал занимать лидирующие позиции среди ссыльных. Под его редакцией вышел полутектографированный, полурукописный «Улусный сборник», в котором поместил статью и Пашин Подбельский. В 1890 г. Яковлев вернулся в Воронеж, вскоре стал членом новой общественной организации «Народное право», куда, в основном, вошли бывшие народники. В середине 1890-х гг. Яковлев-Богучарский проявлял большой интерес к социал-демократическому направлению, которое, по его словам, «безусловно господствует», сотрудничал в марксистских журналах «Новое слово» и «Начало», но позже примкнул к группе либерала П. Б. Струве, организовавшего журнал «Освобождение». В начале XX в. Богучарский стал активным общественным деятелем, в 1905 г. вышел

из группы «Освобождение», а с 1906 г. вместе с В. Л. Бурцевым издавал журналы «Былое» и «Минувшие годы». За публикацию тенденциозных материалов в этом радикальном журнале в 1909 г. Богучарский был выслан на три года в Болгарию. На родину вернулся в 1913 г.

Научно-литературная деятельность Богучарского была заметным явлением в изучении истории русского революционного движения и общественно-политической мысли. Наиболее известны его работы: Активное народничество семидесятых годов (М. 1912.— 384 с.); Из истории политической борьбы в 70—80-х гг. XIX в.: Партия «Народной воли», ее происхождение, судьба и гибель (М., 1912.— 483 с.). Из других сочинений Богучарского следует назвать: Три западника 40-х гг.: П. Я. Чаадаев, В. Г. Белинский, А. И. Герцен (СПб., 1901) (уничтожена по постановлению Совета Министров); Из прошлого русского общества: Общественное движение в России в первую половину XIX в. (СПб., 1905.— Т. 1.); А. И. Герцен (СПб., 1912.— 179 с.); Кровавый синодик. Смертная казнь по политическим делам в России (СПб., 1906). Богучарский был редактором, автором примечаний или автором предисловий к дневникам П. А. Валуева (Пг., 1919) и мемуарам земского деятеля В. М. Хижинкова (Пг., 1916), автором статей, опубликованных в новом энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, «Азеф», «Зубатовщина», «Колокол», «Герцен» и др.; одним из авторов престижного многотомника «Великая реформа» (1911 г.). Кроме того, он сотрудничал во многих журналах и газетах, выявлено более 20 его псевдонимов.

Еще одна заслуга В. Богучарского заключается в разыскании и публикации многочисленных документов (Базилювский В. Государственные преступления в России в XIX в.: Сборник из политических процессов и других материалов, относящихся к истории революционных процессов и оппозиционных движений в России.— Штутгарт; Париж, 1903—1905.— Т. 1—3.— Прилож.: Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг. (Париж, 1905); Галерея шлиссельбургских узников/Ред. В. Богучарского и др.— СПб., 1907.— Ч. 1).

Следует напомнить, что в царской России не было специальных учреждений, собиравших и хранивших документы и материалы по истории революционного и освободительного движения. Богучарский много лет занимался выявлением, сбором и спасением этих документов и тем оказал неоценимые услуги историкам. Среди других материалов, благодаря Богучарскому, сохранился протест сургутян (Красный архив.— 1930.— Т. 4—5).

В Тобольске была издана отдельным оттиском его статья из газеты «Сибирский листок»: Отцы и дети наших дней.— Тобольск: Тип. епарх. братства.— 1898.— 22 с.

О нем: Шумейко М. Ф. К научной биографии В. Я. Богучарского//Археографический ежегодник за 1980 год.— М., 1981.— С. 226—236.

Искра Л. М., Карпачев М. Д. В. Я. Яковлев-Богучарский (К истории о жизни и деятельности)//Вопросы отечественной и всеобщей истории в трудах русских историков XIX — начала XX века.— Воронеж, 1993.— С. 44—53.

ОЧЕРКИ ПРОМЫСЛОВОЙ ОХОТЫ В СЕВЕРНЫХ ОКРУГАХ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Добыча птицы

Волею судеб мне пришлось провести несколько лет в самых северных пунктах нашего обширного отечества, проживши это время в Туринском, Сургутском и Березовском округах Тобольской губернии. Край этот, резко отличающийся многими сторонами своей природы от остальных мест России, представляет для охотника-любителя, а тем более охотника-промышленника громадный интерес. Суровый климат, не позволяющий и думать о каком бы то ни было земледелии, безграничная пустыня, водную артерию которой составляет гигантская Обь с ее многочисленными притоками, кишмя-кишащими разного рода рыбой, наконец, тысячеверстные, угрюмо мрачные урманы, наполненные никогда не улетающими, зимующими породами птицы и разнообразным зверем,— все это наложило на здешнего жителя печать охотника-промышленника...

Не говоря уже о коренном аборигене этой страны остяке, самоеде и вогуле, не вышедшем из охотничьего периода жизни народов, принужденном платить ясак и покупающем все необходимое для жизни единственно путем обмена на шкуры добытых им зверей и на пойманную рыбу, и русский крестьянин мало чем отстает от инородца в умении добыть зверя, птицу или рыбу. Вот почему наблюдатель встречается здесь с высшей степени своеобразными приемами добычи медведя, лося, соболя, лисицы, белки, гуся, утки, осетра, нельмы, моксуна и проч.

Конечно, для нас с Вами, читатель, прежде всего охотников-любителей, многие из способов здешней охоты могут

показаться варварским истреблением дичи, но не будем забывать, что дичь и рыба представляют для здешнего обывателя единственные источники существования. Кроме того, некоторые из способов здешней охоты по своей оригинальности и своему остроумию заслуживают того, чтобы с ними ознакомились, и не одни промышленники, но и охотники другого типа. Наконец, в наше время судьба ставит привыкшего к любительской охоте человека лицом к лицу с природою и заставляет его крепко задуматься о способах не умереть с голоду. Вот соображения, заставившие меня взяться за перо и поделиться с собратьями по оружию накопившимися наблюдениями и впечатлениями. В настоящих заметках я буду говорить пока исключительно о разного рода охоте на птиц, надеясь когда-нибудь после рассказать и о промыслах зверя, и о способах добычи рыбы.

Начну с самого веселого для каждого охотника времени, с наступления весны, а с нею и прилетов и пролетов разных представителей пернатого царства. Бесконечно длинна, сурова и холодна зима в Сургутском и Березовском округах для пришлого человека, но не страшат местного обывателя ни пятидесятиградусные морозы, ни саженной глубины снега. Против морозов его защищает оленья доха, малица и кумыш или гусь¹, а против сугробов его спасают лыжи с *подволоками*² из оленьей кожи, на которых легко и свободно ходит он целые десятки верст. Защитившись таким образом против неблагоприятных условий природы, обыватель собирает богатую дичь в виде зайцев, лисиц и белых куропаток с расставленных им по тайге обыкновенных капканов и своеобразных *кулемов*, сетей и пленок, о которых речь впереди.

Но вот прошли почти восемь месяцев зимы, в воздухе потеплело, кое-где показались озера, или, как здесь называют, лывы; пронесся между обывателями говор — видели уток. И надо видеть то волнение, которое производит это известие! Каждому хочется во что бы то ни стало *добыть утку первому* — это считается великою честью, и добывший делается триумфатором и героем дня. Впрочем, это имеет место главным образом в городе Сургуте, т. к. в Березовском

¹ Доха — одежда более или менее известная; малица отличается от дохи тем, что шьется цельною, т. е. без разреза для надевания впереди, а надевается через голову; называемая в Сургутском округе кумышом, а в Березовском гусем одежда представляет собою род длинной малицы с пришитым к ней наглухо оленьим же башлыком. Таким образом, в кумыше человек покрыт оленьей шкурой буквально с головы до пяток.

² Здесь и далее выделено автором. (Примеч. сост.)

округе условия существования населения еще более оригинальны. Здесь с появлением первых признаков весны стар и млад, т. е. буквально почти все жители села вместе с женами и детьми, отправляются «промышлять» в многочисленные рукава Оби; там лежат главные воздушные пути движения лебедя, гуся и утки на Крайний Север. Туда приходят из Ледовитого океана метать икру и щука, и осетр, и налим, и язь, там соберет поэтому обыватель себе запасы соленой птицы и рыбы в продовольствие на целый год. Там же займется он собиранием утиных, гусиных и лебединых яиц, которые, за почти полным отсутствием в этом краю домашней птицы, долго будут составлять его лакомство. Даже должностные лица, т. е. старшина, кандидат на эту должность, писарь и проч.— все разъезжаются по «протокам», т. к. все занятия в селе по необходимости прекращаются.

Зимние дороги по льду Оби становятся опасными, и вот впредь до того времени, пока реки очистятся ото льда, наш край совершенно становится отрезанным от всего внешнего мира, и какие бы великие события ни произошли в это время по ту сторону Урала и даже ближе, т. е. в тех местностях Сибири, где существуют телеграфы,— мы бы об этом узнали только тогда, когда по половодью пришла на лодках первая почта. В протоках у обывателей построены настоящие дома, и некоторые из них приезжают в село и живут в нем лишь с декабря по начало апреля, а остальные 8 месяцев проводят на промыслах. Большинство же, отправляясь на промыслы в начале апреля, живет там только 2—3 месяца. В это-то весеннее время село совершенно пустеет и $\frac{9}{10}$ домов наглухо заколочены. В селе можно видеть только сельского заседателя¹, 2—3 полицейских стражников, духовенство, древних стариков и старух да несколько совсем уж пролетариев, которым ночему-либо не удалось ни приобрести своего «заведения», ни наняться рабочим к кому-либо из более или менее крупных рыбопромышленников; прибавьте к этому приютившегося здесь с лавочкой и раскинувшего широко свою паутину кулака-еврея, который попал сюда за поставку из Одессы в константинопольские публичные дома живого товару, страстного любителя охоты ссыльного черкеса да нескольких человек интеллигентных работников — и вы будете иметь понятие о здешнем селе в горячую пору пролета дичи.

¹ Становой пристав.

Весна вступает в свои права, северная природа начинает оживать, чаще и чаще дует ветерок со стороны родного благословенного юга, зеленые хвой сосны, ели и кедра становятся как-то свежее, ярче, зеленее, заяц сильно линяет, у куропатки по белому, как снег, начинает показываться кое-где пестрое перо. Все эти симптомы пробуждающейся природы встречаются с замиранием сердца невольным гостем этих пустынь, страстным охотником. Он встает задолго до восхода солнца и бежит смотреть на почерневший лед Оби, на образовавшиеся кое-где забереги, и вот он слышит из недр расстилающегося кругом урмана первое глухое бормотанье тетерева. Начинается где-то поблизости глухариный и тетеревиный ток. Проходит несколько времени, и из глубины леса на любовные призывы бурлящего тетерева раздался ответный голос самочки, после чего бормотанье и чужьяканье красавца косача делается еще более явственным. Лес внезапно ожил; отовсюду льются звуки, составляющие для охотничьего уха моцартовскую музыку. А с неба тоже доносится гоготанье пролетных стай гусей и зычный крик лебедя. Но что это просвистело, кажется, над самым ухом? Это пара гоголей, появляющихся первыми из всех пород уток. Охотник слушает волшебный концерт. Теперь он сам видит, что явились весенние гости, теперь он отправляется в лес почти ежедневно с вечера, и хотя в это время ночи еще довольно темные и разобрать ничего нельзя, но отовсюду льющиеся звуки производят на него магическое действие, он загипнотизирован ими, «он тайного волнения в себе не в силах превозмочь», у него «расходятся морщины на челе, и счастье может он достигнуть на земле».

Дни становятся все теплее и теплее, повсюду катятся с гор шумно-бурливые потоки от тающего в лесах снегу, везде образовались лывы. Ночи стали необыкновенно светлые, начался пролет дичи. О количестве летящей птицы не бывавшему в этих краях трудно себе составить даже отдаленное представление: каждую ночь непрерывно движутся с юга на север громадные стаи самых разнообразных пород уток, куликов и всякой другой водяной и болотной птицы. Резкие звуки, производимые полетом гоголей и свиззей, шум крыльев и гоготанье гусей, криканье серых уток, веселый писк и свист всевозможных пород куликов, кавканье рыбаков-мартынов, цирканье чирят, протяжные ноты кроншнепов — все это соединяется в своеобразный концерт. Именно «стон стоит в воздухе», как выразился охотничий патриарх С. Т. Аксаков, рисуя картину пролета дичи в Оренбургской губернии в давно прошедшие времена.

В это время мы строим себе на лыжах шалаши из сосновых или еловых ветвей и, конечно, лакомимся весеннею птицей. Такая стрельба не включает в себе ничего поэтического, но, как я выше уже сказал, обстоятельства заставляют забыть на время о поэтической стрельбе [1 сл. нрзб.] долгоносиков и обратить внимание на прозу жизни.

Здесь считается до 18 пород уток, из которых многие носят названия несомненно инородческого происхождения: так, широконоску здесь называют *соксуном*, или *лагалкой*, чернеть — *тувазом*, чирка — *чехранкой*. Многие породы уток имеют здесь хотя и русские, но совершенно своеобразные названия: кряква называется селезнем (самец же каждой породы уток называется *мужичком*, а самка *женкою*), гоголь, вследствие своего характерного полета, звуки которого несколько напоминают отдаленно звонящий колокольчик, называется *почтальоном*, луток — *люлькой* и т. д. Было бы весьма интересно сравнить эти названия с существующими в других местах и, если возможно, определить их происхождение. Мне не раз случалось жалеть о том, что я не имею более солидных зоологических познаний вообще и орнитологических в частности; знатоку дела здесь было бы широкое поле для наблюдений и экспериментаций. Так, напр., здесь встречается один из видов уток, который называется в Березовском округе *зынзяркой*, а в Сургутском *киняркой* и которую я нигде раньше не видел; в Сургутском округе водится также совершенно черная утка из породы нырков, которая называется *головней*.

Однако это не лыска, которой здесь, кажется, совершенно не водится.

Подобно уткам, и гуси имеют также свои названия: кроме обыкновенного серого гуся и казарки здесь еще различают *чижвоя*, *ляка* и *буряка*. Все эти три названия происходят, кажется, от звукоподражания.

Куликами в Березовском округе называют только куликов более или менее внушительных размеров, а все мелкие породы носят названия *зуйков*. В Сургутском же округе зуйками называют все без исключения виды куликов. Почти все эти породы птицы кладут здесь яйца и выводят детей. Сбор яиц представляет один из видов здешних промыслов, и летом здесь гораздо легче достать яйцо лебедя, чем обыкновенное куриное, стоящее 5—6 коп. штука. За исключением гагары, яйца всех пород водоплавающей дичи употребляются в пищу. Яйца рыбака малого, называемого в некоторых местах России чайкою, также считаются съедобными,

тогда как сам рыбак никогда в пищу не употребляется. Только рыбак-мартын, кряква, журавль и казарка пролетают далее на север и не останавливаются здесь для вывода птенцов. Бывавшие в Обдорске... рассказывали мне, что мартын не останавливается и там, а летит еще дальше на север. Это несколько странно, если вспомнить, что мартын выводится даже в Европейской России, и, однако, этот факт не подлежит сомнению.

Относительно кладки яиц некоторыми породами уток. Наблюдатель может встретиться здесь с совершенно загадочными явлениями, представляющими любопытные зоологические проблемы... Так, записной охотник, много лет проживший в Сургуте, рассказывал мне, и слова его подтверждали многие другие, что гоголь и луток — две совершенно различные породы уток — кладут яйца оба в одно и то же дупло дерева и поочередно их высиживают. Яйца того и другого можно сразу отличить и по величине, и по окраске; яйцо гоголя больше куриного и светло-голубого цвета, тогда как яйцо лутка немного больше яйца чирка и мутно-зеленоватой окраски. Помимо любопытного факта вывода детенышей двумя различными матерями мы встречаемся и с другим не менее замечательным явлением: гоголь кладет более дюжины яиц, столько же кладет и луток, дупло обыкновенно нешироко, и яйца лежат в несколько рядов — каким образом доходит теплота птицы до нижних слоев яиц? Не перекладывает ли их наседка во время высиживания? Все это вопросы, на которые могут дать ответы только специалисты...

Поле для наблюдений здесь весьма обширное, так как почти все породы болотной и водоплавающей дичи останавливаются по рукавам Оби и многочисленным здешним озерам для кладки яиц. Мимо пролетают, как уже сказано, только рыбак-мартын, журавль, казарка и кряква, а не долетают, кажется, лишь лыска, пигалица-чибис, коростель-дергач и гаршнеп. (Гаршнеп, кажется, не встречается ни в Туринском, ни в Сургутском, ни в Березовском округах, лыска и пигалица изредка попадают в Туринском округе, коростели же прилетают туда в громадном количестве. Из других же, не встречающихся здесь пород птицы Туринский округ богат и перепелами, и особенно скворцами. В самом г. Туринске весною на каждом доме обязательно ставятся по одной, по две и более скворешницы...) Бекасов же и дупелей здесь водится множество, и я изредка позволял себе с помощью случайной легавой собаки погоняться за завидною добычею.

Отправившиеся в протоки Оби жители занимаются в это время ловлею уток *перевесами*. Производится эта операция так.

Между двумя лесными озерами, особенно любимыми птицею, или между Обью и так называемыми сорами, т. е. заливными лугами, делается в лесу просека, называемая в Сургутском округе *плохой*, а в Березовском *перевесем*; затем строятся две двойные деревянные подпорки, к ним прикрепляется по длинному деревянному шесту (эти шесты называются *журавцами*). На верхнем конце каждого журавца укрепляется по деревянному блоку, а на одной из подпорок — вересковое кольцо. Между обоими журавцами растягивается сеть саженой в 10 шириною, а в высоту с таким расчетом, чтобы она занимала всю длину журавца от блоков до нижних подпорок. Сеть вверху и внизу натянута на тоненькие веревки, которые называются *верхнею и нижнею тетивою перевеса*, а от концов верхней тетивы — следовательно, как раз по боковым краям сети — идут через оба блока и нижнее вересковое кольцо перевки, называемое *вожжами*. Перпендикулярно к этой сети, параллельно земле, натянута на двухфутовых колышках другая сеть, ячеей которой раз в 5 более, нежели ячеей перевеса, и которая называется *подтоном*. Подтон растягивается таким образом, чтобы нижняя тетива перевеса проходила приблизительно по его середине и непосредственно на нем лежала. В этом, собственно, и состоит весь механизм нехитрой машины.

Охотник сидит неподалеку в особо устроенном станке или срубе и держит обе вожжи в руках или наматывает их вокруг дерева, делает петлю и втыкает в нее палочку с таким расчетом, чтобы вожжи, а с ними и весь перевес моментально падали, как только палочка будет выдернута. Теперь действие перевеса должно быть понятно. Т. к. он расставляется ночью, то утки, разумеется, его не видят, а охотник внимательно ловит момент, когда утки почти ударяются о сеть перевеса; в этот миг он моментально спускает перевес, и сеть падает вместе с запутавшимися в ней утками на землю. Для того чтобы уловить момент спускания перевеса, конечно, нужны ловкость и известная сноровка; если уток летит немного, то перевес спускается в то время, когда они еще не коснулись сети, если же их летит целая большая стая, то передним уткам дают удариться об сеть, следующие налетают уже прямо в силу инерции, и перевес спускается.

Иногда перевес делается без подтона, и в таком случае сеть с утками падает прямо на землю, но это неудобно, во-первых, потому, что в таком случае уток успеет выбиться

из сети гораздо больше и, во-вторых, потому, что сеть, пачкаясь об землю, покрывается темными пятнами, которые становятся заметны и пугают уток. С подтоном же дело происходит несколько иначе: сеть перевеса с утками падает в большие ячеи подтона, и образуется несколько мешков, из которых уткам выбраться почти невозможно. А так как в этом случае перевес не касается земли, то сеть остается чистой. Пойманные утки, конечно, сильно бьются и очень запутывают сеть, и потому охотники не вынимают их живыми, а спешат скорее прикончить. Эту операцию необходимо произвести без кровоизлияния, потому что кровавые пятна так же заметны на белой сети перевеса, как и грязь, и утки могут издали увидеть ловушку. Поэтому охотники «закусывают» уток, т. е. крепко сжимают зубами утиную головку — так, однако, чтобы не выступило по возможности ни одной капли крови... Но и после этого утка бывает поражена не смертельно, а потому, вынувши ее из перевеса, свертывают ей шею и закладывают голову под крыло. Без соблюдения же этой предосторожности случается, что «закушенная» утка, будучи брошена на землю, вспархивает и улетает.

Перевесами ловят обыкновенно весь май месяц, причем средним уловом считается 100 и хорошим — 200 уток на перевес. Так как у каждого сколько-нибудь деловитого хозяина находится 2—3 перевеса, то средним числом каждая семья привозит около 500 уток. В перевесы попадают преимущественно чирки, свиязи, шилохвости и реке — кряквы; попадают редко гуси и лебеди. Что касается куликов и других птиц, то они попадают в перевес нередко, чем обыватели остаются крайне недовольны, и хотя их не употребляют в пищу, но непременно всех передушат. Существуют рассказы о том, что в перевес попадались сразу по 100—150 уток и за весну добывали их штук по 1000. Говаривают также о невероятных случаях, когда налетавшие на перевес стаи уток были так многочисленны, что обрывали сети и уносили их, но эти рассказы относятся более к области мифов.

Кроме весны перевесы ставят и осенью, но добыча бывает в таком случае гораздо малочисленнее. Вообще же, благоприятным временем для ловли перевесами считаются безветренные весенние ночи, в ветреную погоду улов бывает плох, но при этом, если ветер дует параллельно перевесу, то это еще не считается большим препятствием; если же ветер дует прямо на перевес, то сеть надувается, как парус корабля, опускается чрезвычайно туго и сколько-нибудь сносного улова ожидать нельзя.

Пойманную птицу засаливают; выбирают внутренности, насыпают горсть соли и вешают в холодном месте. В таком виде птица сохраняется более или менее неиспорченною в течение целого года.

Окончивши ловлю уток перевесами, жители Севера отправляются промысливать птичьи яйца; для этого несколько человек садятся в большую лодку, называемую здесь «неводником», и, захвативши с собою небольшой челнок — «плавательную лодку»¹, отправляются на многочисленные обские острова, протоки, заливы и озера. Яиц собирают необыкновенно много; на долю каждого хозяина приходится штук по 500. Яйца засаливают, и они сохраняются очень долго. Сбор гусиных яиц начинается очень рано, ибо гусь начинает класться немедленно после вскрытия рек; позже всех собирают яйца чернети — «туваза», который прилетает после всех других пород уток. Сбор яиц чернети бывает обыкновенно особенно изобилен, но зато он и гораздо опаснее. Дело в том, что чернеть кладется на плавучих островах, изобилующих «окошками», т. е. чистыми местами. На этой-то ходуном ходящей трясине и приходится с шестом в руках «странствовать», волоча за собой «облаз», в который и вскакивают в случае провала и в который складывают собранную добычу.

У уток, кладущихся в дуплах деревьев, яйца иногда удается набирать периодически, через известные промежутки времени, т. е., заметивши дупло, начинают брать из него по несколько яиц, оставляя непременно два или три; утка продолжает класться, и через несколько времени яйца снова отбираются и т. д. Таким порядком удается иногда вынуть из одного гнезда общим счетом 15—20 яиц. Жители нарочно прикрепляют к деревьям особые круглые ящики вроде ульев для пчел, но отверстия которых находятся сверху; утки охотно занимают такие искусственные дупла, и промышленники выбирают яйца. Но обратить утку в более или менее продолжительную данницу удается далеко не всегда, чаще она бросает гнездо после первого же забора из него яиц.

Теперь мы перейдем к ружейной охоте на гусей и лебедей. Серого гуся и казарки здесь пролетает необыкновенно много, целую весну тянутся они длинными вереницами с обязательным вожакom впереди, и веселое гоготание их раздается напролет дни и ночи. Останавливаются они на отдых

¹ Лодка эта вроде русской душегубки, но меньше ее и еще более неустойчива. В Сургутском округе такие лодки называют *облазами*. Слово это остатное, но получившее и между русским населением полное право гражданства.

только на широких сорах, да на т. наз. «гольцах», т. е. голых песчаных островах Оби, окруженных песчаными же отмелями. На этих-то гольцах и производится охота при помощи так называемых станков. Для этого, как только гольцы очистятся от снега, вырывают в еще мокром песке неглубокие ямы длиною в человеческий рост и покрывают их полуметрическими слоями досок с отверстием для входа с одной стороны и с несколькими бойницами с другой. Сверх досок насыпан также песок, так что издали такой «станок» имеет вид кучи песку. Затем непременно по ветру ставятся довольно грубо сделанные гусиные чучела, называемые в Сургутском округе *манчуки*, а в Березовском — *манцики*.

Этих манчуков ставится от 3 до 40 и даже 50. В месте их расположения и состоит весь секрет такой охоты. Так как промыслом гусей занимаются весьма немногие, то и секрет расстановки манчуков известен далеко не всем, знающие же его делятся своими на этот предмет знаниями весьма неохотно. Однако все дело состоит в том, чтобы одного гуся поставить несколько отдельно и придать ему вид часового, остальные гуси сажаются так: впереди 3, затем 2 и затем все остальные один за одним. К сожалению, мне лично ни разу не удалось видеть отдыха гусей на гольцах, но здешние охотники утверждают, что гуси располагаются в таком случае всегда в одном и том же порядке. Хорошему промышленнику удастся добыть таким образом в одну весну 40—50 гусей.

Лебедей пролетает здесь также очень много, но располагаются они обыкновенно на широких сорах, так что подкрасться к ним незаметно нет почти никакой возможности. Издали же можно нередко видеть целые стаи гордо плавающих царственных птиц, белоснежное оперение которых ярко блестит на весеннем солнце. Однако же иногда лебеди любят плавать на уединенных больших озерах, вот эти-то озера и замечаются заранее промышленниками, и в таком случае охота на лебедя вполне схожа с охотой на гуся: устраиваются на берегу озера станки, а по озеру пускают плавать один или два лебединых манчука, и обманутая птица делается жертвою меткого выстрела промышленника. Иногда же охота на лебедей производится особым способом, без манчука. Основана она на том, что лебедь любит отдохнуть на выдающейся из воды глухого озера куче мусору, заросшего водорослями. К любимому лебедами озеру привозят пустую бочку и топят ее в озере посредством привязанных к ней на веревках камней или небольших якорей так,

чтобы верхний край бочки выступал из воды не более как на четверть. На этом месте устроены бойницы для стрельбы, служащие в то же время и отверстиями для доступа в бочку воздуха. Охотник влезает в эту бочку, а приехавший с ним товарищ закрывает ее плотно, засыпает землей, покрывает дерном и разного рода водорослями и уезжает. Иногда все-таки пускают плавать недалеко от бочки лебединый манчук. В таком-то подводном дворце и приходится охотнику сидеть иногда целые сутки — работа, требующая и адского терпения, и крепкого здоровья.

Лебедь принимает возвышающийся край бочки за островок, подплывает к нему и падает под выстрелом охотника. В Сургуте есть один лебединый промышленник, который убивает, сидя в бочке, каждую весну 20 и более лебедей. Мясо лебедя [1 сл. нрзб.] повсеместно употребляется в пищу, а шкурка ценится от 60 коп. до 1 руб. Кроме того, некоторые промышленники собирают на продажу и знаменитый лебяжий пух. Копчение гусей и лебедей... здесь совершенно неизвестно.

Мне остается сказать относительно промыслов водоплавающей дичи еще только о ловле линных уток, добыча которых составляет также важный промысел. В Туринском округе эта ловля производится преимущественно особо обученными собаками, а в Сургутском и Березовском округах линные утки ловятся совершенно особым образом. Было уже выше сказано, что в этих округах Обь затопляет на целые десятки верст прилегающие луга, вода держится на таких сорах до середины июля. Так как сора неглубоки и имеют массу островов и отмелей, покрытых растительностью, то они служат любимым местопребыванием уток во время линяния. В селе Кондинском Березовского округа на такую добычу уток выезжает обыкновенно почти все мужское население, которое составляет одну промысловую артель. Выбирают на сору неширокое место, лучше всего какой-нибудь пролив, которым соединяются два сора, и перегораживают его от края до края несколькими связанными вместе неводами. Эта перегорожка из неводов делается таким образом, чтобы ее нижний край лежал на самом дне сора, а верхний выступал по крайней мере на аршин над водою; достигается это посредством прикрепления неводов к вбитым в дно кольям. Затем участники артели разъезжаются на челноках по всему сору и стараются согнать плавающие стаи уток к приготовленной ловушке, и когда это удается и утки приплывают в загороженное место, пролив сейчас же перегораживается такими

же неводами с другой стороны, а по берегам между обеими перегородками располагаются люди. Таким образом, все утки делаются замкнутыми в тесном пространстве между неводами, и начинается настоящая бойня, редко какой счастливице удастся как-нибудь выскользнуть из окружающего кольца. Случается, однако, что под массовым напором уток невод прорывается, и в таком случае все моментально уходит в образовавшуюся дыру. Опытные промышленники предвидят возможность таких неприятных для них казусов и потому позади первой цепи неводов растягивают на небольшом расстоянии вторую и даже третью, тогда уже поголовная гибель уток становится неизбежной. Средняя добыча уток этим способом — 1000 штук, а хорошая — 2000 и более.

Видя, какую массу добывает житель Севера птицы, яиц и рыбы, читатель может вывести заключение о блестящем экономическом благосостоянии этого края. Однако этот вывод будет совершенно неверен и *de facto* экономическое положение описываемых мною уголков Севера далеко не удовлетворительно. Дело в том, что, вследствие переполнения здешних рынков (Тобольск, Тюмень и известная Ирбитская ярмарка) рыбою и птицею, эти предметы предложения становятся очень малоценными, а потому и цены на рыбу и птицу, устанавливаемые на месте скупщиками, также чрезвычайно низки. Так, в 1888 г. в Сургутском и Березовском округах по деревням и в городах пара рябчиков стоила 15 коп., пуд язя — от 70 коп. до 1 руб., пуд щуки — 20 коп. и т. д. Что касается уток, то так как они просолены, и притом самым первобытным способом, то они идут всецело на удовлетворение неприхотливых потребностей самих жителей, а на рынках не имеют никакой цены. Весною свежая большая утка стоит на месте 3—5 коп., а чирок — 1½ — 2 коп. Положим, что улов птицы и рыбы был средний и один человек поймал за весну перевесом 100 птиц, из которых 50 больших уток и 50 чирков; полагая чирка в 2 коп. и большую утку в 4 коп., мы находим, что, не считая порчи перевесов, лодок и т. д., промышленник приобрел за 30 бессонных ночей 3 руб.! На ловлю линных уток выезжает артель, состоящая из всего мужского населения деревни — положим, 50 человек; если они поймают 1000 штук, то на долю каждого пайщика придется по 20 штук, т. е. от 40 до 80 коп. Средний улов рыбы на человека составляет пудов 20, из которых, положим, пудов 10 щуки и 10 язя, что составляет рублей 10—12, опять-таки не считая порчи неводов, сетей и т. д. Яиц хотя добывается и много, но они немедленно

засаливаются и никакой цены на рынках не имеют. Прибавим к этому еще добытых средним промышленником нескольких нельм, моксунов или других каких-либо ценных рыб — это увеличит доход еще рублей на 5. Итого птицы и рыбы он приобрел за весну и лето рублей на 20—25. Т. к. осенью и зимою добыча зайцев, тетеревов, белок, лисиц и проч. капканами, отравками, кулемами, слопцами и т. д. производится далеко не всеми жителями, то этой цифрой и должен выражаться *средний* доход *среднего* же промышленника. Положите теперь расходы на подати, денежные повинности, ржаную муку, стоящую от 60 до 1 руб. 20 коп. за пуд, закупку предметов для одежды, обуви и домашнего хозяйства, стоящих в местных лавках страшно дорого, и вы увидите, что доход будет всегда менее расхода, не считая, конечно, затраченного труда, и что, следовательно, дефицит в хозяйстве неизбежен. Главный предмет доходов Березовского округа составлял недавно сбор кедровых орехов, которых каждый житель набирал пудов до 50, а цена доходила до 2 руб. 20 коп. за пуд, но вот уже лет 8 как орех совершенно перестал родиться, и экономическое благосостояние жителей совершенно упало, теперь за жителями числятся большие недоимки в казну и неоплатные долги местным кулакам.

Чтобы покончить с разного рода охотой и весенними промыслами водоплавающей и болотной птицы, упомяну также о своеобразной добыче в Туринском округе дупелей. Эта благородная птица появляется на базарах г. Туринска и покупается местными гастрономами по 2—3 коп. за штуку. Конечно, о стрельбе дупелей, кроме как некоторыми любителями из местного *beau monde*, нет и помину, а потому и добыча их имеет характер, способный возмутить каждого истого охотника-любителя. Дупелиный промысел имеет место, главным образом, в отстоящей на несколько верст от Туринска деревне Казаковой и производится преимущественно одним местным крестьянином, получившим за постоянное истребление дупелей характерное прозвище «Дупелиной Смерти». Вот в эту-то деревню и отправился я однажды весною по предложению знакомого крестьянина посмотреть на дупелиные промысла. Оказалось, что дело происходит таким образом: лишь только наступит полная весна и покажутся дупеля, Дупелиная Смерть уже бродит по лугам и болотам, высматривая места начинающихся дупелиных токов. Тока происходят обыкновенно на заливных лугах после того, как с них сошла вода и они покрылись травой. Во время токов

дупеля издают характерные звуки, напоминающие шуршание. Токи происходят всегда ночью. Найдя токовище, Дупелиная Смерть приходит туда днем, вбивает в землю позади его штук 15 кольев на расстоянии 2—3 сажени один от другого и на этих кольях растягивает обыкновенную мережку, затем, придя туда ночью, ждет, сидя под деревом, когда начнется в траве шуршание и хлопанье крыльев слетевшихся на токовище дупелей. Когда их соберется несколько, промышленник прямо идет в траву со стороны противоположной той, где поставлена мережка, и спугивает увлекшихся борьбою птиц. Известная привычка дупеля «утянуть низом», т. е. не подыматься высоко от земли, заставляет его налетать прямо на сеть и в ней запутываться. Тогда промышленник вынимает его из сети и прокусывает головку. Таким-то образом промышленник Дупелиная Смерть душил каждую весну более сотни дупелей и доставляет лакомое блюдо туринским гастрономам.

Быстро пролетает короткое северное лето, в сентябре холода очень чувствительны, а нередко и земля уже покрыта снегом. В это время, пока метели еще не намели огромных снежных сугробов, производятся усиленные промыслы пролетной осенней и зимующей птицы. Отлетающую на юг птицу ловят теми же первесами, а добыча зимующей птицы производится особыми способами. Из зимующих птиц здесь водится глухарь (самка глухаря называется в Сургутском округе *пеструха*, а в Березовском — *тетеря*), тетерев-косач (самка в Сургуте — *палюшка*, в Березове — *пальник*¹), рябчик и белая куропатка. Замечательно, что, тогда как глухаря, косача и рябчика можно встречать в лесу и летом и находить их гнезда, белая куропатка забивается на лето куда-то так далеко, что люди, прожившие здесь весь свой век, летом ни разу ее не встречали и не находили ее яиц. С наступлением же осени не успевшие еще окончательно побелеть полупестрые стада куропаток целыми тысячами появляются недалеко от каждого жилья; по несколько же штук куропатки иногда залетают прямо в деревни и даже города. Самый распространенный способ добычи глухаря и пеструхи — это стрельба их при помощи особых встречающихся здесь собак, умеющих их отыскивать и облаивать. Эти собаки на вид ничего из себя особенного не представляют, напоминая сильных, здоровых дворняг, но отличаются замечательным свойством: спугнувши с земли глухаря и гоняя его до тех пор, пока он не сядет на дерево, они начинают уси-

¹ На Урале, как известно, эта птица называется палиш.

ленно на него лаять, и притом лаять совершенно особым образом — «тявкать», и тем дают знать о месте нахождения птицы охотнику. Севший на дерево глухарь нисколько не боится раздающегося под деревом ожесточенного лая, а напротив, склонивши голову, с любопытством рассматривает мятущихся внизу собак. Этим в значительной степени привлекается внимание этой в высшей степени осторожной птицы, и охотник может незаметно к ней подкрасться на выстрел. Мне самому случалось убивать таким образом глухарей и пеструх. Охотники из местных промышленников рассказывали мне, что когда собаки находят несколько глухарей, сидящих на одном и том же дереве, и усиленно их облаивают, если удастся подкрасться к ним так, что они не видят человека в момент выстрела, то выстрелы их нисколько не пугают и их можно перестрелять всех; для этого только надо начинать с сидящих ниже остальных, ибо в противном случае падающий глухарь может зацепить другого, сидящего ниже его, и тот слетает, а раз слетает один, то непременно слетят и все. За достоверность этого рассказа относительно глухарей я, разумеется, поручиться не могу, но знаю по личному опыту нечто на это похожее с белыми куропатками. Без всяких собак случалось мне подкрадываться к густо усеянными куропатками тальникам и успеть убить 3—4 штуки, прежде чем вся стая улетит. После первого выстрела куропатки только вытягивали шеи и переставали кормиться, после второго и третьего начинали перелетать с ветки на ветку и беспокойно «клохтать», после четвертого обыкновенно подымались все разом и с шумом улетали. Понятно, что подбирать убитых, прежде чем вся стая улетит, никогда не следует, так как куропатки непременно улетят, если заметят человека. Глухарей же самому мне стрелять в то время, когда они сидят по несколько штук на одном дереве, не приходилось и слышать рассказы о них доводилось только от охотников и местных промышленников, и потому я передаю их не как факты, а как рассказы, требующие подтверждения. Тетерев-косач и палюшка также облаиваются собаками, но бояться их несравненно более, чем глухари, и чаще сейчас же улетают далеко, лишь только собаки начинают лай. Поэтому убить их из-под собак гораздо труднее, нежели глухарей и пеструх. Эти же собаки облаивают не только птиц, но и мелкого зверя: белку, бурундука, горностая и проч. Замечательно, что у некоторых собак имеются при облаивании разных птиц и животных в самом лае различные оттенки, так что один охотник, живущий в селе Кондинском

Березовского округа, умеет различать издали, по какой птице или по какому зверьку лает его собака¹. С помощью таких же собак охотятся жители и на соболей, но есть собаки, облаивающие исключительно только соболей. Такие собаки ценятся необыкновенно дорого. Привожу в виде иллюстрации рассказ, что в селе Пелымском Туринского округа при дележе двумя братьями оставшегося после смерти отца наследства они помирились на том, что один брат взял все движимое и недвижимое имущество, а другой пару обученных отыскивать и облаивать соболей собак! Это объясняется тем, что все состояние было нажито промыслом соболя с помощью этих собак.

Таким образом, из всех видов стрельбы глухарей и тетеревов здесь распространена только охота с помощью собак; охота с чучелами совершенно неизвестна в Сургутском и Березовском округах, но в небольших размерах практикуется около г. Туринска. О стрельбе же молодых тетеревят из-под стойки легавой собаки, разумеется, нет и помину.

Осенью же производится ловля куропаток пленками и сетями и добывание глухарей и тетеревов так называемыми *слопцами*. Ловля пленками и сетями — дело очень простое: с наступлением осени по болотам, покрытым кустами брусники, и *талам*, т. е. местностям, покрытым тальником, появляются огромные стада уже начинающих белеть куропаток. В это время они преимущественно бегают по земле, редко садясь на кусты. Поэтому в особенно любимых ими местах между кустами делают загородки сажен по 10—15 длиною. Для этого вбивают в землю с самыми небольшими промежутками ряд палочек не более 1/2 аршина высоты, оставляя по временам между палочками такие воротца, чтобы куропатка могла в них свободно пробежать. Над этими воротцами натягивается крепко тоненькая веревка, к которой, в свою очередь, прикрепляется сделанная из конского волоса обыкновенная петля; однако эту петлю надо уметь расположить как раз на должной высоте, т. е. на высоте роста куропатки, когда она вытягивает шею. По обеим сторонам загородки в виде приманки кладут ветки тальнику. Куропатка, добежавши до загородки, не перелетает через нее, а старается ее обежать; когда она встречает воротца, то вбегает в них и попадает в петлю. Если пленки поставлены низко, то случается, что куропатка попадает

¹ Нечто подобное встречается и в России у хорошо выдрессированных легавых собак; известно, что есть охотники, которые по манере стойки своей собаки узнают, над какой птицей она стоит.

в петлю лапкой или крылом и остается живою, но чаще петля стягивает шею.

Добывание куропаток сетями отличается от добывания пленками тем, что вместо загородки на местах, посещаемых куропатками, вбиваются полуаршинные колышки, по вершинам которых проходит веревочка; вдоль веревочки свободно опускается сеть с ячеями средних размеров так, чтобы один край ее лежал на земле, а второй свешивался на четверть аршина по другую сторону веревочки. Бегущая куропатка ударяется в сеть, часть которой вследствие этого падает на землю, и куропатка запутывается. Таких сетей в лесу и по талам ставят десятки и обыкновенно добывают куропаток живьем.

Пленки и сети в высшей степени распространены в Сургутском округе, где поэтому зимою пара куропаток стоит 5—6 коп. В 1886 г. начался огромный спрос на незапачканные крылышки белых куропаток вследствие появившейся моды украшать ими женские шляпки; платили копеек по 5 за пару, т. е. дороже, нежели стоили на месте сами куропатки. В это время куропаток истреблялось огромное количество, но в следующем году мода прошла и за крылья пичего не давали. Вообще, своими модами Париж оказывает влияние на самые глухие трупщобы. Так, одно время вследствие той же моды явился спрос на шкурки сорок, за которые платили по 15 коп. за штуку. Началось, разумеется, грандиозное их истребление, заготовили массу шкурок, и в следующем году за них никто не давал и ломаного гроша.

В Березовском округе сети и пленки тоже очень распространены, но ловлею куропаток занимаются преимущественно дети и подростки. Что касается стрельбы куропаток, то местными жителями она почти вовсе не практикуется; вообще, здесь осенью стреляют из птиц почти одних только рябчиков, за пару которых скупщики платят 15—16 коп., сбывая их в Тобольск, где они уже стоят 20—25 коп. штука. Глухарей и тетеревей стреляют сравнительно немного, добывая их главным образом так называемыми *слопцами*. Этот снаряд основан на том, что глухари, тетерева, куропатки и рябчики, подобно домашним курам, очень любят рыться в песке, отыскивая необходимые им для пищеварения небольшие камешки. Почва, на которой растут леса описываемой местности, состоит преимущественно из супеси, до которой, однако, птице трудно добраться, так как она покрыта целыми массами других наслоений, образовавшихся из перегнившего валежника. Поэтому прежде всего особым железным инструментом, вроде небольших граблей с острыми шипами,

называемым царашкою, разрывают землю, обнажая небольшое круглое пространство песку. Это пространство называют *майданом*. От этого майдана расчищают песочную дорожку шириною в пол-аршина и длиною приблизительно в сажень, эта дорожка сливается по другую сторону со вторым майданом. Вдоль песчаной дорожки идет одно толстое бревно или два бревна, наглухо между собою соединенных; один конец этого бревна упирается в землю на одном из майданов, а другой приподнят, составляя с плоскостью горизонта угол приблизительно в 30 градусов. Это бревно мы будем называть основным. Висящий в воздухе конец основного бревна (или двух соединенных между собой бревен) имеет расщеп, в который входит нетолстая жердь, вставленная в основное бревно под прямым углом, но таким образом, чтобы один конец ее мог лежать на земле, а другой несколько выдаваться от оконечности основного бревна вперед. Затем вдоль обеих сторон дорожки вставляют длинными ребрами в землю две доски с таким расчетом, чтобы лежащее на дорожке основное бревно свободно помещалось между этими досками, а у крайних точек соприкосновения одного из майданов с дорожкой вбивают в землю два невысоких кола. Теперь, если приподнять основное бревно, то один конец его будет лежать на земле, а перпендикулярно к нему проходящая жердь может быть оперта на один из вбитых кольев (другой край жерди лежит на земле), но держаться в таком положении бревно еще, разумеется, не может. Поэтому для придания ему некоторой слабой устойчивости делают так: на кол, на который опирается висячий конец жерди, подводят вторую жердь перпендикулярно к первой и, следовательно, параллельно доскам, огораживающим песчаную дорожку; другой же висячий в воздухе конец этой второй жерди встречает на своем пути вересковую ветвь, оканчивающуюся с обеих сторон загнутыми вересковыми же кольцами, и входит в верхнее кольцо, в нижнее же кольцо вставляется небольшая палочка, которая плотно упирается в доску, огораживающую песочную дорожку. От второй доски прямо против первой проходит такая же палочка, которая своим свободным концом плотно соприкасается с первой, а благодаря этому обстоятельству держится и весь механизм. Действительно, на одной из соприкасающихся палочек надето кольцо вересковой веточки, через верхний конец которого проходит жердь и таким образом держит веточку в несколько напряженном положении; конец этой жерди лежит на вбитом около дорожки колышке, а на выдающемся конце этой жерди лежит

другая жердь, вставленная в расщеп основного бревна, которое и удерживает ее в равновесии своею тяжестью. Но достаточно нарушить связь нижних палочек, чтобы вересковая веточка отскочила вверх, жердь упала в сторону, а основное бревно рухнуло на песчаную дорожку. Поэтому, когда птица норывается с одного из майданов бежать по дорожке, чтобы выйти на видимый ею другой майдан, она непременно зацепит палочки (для этого сверх палочек кладут еще несколько маленьких щепочек), нарушит их связь, и упавшее прямо на дорожку основное бревно непременно ее придавит.

В слопцы попадают, главным образом, глухари и тетерева, но также и куропатки, рябчики, зайцы. Хороший промышленник ставит в лесу до 50 слопцов и собирает в них за одну осень до сотни птиц. Обходить слопцы нужно по крайней мере через два дня, но лучше через день. Птица обыкновенно убивается бревном насмерть, но случается вынимать большого глухаря и живым, только несколько пришибленным.

Вот, читатель, какая масса дичи истребляется ежегодно в северной полосе нашего отечества. Перевесы, капканы, бойня линных уток, забирание нередко даже уже насиженных яиц — все это не может в значительной степени не влиять на повсеместное уменьшение птицы — то уменьшение, жалобы на которое несутся со всех концов России. А между тем виновато ли в этом население Севера? Кто решится осудить его за это? Суровые климатические условия рядом с не менее суровым социально-экономическим положением населения, отсутствие иных видов в промышленности, низкий культурный и умственный уровень развития жителей — все это слишком достаточные причины для того, чтобы даже нерациональное и жестокое истребление дичи на Севере являлось бы фатально необходимым, и законы борьбы за существование всегда будут сильнее всех самых красноречивых проповедей о вреде такого страшного истребления птицы.

Добывание зверей

Из зверей в Туринском, Сургутском и Березовском округах водятся заяц, всех сортов лисица, белка, горноста́й, соболь, волк, медведь, выдра, лось и северный олень¹. Как и следует ожидать, больше всего здесь встречается зайцев.

¹ Около Обдорска, т. е. в самой северной полосе Березовского округа, водится также песец, но, не бывавши там лично, ничего не могу сказать вполне достоверного об охоте на этого ценного зверька.

Этого повсеместно распространенного зверька водится в описываемой местности необыкновенно много, и трудно пробыть в лесу 2—3 часа, чтобы не спугнуть несколько косых. Поэтому и добыча зайца производится в огромных размерах. Добывают же его, главным образом, из-за шкурок, т. к. в громадном большинстве случаев мясо его в пищу не употребляется. Проезжая из Сургутского в Березовский округ, я узнал, что в одной деревне, где зайцев промышляли т. наз. *кулемами*, целая артель добыла их в течение одной зимы около 1000 штук, причем ни один житель деревни не ел заячьего мяса, и, таким образом, вся эта масса тушек была брошена собакам. Заячья шкурка стоит зимою 10—15 коп., а летом 2—3 коп., или же вовсе за нее ничего не дают, поэтому и промысел их производится главным образом осенью и зимою. Употребляющие же зайцев в пищу бьют их, разумеется, во всякое время года. Главная добыча зайцев производится *кулемами*, устройство которых почти вполне сходно с устройством *слопцов*, но отличается от последних тем, что для зайцев не расчищают *майданов*, а по обеим сторонам механизма и под основным *бревном* кладут *приманку* из *тальниковых веток*. Заяц, полакомившись *тальником*, подходит по дорожке под предательское *бревно* и сразу обретает себе смерть. В Сургутском округе такие *кулемы* называют *пастями*.

Устраивают на зайцев и *загоны*, но такие охоты практикуются преимущественно пришлыми людьми. Самым лучшим временем для таких охот считается поздняя осень, перед замерзанием *Оби*. В это время зайцы, как бы осведомляясь о том, нельзя ли уже перебраться на другую сторону реки, скапливаются массами в *окаймляющих берегах* *Оби* в виде *бордюров тальниковых рощицах*. Такие *рощицы* в Сургуте называют *леторосками*, и вот в этих-то *леторосках* и производится охота. Отправляется обыкновенно компания человек в 8—10, все с *ружьями*, причем половина становится в *засаду*, а другая начинает «*гнать*». *Загонщикам* также необходимо иметь *ружья*, потому что многие, так сказать, опытные зайцы не идут на *засаду*, а возвращаются назад и стремятся *проскочить между цепью*. Иной раз в *загоне* приходится убить больше зайцев, нежели *сидя в засаде*. Через каждый *загон* *сидящие в засаде* и *идущие в загоне* меняются местами. При таком способе охоты случалось убивать в течение нескольких часов по 30—35 зайцев.

Бьют зайцев (но это уже главным образом местные жители) и *весною*, во время *водополя*. Дело в том, что многие

зайцы остаются на островах Оби, которые постепенно затопляются водою, так что во время полного разлива все они неизбежно должны погибнуть. В это-то время и отправляются жители на острова с ружьями, собаками и сетями, и там происходит такая бойня, которая напоминает истребление младенцев. Зайцы страшно мечутся на оставшемся сухим небольшом пространстве, многие в отчаянии кидаются в воду и даже проплывают более или менее значительное расстояние, но в конце концов, если не делается жертвою ружья или собаки или не запутываются в расставленных сетях, то неминуемо гибнут в волнах обской пучины. Такая травля не может быть названа, разумеется, охотою, но не надо забывать про низкий уровень экономического благосостояния жителей Севера, равно как и про то, что оставшиеся на островах Оби зайцы все равно обречены на смерть самую природою.

Раннею весною, лишь только по лесным полянкам покажется первая зеленая травка, караулят зайцев, приходящих туда по ночам «жировать». Долго питавшийся исключительно тальниковой корой, выбегает косою полакомиться свежей муравкой, но тут же под кустом зорко стережет его охотник. Любопытно в это время наблюдать этого зверька, трусость и незащитность которого вошли в пословицу. Вот осторожно скачет косою, еще не успевший выцвести, из густого бора, вот присел он на задние лапки и боязливо озирается кругом. Везде тихо, заяц успокаивается и начинает щипать травку, но стоит только хрустнуть ветке, крикнуть утке или даже свистнуть кулику, чтобы серый моментально прекратил свой завтрак и сел с несколько вытянутыми вперед лапками и наостренными ушами и весь превратился в сосредоточенный слух: Видя же, что нет никакой опасности, он снова принимается за травку и, вдоволь насытившись ею, начинает бегать, резвиться, играть. Приходит другой, третий, четвертый заяц, вот их уже целый десяток; воздух нередко оглашается визгливым заячьим воплем, и стоит раздаться такому, как все стихают и слушают, не привлек ли заячий голос лютого врага. А враг действительно уже давно сидит здесь же, в густом тальнике, смотрит на заячьи забавы и вот обнаружил свое присутствие, прозвучал в лесу выстрел, раскатившийся по Оби десятком эхо, один заяц с жалобным стоном растянулся на земле, а остальные в ужасе с быстротою молнии скрылись в темном урмане. Если же вдруг не разобьется пистон и упавший курок произведет резкий звук, способный всполошить даже и не совсем осторожную

птицу, зайцы не разбегаются, а все, усевшись на задние лапки и вытянув мордочки, смотрят по направлению раздавшегося звука. Такое состояние продолжается, конечно, недолго, выстрел не заставляет себя ждать, и зайцы исчезают.

Из лисиц чаще других здесь встречаются более простые породы — белодушка и сиводушка, но попадаются и серобурые, и огневки, и знаменитые черно-бурые, или, как здесь называют, черные. Лисицы хитры и редко попадают в ловушку, поэтому их добывают весьма немного обыкновенными капканами. Но самый распространенный способ — это добывание их отравами с помощью сулемы или стрихнину. Обыкновенно отравы приготавливаются таким образом: берут на тарелку чистого язевого жира и постепенно подмешивают в него сулемы (белый порошок), пока сулема, как здесь говорят, не «пожрет» жир, т. е. не получится белая однородная масса такой густоты, как столярный клей. Размешивание производится при помощи лопаточки пальца в три шириной. Затем смесь выносят на мороз (если в это время идет снег, то надо тарелку плотно закрывать, чтобы в нее не попало, по возможности, ни одной капли воды) и дают ей застыть. Когда смесь застынет, начинают приготовление отравленных шариков, или, как их называют, «ловушек». Для этого берут несколько (по числу «ловушек») очень тонко заостренных лучинок, корытце со снегом и чашку жидкого, но не горячего коровьего масла. Все это, равно как и блюдечко со смесью, выносят в холодное место, напр. в сени. Там покрывают столик или небольшую доску чистой бумагой, захватывают с блюдца лопаточкой кусок смеси и на бумаге лопаточкой же скатывают шарик в вершок или полтора диаметром. Затем втыкают осторожно в шарик острием одну из лучинок и обмакивают его в масло. После обмакивания лучинку другим концом втыкают в снег, набранный в корытце, давая маслу подстыть, и продолжают эту операцию до тех пор, пока масло ровным слоем не покроет смесь. Это называется «красить ловушки». Приготовленные ловушки складывают в ящичек с задвижной крышкой и хранят на морозе.

Разбрасывание ловушек производится таким образом: берут с собою лопаточку шириною в $1/4$ аршина и длиною аршина в два с половиной, ящичек с ловушками и мешочек «порсы», т. е. сушеной и истолченной в порошок рыбы, и ищут высокий, но не обрывистый мыс на устье маленькой речки, впадающей в Обь (до рекостава лисица, как и заяц,

любит бродить по обским берегам, поглядывая, нельзя ли перебраться по льду на ту сторону, и это считается лучшим временем для промысла): Затем — разумеется, лучше всего на месте, истоптанном старыми и новыми лисьими следами, — выкапывают в рыхлом снегу ямку глубиною $1\frac{1}{4}$ аршина, берут на лопаточку горсть порсы и, не сходя с лыж, кладут лопаточкой же порсу в ямку. Аршина на два от этой ямки делают вторую, кладут в нее таким же образом порсу и в нее — ловушку, а затем по прямой линии и в том же расстоянии делают снова ямку и кладут в нее порсу. Ямки заравнивают лопаточкой. Ловушки кладут не низко, а на горе, ближе к лесу или к какой-нибудь коряге. Такие ловушки ходят осматривать, непременно на лыжах, ежедневно.

Иногда вместо сулемы употребляют стрихнин и в таком случае его подмешивают к приготовленным из муки пилулям, и затем эти пилюли так же точно, как ловушки из язевого жиру, «красят маслом».

Однако добыча лисиц при посредстве отрав не имеет таких размеров, как того можно было бы ожидать. Это происходит главным образом от трудности доставания ядов. Если же, как это имеет место в Сургуте, и можно у местного врача достать сулемы или стрихнину, то эти яды до такой степени дурного качества, что отравившийся зверь успевает далеко убежать и забиться в такую трущобу, где отыскать его уже нет никакой возможности. Зимой бураны, конечно, заметут не только следы отравившегося зверя, но и его труп. По этой причине у промышленников много пропадает отравленных зверей.

На ловушки в Сургутском округе попадаются и волки, тогда как в Березовском округе, кажется, этого никогда не бывает. Надо отметить странный факт: в Березовском округе, несмотря на изобилие диких северных оленей и разных зимующих пород птицы, а следовательно, привольный корм волкам, этих последних встречается очень мало. Около села Кондинского, окруженного со всех сторон непроходимыми лесами, волков не встречается вовсе, и многие из жителей села о волках не имеют никакого понятия. Вообще, из описываемых мною округов волков больше всего встречается, кажется, около г. Туринска. В этот город нередко приносят на продажу волчьи шкуры, чего совсем я не встречал ни в г. Сургуте, ни в тех местах Березовского округа, где мне пришлось проживать. Может быть, это зависит от сравнительной легкости доставания в Туринске сильнодействующих

ядов. Нет сомнения, что в Сургутском и Березовском округах, имея яды хорошего качества, можно травить не только [волков], но и водящихся в громадном количестве медведей. Относительно последних это не так трудно, как может казаться с первого взгляда. Дело в том, что медведь, заметивши вышеописанные слопцы и кулемы, очень любит ходить к ним и без труда доставать себе из них завтраки в виде придавленных глухарей, тетеревов, зайцев и проч. Вот на этих-то слопцах ничто не мешает класть отравленных птиц и зайцев, и привыкший к безопасности таких завтраков мишка непременно делается жертвою своих неприятных для промышленника наклонностей. Разумеется, для этого и яды должны быть очень сильны. Мне кажется, что хороший стрихнин, а еще лучше атропин оказал бы здешним промышленникам неоценимые услуги. К сожалению, мне лично вследствие разных причин не пришлось до сих пор проверить высказанные соображения эмпирическим путем, но что они верны — ручательством за это служат известные мне лично привычки Топтыгина. Мне самому случалось, обходя слопцы, видеть истерзанных птиц и огромные следы лап медведя на песчаных майданах. Медведь, видимо, в это время остерегается человека, и увидеть его «на месте преступления», несмотря на самые свежие признаки его недавнего присутствия, удается очень редко. Однажды два сургутских охотника бегали от слопца к слопцу за грабившим их медведем, но он успевал не только забирать из слопцов птицу, но и разбрасывать сами слопцы и затем скрываться.

В Березовском округе практикуется также, хотя и очень немногими, осенний загон лисиц верхом на коне. Эта удалая охота по своему характеру несколько напоминает псовую охоту старинных русских помещиков, но без ее позорных аксессуаров в виде послушного маковенюю руки своего господина стада выдрессированных егерей, доезжачих и проч. Здесь промышленник отправляется на охоту один, а если их отправляется несколько, то они составляют одну промысловую артель. Лихой конь, приученные собаки да собственная удаль — вот и все шансы на то, чтобы добыть хитрого зверя и не сломать себе шею.

Я уже говорил, что во многих местностях описываемого края Обь широко разливается по поемным лугам — сорам. Эти сора местами покрыты густыми леторосками, служащими главным образом приютом зайцев и куропаток в осеннее и зимнее время года. Эти же сора, после того как спадет вода, служат любимым местом пребывания всякого рода

лисиц. Оставшаяся во многих местах после половодья¹ рыба, а также куропатки доставляют ей привольный корм. Зная эти привычки лисиц, промышленник выезжает верхом на добром коне, имея в руках единственное оружие — толстую и длинную кожаную плеть вроде аранника. Приученные собаки бегут в летороски и стараются выгнать из них лисиц на чистые сора, после чего охотник сломя голову кидается на показавшегося зверя, стараясь его нагнать и пришибить своим оружием. Лисица, разумеется, кидается снова в летороски, но в том-то и достоинство хороших зверовых собак, что они ее непременно снова оттуда выгонят, и в конце концов она попадетя в руки лихого паездника. Иному из таких своего рода джигитов удается добыть 4—5 лисиц в одну осень, а это, согласитесь, читатель, при такого рода охоте очень солидная цифра.

Нередко удается промышленникам находить лисье гнездо; в таком случае обыкновенно забирают молодых лисят, кормят их до осени и затем убивают. Но такой способ истребления зверя, как известно, запрещен законом.

¹ Да не удивится читатель, что, говоря об осенней охоте, я вместе с тем говорю о времени, непосредственно следующем за половодьем, т. е. как бы соответствующем российскому лету. Дело в том, что Обь, начиная разливаться в конце мая, спадает окончательно только в августе, а в сентябре наступают уже морозы и нередко выпадает снег. Следовательно, сезон осенней охоты совершенно тождествен здесь со временем, следующим за водопадем.

Н. Л. Скалозубов

Николай Лукич Скалозубов (29.01.1861, г. Кострома — 4.03.1915, г. Курган) происходил из семьи приказчика по хлебным делам, окончил Петровскую сельскохозяйственную академию (1881—1885), разделял народнические взгляды, типичные для академии 1880-х гг. Ученик К. А. Тимирязева.

Служил в Красноуфимском уездном земстве Пермской губ., заведовал статистическим бюро. В работах проявил социологический подход к изучаемым явлениям общественной жизни. В работе «Очерк экономического положения башкирского населения» (Пермь, 1893) провел капитальные этнографические исследования.

В Сибирь Н. Л. Скалозубов приехал в 1894 г. на впервые созданную должность губернского агронома, продемонстрировал большую приверженность агрономической службе. Он поставил вопрос об организации маслодельных артелей, создавал склады переселенческого управления, содействовавшего обновлению машинного парка земледелия. Активно сотрудничал в Тобольском губернском музее, который возглавил в 1906 г. Сменил направление работы этнографического отдела музея и превратил его в один из лучших в России. Преподавал в фельдшерской школе, организовал в д. Соколовка сельскохозяйственную школу (1900), разработал и опубликовал несколько курсов лекций, основал первую сибирскую сельскохозяйственную газету, которая выходила вначале как «Справочный листок» по Курганской промышленной и сельскохозяйственной выставке, а затем как приложение к «Тобольским губернским ведомостям» — «Отдел сельскохозяйственной и кустарной промышленности». С 1911 г. — член Русского Географического Общества.

Как организатор вольного крестьянского съезда в Тобольске (декабрь 1905 г.), арестован в январе 1906 г. По убеждению Скалозубова, немедленного решения требовали вопросы урегулирования отношений лесного ведомства и крестьян, податные отношения и проблемы кредита. Для предупреждения волнений среди

крестьян, по его мнению, чиновники всех рангов и ведомств должны были прежде всего сами принять манифест 17 октября 1905 г. к руководству и изменить свою деятельность в духе свобод и правопорядка. 9 марта 1906 г. административно сослан в Березов, куда прибыл 20 марта, вскоре к нему приехала жена с тремя младшими детьми.

После ссылки дал согласие баллотироваться выборщиком в Государственную Думу. Депутат II и III Государственной Думы, где был секретарем сельскохозяйственной комиссии и членом бюджетной комиссии. Примыкал к трудовикам. Отказался от выдвижения его кандидатуры в IV Думу.

В 1912 г. вернулся в Тобольскую губернию и приступил к организации селекционной станции в с. Петровское под Курганом на средства землевладельца и мукомола-фабриканта Л. Д. Смолина. Заложил линии ценнейших сортов яровой пшеницы, которые долгое время являлись основными в сибирском земледелии.

Дневники вел всю жизнь. Опубликовал более 270 работ.

О Н. Л. Скалозубов см.:

Накоряков Н. Н. Друг народа: Воспоминания о далеком прошлом // Шелухин И. С. Николай Лукич Скалозубов. — Новосибирск, 1961. — С. 65—72.

Суринов В. М. Общественно-научная деятельность Н. Л. Скалозубова: (Из истории формирования агрономических служб конца XIX — нач. XX вв.): Автореф. канд. дис. — М., 1967.

Суринов В. М., Накоряков Н. Н. К вопросу о партийности Н. Л. Скалозубова // История СССР. — 1965. — № 6. — С. 226—227.

ДНЕВНИК

20 марта 1906 приехал в Березов, отвели квартиру в д. Шаховой. Компания высланных *:

Исаак Вениаминович Митковицер, переплетчик,
Василий Иванович Ткаченко, агроном,
Валериан Павлович Балиев, агроном,
Анатолий Аркадьевич Козловский, учитель,
Михаил Сергеевич Соловейчик, инженер,
Тимофей Власович Власов, учитель,
Анна Константиновна Фадеева, учительница,
Гаек Томасович Худобашев, инженер,
Василий Васильевич Тулузаков, инженер,
Степан Гаврилович Говоров, юрист,
Анатолий Никандрович Полидоров,

Екатерина Сергеевна, его жена,
Алексей Степанович Суханов,
Павел Степанович Суханов с сыном Андреем,
Фаддей Николаевич Рожковский,
Татьяна Ивановна Рожковская,
Борис Антонович Ошмянский, архитектор.

26 марта. Казымские остяки в Березове из Сухих юрт, Сорым-юрт... У них куплены две куженьки за 10 коп. ¹.

<...>

27 марта. С Э. И. Пугачевским * разговор о заморе. Местами жители применяют такой прием для лова рыбы. Во время замора рыба стремится к живцам — местам, где из горы бьют ключи, или в устья речек. В этих местах рыбы скопляется такое громадное количество, что от теплоты [их] тел лед тает и рыбу можно прямо вычерпывать. В это время на нее охотятся лисицы. Ищут такие места и люди. Но часто влияние речек и ключей распространяется на более или менее значительное пространство, и рыба не скучивается в одном месте. Чтобы заставить ее скучиться, промышленники прекращают свободный доступ свежей воды в реку, устраивая ряд плотин вколачиванием жердей в две стены поперек устья и с засышкой промежутка их земель.

28 марта. Никита Аристархов Батманов, зырянин грамотный, дававший некоторые сведения по языку Якобию *.

Филипп Иванов Онуфриев, зырянин, тоже грамотный.

29 марта. Остяки на оленях откуда-то с прогулки в мешках везут белую для печей глину.

Зимой, как слышал врач М. В. Малинин, иногда со снегом падает красный песок. Полосы кремового цвета на снегу обратили на себя мое внимание. Не водоросли ли это?

В полицейском управлении оказались посемейные списки, новые для всего уезда. Я решил при содействии сильных товарищей их обработать. Составил формы.

6 апреля. Вчера собрание коммуны, кончившееся расколом. Баллотировался вопрос, допускать ли личное знакомство с полицией членов коммуны? Пять голосов, я в том числе, высказались против. Выхожу из организации.

7 апреля. Пятница Святой недели у священника Георгия Ивановича Поникаровского. Жители Березова ранее были богаче, очень многие имели крытые лодки, плавали на промысла. Опустошительные пожары разорили народ, он лишился кредита и спустился со степени самостоятельного.

¹ Здесь и далее — опущены переводы и толкования некоторых слов языка аборигенов. (Примеч. сост.)

Сохранилось немного богачей — Добровольский, Нижегородцев, Корепанов. Огородничество жалкое. Но местные обыватели и не чувствуют в овощах потребности, удивляются, как это приезжие скучают о картофеле, капусте. Тем не менее если бы кто занялся огородничеством и сумел в особых непромерзающих погребах сохранить овощи до Великого поста и весны, когда все продукты, запасенные с пароходов, истощаются, то нашел бы им сбыт. В Полновате (на Казыме) новый священник из простых людей занялся огородничеством, прекрасно родится репа. Он раздавал ее казымским остоякам и велел варить в котле и есть. Кушанье так понравилось, что сразу возник спрос на репу. С таким же успехом, вероятно, пойдет и морковь. К пище местное русское население очень невзыскательно. Хлопот лишних не любит, предпочитает всему сырую мороженую рыбу с чаем и хлебом. Квасов не делают, пьют воду. В лесу, если негде достать воды, собирают и едят водяницу — она утоляет жажду.

В Ишимском уезде крестьяне примечают, когда появилась на снегу *вошь* — снег быстро растает. 6 апреля на левом берегу Вогулки на снегу я заметил массу подур¹. Но при пасмурной погоде их уже не оказалось, попадали лишь одиночно, а вчера в негустых местах я насчитывал 30 и более штук на 1 квадратную четверть.

9 апреля. По Вогулке в 3/4 версты от города три остоячих юрты. Говорили с хозяином одной — пришел давно с Сосьвы. Никаких угодий здесь не имеет, за место платит по 1 руб. в год в Казымскую управу писарю Едренкину. Податей сходит ныне 11 руб. 50 коп. с души, а прежде было 8 и 9 руб. Скота, кроме двух собак ездовых, не имеют. Бедность.

Женщины умеют делать обувь и платье из оленьины, плести ковры из травы, старик делает из дерева ножи и ложки. Последние охотно покупают самоеды, за 4 штуки пару пимов дают. К сожалению, не через кого эту мену производить. Купцы не дадут того, что получают в обмен. Вотлиб² делают и из тала, и из сосны, и из березы.

13 апреля. Встретился с Кузьмой Ларионовичем Курьи Ножки *. Причиной обеднения Березова ставит наплыв промышленников в низовья Оби, которые своими неводами задерживают всего сырка, при подъеме его (вонзь). Березовцы на осетра не охотятся, он идет строжнем глубоко. Сырок

¹ Подуры — насекомые, живущие во влажных местах. (Примеч. сост.)

² Вотлиб — подобие мочала. (Примеч. сост.)

Политссыльные
у своей квартиры



рыба маленькая, он жметя к мелким местам. Поэтому длинными неводами его легко перехватить. На Ляпине осенью вылавливается масса сырковой икры (до 700 пуд., кроме того, что съедят). Благодаря заграждениям рыбе не дают покойно сложить икру там, где это ей удобно, поэтому и невыловленная икра, вероятно, массой погибает.

Крупные промышленники не позволяют с ними конкурировать мелким: они везут прямо на север товары и раздают их инородцам по цене более низкой, чем мелким промышленникам в Березове.

Вчера Ф. Н. Рожковский готовил на озере шалаш для битья уток. По местному праву охота на уток на известном озере принадлежит первому, выстроившему здесь шалаш.

Сегодня на озере близ кладбища Курьи Ножки уже убил утку. Озерко это летом высыхает.

У зырянина Никиты Аристарховича Батманова. Старики вышли из-под Ижмы — 400 верст от моря. Там тесно стало, хлеб негде сеять, все болота. Живут там зыряне справно, хорошие дома, все ремесленники, оленей водят. Русских мало, говорят только по-зырянски; по-русски здесь учились. Косят там горбушей. Здесь живут по паспортам — в мещане не принимают и угодий не дают. Солдат ставят по месту родины. Здесь разными работами занимаются — плотники, коров держат, рыбачат. Оригинального рисунка чулки шерстяные; кроме естественной белой и черной шерсти употребляют крашенную в желтый и коричневый цвет. Для желтого цвета идет трава... в ее отваре варится шерсть в желтый цвет. <...>

У женщин хранятся и употребляются старые костюмы, сарафаны, кокошники. Лица очень красивые. Зырянских девушек охотно берут в жены русские — они скромны и очень работящи. В Березове зырян до 30 семей.

У Григория Васильевича Кузьмина. Отец его был инородческим писарем в Сартынье. Сын вырос среди инородцев, кончил уездное училище, а затем все на охоте, рыбной ловле, с оленями. Сообщаемся. Много интересных подробностей о местной промышленной жизни.

Начало промысловому лову мелкой сосвинской сельди положил Сибиряков *, объявивший за нее цену 3 руб. и приславший бочонки. Обладал средствами и рисковал, принимал рыбу и всюду ее отправлял, пока к товару этому не присмотрелись. Развилось дело, которое в настоящее время кормит березовцев. До сего сельдь инородцы употребляли на юколу — сушеную для своего употребления. Теперь эта ценная рыба продается, на юколу идет язь. Сельдь очень

жирна и вкусна. Монополисты рыбники-пароходчики устанавливают цену не по возможности сбыта, а по улову, полижая ее произвольно при богатом улове. Нынче Голев-Лебедев * выручил всех, назначив цену 3 руб. 50 коп. пуд, а рыбники требовали скинуть еще и с 2 руб.

Отчего Березов обеднел? Прежде город служил торговым центром; сюда стекались инородцы со всего Севера, т. к. только здесь можно было достать и купить что нужно. Конечно, инородцев эксплуатировали и жить было можно. Очень многие имели свои каюки и вели самостоятельно рыбное дело. Постепенно, однако, торговые пункты распространились по району, торговля появилась в Обдорске, Мужах, Сартынье и др. местах. Источник доходов иссяк, и жители целиком очутились в кабальной зависимости от тобольских рыбопромышленников, которые снабжали их товаром и всем необходимым для организации промыслов, но зато требовали расчета не деньгами, а рыбой по той цене, какую сами установят. Цена эта назначается смотря по улову такая, чтобы совершенно промышленников не разорить, но и не оставить им ничего лишнего. Неблагоприятные по улову годы, не позволяющие рассчитаться с кредиторами рыбой, запутывали промышленников в их сети. Выхода не было. Даже и вольные работники выхода не имели. Попробовал раз С. П. Шахов не согласиться на предложенную цену за сельдь и погрузил ее на борт парохода рыбопромышленника, тот взял, довез, но затем потребовал за провоз по 1 руб. с пуда! В бойкое время, когда снаряжаются артели на промысел, денег достать решительно неоткуда. Кузьмин приводил случаи, когда ему, чтобы рассчитаться к сроку, пришлось отдать серебряное блюдо, стоящее 150 руб., за 50 руб., за 200 руб. на 2 месяца уплатить процентов 60 руб. При таких условиях, конечно, до крайности трудно вести дело. Необходим организованный кредит. Оборот капитала в этом деле требует не менее 1 года. Но при организации кредита приходится считаться еще с очень важным обстоятельством. Рыбное дело — дело совершенно верное, если его рассматривать в более или менее продолжительный период. Но по отдельным годам успех лова бывает очень неодинаков — все зависит и все определяется состоянием воды. Промышленник весной все приготовил для промысла: снасти, рабочих, ждет начала работ. Время приходит, а вода так высока, что лов делается невозможным.

Приходится ждать осени — второго сезона, но и осень может быть различна, может благоприятствовать и неблаго-

приятствовать лову. Поэтому нередки годы, когда даже затраты на снаряжение промысла не окупаются. Очевидно, и кредит должен с этим считаться. Теперь, как ни безжалостен тобольский рыбопромышленник, но в это время он все-таки щадит своего поставщика, не зорит его, т. к. это не в его выгодах. Неумолимое требование расчета в это время свело бы на нет все благодеяние кредита. Необходимо, чтобы кредитное учреждение было устроено в Березове, чтобы на периоды, когда всякое сообщение с Тобольском прерывается, здесь был запас денег. Если некоторые пытаются кредитоваться в Тобольском отделении Гос. банка, то встречают противодействие со стороны членов учетного комитета, из которых некоторые сами ведут дела на Севере и не допускают туда конкурентов.

Кузьмин является резким противником мнения, что на количество рыбы, на успех лова ее влияют способы и приемы этого лова. Природа производит рыбу, и природа ее губит, а не человек. При необъятности водных пространств и редкости населения человек не в состоянии ни уменьшить заметно количество рыбы, ни воспрепятствовать ее ходу. Вот, например, говорят: сора нельзя загоразживать. Но, во-первых, годных для загоразживания соров по удобству устья ничтожная часть, во-вторых, для этого употребляется трехперстная мочальная мережа, свободно пропускающая всю молодь, в-третьих, наконец, и запоры вещь настолько сложная, что далеко не всегда и лишь при строгом неослабном наблюдении удастся удержать рыбу, которая пользуется всяким случайным крупным отверстием, чтобы выйти. Замечено, что часто, становясь хвостом к подошве мережи, она действует им как рулем, пробивает отверстие в иле и уходит. Необходимо также благоприятное стояние воды; если вода поднимается, заграждение оказывается бесполезным.

Почему в большую воду нельзя или трудно добыть рыбу? В нормальные годы поднимающаяся вода затопляет соры, из которых каждый представляет собою большую плоскую впадину, неглубокую, с рукавом, соединяющим ее с рекой. Сюда заходит рыба пасться. Дно сора покрыто «мураком» — невысокой зеленой мелкой травой. Дерно плотное. Илу нет, так что и при погоде вода так прозрачна, что видно дно. Главную пищу рыбы составляет, видимо, эта трава, которую она щиплет, стрижет. Потом настриженные кусочки травы массами прибывают к берегам. Когда вода дрогнет и пойдет на убыль, рыба быстро собирается и уходит. Когда сор обсыхает, дно его покрыто зеленым калом рыбы. В сорах

ловят сетями, которые на тетивах опускают, и гуляющая рыба в них запутывается. Края соров — веретья — летом покрываются высоким пырьем, сам же сор все время покрыт мелкой травой. Она местами «руном» отделяется от земли. Если это «руно» высушить, то им хорошо обертывать голые ноги перед одеванием бродней, оно прекрасно предохраняет ногу от холода. Вообще, мелкое измятое руками сено идет для этой цели. Завертывают слоем его голые ноги, сверху онучи, потом бродни, и ноги зябнуть не будут. В годы высокого стояния воды, когда и берега соров затоплены, лов бывает неудачен, т. к., во-первых, погода препятствует постановке сетей; во-вторых, рыба широко расходится, и в каждом данном месте ее трудней поймать; в-третьих, течение, быстрей воды не позволяет ставить сети. Поэтому при высоком стоянии воды добывается лишь ничтожное количество рыбы.

Почему мелкие сельдяные сети не вредны для молодежи прочей рыбы? При ловле днем молодежь в сети не попадает; при ночном лове действительно масса ее попадает в мотню, но очень простой прием существует, чтобы освободить молодежь, отделить ее от сельди. Мотню на короткое время выбрасывают на берег, потом в воду на мелкое место и мотню открывают: сельдь очень нежна, она на воздухе быстро засыпает и при вторичном погружении в воду вся всплывает вверх — ее счерпывают, молодежь же другой рыбы быстро оправляется и уходит.

Правый, высокий берег Сосвы, Оби — материк, левый, низменный, где вода в высокие воды разливается на 70 верст, — луговой, или «войта». Высокие бугры на болотах, поросших мелкой сосной, на которых растет олений мох, называют хамзы.

Перевесы играют громадную роль в обиходе березощев. Весною наступает до начала рыбного сезона в мае пустое время, рыба не ловится, мяса достать трудно, цена его возрастает иногда до 5 руб. пуд. Естественно воспользоваться перелетом птиц к северу, чтобы заготовить для своих домашних потребностей вкусного мяса. Этой цели служат перевесы. Для постановки их делают просеки в материке в лесах, в войте в тальниках. Просеки эти делаются сажени в 24 ручных шириною по направлению к N и NW. Пользуясь выдающимися по высоте деревьями по краю просеки, к вершинам их привязывают шесты с блоками на вершинах, на этих блоках перевешивается сеть, перегораживающая просеку поперек. Днем птицы (утки) отдыхают на озерах, образовав-

шихся от таяния снега; в 12 часов ночи (по другим [свидетельствам], до 12, а с 12 до двух утихает) начинается лет, птица массами поднимается, с шумом, криком, высоко над лесом, но часть — отдельные небольшие стайки — поднимаясь, встречают просеки и направляются по ним, ударяясь в растянутые сети, которые при этом быстро опускаются, запутывая их в свои петли. Птицу быстро вынимают и надкусывают зубами затылки у шейки. Лову благоприятствуют ночи теплые, когда небо на горизонте покрыто облаками, заслоняющими лучи зари. При ясном небе птица видит сети и не долетает до них. Попадают в сети не только утки, летящие с юга, но часто и гуляющие, возвращающиеся по просеке назад. Возле Березова около 100 просек. Просеки эти очень легко испортить — стоит срубить деревья, служащие для подвязывания шестов, стоит пачать вблизи их рубку леса на дрова, например. Если есть две просеки, то часто заложение третьей между ними уже портит обе первых, и все три оказываются негодными. Т. к. мещане Березова пользуются угодьями в казачьих землях на неопределенных правах и лесное ведомство пытается приучить их к попенной оплате за лес, то и просеки для перевесов оказываются как бы в ведении казны, и лесничий при помощи лесника может делать те или иные распоряжения, которые могут отразиться на успешности лова неблагоприятно. Хорошо еще, что ныне сам лесник заинтересован в этих перевесах. Поэтому-то на совещании о нуждах березовцы и указывали на необходимость признания важности просек для промысла и на охранении их законом от умышленной порчи. <...> Лет уток продолжается около 10—14 дней, но самый сильный лов дня два.

На Оби и Сосве метляк¹ падает два раза. Первый — черный, мелкий «вожьевой» — в июле, второй — белый, большой — в конце августа и сентябре; его ест язь, а т. к. он прибывается водой к берегу, то и язь в это время по ночам около берегов хорошо ловится.

Город Березов состоит из жителей трех категорий — казаков, мещан и зырян. Казакам подтверждены их права на владение землею, которою они пользовались. С этой целью около города Овешковым обойдено пространство на 20 верст в квадрате, но межи эти не утверждены еще. Так как фактически мещане и казаки пользовались угодьями всегда вместе, то возникает недоразумение, как же будут пользо-

¹ Метляк — вид насекомого. (Примеч. сост.)

ваться землею и водами мещане? Казаки уже начали требовать от них арендных денег. Зыряне, как живущие по паспортам, совсем не имеют доли в угодьях.

В Березове два оленевода — Добровольский и Кузьмин.

Различают две разности оленей — избных, с одной стороны, и тундренных и уральских — с другой, а кроме того, лесных, или диких. Избной олень пасется около юрт, от комара, овода бежит на курево, поэтому он не так чист, шерсть закопчена дымом. Тундренной и уральский белы как снег, лесной серого цвета, среди них нет ни черных, ни белых, ни пестрых, туловище тоньше. Северный тундренной олень меньше и уральского, и избного. Тогда как на малицу избного неплюя и уральского идет 4 шкуры, обдорского — 5. Несколько отличен олень на Лозьве, он похож на лесного, серый, но крупнее его.

Работают олени до 13—15 лет. Теление начинается с 23 апреля, середина теления — 9 мая.

Самец оленя называется хар, кастрированный — быком, или хопт, самка — важенка (по-сосвински, невисами), однолетний олень — пешка, или пазы, двухлетний самец — сурди хар, двухлетняя самка — сурди.

Рога у самцов сваливаются к весне, у важенки опадают, когда она отелится. Самка носит плод около 9 месяцев.

В течение зимы олени под Березовом пасутся, служба для езды, в первой половине марта они формируются в стада и угоняются на Урал. Стадо вверяется опытному пастуху, лучшими считаются самоеды, затем зыряне и, наконец, остяки. За этот летний пастбищный сезон пастух получает по 60 коп. с головы. На всем своем. При перекочевках впереди стада пастух едет в карте, олени идут за ним. Достигая удобного для пастьбы места, пастух ставит чум, а олени разбредаются по пастбищу. Главную пищу оленя составляет олений мох, ест олень также древесный мох, осенью на сорах — траву мурок. Избные олени привыкают ко всякой пище, едят помои, рыбу. Уральские или тундренные к этому корму не прикоснутся. Но особенно падки олени, на несчастье пастухов, на грибы березовики (необходимо иметь в виду, что грибами называют лишь грибы трубчатые, пластинчатые носят свои названия — грузди и проч.); особенно много остается грибов под снегом, когда осенью ударят морозы и падает снег, так что грибы не успевают сгнить. Эти грибы олень чует под снегом, стадо разбегается широко, и собрать его бывает очень трудно. Когда пастух видит, что место истоптано, он собирает стадо и покидает *чугор* — так

называется это использованное оленями пастбище; по-остяцки оно называется «сали-сырык». Как же собрать стадо оленей, иногда состоящее из 600—1000 голов, когда оно разбрется по пастбищу? Для этой цели пастуху незаменимую службу служит собака. Пастух налегке на нарте окружает чугор, стараясь охватить объездом все пространство, занятое оленями, чтобы ни один не остался за этой линией. Когда это сделано, в середину стада пускается собака, которая громким лаем пугает оленей; они бросаются по направлению, указанному выступившей вперед нартой пастуха. Нередко группа оленей отбивается от стада в поисках грибов или по другому случаю; по небрежности пастух не заметит этого и пересечет след — тогда эти олени остаются и приходится возвращаться на чугор, вновь объезжать его.

Очень дорого ценятся оленеводами быки, имеющие способность увести с собою таких отбившихся оленей и присоединить их к стаду. Стоит такого быка оставить на чугоре, и пастух спокоен, на следующий день он возвратится в стадо с отбившимися. Такой бык ценится до 100 руб.

Цель отгона оленей на Урал, между прочим, заключается в том, чтобы защитить их от овода и комара. К этому времени стада уже на горах, где в лощинах лежит снег. Спасаясь от комара и овода, олени забираются в снег. Находящиеся внутри погружаются в снег, а крайние начинают бегать кругом их, неподвижный холодный воздух приходит в движение, разгоняет комаров, которые поднимаются кверху и облаком носятся над оленями. Когда крайние устанут бегать, они ложатся внутри круга, а отдохнувшие начинают кружиться.

Т. к. отел застигает оленей при перекочевках, то самкам приходится беречь телят от непогоды, буранов. Старые это делают искусно, молодые же часто не умеют защитить теленка от холода, и он погибает. Шкурка, снятая с новорожденного оленя, называется «пешкою», а с теленка меньше года — «неплюем».

У Кузьмина в стаде из 180 голов 70 важенок, 60 быков, остальные — молодые олени — «мань сали». Один самец покрывает 50 — 60 самок.

Хороший хозяин, равно как и пастух, знает каждого оленя. Каждому оленю дается имя — название какой-нибудь вещи. Составляется опись стада, именной. По этому именнику и принимается от пастуха стадо. Чтобы отделить из стада оленей данного хозяина, арканом ловят их по одному, сваливают и связывают им по паре ноги (переднюю и заднюю),

и когда все олени одного хозяина перевязаны, остальные угоняются, а тогда и связанным дают свободу. Метки кладут на ушах надрезами.

Врагами оленей являются волк и медведь, особенно первый, затем болезни, чаще всего копытная. Между копытами — язвы, нога опухает, и олень погибает. Реже, но зато гораздо опустошительнее холеры — «худая болезнь». Олень вдруг останавливается, распухает и падает. Оленеводами овладевает паника, единственное средство — бежать от места, где застигла зараза, бежать через воду. На Лозьве и Сосве холеры не бывало. Наконец, третьей болезнью, сравнительно редкою, является сбрасывание ногтя — копыта сходят, олень лишается возможности передвигаться. Если бы не эти опустошительные болезни, то оленеводство могло бы сильно развиться.

Интересен способ передвижения грузов на оленях из Саргыньи на Никито-Ивдель. В попутных юртах останавливаться со стадом оленей нельзя, для ночлега выбирается хорошее место для пастьбы. Распустив оленей, провожатые груза устраиваются на ночлег, раскладывают костер, кипятят в котле чай. Закусывают строганым мороженым мясом. Для спанья набрасывают веток и около костра ложатся. Ночью несколько раз приходится вскакивать и согреть себя движением и работой. Остяки рекомендуют такой прием одеяния на ночь, чтобы было тепло. Они совершенно догола раздеваются, из гуся делают род мешка, затягивают шнурком отверстие чепчика¹, кладут гусь на землю и залезают в него ногами вперед так, чтобы подолом можно было с головой закрыться. Под голову кладут полено. Т. к. длина гуся меньше роста человека, то приходится лежать в нем скорчившись. Холод совершенно не берет. Г. В. Кузьмин это испытал и теперь иначе и не ночует на морозе.

Теперь мне понятно значение меховых мешков, которые я видел в Красноярском музее. Охотники на лося отправляются на лыжах в одном суконном гусе, а им приходится подряд несколько ночей проводить на морозе. Они ложатся на ночь около костра и в течение ночи то и дело ворочаются к огню то одной, то другой стороной. Лучшее приспособление для более равномерного горения: на хворост кладутся два дерева, одно на другое, между ними растопка. Когда костер разгорится, огонь охватывает деревья и в том

¹ Имеется в виду капюшон. (Примеч. сост.)

месте, где положена растопка. Близость деревьев не позволит гореть им пламенем; они в месте соприкосновения будут гореть медленно и отдавать тепло равномерно...

Из оленьего рога готовится прекрасный, очень прочный клей. Им остяки склеивают свои шесты для управления оленями. Для приготовления клея куски варятся в котле.

15 апреля. Березов. Очень тепло. Через Сосву и Вогулку переправляться можно с трудом, вода прибывает. На кладбище в снеговой воде и рядом на снегу очень много мелких жуков-хищников. Появились муравьи, крупные мясные мухи.

16 апреля. Клей этот не разбухает от воды и столь крепок, что склеенная им вещь легче изломается в свежем месте, чем в месте склейки.

Кости оленя иногда приберегаются на случай голодных годов, их толкут и варят с мукой в «бурдуке».

Из черемухи на Сосве женщины делают лепешки размером в 1 четверть в диаметре, высушивают их и едят как лакомство, даже продают.

Прежде, когда спички еще не распространились, для добывания огня пользовались сосновой корой и серой. Завертывали в нее разожженный трут и раздували огонь.

Перевесы около Березова расположены все в 40-верстном квадрате, проектированном для казаков; просеки эти устроены давно, но ним нет уже даже пней, почва совершенно чистая. Просеки эти составляют собственность разных лиц, переходят по наследству и продаются. Цена 20—50 руб. Лучшие просеки и большинство их находятся в материке; в тальниках мало. Березовцы добиваются, чтобы права их на перевесы были законом признаны.

Олень при наступлении весны стремится на Урал, скучает по нему; он привык к месту, где происходит отел. Поэтому если задержать уральского оленя на лето, то он потеряет в теле. Если нужно приучить оленя к летовке в тундрах, то для этого отделяют молодых, еще не телившихся. При калении продолжительность остановок стада для пастбы зависит от удобства места, богатства его мхом, от погоды, т. е. если быстро наступает тепло, то надо спешить на Урал, нока пропускают речки; таким образом, стоянки бывают от недели до месяца. Уральский олень на чугорах хорошо наедается, жиреет, если только не гоняется за грибами. < . . . > Говорят, столь же охотно он отыскивает толстых белых «червей», которые в березниках под дерном (личинка майского хруща?). Мухоморы, говорят, иногда едят медведи и от этого дичают.

Чтобы собрать стадо, разбредшееся по чугору, поступают так. Двое пастухов, начиная с одного конца, отправляются с собаками в разные стороны кругом чугора на нартах, стараясь охватить кольцом все стадо. <...>

Ловят оленей из стада ремненным арканом из кожи хора — тынзяном — длиною в 15 сажен. Аркан оканчивается косточкой, имеющей отверстие, сквозь которое продевается свободный конец аркана. Образуется подвижная петля. Бросание аркана требует особой ловкости, которой не всякий достигает. Чтобы легче ловить оленей, стадо осторожно окружается арканом, связанным из двух [тынзянов]. Обходя стадо, делают спираль с постепенно уменьшающимся диаметром — таким образом удается подойти к оленям очень близко и тех, у которых висят колотушки, взять руками. Колотушка — это недлинная палка, которую привязывают на недлинном же ремне через шею, она путается между передними ногами и не позволяет оленю свободно бежать.

Приучают к запряжке в нарты оленей молодыми, до двух лет. Прежде всего привязывают ему на шею на длинной веревке лесину — олень начинает неистово носиться, бегать кругом. Так оставляют его на сутки. Потом привязывают его сзади нарты и ездят. Олень упирается, но веревка его тянет, и постепенно он привыкает бежать за нартой. Тогда его запрягают в нарту между двумя опытными быками или в паре с хорошим быком. Главное — приучить к езде по лесу, где олень может заскочить за дерево, испортить упряжь, поломать нарту. Нарочно выбирают такую дорогу, где препятствия в виде загораживающих ее деревьев часты. Молодой олень то и дело заскакивает за деревья, ушибается, царапается и в конце концов научается бояться дерева и отстраняться от него. Для запряжки употребляются как быки, так и важенки, но первые гораздо спокойнее, тогда как важенки часто путаются в упряжи. Особенно ценятся быки-передовики, запрягаемые в переднюю нарту, которые хорошо слушаются управления и идут без дороги.

Обоз оленей на Сосве состоит обычно из 4 нарт. В нарты запрягается по 3, 4 и 5 оленей. По лесу ездят на паре. Нарты употребляются трех видов: тяжелые обозные, легкие и сани на высоких копыльях с задками — самоедские нарты, ерн-сун (сун — нарта). Груз рассчитывают на пару оленей 10—12 пудов. В начале пути приучают оленей делать в сутки 15—20 верст, потом прибавляют ходу. При теплой погоде идут день и ночь, отпуская оленей отдохнуть под утро, и делают в сутки 50, 60 и даже 100 верст. В холод (40 и более градусов) прихо-

дится идти медленней, осторожней, т. к. дерево становится от мороза хрупким и от резкого толчка полозья легко ломаются.

Полозья нарт делаются обычно еловые, копылья и верхние части — березовые. Если случится поломка, обоз остаивается и ищут *кремлевую ель*, она растет над ручьями и речками, поднимаясь дугой кверху. Та часть древесины, которая паходится с выпуклой стороны ствола, обладает драгоценными свойствами. Вытесанный из нее полоз разогревают у костра и дают ему тот изгиб, какой нужно, — получается необыкновенно прочный полоз. Древесина в этой части желтого цвета, толщина — 2—3 пальца. Из этой кремневой ели остяки делают себе луки сторожевые, если кремневой ели нет, делают полоз из березы. По-остяцки эта кремневая ель называется кызкан.

Из болезней, упомянутых у Дунина-Горкавича* (Тобольский Север), Кузьмин не слышал только о подъязычных червях. Легочная болезнь называется хопсимоз (легкое — болезнь), внутри легких гной.

Пешка различается; самая мелкая, с только что родившихся и погибших телят, идет на шапки, треухи. Пешка с убитого теленка, не достигшего возраста одного года, очень ценится. В Мужах бьют нынешних телят 1 октября — получается крупная пешка, из нее шьют гуси, малицы, идет она и на замшу, т. к. свища в ней нет. Таким образом, теленок дает до 7 руб. (одна шкурка стоит 3—4 руб.).

Осенняя постель — с оленя, битого после линьки, шерсть тонкая, идет на панды, на ягушки, стоит 6 руб.

Мясо продается по 2 руб. пуд. Бычья туша весит 4—5 пудов, важенки — 3—4 пуда.

Кисы — шкурка с ног — ныне до 1 руб. Лоб — штука 20 коп. В лесах здесь и на Сосве масса дикого оленя. Этот олень, составляющий предмет охоты остяков, летом на Урал не уходит, но собирается в особых излюбленных им местах, такое есть по Сосве верстах в 70 вверх.

Подобно оленю, и лось совершает кочевки. Для своих пастбищ он выбирает гари, где много березника, который служит ему пищей. Это обстоятельство знают остяки и иногда нарочно жгут лес, чтобы вызвать появление березы.

Для охоты лесной район остяки между собою поделили. Охотник идет по тропе, руководствуясь «тесом» — знаками на деревьях. Между юртами есть граница, которой руководствуются охотники... Обнаружив лося, остяк располагается здесь, выжидая благоприятной для охоты погоды. При обычных условиях на лыжах лося достичь нельзя. Нужно, чтобы

после небольшой оттепели заморозило и образовался наст. Когда лось бежит по насту, то сильно ранит ноги и скоро устает. Между тем это состояние снега наиболее выгодно для лыжной ходьбы. Велико бывает разочарование и негодование остяка, когда, дождавшись этого момента, он направляется к лосям и оказывается, что уже кто-то потревожил их, и лоси разбежались. Неприкосновенность вотчины нарушена, и охота испорчена. Остяк охотно принимает в компанию товарища, который непременно подчиняется общему плану охоты, самовольное же вторжение в вотчину считается преступлением. И вот в суд поступают жалобы. Судья отклоняет: дичи в лесу много, на всех хватит.

17 апреля. Сеть для ловли птицы называется перевес, а самая просека — «перевесье», задняя часть просеки, где лес уже мелкий, называется «трубой».

Вопрос о мерах против хищнического истребления рыбы. Г. В. Кузьмин полагает, что никаких мер не надо — сама природа об этом заботится. Когда бывают большие воды, промышленники сидят без рыбы, в эти годы рыба имеет полный простор размножаться. И действительно, после высоких вод появляется такая масса молодежи, что, например, в прошлом году из Сосвы ведра воды нельзя было зачерпнуть без того, чтобы в нее не попали мульки.

Сырок идет метать икру в Ляпин, в Сынюю в октябре.

Язь и щука поднимаются по Сосве в самые мелкие речушки в вершины; когда потом они идут обратно в мае, то ловят запорами и сетями.

Кроме замора, по рассказам самоедов, иногда масса рыбы гибнет при таких обстоятельствах: иногда вода вверх Оби уже взяла силу, поднялась, у Обдорска же еще мороз, тогда вода идет поверх льда и с нею на лед выносятся масса рыбы. Когда лед сломается, он поднимается, вода скатывается, и рыба остается сверху.

Об одновременном закидывании неводов с двух берегов известен лишь один случай у Плотникова где-то на одном из песков. Загораживание соров не может принести никакого вреда, т. к. 1) лишь ничтожная часть их настолько удобна, что позволяет городить; 2) далеко не каждый год вода позволяет городить.

Мережа для невода заказывается остякам. Выдается по 10 ф[унтов] конопли; из того количества, смотря по добросовестности остяка, за 3—4 руб. выходит 10—15 ручных сажень длины и 120—130 ячей ширины. На небольшой невод надо от 6 до 8 мереж.

17 апреля. У Георг. Андреев. Ембаева. Водки в Березовском уезде выпито на 23 тысячи руб. против 11 тысяч до монополии. Отмечает интересный опыт обдорского пристава Ямзина * по изменению порядка сдачи в аренду песков. Устроил торги. Вместо 300(?), выплачиваемых прежде, дали 3500 руб., вотчинников всего 3 семьи. Он призвал их и стал вычислять, сколько им на год нужно на расходы: на одежду, порох, подать, водку и проч. Подсчитали, оказалось, всего 150 руб., водки всего по ведру на семью. Он эти деньги и выдал на руки, а остальные положил в кассу на имя [нрзб.].

19 апреля. Наша колония, кроме тоболяков и А. К. Фадеевой, праздновала 1 мая. В 2 часа вышли из квартиры с пением и двумя флагами — красным и черным — по направлению к лесу к Вогулке. Полиция всполошилась. Вызвали на площадь солдат, ставших бивуаком. При обратном возвращении манифестантов солдаты пением и барабанным боем заглушали или старались заглушить похоронный марш, с которым компания входила в квартиру. Слава Богу, исправник был достаточно тактичен, и все кончилось мирно и тихо. Вечером в квартире собрались все. закусывали, вспоминали пережитое, пели.

А. С. Сысолов * сообщил, что от цинги здесь лечатся так: надо войти в лес и выбрать 9 елок по своему росту, с них взять верхинных веток, заваривать их и пить, сколько может больной. Интересно с этим сопоставить известие Норденшельда * о пище чукчей: чукчи собирают летом значительный запас листьев и молодых почек разных растений... которые после брожения и замораживания едят без дальнейшего приготовления вместе с мясом или варят их в виде зеленого супа (Шведская полярная экспедиция. СПб., 1880).

Остяки ночью ориентируются в лесу по длине ветвей — на южной стороне ветви длинней, чем на северной, это я проверил сегодня своими наблюдениями в лесу над Вогулкой. Чудесная погода, тепло, солнце, отсутствие комаров. Летают лишь около ручьев и снега большие комары, т. наз. снежные, появляющиеся ранее прочих видов...

20 апреля. Березов. Филипп Александрович Едренкин, волостной писарь Казымской волости, бывший учитель церковноприходской школы, слушавший мои лекции по ботанике на курсах. Страстный охотник.

Остяки называют водяницу *пиде вонзель*. Ягоды ее мешают с черникой, голубицей. Говорят, от присутствия водяницы смесь лучше сохраняется. Охотники в лесу, когда

слопцами добывают глухарей, горстями едят ягоду для утоления жажды.

Речные двухстворчатые раковины зовут «лягушки корки». Остяки превращают их скорлупы в порошок и употребляют для присыпки ран.

Около Непкинских юрт (верст 20 от Березова) есть идол, который остяками зовется Сын Божий. Красивое место. Много о нем легенд. Говорят, русские у этого идола купили место пространством в воловью шкуру, а сами разрезали шкуру на ремни, растянули их и заняли громадное место, бог должен был улететь. Около Троицких юрт другой идол, его называют Стариком. Около Колтысьякса, ниже Шеркалов — идол, называемый Божьей Матерью.

Сейчас Едренкин занят охотой на гусей. Для этого у него есть озеро, искусственно сделанное: устроена поперек лога плотинка. Дно ее покрыто мягким мураком, как в сорах, вода чистая, прозрачная. Гуси только на такие озера и садятся, т. к. питаются мураком, для чего то и дело ныряют. Летом вода спускается, т. к. иначе дерн подгнивает и при весеннем подъеме воды всплывает — такое озеро делается уже негодным для гусей, они на него не летят. Для себя охотник роет яму, покрывает ее сверху и маскирует крышкой из того же мурака. Ножом надрезает полосы на поверхности мурака, и тогда дерн снимается, как ковер. Приманкой служат чучела гусей и дрессированный гусь, который своим криком привлекает гусей, сам затем отходит от стада, предоставляя охотнику бить их. Гуси очень сторожки, всякий незнакомый предмет уже обращает их внимание и отпугивает. По местному обычаю, свою первую добычу охотник должен делить с родственниками, знакомыми. Едренкин ныне таким образом раздал 18 гусей. Героем в этот год будет тот, кто больше набьет дичи в первую охоту.

Когда на реке трогается лед, жители-рыболовы бросают в реку серебряные монеты, закатанные в хлеб. < . . . >

Несмотря на сильное тепло, цветение растений еще не замечено... Обилие мхов, лишайников.

23 апреля. Экскурсия с Владим. Георг. Енбаевым на Городище. Оно находится к S от города на протоке Сосвы Городищенская речка. Расположено на мысу, образованном возвышенностью правого берега Сосвы, прерываемой долинами Сосвы и речки Городищенской так, что бугор, где следы ям, остатки жилья, с трех сторон открыт, причем северный его склон обрывист, южный полог. Следов ясных вала или канавы нет.

На дне пока еще маловодной речки масса мшанки. Гли на ели и кедре. Едренкин с охоты несет двух гусей, совершенно одинаковых по оперению. <...>

По обрывам берега Сосвы много «кремлевой» ели.

27 апреля. Березов. До последнего времени остяки Березовского уезда не имели общественного устройства, административной единицей была волость. На волостных лежал и суд, тогда как по положению об инородцах первой инстанцией должен являться родовой староста.

В Сургутском уезде волости разделены на общества. То же распорядился сделать и в Березовском уезде господин исправник. Прежде, видимо, существовали роды, были, вероятно, и родовые старосты. Теперь угоды тоже распределены по родам, деление по обществам совпадает с делением по родам, но староста — это лицо, выбранное для несения повинности по сбору ясака, а не представитель рода. Таким образом, основною задачею при изучении экономического положения инородцев должно быть выяснение земельного и водного имущества каждого рода и состав населения каждого рода.

Изучение посемейных списков обдорских инородцев выдвигает странное обстоятельство: большой процент безбрачных семей. В семье есть полномощные мужчины, но жен у них нет, хозяйство обслуживается старухами, матерями, сестрами. То же явление повторилось и при разработке посемейных списков остяков Обдорской управы.

Сегодня вопрос этот я задал рыбопромышленнику Ионе Ксенофонтовичу Добровольскому, имеющему песок в Хаманельской Оби. Песок свой он арендует у самоедов-вотчинников, их две семьи. Получают они аренды 600 руб. в год. Их же он приглашает в невод, даёт им лодку, мережу, веревки и двух рабочих. Половину добычи они должны отдать ему, половину берут себе и рыбу сдают ему же. Кроме того, он привозит еще рабочих для 11 неводов, а частью пополняет их самоедами же, т. наз. «наплавью». Наплавь — это самоеды, когда-то владевшие большими стадами оленей, а потом обедневшие и осевшие на реке. Они работают усердней вотчинников.

Замечается вымирание самоедов. Лет 20 назад род Хандеры был обширный, на песках ставилось много чумов. Теперь 2—3 чума. Действительно, у них не редкость семьи, где нет брачных пар. Если есть женщины, которые обшивают, работают, то самоед не женится. По-видимому многие чувствуют отвращение к сношению с женщиной. Девушки тоже холодны и целомудренны. Даже в разговорах самоеды

скромны и в присутствии женщины трезвые не позволяют себе сказать ничего неприличного. Раз случилось, молодого, цветущего самоедина русский толкнул к девиче — тот отскочил с отвращением: «Лучше удавлюсь, чем женюсь».

Наплавь рыболовными угодьями не пользуется. Интересно отдельно рассмотреть ватаги самоедов кочующих и тех, которые работают с рыбопромышленниками.

Лед прошел. Рыбу начали ловить сетями... Ловится язь, щука, и так до вонжа — хода морской рыбы в половине июня. В Хаманеле вонж начинается с половины мая и идет 4—5 дней.

29 апреля. <...> Местные остяки устраивают празднества и при убийстве выдры. Это ввучек медведя. Приходящие смотреть должны что-нибудь дать, положить на стол — монету или что другое. Остяки часто за большие деньги (рубля 2—3) покупают петухов для принесения их в жертву, покупают для этого и телят. Животных при этом мучительно убивают.

Остяки собирают еловую и кедровую серу, употребляют ее для просмоливания лодок по швам. Привозят эту серку и для продажи в виде пластин, по-видимому отлитых в берестяные плоские коробки. За пластину фунтов 7 весом уплачено было Едренкиным 40 коп. Эту же серку можно добывать в кучах муравьиных (рыжий муравей), он для каких-то целей собирает кусочки серы в большом количестве. Наконец, неприлипающую и годную для жевания серу можно собирать зимой и ранней весной с почек сосны на концах ветвей: здесь серка скопляется в большом количестве.

Лиственничная губа у русских находит применение при лечении животных как очищающее средство; ломоть хлеба, обильно носыпанный крошками этого гриба, действует слабительно, помогает также скорейшему очищению после родов (выхождению последа). Чага с березы превращается в порошок и прибавляется к нюхательному табаку, чтобы голова не болела.

Кедровый корень остяки употребляют для плетения. С этой целью отыскивают кедр на обрыве, обрубают кругом корни, снимают топором дерн, а затем топором же зацепляют корни и по одному выдирают. Расщепляют каждый пополам, половины еще пополам и из четвертин выстругивают полоски — это и есть сарга, ею вяжут гимги, из нее плетут корневатики. <...>

В Березове есть до 5 охотников, ставящих осенью слопцы на глухарей в лесу; у одного до 500 этих слопцов. Приманок никаких, лишь дерн снимают, обнажая песок с камешками, которые птица глотает. Кругом — засеки, направляющие птицу по вычищенному току.

Черканы на горностае зимой. Остак ищет дупло в дереве или сам делает его в гнилом пне, всовывает туда приманку — кусок рыбы или мяса, а к дыре плотно приставляет черкан. Обыкновенно горностае прихлопывается поперек шейки.

Ныне на перевесях добывают мало птицы, она летит жирная, отъевшаяся и мало садится на озерки.

5 мая. Утром получена телеграмма из Тобольска от В. И. Куркина, ответная подана Эд. Пугачевскому на собранные им для сего деньги. Телеграмма от 10 апреля: «Выборы, законченные по 27 губерниям, из общего числа 179 депутатов Думы дали 122 прогрессивных, 21 беспартийных, 14 неизвестного направления, 22 правых. В городах Петербурге, Москве выборщиками прошли лишь кадеты, а остальные партии разбиты наголову. В Тобольске подавляющим большинством прошли выборщиками Скалозубов, Ушаков *. Протест губернатора против избрания Скалозубова, уволенного по третьему пункту, оставлен уездной комиссией без последствий. Но все выборы были отменены этою комиссией по жалобе Шильдера, заявившего, что во время выборов на него возводили обвинение в подкупе избирателей и составили протокол. Эта отмена обжалована в губернскую комиссию. Есть надежда на утверждение произведенных выборов».

Рыбопромышленник Никитин, собирающийся уехать на промысла за Обдорск, отыскал меня и, полагая, что я буду в Думе, заявил о необходимости, в видах поднятия благосостояния по Оби живущего населения, издания закона, по которому было бы запрещено ловить вонзевую рыбу в низовьях Оби ниже мыса Вангальского (5 верст от Обдорска) до 5 июля. Все крупные и богатые рыбопромышленники захватили пески ниже Вангальского мыса, где Обь соединяется в один рукав. Здесь они ждут подъема рыбы и вычерпывают ее. Рыба здесь идет большими косяками. Отсюда понятна та иногда баснословно высокая арендная плата (до 3000 руб. в год), которую рыбопромышленники в состоянии выплачивать за пески. Из захваченной неводами рыбы в солку идет лишь самая лучшая, остальное идет на ирисол рабочим и на изготовление «юколы». Поэтому-то низовой товар всегда лучше верхового. В годы, особенно обильные рыбой, много ее просто бросается и гниет.

8 мая. Березов. С Филиппом Александровичем Едренкиным ходил на «перевесья». Я — в меховой сусликовой куртке, высоких сапогах, с фотоаппаратом, папкой и палкой; он — в суконном пиджаке, с ружьем, куском хлеба в мешке и суконным гусем на кушаке за плечом, в броднях. Шли к югу по лесу. Предстояло пройти около 8 верст. Лес сначала шел обычный елово-кедровый с примесью сосны, сильно вырубленный, захламленный, даже на грибах. Стала чаще попадаться береза. Вышли на дорожку, проложенную из города к перевесам нартами. Дорожка очень оригинальна: узка, глубоко врезалась в окружающем моховом покрове, совершенно лишена растительности, на поверхности ее глина, края резко, как по линейке, отграничены от соседнего дерна, моховых подушек. Края дороги строго параллельны. Эта дорожка скорее напоминает дорожку где-нибудь в парке или на бульваре, а не лесную. Дорога была местами суха, местами покрыта водой. Таких дорожек ведет к перевесьям много, каждый протаптыкает дорожку к себе. Ближе к перевесьям, за увалом местность приобретает более спокойный вид: рубка дров и лесу вблизи перевесьев запрещена. Наконец мы входим в борок, где сосна начинает попадаться чаще; почва покрыта обильно белым оленьим мхом. Здесь уже можно пасти оленей. И действительно, тут и там мы встречаем недлинные (четвертей 5) обрубки с выемкой посередине. Это колотушки, их остяки привязывают на веревке к шее передового оленя, когда стадо пускают отдохнуть, чтобы оно не ушло далеко. Колотушка эта, болтаясь впереди ног оленя, мешает ему бежать. Кстати, Едренкин рассказал и поверье: кто возьмет колотушку, валяющуюся в лесу, и сожжет или забросит ее, то непременно заблудится.

Разговаривая и собирая растений, идем дальше и дальше. Вдруг Е. останавливается. Позвольте, когда же мы переходили эту дорогу, куда идем? Вынимаю компас, а Е. прямо говорит: идем к северу, заблудились; сделали большой круг и пришли почти к тому же месту, где осматривали колотушки. Примета верна, не нужно было брать колотушку в руки. По каким же признакам Е. узнал страну света? По ветвям деревьев. И действительно, какое бы дерево мы ни стали рассматривать, ветки на южной стороне оказываются развитыми гораздо лучше, чем на северной. < . . . >

Местами, особенно на склонах логов, встречали кремлевую ель с согнутым дугою стволом. Кремлина, т. е. болонь с выгнутой стороны, идет на колодки к граблям, т. к. очень плотна, и прочна, и легка, предпочитают ее березе. Но топо-

рища делают из соковой березы. Из капа на березе делают ковши, а из подземной части березки, корня делают чашки, трубки...

Начинает попадаться и ива в лесу. Это «моржевельник»¹, чернотал, почки его зимою любят щипать белые куропатки. Идет он на обручи для посуды и дужки к литовкам.

Вереса в лесу очень мало, почти нет, зато много около города и вообще около жилья. Ягоды вереса любят глухари.

Наконец, начала попадаться и осина, по-казымски — хоп юх. Толстые деревья идут на днища лодок, т. к. дерево это легко поддается распариванию.

Вступаем в так называемую «трубу» — расчищенную от леса широкую площадь, покрытую разноцветным мягким ковром мхов и порослью ели, кедра, а за нею вступаем и в «перевесье», просеку. Вот и шести с блоками, станок-сруб, где сидит охотник. Перевес уже налажен. Он фестономы спускается с горизонтально натянутых бечевки — подтона. Сетка слабо окрашена в синий цвет. К верхней горизонтальной бечевке она прикреплена на колечках, изготовляемых выбиванием особыми долотцами из оленьего копыта (легки и прочны), реже из коровьего рога. В руках охотника две бечевки; натягивая их, он поднимает сначала один, а потом другой конец сети, концы вожжей скручивает, складывает вдвое и конец перекидывает снизу вверх через горизонтальную палку, устроенную впереди станка. В петлю этого конца сверху палки вставляется заостренный конец прута, другой конец которого в руках охотника.

Вот, откуда ни возмись, перед сетью четыре утки, они еще не долетели до сети. Охотник выдергивает прут из петли, сеть под силой тяжести своей и гирек, подвешенных с одного и другого конца, падает, и птица запутывается в петлях ее. Торжествующий охотник быстро идет, низко сгибаясь под бечевками подтона, к сети, высвобождает головы птиц из петель и умертвляет их надкусыванием черепа у затылка. Делается это быстро: одна, другая... Одни быстро успокаиваются, другие некоторое время бьются. Выпутывает их из сети, как-то скручивает головы назад и запикивает их меж крыльев, так что из птицы получается как бы завязанный узел. Если птица сильно бьется, надавливает грудь, слышен хруст костей. Затем сеть вновь поднимается для новых жертв. Если охотнику нужно отойти от сети и он один, то или сеть надо опустить, иначе летящая птица пробивает

¹ Моржевельник — местное название растения. (Примеч. сост.)

ее и портит, или устроить автоматический спуск, так называемое «вильце». Это небольшая палочка с сучком, ею запирают перекинутую обычным образом вожжу через палку так, что прикосновения птицы к сети достаточно, чтобы толчок от всколыхнувшейся сети передался вожже. Сучок соскальзывает, и вожжа освобождается — сеть падает.

Мы пришли к перевесьям около 8 часов. Вышли на обрыв к сору. Чудный вид перед нами. Внизу бечевник уже узкий, пески, редкие ветлы, лодки, далее широкое пространство воды, цирком окруженное обрывистым берегом с мысом. Перед нами вдали мыс этого берега, в черной полосе его леса сквозят просеки — это перевесья. Слева сор сливается с широким водным пространством разлившейся Сосвы. Назади нас лес, перевесья, а в лесу оригинальные разнохарактерные, разбросанные изредка избушки, где отдыхают охотники. Еще подходя к перевесьям, из лесу мы уже слышали голоса людей. Оказалось, на соседних перевесьях много народа. Вдали под берегом разложен костер. Идем туда, это Рожковский, Худобашев. Варим чай. Пьем чай, чудодейственно освеживший и подкрепивший. Затем расходимся по перевесьям, я вдвоем с Едренкиным.

Сеть была поднята к 11 часам, когда стемнело настолько, что ее трудно было разглядеть. Станка в перевесье не было — оно только что куплено Е. за 3 руб. 50 коп. в вечное владение. Мы лежали на охалке еловых веток под большими деревьями. Ветра не было. Сеть висела недвижно, ее едва можно рассмотреть. Она казалась мне колоссальным зеркальным стеклом, поставленным поперек просеки (9 x 7 сажен).

Когда мне предоставлено было держать вожжи и я напряженно следил, чтобы не прозевать пролет, появились комары — крупные, с пестрыми крыльями. Снующие перед глазами комары не раз обманывали меня, я принимал их за чирков и делал движение, чтобы спустить сеть. Недаром об этих комарах говорят: комары с чирка.

Лет был плохой. Начиная моросить дождь. Вот летит пара. Сеть падает, одна птичка бьется в ней, как муха в тенетах, другая с жалобным криком улетает, успев подняться над сетью. И вот все это время, пока вынимали чирка, ставили сеть, где-то вблизи слышен был этот жалобный крик осиротевшего самца. Едренкин, сложив руку трубой, ртом производил звуки, подражающие голосу самки. Крик самца все продолжался; наконец и он [подлетает] сзади к сети. Сеть падает, но птичка снова ускользает и с тревожным криком исчезает уже совсем.

Сидели до 2-го часа. Стало светать, сеть делается очень видна, птица совсем не летит. Поймали всего 11 штук чирков и одного свиззя. Спустив сеть, пошли к берегу. Товарищи уже у костра, им удалось поймать лишь одного чирка. Убили для меня крысу, оказавшуюся полевкой. Е. сообщил, что остяки, называющие ее «тенгер», снимают шкуры и готовят из них ягушки для детей. Несколько лет назад, года 3, крыс этих (их здесь зовут «кроты») появилось всюду и в городе такое громадное количество, что трупы загрызенных собаками валялись десятками. Они очень храбры. Обороняются, бросая прыжками на человека. Прекрасно плавают.

Рожковский поехал домой в лодке, как и приехал сюда. Я решил отдохнуть до утра, чтобы дожждаться солнца и снять фотографии. Пошли в Батуринскую избушку. Там, видимо, только что был народ, оставлены куски хлеба, бутылки, два гуся и ружье. Подложив под себя шубку, я быстро заснул, а Е. занялся разведением огня в чувале.

Проснувшись, я услышал шум дождя, барабанившего по крыше, пока слабого. Было светло, хотя часы показывали лишь 4. Решили возвращаться домой потихоньку. Пока собирались, дождь перестал. Пошли на перевесы. Я снял фотографии, и затем тихонько пошли, я собирал растения. Дошли до борка, здесь нашли слопцы на глухарей. Опять остановка и съемка фотографий. Домой возвратились лишь к 11 часам. <...>

10 мая. С остяком Данилой и «восносадкой» Елизаровой искали старинное остяцкое кладбище. Оно в кедрах на высоком берегу Вогулки. Могилы рядами. Головой мертвецы вверх по реке, ногами вниз. Многие могилы провалились. Трупы зарыты очень неглубоко, из дыры одной могилы торчит железное ведро (?) и в нем вотлип. На могилах были невысокие срубы, они сгнили, покрышки из бересты заросли травой. Фотографировал под большим кедром ряд могил. На краю одной стоит проводивший меня остяк сосвинский, за ним юрта, которую я снимал ранее... За кедром — «восносадка». <...>

15—17 мая. Поездка на перевес.

Перевесья на горном берегу Сосвы, вверх от города, на сору. <...> Исследованная в ботаническом отношении «труба» южным концом выходит на сор, северным упирается в речку. Южный конец ее заболочен, здесь кочки кукушкина льна, сфагнум... Северный до спуска к речке сух, покрыт мелким молодым леском из ели, кедра, сосны. Почва представляет ковер мхов и лишаяев. Кустарники [растут] рассеянно, вокруг

каждого — мягкая кочка. Подобные же кочки и вокруг деревьев... В пейзаже играет роль брусника; черника и голубица безлиственны, и прутьики их кустов издали малозаметны... На кочках попадает мелкая осочка группами с низенькими плодущими стеблями. Рассеянно [растет] еще какой-то злак с метельчатым соцветием. В южной части просеки, где нога выжимает воду, оленьего мха нет совсем. Ковер, покрывающий почву и кочки, состоит из кукушкиного льна; на северном конце, где сухо, почва покрыта ковром мхов и лишаяев. Лишаев собрано 14 пакетов. <...>

При переезде через сор часто видно было, как со дна бурно поднимаются пузыри воздуха. Объясняют это тем, что дно, промерзшее за зиму и вспученное при оттаивании, опускается и гонит вверх воздух.

В очень большие морозы некоторые капканы, поставленные на лисиц, «свистят». Это зависит, видимо, от [качеств] железа; такие капканы не годны, пугают лисицу.

Чтобы не оставлять на капкане запах рук, который лисица чует, охотник как свои руки, так и канкан натирает можжевеловыми ветками.

Если «снегиря» (весенняя белая птичка подорожник) после Благовещенья много, то и утки будет много, а если снегиря мало, то и птицы будет мало. Так было ныне.

Если метляка появляется над рекой много, и рыбы будет много. Перед сырком падает мелкий метляк, а перед муксуном крупный.

Зимой (в феврале, марте) в Березове бывает «чудное», по словам Ф. А. Едренкина, зрелище, когда «материк поднимается». Это явление миража. После очень холодных дней из города видна Змиевая гора, Полосова (70 верст), Тегинские юрты (55 верст). Ясно видно настолько, что можно различить юрты, дороги. Между этим видом и горизонтом тонкий разрыв, полоска неба. Опрокинутое изображение или прямое сказать не может. Наблюдается явление вскоре после восхода солнца. После миража надо ждать повышения температуры.

В сор мы вошли около 11 часов. По воде против устьев живунов, мелких речек стоял туман, его называют здесь «стыдь». Когда зимой в комнату ворвется холодный воздух из двери, тоже появляется «стыдь». Обычный же туман над землей, и такой туманом и называется.

Флюгер здесь называют «сорочка».

Крутая луна в новолуние — к холоду. Березовую губу, употребляемую для изготовления трута, называют «наплыв» или «накипель».

Подземная часть ствола березы называется «коренок»; [ее] вырубают, сушат медленно до 1 году, распаривают и употребляют на разные изделия — чашки, ложки, черенки ножей. Это дерево очень крепко и имеет красивую игру-узор. Готовые вещи покрывают маслом.

Еловая сера в равной части с воском желтым и деревянным маслом, сваренные, дают спуск, который выгоняет змиевец на пальцах, лечит нарывы. Очень ценится. Моржевеличник — кустарниковая ива (не дерево) по берегам речек, в лесах — из него плетут коробья.

Разжеванным кедровым орехом смывают с рук древесную серу. *Salix palustris* (?), копытник, раньше всех цветет. Каренга — так зовут всякое извилившееся¹ дерево.

Ездили с Филиппом и Артемием Александр. Едренкиными. Из уток в котле сварили прекрасную похлебку. Очистили от перьев и пуха, отрубили крылья и лапки, надели на заостренный конец палки и опалили над костром, выгули внутренности, вскрыли пупок — желудок, очистили его от песка, разрезали птиц на куски, бросили мясо в котел с водой. После почти часового кипения (причем пена с грязью постоянно снималась и выбрасывалась) в котел покрошили черного хлеба. Еще дали вскипеть. Получилась очень вкусная похлебка несколько острого вкуса.

Рассказы об уме медведя. Видели, как он ловит уток. Забирается в воду, оставляя над водой лишь «норку»². Кричит, подражая крику самки утки. Утки садятся на воду и плавают возле. Улучив удобный момент, он хватает птицу. Видели, как он ловит рыбу. Стоит на берегу у мелкого места и караулит. Как только показывается рыба, он шлепает лапой и ловит ее. При встрече с человеком у него на хребте поднимается шерсть, он встает на задние лапы, рычит и плюется, но не нападает, если его не тронуть, и уходит. Если напугать медведя внезапной встречей или ударом, у него делается понос, он бежит и даже, говорят, пропадает.

Остяки охотятся на медведя в берлоге так. Делают из двух кольев крестовину и втыкают ее, загораживая вход в берлогу. Затем длинным заостренным колом через верхнюю крышку берлоги нащупывают медведя. Когда нащупают, начинают колом тревожить, пока он не проснется и не полезет из берлоги. Вылезая, он непременно попадает головой

¹ Извилившееся — дерево с волокнами, скрученными вокруг вертикальной и горизонтальной осей. (Примеч. сост.)

² Норка — нос, острый конец морды. (Примеч. сост.)

между кольями крестовины. Этим моментом другой охотник пользуется, чтобы стрелять. Бывает иногда, что колом нельзя дощупаться медведя — тогда приходится раскрывать крышу берлоги. Но никогда медведь не пользуется этим отверстием, чтобы вылезти, лезет непременно через выход из берлоги. Часто в берлоге не один, а несколько медведей, тогда у каждого своя камера.

Счастливым остяк, убивший медведя, сдирает шкуру, оставляя голову и когти. Складывает на нарты, подбирая шкуру и укладывая голову на вытянутые передние лапы. Въезжая в юрты, сидит, печально подперши щеку рукой, дико вскрикивает, давая знать, что везут медведя. Все население юрт выступает навстречу. Кланяются медведю, и каждого подходящего охотник забрасывает комком снега. Вносят медведя в юрту, кладут на стол в передний угол тоже мордой на лапы [нрзб.]. В течение 12 дней около медведя совершаются разные церемонии, песни, пляски. Охотник непременно должен всех поить вином. Но зато и приходящие оставляют приклад ¹ медведю. Пляшут в берестяных масках. Только по окончании этих торжеств охотник, отрезав от шкуры «норку» и когти, вынув череп, вешает шкуру и может ее продать.

Охотники и рыболовы в лесу и на реке одеваются очень легко, но непременно живот в области желудка подвязывают опояской, чтобы держать его в тепле. Иначе легко случается понос.

Прежде старики от угару лечились щербой ² из ухи. Напьются щербы и лезут на печь спать. Помогало.

Остяки от головной боли перевязывают голову накрепко веревкой.

Вогульские остяки привозят, когда едут весной на промыслы, изделия из бересты с узорами: ведерки, чашки, корбки. Изображают [на них] чаще всего или соболя, или медведя.

Перевесы к 17 мая уже почти все на горной стороне убрали. Ныне добыча была малая.

18 мая. У Григория Васильевича Кузьмина. Сельдь со-свинская, может быть, идет из моря, как и сырок. Сосву и Ляпин она почему-то предпочитает другим рекам. Говорят, в Сыне она тоже есть. Но, например, в Вогулку сельдь не идет, как и вообще ее избегает большинство местных пород.

¹ Приклад — приношение. (Примеч. сост.)

² Щерба — здесь: рыбный отвар. (Примеч. сост.)

Весной сельдь расходуется по сорах, но ловить ее здесь не стоит, попадает в сети в ничтожном количестве. Чем она питается в сорах, толком не знают — должно быть, мурком; относительно язя это факт. К 20 числу июля сельдь, за это время нагулявшаяся, собирается в стада и поднимается вверх по течению. С этого числа начинается сезон ловли сельди. Если, что иногда бывает, вода в Сосве дрогнет раньше, раньше пойдет на убыль, сельдь спешит покинуть сора, не откормившись, в эти годы улов сельди бывает плохой.

Мережа для невода берется мелкоячеистая. Лов продолжается до половины августа (?). Икрная сельдь поднимается в верховья рек Ляпина и Сосвы и здесь в истоках кладет икру. <...>

5 июня. Березов. Поездка с Ф. А. Едренкиным с сетями. Выехали в 6 часов вечера вверх по Сосве к сору [нрзб]. Лодка управляется одним гребцом с одним остяцким веслом, лопасть весла несколько больше 1 аршина, черен в $1\frac{1}{2}$ раза больше лопасти. В лодке 10 сетей и молоток для глушения рыбы. Сор — это широкий, с очень пологими берегами лог, заливаемый большой водой. Ближе к берегам из воды выступают заросли широкоперого злака, называемого здесь «максу тур». Название не то остяцкое, не то татарское. В зарослях этого максу тура любит пастись рыба, сочными и сладкими побегами его она питается, нересекая стебли [нрзб]. Злак этот растет со дна и тянется так высоко кверху, как высока вода, вынося на воздух верхние листья и метелку. Нижние подводные корешки имеют вид ланцетовидных языков.

Приблизившись к берегу, лодка вошла в заросли сагех — невысокой, с черными соцветиями, растущей не большими, а очень маленькими, почти незаметными кочками. <...>

Нарезав из тальника кольев, Едренкин отправился ставить сети, управляя один и лодкой, и расстановкой сетей. Обычно сеть ставят вдоль сейчас дующего ветра, т. к. поперечный ветер путает сеть. В дно вбивается заостренным концом кол, к нему поверх воды привязывается один конец тетивы, лодка тихо подвигается от кола по ветру, и рыболов постепенно сбрасывает в воду сеть, висящую на собранной кольцами тетиве. Когда полотно все выброшено, вбивается таким же порядком другой кол, и к нему привязывается другой конец тетивы. Чтобы середина тетивы не провисала в воду, делают подтычины — колышки, воткнутые в дно, к которым подвешивается тетива, захлестыванием ее вокруг концов этих колышков.

Устройство сети таково. Длина сети 16—22 ручных сажени (ручная сажень — $2\frac{1}{4}$ аршина), ширина — 18 ячей, ширина ячей $1\frac{1}{2}$ вершка (четыреперстка, бывают и пятиперстки). Сеть висит на тетиве. Тетива — это бечевка, скрученная из мочала. Пеньковая не годится, она в воде крутится. Сеть, или полотно, прикрепляется к тетиве посредством садка. Садок делается из толстых, так называемых неводных ниток. Полотно вяжется из тонких машинных ниток. Громадную важность при изготовлении сети имеет посадка полотна. Сеть должна опускаться в воду вертикально. Рыба, гуляющая по сору, натывается на сеть и должна в ней запутаться. Если бы сеть, т. е. полотно, была натянута ровно, одинаково плотно во всех частях, то рыба, ударившись о сеть, могла бы быстро и уйти, не запутавшись. Чтобы запутать ее, сеть должна быть так устроена, чтобы при толчке эта часть сети тотчас же подавалась вперед, когда соседние ее части справа и слева остаются висящими. Тогда рыба попадает как бы в мешок и легко в нем запутывается. Это и достигается «посадкой» сети. Посадка делается с «набором». На длине тетивы откладывается длина трех ячей в растяжку, на этой длине насаживается длина сети, равная 5 ячей, на второй длине трех ячей — тоже 5 ячей сети. На третьей длине трех ячей сажается 6 ячей сети, дальше два раза по пять ячей, потом один раз 7 ячей, а затем в том же порядке снова: два раза по пять, один 6, два по 5, один 7. Нити садка представляют почти равносторонний треугольник, основание которого равно трем ячейкам в растяжку. Для материчных соров¹, где вода очень чиста и прозрачна, сети окрашивают в красноватый цвет березовой корой. Стоит сеть около 2 руб. 50 коп., работают их татары в Алымке, Карбине около Тобольска и здесь.

Орудие это самое распространенное здесь и самое старинное. Ловят им рыбу от вскрытия рек до спада воды. Ловятся язь, щука, окунь, сорога, сырок, муксун, карась. Ставят сети на тихой воде, на заходе солнца. Попадает рыба на заходе, ночью и утром, когда солнце только что взойдет. В сорах вода неглубока, и сеть то касается дна, то ложится нижним краем на землю. Рыба пасется в сорах: При повышении воды она глубже уходит в растительность соров, но едва вода тронется на убыль, рыба спешит уйти на глубокие места.

¹ Материк — местность, лежащая за пределами долины и никогда не затопляемая во время разлива рек. Вероятно, материчный сор — это сор, прилегающий к матерiku. (Примеч. сост.)

Было расставлено в четырех местах 9 сетей. Стали ездить осматривать их. По положению нитей садков и по тетиве можно издали узнать, есть ли в сетях рыба. Если она попала, нити в этом месте получают неправильное положение. Тетива от усилий рыбы опускается в воду и намокает; где рыбы нет, она вся сухая.

Если сети долго не осматриваются, рыба, сначала сильно бьющаяся, успокаивается и лежит, окутанная петлями сети, на боку в воде. Подплывая на лодке, вынимают ее и особой деревянной колотушкой ударом по голове оглушают, чтобы не билась в лодке и не выпрыгнула из нее. Попадались больше язи. Щука особенно много беспорядка производит в сетях, перекидывая их через тетиву, а часто можно было открыть лишь, что щука была, но ушла — сеть перекинута, порвана, рыбы нет. Попался один сырок, но он оказался мертвым — мясо сзади головы оказалось расковыренным, то ли это клевала его халева¹ (большой рыболов), то ли сама она обрезалась о сетку, то ли ее высасывал вьюн.

Щуку умерщвляют иначе, чем язя: рыболов схватывает ее одной рукой за голову, другой за спину и сильным движением переламывает хребет у шеи.

Собрав рыбу, поехали к просеке перевеса, выходящей на Сосву. Вытащили лодку, взяли чайник, двух язей, хлеб и отправились варить ужин и чай. На берегу масса сушняку — прекрасного материала для костра. Скоро костер трещал, можно было снять сапоги и начать сушить носки. Накрапывал дождик, но это не портило впечатления от чудной обстановки на песчаном, зеленеющем от клевера берегу перед обширным водным пространством Сосвы... Рыбу выпотрожили, разрезали на куски и — в котел с водой над костром; немного перца, лаврового листа, и скоро уха была готова. Вместо стола служила дощечка из лодки. Потом сварили чай. Я лег вздремнуть (было уже более 2 часов), а Едренкин поехал смотреть сети. Около 5 часов он поспешно возвращается и просит скорей собираться, разыгрывается непогода и трудно будет перебраться через реку. Скоро мы сидим уже в лодке. Рука, опущенная в воду, ощущает тепло — признак непогоды. Это верная примета рыбаков, проба воды рукой. <...>

17 июня. Если полосы яри на реке чередуются с светлыми дорожками, жди непогоды.

Рыбу — язя, щуку, сырка — сейчас скупают агенты Новицкого — Кузнецов, Гурьянов, Блохин. Язь 5 коп. штука

¹ Халева (халев) — чайка. (Примеч. сост.)

мерный, 6 вершков; чуть менее — 2 за одного. Щука $5\frac{1}{2}$ — вершковой меры — 3 коп. Сырок 5 коп. мерный $5\frac{1}{2}$ — 6-вершковый. Соли надо на 100 язей вешних, тощих 1 пуд, летних, жирных — 1 пуд 10 фунтов, на щуку меньше на 10 фунтов, на сырка 1 пуд. Соль пуд 40 коп. Посолка сотни — 50—60 коп.

Сакма' — конская тропа. Обдорские остяки готовят точила из каменных брусков, а ляпинские употребляют точильные камни.

В Тюмени в июне 1906 г. цены на рыбу: лзь — 2 руб. 70—2 руб. 80 пуд, щука — 2 руб. 10—2 руб. 20, сырок — 4 руб. 50—5 руб. 00, муксун — 8 руб. 60.

30 июня выехал из Березова в Тобольск. Машинист парохода Голева «Отважный» Василий Львович Кулигин...

На Сосве сосновые молодые корни раздирают, вымачивают и употребляют для связывания кабасьев, для пришивания бортов к лодкам, реже для той же цели идут кедровые корни.

Вогулы снимают с тала кору, снимают с нее верхнюю часть и из луба плетут веревки, они хороши для невода, но более двух лет не терпят.

Серят лодки живицей, которую добывают из сосны надрезами коры, варят в воде — получается как воск, цена 1—2 руб. пуд. Сообщил Петр Петрович Алексеев из Щекурьи.

В огороде у Дмитриева-Садовникова за Абрамовым мостом вырезают арбузы.

В Тобольске жил до 6 августа, затем опять поехал в Березов и оттуда с семьей возвратился в Тобольск 22 августа 1906 года.

Ю. Н. Подбельский

Юрий Николаевич (Юлий Папиевич) Подбельский (1888 — после 1929) — сын известных революционеров Е. П. Сараңдович и П. П. Подбельского. Родился в Якутской области, где находились в ссылке родители. После гибели отца в 1889 году в Якутске во время политического протеста ссыльных («Якутская трагедия») был, как и его брат Вадим (в 1918—1920 гг. — нарком почт и телеграфов), усыновлен братом отца Николаем Павловичем Подбельским. Учился в Тамбовской гимназии. Участвовал в революционном движении начала XX в. в Тамбовской губ., неоднократно арестовывался, был в ссылках. Его воспоминания о событиях 1905 г. в Тамбовской губ., об аресте и содержании в Моршанской уездной тюрьме опубликованы в журнале «Каторга и ссылка» (1931. — № 8—9. — С. 217—227).

Как социалист-революционер (эсер), Ю. Н. Подбельский преследовался властями и в советское время. После ареста в Киеве в начале 1923 г. он был осужден на три года. Отбывал наказание в Соловецком лагере. В 1927—1929 гг. находился в Сургуте, по-видимому, в ссылке. Занимался историей народничества. Известно несколько его писем из Сургута в январе — марте 1929 г. к бывшим народовольцам с целью выяснения фактов биографии его отца. Биография опубликована в журнале «Каторга и ссылка» (1929, № 3). Помимо изучения истории ссылки Ю. Н. Подбельский занимался в Сургуте краеведческими поисками. Как видно из его письма в Уральское областное бюро краеведения в начале 1928 г., он изучал особенности речи сургутян и составил словарь, насчитывающий около 180 слов и выражений (Гос. архив Свердловской области, ф. 677, он. 1, д. 12). Писал в свердловские журналы «Хозяйство Урала» и «Уральский охотник».

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СУРГУТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ

(К столетию смерти декабриста А. И. Шакирева)

В мае нынешнего года исполнилось 100 лет со дня смерти в далекой сургутской ссылке А. И. Шакирева *, первого из декабристов, сосланных в Тобольский край вообще. Принадлежа к обществу «Соединенных славян», он был осужден на вечное поселение, замененное вскоре ссылкой на 20 лет, и для отбытия наказания был водворен в г. Сургут.

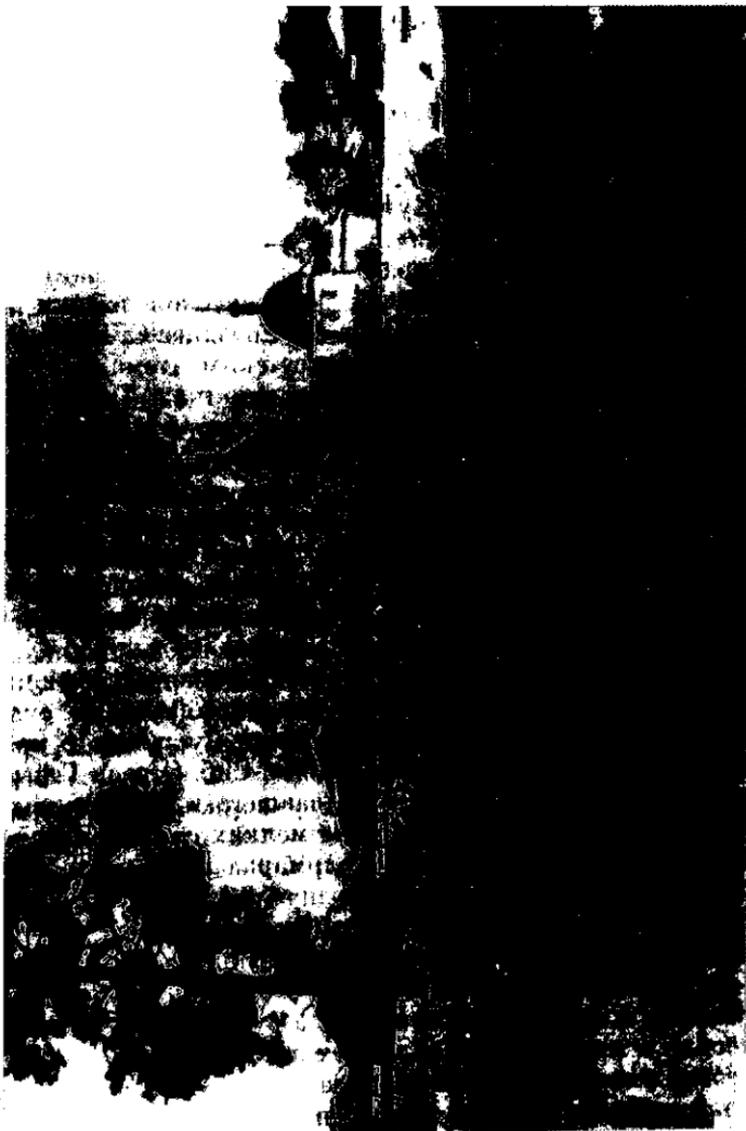
Произошло это осенью 1826 г., и с этого момента ведет свое начало вековая история сургутской политической ссылки.

Сургут не напрасно был избран местом изгнания. Не только 100 лет тому назад, но и теперь Сургутский край представляет собою наиболее захолустную часть Тобольского Севера. Если в далеком Обдорске давно уже поднимаются в небо высокие мачты радиостанции, если в Самарове, Березове и Обдорске электричество делает первые успехи в борьбе с долгой полярной ночью, то на весь Сургутский край до сих пор нет ни одной радиостановки, ни одной электрической лампочки. Только еще более глухая «Конда» может поспорить с Сургутом по части отсталости и дикости своей примитивной «культуры». Два раза в год, в весеннюю и осеннюю распутицы, Сургутский край надолго бывает отрезан от культурного мира.

И в этот-то воистину «гиблый край» царское правительство прятало своих покоренных политических противников. Сто лет, но с большими перерывами, Сургут служил тюрьмой без решеток для ряда поколений революционной России. Декабристы, поляки, народники, народовольцы, социалисты-революционеры, социал-демократы, анархисты — все побывали тут. Их пребывание не могло не оставить следа, и настоящий краткий очерк ставит себе задачей подвести итоги культурному влиянию сургутской политической ссылки за 100 лет ее существования.

Достоверными сведениями о влиянии политических ссыльных Сургута на местное население и об их попытках изучить местный край мы обладаем только для народнического периода и последующих десятилетий. Что касается декабристов (Шакирева и Тизенгаузена *) и поляков-повстанцев * (60-е гг.), то об их жизни в Сургуте вообще известно очень немного, и совершенно ничего неизвестно о характере их влияния на местное население.

Площадь
в Березове
(центр города)



Другое дело народнический период сургутской ссылки. Он длился около 20 лет (1877—1895 гг.), и за этот промежуток времени Сургут был свидетелем пребывания в нем ряда выдающихся людей, оставивших после себя весьма заметный культурный след.

В первую очередь надлежит отметить услуги, оказанные ссылными делу познания Сургутского края. До появления в Сургуте ссылных-«семидесятников» не существовало вовсе работы, посвященной всестороннему описанию этого «края болот, лесов и озер». Работы Хондажевского * и других авторов затрагивали или отдельные районы обширного Сургутского края, или отдельные стороны быта населяющих его народностей. Только в 1888 году появилась книга, представляющая собою первую попытку подробного и притом популярного описания Сургутского края. И эта книга («Очерки Сургутского края», вошедшая в X выпуск «Записок Зап.-Сиб. Отдела Географ. Об-ва») принадлежит перу одного из пионеров сургутской политической ссылки 70—80-х гг.—Сергея Порф. Швецова *. И позднее С. П. Швецов не один раз возвращался к «сургутским» темам в своих многочисленных очерках, статьях и заметках. То или иное упоминание о Сургутском крае встречается в следующих работах С. П. Швецова: «Рыболовные артели Тобольской губернии», «Лесные артели Тобольской губернии» (обе работы появились в начале 90-х гг. в изданиях Юридического О-ва при Московском университете), «Ник. Як. Фалин» (№ 3 журнала «Каторга и ссылка» за 1925 г.) и, наконец, биографии декабристов Шакирева и Тизенгаузена, написанные для Энциклопедического Словаря.

Из других краеведческих работ, написанных бывшими политическими ссылными, следует упомянуть об очерке И. Я. Неклепаева * «Поверья и обычаи Сургутского края», также напечатанном в «Записках Зап.-Сиб. Отдела Географ. О-ва». Перу того же автора, отбывавшего в Сургуте ссылку в 80-х гг., принадлежит ряд более мелких статей, очерков и корреспонденций («Самоедская ярмарка в Сургуте» и др.), появившихся в различных периодических изданиях Сибири.

Но литературными работами не ограничивался вклад политических ссылных в дело местного края.

Метеорологические наблюдения в Сургуте стали возможны только с того момента, когда за это дело взялись политические ссылные. В начале 80-х гг. сургутская метеорологическая станция, снабженная всеми необходимыми инструментами, бездействовала до тех пор, пока заведывание ею

не взял на себя Лев Андреевич Иванов *, осужденный в 1877 г. по процессу 50-ти и попавший в Сургут на вечное поселение.

Нельзя обойти молчанием и еще одну краеведческую работу, проделанную группой политических ссыльных в середине 80-х гг. Мы имеем в виду раскопки старинного «Городища» на Барцевой горе, возле Сургута. В результате продолжительных усилий были извлечены из городища многочисленные вазы, оружие, скелеты и другие предметы, поступившие затем в распоряжение одного из центральных музеев. В этих работах приняли участие В. Я. Мрачковский *, Н. Л. Зотов *, В. Ф. Казакевич * и другие ссыльные — всего до 15 человек.

Труднее поддается учету *политическое влияние*, оказанное на местное население политической ссылкой. Оно сказалось в «тлетворных» идеях, зародившихся в головах не одного десятка сургутских жителей, в утрате группой сургутской молодежи былого почтения и трепета перед царской властью, в новых революционных песнях, распевавшихся молодежью и постепенно вошедших с тех пор в ее репертуар.

Уже в 80-х гг. из среды сургутской крестьянской молодежи составила группа в несколько человек, вошедших с ссыльными революционерами в тесное соприкосновение и идейное содружество. Было бы преувеличением сказать, что эта молодежь целиком восприняла от ссыльных-восьмидесятников их политическую веру и тем более их социалистические взгляды, но она сочувственно прислушивалась к их проповеди и незаметно заражалась от них духом критики и протеста. Из числа «неблагонадежных» сургутян * особенно выделялись в 80-х гг. следующие лица: А. Я. Баталин *, Е. И. Буканин, П. Л. Вергунов, И. Ф. Кайдалов, Л. П. Кушников и М. К. Кондаков. Двое из перечисленных лиц — И. Ф. Кайдалов и Л. П. Кушников — оказали в 88-м году активное содействие побегу Лебедева * и Лазаревича *, оставшись не обнаруженными полицией. Пострадал только один А. Я. Баталин, отсидевший 2 месяца под арестом и освобожденный под гласный надзор полиции, хотя непосредственного участия в подготовке побега он не принимал.

В настоящее время ни одного из этих сургутян-«вольнодумцев» не осталось в живых. Последним из них умер летом прошлого года А. Я. Баталин.

Чтобы покончить с народническим периодом сургутской политической ссылки, укажем еще на одну область, в которой сургутяне оказались учениками ссыльных. К концу 90-х гг. все виды ремесла оказались в Сургуте представленными ис-

ключительно политическими ссыльными. Среди них оказалось немало искусных и опытных ремесленников — кузнецов, сапожников и столяров. В кузнице работали В. Я. Мрачковский, А. Н. Аверкиев *, Гамалицкий * и А. Н. Лебедев. Сапожным делом занялись Семен Агапов *, Рудницкий *, отчасти Петровский *. Хороший столяр выработался уже в Сургуте из Льва Иванова.

Кое-кто из сургутян перенял от ссыльных их знание ремесла. Так, напр., лучший сургутский столяр И. Ф. Кайдалов своим искусством обязан, говорят, Льву Иванову, который был одинаково неутомим и в деле пропаганды, и в работе, и в обучении ремеслу.

Переходим теперь к последующим периодам сургутской политической ссылки.

Во вторую половину 90-х и в первую половину 900-х гг. Сургут перестал быть местом водворения ссыльных. Возобновляется ссылка в этот маленький городишко только в 1906 г., после подавления московского вооруженного восстания. Со всех концов покоренной, но не примирившейся революционной России в Сургут, как и в другие пункты Тобольского Севера, свозили представителей всех политических партий, участвовавших в революции, и наряду с ними — большое количество беспартийных. Это была эпоха массовой политической ссылки. Среди невольных пришельцев из-за Урала большинство принадлежало к случайно захваченным революцией протестантам. На короткое время они примкнули к политическим партиям, а затем так же быстро вернулись в политическое небытие. Активные политические работники среди новых ссыльных были в меньшинстве. Подавляющее большинство ссыльных составляли безвестные рабочие, крестьяне, приказчики, учителя, студенты и ремесленники. Окончив свои сроки, они вернулись к привычной трудовой жизни, не оставив в Сургуте никаких следов своего короткого пребывания. Можно указать только на двух человек из числа ссыльных этого периода, которые близко сошлись с местным населением, годы изгнания которых не прошли бесследно для здешних мест. Это были текстильный рабочий Муценек * и слесарь Тиборт. Во время массового развоза из Сургута политссыльных, после убийства шпиона Григоренко, оба они попали за 500 верст от города, в дикий Ваховский край, в настоящее время отошедший от Сургутского района к Томскому округу. Водворенные в с. Ларьяк, в единственный пункт края, где имелись избы русских поселщиков, т.т. Муценек и Тиборт не пали духом. Через короткое

время Тиборт открыл кузницу и научил остяков простейшим кузнечным работам. Муценек занялся сельским хозяйством, и, подражая ему, здешние жители также стали заводить огороды, сажали картофель и т. д. Уже по окончании срока ссылки, в 1915 г., тот же Муценек организовал в Ларьяке потребительское общество.

Более заметный культурный след оставил по себе последний предреволюционный период сургутской ссылки. Его начало относится к февралю 1912 г., когда в опустевший от ссыльных Сургут пришел первый, после большого перерыва, этап. Он доставил сюда восемь новых ссыльных — исключительно рабочих. И характерно: до самой амнистии 1917 г. пролетарский характер сургутской политической ссылки сохранился неизменным, так как и последующие этапы, правда, весьма немногочисленные и немногочисленные, доставляли сюда почти исключительно рабочих. Два-три исключения только подчеркивали пролетарскую физиономию последней сургутской ссылки.

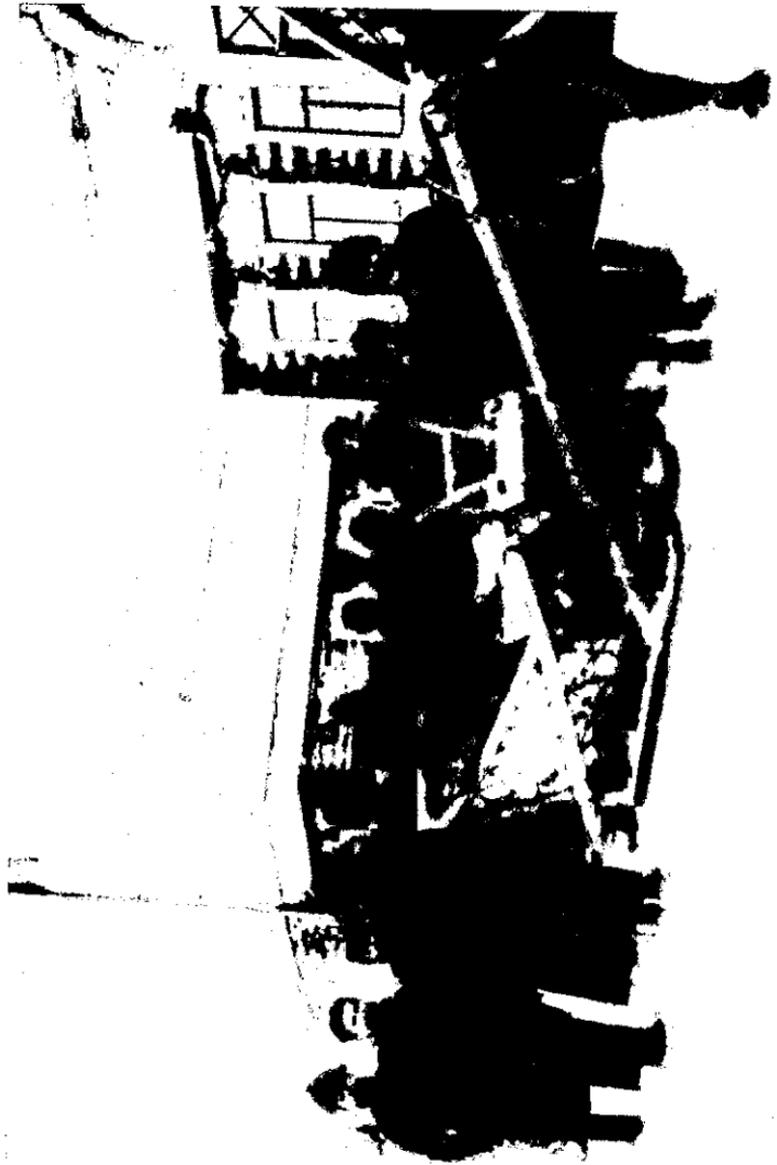
В это последнее перед революцией пятилетие в Сургутском крае появились первые кооперативы, и все они были организованы политическими ссыльными. «Отцом» местной кооперации является потребит. о-во «Север», основанное в самом Сургуте в феврале 1914 г. Его организаторами явились политические ссыльные Ю. П. Горская (учительница) и Т. И. Миронов * (столяр). Миронов же был избран и первым председателем правления. Это стало возможным потому, что к 1914 г. он уже окончил свой срок, и формальных препятствий к его избранию уже не было. Горская же, как поднадзорная, принимала участие в организации и работе о-ва только со стороны, хотя именно ее инициативе, главным образом, нужно приписать появление в Сургуте первой ячейки кооперации.

В том же 1914 г., летом, в Сургуте появился и еще один кооператив — кредитное товарищество. В числе его организаторов также оказалось двое политссыльных — уже упомянутый выше Т. И. Миронов и т. Муратов (интеллигент).

Наконец, в 1917 г. в с. Александровском, на Оби, бывшим политическим ссыльным Ч. А. Герватовским был открыт еще один кооператив — потребительское общество «Прогресс». О потреб. об-ве в с. Ларьяке мы уже говорили.

Таким образом, начиная с 80-х гг. не прекращалось культурное воздействие ссылки на местное население. В зависимости от эпохи менялся только характер влияния. Вполне понятно, что в захолустном Сургуте 80-х гг. не было еще предпосылок для насаждения кооперации. Поэтому энергия

Проводы
товарищей
далее на Север.
У Самаровского
волеостного
управления



политссыльных, ища выхода, направилась тогда, главным образом, в область этнографии, фольклора и археологии, а также на изучение экономики края. Наоборот, в последний период существования политический ссылки научные интересы должны были уступить место практической злобе дня. Перед войной и до Сургута докатилась волна кооперации, и именно сюда было направлено внимание ссылки. Если бы не политссыльные, Сургутский край не скоро еще примкнул бы к кооперативному движению.

Трудно уловимые, но вполне реальные результаты имели неустанная политическая пропаганда и агитация ссыльных. Она не носила характера систематически организованной работы ссыльных, направленной к вербовке своих сторонников для борьбы. Но ссыльные пользовались каждым случаем, чтобы на конкретной злобе дня показать местному населению, чем их понимание вопроса отличается от традиционного его разрешения в духе «веры, царя и отечества».

Наконец, вне зависимости от эпохи, не пропагандой, а показом политические ссыльные изо дня в день передавали местному населению усвоенные ими навыки и приемы труда.

В общей совокупности, культурное наследие, оставленное дореволюционной политической ссылкой, является тем живым источником, откуда еще долго будут черпать опыт, знания и силы местные культурные работники.

В заключение несколько слов о судьбе могилы зачинателя сургутской ссылки — А. И. Шакирева.

Как умерший «без покаяния», Шакирев был похоронен вне ограды сургутского кладбища, но затем кладбище разрослось и включило в себя и могилу умершего декабриста. Однако никто в Сургуте не знает не только места погребения первого политического ссыльного, но и самого имени его. В 80-х гг. жил в Сургуте глубокий старик Вершинин, разорившийся кунец. Он не только сам знал могилу Шакирева, но указал ее место С. П. Швецову, около полувека тому назад отбывавшему в Сургуте ссылку. По словам С. П. Швецова, даже в его время могилу Шакирева едва можно было отличить среди соседних могильных холмов — так она опустилась и в таком пренебрежении она была. А затем прошли над ней новые десятилетия, и могила бесследно исчезла для всех, кто хотел бы почтить память погибшего в ссылке декабриста. Все попытки отыскать эту могилу, предпринятые уже в 1927 г. автором этих строк, ни к чему не привели.

Сколько еще таких безвестных могил зачинателей революции рассеяно по Сибири и по Уралу?

8	Квашкина (Лойко) Лидия Павловна		10. VI. 1880 (II. 1879) — II. 1884.	Ишим	
9	Шайдер Изаэт		12. VI. 1880 — I. 1883		
10	Тюрин Иван Кузьмич		15. VII. 1880 — 1881	Обдорск	
11	Вередагин Алексей М.		19. VIII. 1880 — XII. 1881		освобожден
12	Емельянов Никифор Никифорович	Тара	30. XI. 1880 — 24. XII. 1882	Курган	
13	Тененик Лазарь Абрамович		VII. 1881 — 23. V. 1884		
14	Казанский Василий Васильевич	Кондыняк	VIII. 1881 (VI. 1882) — 4. III. 1883	Кондыняк	
15	Короткевич Николай Андреевич		XI. 1881 — V. 1886	Томск	
16	Сябирцев П.		31. I. 1882 — 16. XII. 1886		освобожден
17	Колесниченко Петр Емельянович		VIII. 1882. — 4. III. 1883		
18	Головин Василий Федорович	Тюкалинск	20. XII. 1882 — XI. 1883		
19	Басинский Валериан Валерианович	Тара	5. VIII. 1883 — 26. V. 1885		освобожден
20	Артоболовский Степан Максимович	Ишим	I. 1884 — 5. V. 1885		
21	Гервасий Иван Андреевич	Обдорск	II. 1884 — 1886		освобожден
22	Распопин Василий Трофимович		5. III. 1884 — 18. IV. 1887		умер в Сибири
23	Колесников Егор Ефимович	Турунск	VI. 1884 — 14. VII. 1886		освобожден
24	Глико Гавриил Александрович	Турунск Кущеват	IX. 1884 — IV. 1885 1890 — 19. I. 1894	Кондыняк	выслан за границу
25	Чижевский Павел Иванович		III. 1885 — 27. III. 1888		освобожден
26	Иванов Василий Моисеевич		3. IV. 1885 — 14. VI. 1894	Тобольск	

¹ Составлено по ТФ ГАТО. Ф. 330. Оп. 1. Д. 20/3; Ф. 152. Оп. 2. Д. 85; Оп. 8. 1877. Д. 40; 1878. Д. 4; 1879. Д. 68; 1880. Д. 33, 56, 59, 65; 1881. Д. 58, 363; Оп. 9; 1882. Д. 10, 35, 76, 69; Оп. 10. 1883. Д. 21, 25, 27; 1885. Д. 2; Оп. 11. 1885. Д. 5, 143, 39; Оп. 12. 1887. Д. 9; 1888. Д. 87, 94; 1889. Д. 6 566; Оп. 15. 1894. Д. 16.

² В скобках указаны даты по другому источнику.

№ п. п.	Фамилия, имя, отчество	Откуда поступил(а)	Дата ссылки	Куда переведен(а)	Примечание
27	Френкель Иван Абрамович		27.IV.1885—28.VIII.1887	Тобольск	взят на военную службу
28	Мануйлов Петр Павлович		18.V.1885—14.III.1887	Тобольск	
29	Вейнберг Иосиф Павлович	Сургут	V.1885—IX.1887	Тобольск	
30	Маслов-Стоков В.		25.VIII.1885—23.X.1885	Кочетав	
31	Белич Иван Андреевич		X.1885—X.1887	Обдорск	негласный надзор
32	Померанцев Владимир Аристархович	Сургут Ковдинск	XII.1885—V.1888 4.VII.1889—13.VIII.1890	Ковдинск Пермская губ.	
33	Котов Николай Павлович		12.XII.1886—13.XI.1886	Турунск	
34	Флеров Николай Михайлович		10.VI.1886—12.VIII.1890	Тобольск	
35	Гольденберг Абрам Миронович	Тюкалинск	4.VII.1886—31.I.1889		освобожден
36	Гамалицкий Николай Иванович	Сургут	16.XII.1886 (18.I.1886)— 28.IX.1888 (29.X.1888)		освобожден
37	Бородзич Аполлинарий Иосифович		18.VIII.1887—20.IX.1891	Турунск	
38	Фролов Василий Илларионович		18.VIII.1887—VII.1891	Ковдинск	
39	Крутовский Николай Иванович	Тюкалинск	25.VIII.1887—23.X.1889		освобожден
40	Сазонов Анатолий Владимирович	Тюкалинск	IX.1887—V.1889	Тобольск	
41	Борзяков Григорий Федорович	Турунск	X.1887—VII.1889		освобожден
42	Бык Герш Давидович	Тюкалинск	X.1887—1888		освобожден
43	Гостынский Иосиф Федорович	Тюкалинск	30.XI.1887—13.V.1889	Тюкалинск	
44	Шварцман Мирон Давидович	Тюкалинск	30.XII.1887 (1886)— X.1888	Курган	

45	Жуковская (Флерова) В. А.			1887—1888			негласный надзор
46	Ананина (Бородзич) Лидия Ивановна	Кондинск	Ялуторовск	III.1888—8.XII.1895 V.1896—VI.1897	Ялуторовск	Восточная Сибирь	
47	Дибобес Яцкель Иосифович	Сургут	Сургут	5.IV.1888—17.VIII.1888	Шеркальское		
48	Вепельман Франц Генрихович	Тюкалинск	Тюкалинск	12.IX.1888 (30.II.1887)— 1.II.1889 (30.IV.1890)			
49	Козеренко Николай Петрович	Тюкалинск	Тюкалинск	22.XI.1888—III.1889	Курган		
50	Духович Александр Фомич	Обдорск	Обдорск	1888—17.VI.1890	Томск		
51	Коллегаев Лука Васильевич	Сургут	Сургут	III.1888—31.V.1891			освобожден

Демьянское

1	Гамолецкий Константин Владиславович	Пелым	Пелым	1888—1890			
---	-------------------------------------	-------	-------	-----------	--	--	--

Кочинск Березовского округа

1	Громов Григорий Игнатьевич	Обдорск	Обдорск	5.X.1877—5.X.1879 1880—23.V.1884	Обдорск	Обдорск	освобожден
2	Мамонов Афанасий			14.VI.1880—			
3	Иванов Николай Иванович			27.VII.1880—1882			
4	Казанский Василий Васильевич			VI.1881—21.XII.1889	Тара		
5	Прибысов Дмитрий Константинович			VI.1881—IX.1882	Ялуторовск		
6	Тимошенко Трофим Ав.			1881—7.V.1885			
7	Тадченко Егор Александрович	Курган	Курган	10.II.1883—4.VII.1884			освобожден
8	Ганко Гавриил Александрович	Березов	Березов	IV.1885—1889	Кушеват		
9	Ананина (Бородзич) Лидия Ивановна			15.VI.1887—II.1888	Березов		
10	Казаков Василий Филиппович	Сургут	Сургут	18.III.1888—VI.1888	Юганское		

№ п. п.	Фамилия, имя, отчество	Откуда поступил(а)	Дата ссылки	Куда переведен(а)	Примечание
41	Мермина Яков Александрович	Сургут	III. 1888—1889	Шергалское	
42	Яковлев (Богучарский) Василий Яковлевич	Сургут	5.IV. 1888—VII. 1888	Восточная Сибирь	
43	Вадзинский Александр Тарасович	Сургут	IV. 1888—VII. 1888	Восточная Сибирь	
44	Померанцев Владимир Аристархович	Березов	9.V. 1888—VII. 1889	Березов	
45	Клыков Алексей Александрович		1.VI. 1888—15.X. 1890		уроженец Курганга, негласный надзор до 1905 г. Остался в Сибири
46	Аверкиев Александр Николаевич	Сургут	VIII. 1888—1893	Тара	
47	Аверкиева Елена Ивановна	Сургут	VIII. 1888—1893	Тара	
48	Ковалев Василий Ануфриевич	Обдорск	21.IX. 1890—1892		негласный надзор до 1905 г. Остался в Сибирь.
19	Фролов Василий Илларионович	Березов	11.VII. 1891—8.XII. 1893		
20	Неклепаев Иван Иосифович		25.VIII. 1885—1886	Архангельск	

Кушеват

1	Гуревич Моисей Давидович	Сургут	28.III. 1888—?	Восточная Сибирь	
2	Блинов Николай Александрович	Сургут	27.VI. 1888(30.VI. 1888)—21.VI. 1889	Тобольск	

3	Лесневич Сигизмунд Мартьянович	Сургут	22. XI. 1888—22. V. 1889	Сургут	
4	Глико Гавриил Александрович	Коядинск	1889—1890	Березов	
Обдорск					
1	Нуромский Алексей Иванович		24. VIII. 1877—14. IX. 1882		освобожден
2	Гервасий Иван Андреевич		9. X. 1877—II. 1884	Березов	
3	Лебедев Константин Яковлевич		8. XII. 1877—?	Восточная Сибирь	
4	Наумов Степан Стенанович		8. III. 1878—20. VIII. 1884		освобожден
5	Щетинский Владимир Петрович		18. IX. 1879—16. VI. 1882	Крементук	освобожден
6	Громов Григорий Игнатьевич	Коядинск	5. X. 1879—1880	Коядинск	
7	Нукерман Моисей Абрамович		15. VII. 1880—1891		
8	Тюрин Иван Кузьмич	Березов	1. I. 1881—1890	Тюмень	
9	Ковалев Василий Ануфриевич	Туринск	29. IX. 1884—21. IX. 1890	Коядинск	
10	Коледеев Иван Анисимович		20. VI. 1885 (31. X. 1885)— 13. IX. 1889 (14. VI. 1889)	Курган	
11	Завко Антон Фомич		20. VI. 1886—6. VII. 1887	Курган	
12	Зеленский Иван А.		XII. 1886—17. VI. 1891		
13	Духович Александр Фомич		VI. 1887—1888	Березов	незасланный надзор
14	Белич Иван Андреевич	Березов	25. X. 1887—XI. 1889		остался в Сибиря
15	Сыцяноко (Ослопова) Мария Иосифовна	Сургут	1888—31. I. 1889		освобождена
16	Бартечев Виктор Викторович		23. V. 1891—28. II. 1895		
17	Вгоров Иван Д.		V. 1892—23. V. 1894	Курган	уроженец Кургана
18	Бородзич Аполлинарий Иосифович	Тобольск	III. 1893—28. I. 1894	Тобольск	

№ п. п.	Фамилия, имя, отчество	Окрудо поступив(а)	Дата ссылки	Куда перепелен(а)	Примечание
Пелым					
1	Решко Илья Афанасьевич	Тюмень	1877—IV.1881 12.XII.1884—10.I.1888	Тюмень	умер в Сибирь
2	Сквери Михаил Петрович		24.IX.1877—30.VI.1884		освобожден
3	Сяленко Петр Максимович		4.I.1877—10.IX.1889		
4	Чуйков Степан Иванович		24.IX.1879—1889	Тобольск	
5	Татаринчик Василий Игнатьевич		30.VIII.1880—VII.1883		освобожден
6	Степанов Борис		9.VII.1881—9.III.1883		
7	Коломиец Иван А.		28.XI.1881—25.II.1882		бежал
8	Шостаковский Лев Михайлович		28.V.1882—IX.1882	Курган	
9	Гамолецкий Константин Владиславович		V.1887—III.1888	Демьянское	
10	Орлов Михаил Петрович	Туринск	18.VI.1888—26.VIII.1888	Восточная Сибирь	
11	Зотов Николай Львович	Туринск	18.VI.1888—26.VIII.1888	Восточная Сибирь	
12	Соколов Иван Михайлович	Туринск	18.VI.1888—26.VIII.1888	Восточная Сибирь	
13	Цеховский Марпан К.	Тара	9.IX.1888—25.XI.1889		умер в Сибирь
14	Веринский Леопид Петрович	Курган	III.1889—16.VII.1889		освобожден
15	Новиков Николай Николаевич	Курган	III.1889—XII.1889	Туринск	
16	Трингатовский Павел Федосеевич	Тара	25.XII.1891—17.V.1892		освобожден

Сургут

1	Мрачковский Виталий (Виталис) Яковлевич	Тобольск	25. IX. 1877 — 1888		
2	Васильев Николай		24. IX. 1877 — 3. V. 1878		умер в Сибири
3	Фалин Николай Яковлевич		5. XI. 1877 — XII. 1882	Курган	
4	Журавлев Николай	Каинск	14. XII. 1878 (25. III. 1879) — XI. 1879		
5	Овсянпый Юлиан Францевич		27. V. 1879 — VII. 1881	Курган	
6	Лейвин Дмитрий Дмитриевич		5. VII. 1879 — 2. VII. 1882	Омск	
7	Иванов Лев Андреевич	Турянск	10. X. 1880 — 29. V. 1887		умер в Сибири
8	Шведов Сергей Порфирьевич		14. IX. 1880 — 28. V. 1881	Тара	
9	Филиппов Константин Николаевич		24. VII. 1881 — XII. 1882	Курган	
10	Моргунов Василий И.		20. XI. 1881 — 15. III. 1882		освобожден
11	Яценко А.		28. VII. 1882 — 1. I. 1885		освобожден
12	Аверкиев Александр Николаевич	Курган	VIII. 1883 — VIII. 1888	Ковдинск	
13	Аверкиева Елена Ивановна	Курган	VIII. 1883 — VIII. 1888	Кондинск	
14	Трофимов Николай	Ишим	14. VII. 1884 — 9. IX. 1886 (IX. 1889)		
15	Пучно Василий Барфоломеевич		12. VIII. 1884 — 1887		
16	Броневский Валериан Алексеевич	Ишим	16. XII. 1884 — 1887 (1886)	Курган	
17	Вейнберг Иосиф Павлович		16. I. 1885 — V. 1885	Березов	
18	Папнн Иван Иванович	Восточная Сибирь	7. III. 1885 — IX. 1885	Тюмень	
19	Ослопов Дмитрий Иванович		V. 1885 — VII. 1886	Ишим	
20	Франчук Нестор Трофимович		III. 1885 — 25. X. 1887		

№ п. п.	Фамилия, имя, отчество	Откуда поступил(а)	Дата ссылки	Куда переведен(а)	Примечание
21	Семенов Александр Александрович		6.VI.1885—IX.1887		
22	Сотников Сергей Васильевич		6.VI.1885—18.X.1887		
23	Блинов Николай Александрович		6.VI.1885—27.VI.1888 (30.VI.1888)		освобожден
24	Косаржецкая Генригга Станиславовна		12.VI.1885—24.XII.1886	Тобольск	
25	Косаржецкий Эдуард Станиславович		12.VI.1885—29.XII.1886	Тобольск	
26	Недошвин Петр Моисеевич		27.VI.1885—XII.1887	Архангельская губ.	
27	Агапов Семен Иванович	Восточная Сибирь Юганск	1.VIII.1885—1888	Юганское	
28	Казakov Василий Филиппович	Тундринское	26.VIII.1889—1891 25.VIII.1885—18.III.1888 VIII.1889—26.VII.1890	Курган	освобожден
29	Лесневич Сигизмунд Мартьянович	Кушеват	29.VIII.1885—22.XI.1888 22.V.1889—III.1890	Кушеват Барнаул	освобожден
30	Неклезев Иван Иоакимович		1886—20.V.1891	Томск	
31	Петровский Митрофан Иоанович		VIII.1885—1888	Кочетав	
32	Померанцев Владимир Аристархович		VIII.1885—XII.1885	Березов	
33	Гамалицкий Николай Иванович	Тара	XI.1885—16.XII.1886 (18.I.1886)	Березов	
34	Мануйлов Петр Николаевич		I.1886—II.1887	Курган	
35	Гуревич Моисей Давидович		23.V.1886—28.III.1888	Кушеват	
36	Дибобес Янкель Иосифович	Туринск	VIII.1886—3.IV.1888	Березов	

37	Сыцанко (Ослопова) Мария Иосифовна	Ишим	11. II. 1887—1888	Обдорск
38	Рудницкий Лука Матвеевич	Турунск	VII. 1887—1. IX. 1889	Тобольск
39	Соколов Иван Михайлович	Ялуторовск	14. VIII. 1887—IV. 1888	Пелым
40	Зотов Николай Львович	Ялуторовск	14. VIII. 1887—IV. 1888	Пелым
41	Орлов Михаил Петрович	Ялуторовск	27. VIII. 1887—IV. 1888	Пелым
42	Мондаский Александр Викторович	Ялуторовск	28. VIII. 1887—12. V. 1888	Восточная Сибирь
43	Зарембо Петр Иванович	Турунск	VIII. 1887—18. VII. 1890	Урал
44	Лазаревич Иван Иванович	Турунск	VIII. 1887—12. II. 1888	бежал
45	Меримкин Яков Александрович	Турунск	VIII. 1887—II. 1888	Кондинск
46	Яковлев (Богучарский) Василий Яковлевич	Турунск	VIII. 1887—IV. 1888	Кондинск
47	Боуфал Софья Андреевна	Турунск	11. IX. 1887—9. VII. 1889	освобождена
48	Вадзинский Александр Тарасович	Турунск	11. IX. 1887—5. IV. 1888	Кондинск
49	Лебедев Александр Никифорович	Ялуторовск	IX. 1887—12. II. 1888	бежал
50	Колмаев Лука Васильевич	Турунск	1887—1888	Березов
51	Струмилин-Петрашкевич Чеслав Мечиславович	Турунск	23. V. 1888—VIII. 1890	Тавда
52	Знррев Сергей		13. IV. 1896—6. II. 1898	

Турунское

1	Казаков Василий Филиппович	Юганское	III. 1889—10. VII. 1889	
---	----------------------------	----------	-------------------------	--

Черное
Тобольского округа

1	Моисеев Василий Павлович	Ялуторовск	6. IX. 1888—16. VI. 1889	освобожден
---	--------------------------	------------	--------------------------	------------

№ п. п.	Фамилия, имя, отчество	Откуда поступил(а)	Дата ссылки	Куда переведен(а)	Примечание
2	Сиземский Аркадий Николаевич	Ялугоровск	6. X. 1888—24. I. 1889		освобожден
3	Ялевич Карл Иванович	Ялугоровск	X. 1888—3. IX. 1889	Туринск	
4	Котов Николай Павлович	Туринск	I. 1889—12. IX. 1889	Тобольск	
5	Шварцман Мирон Давидович	Курган	III. 1889—30. VI. 1891		освобожден
6	Руднев Семен Федорович		12. VIII. 1889—XII. 1889		

Шеркальское

1	Стери Константин Егорович	Туринск	3. VII. 1888—20. VII. 1888	Тобольск	
2	Дибобес Янкель Иосифович	Березов	17. VIII. 1888—17. VIII. 1889	Восточная Сибирь	
3	Меримкин Яков Александрович	Кондинск	1889—V. 1889	Урал	

Юанское
Сургутского округа

1	Казанов Василий Филиппович	Кондинск	VI. 1888—3. III. 1889	Тундринское	
2	Агалов Семен Иванович	Сургут	1888—26. VIII. 1889	Сургут	

22 октября 1995 года

Доктор исторических наук Л. П. РОЩЕВСКАЯ

КОММЕНТАРИИ

Д. Д. Лейвин

Из воспоминаний. Быт политических ссыльных в Сургуте в 1870—1880-х гг.

Воспоминания Д. Д. Лейвина представляют собой рукописную тетрадь большого формата (20х30 см). Бумага желтого цвета в линейку. Текст написан зелеными чернилами, кое-где выцветшими. Оригинал не имеет разбивки на абзацы. Рукопись не датирована, заверена авторской подписью, подготовлена для журнала «Каторга и ссылка», куда поступила 23 августа 1926 г., но опубликована не была. Хранится в РГАЛИ в фонде писателя В. Г. Короленко (РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 68). Публикуется отрывок о приезде и жизни автора в г. Сургуте.

С. 13. *Фалин Николай Яковлевич* (1852, г. Москва — 19.10.1901, г. Тобольск), сын купца. Некоторое время жил за границей, откуда возвратился по требованию правительства, студент Петербургского технологического института, участник демонстрации на площади у Казанского собора 6 декабря 1876 г. в Петербурге. Сослан в Сургут, болел, переведен в Курган, затем в Тару. Страдал расстройством психики; с 1887 г. помещен в тобольский дом для умалишенных, где и умер.

О Фалине см.: Швецов С. П. Н. Я. Фалин//Каторга и ссылка.— 1925.— № 3.— С. 215—218.

С. 14. *Мрачковский Виталий (Виталис) Яковлевич* (ок. 1855, Подольская губ.— после 1891, Урал), рабочий железнодорожных мастерских в Одессе, член Южнороссийского союза рабочих. По суду лишен всех прав состояния, в ссылку ехал в ножных кандалах с бритой правой стороной головы. Сослан в Сургут. Не имея средств, поступил в услужение к торгующему мещанину Силину, заготавливал для него сено, колол дрова, выполнял тяжелую домашнюю работу. Женится на дочери селеннопоселенца А. С. Сидельниковой. Зная слесарное и кузнечное ремесло, завел на паях с тестем в 1881 г. собственную кузницу, по заказам было мало, и заработки ничтожны. В 1881 г. удовлетворили его просьбу о переводе в южные города губернии, но денег на переезд в Тару не было, и Мрачковские остались в Сургуте. За участие в составлении нескольких коллективных заявлений ссыльных выслан в с. Локосовское Сургутского уезда, затем летом 1888 г.— в Березов. Выполнял роль посредника в переписке ссыльных Западной Сибири. Отправлен в курганскую тюрьму. Ссылка закончилась 2 февраля 1889 г. Мрачковский выехал в Пермь, а его семья сумела выбраться туда только в августе 1890 г.

Сын Мрачковского Сергей, родившийся в курганской тюрьме, участвовал в рабочем движении и установлении советской власти на Урале, занимал крупные военные и гражданские должности вплоть до ареста в 1927 г. Расстрелян 24 августа 1936 г. Затем репрессированы другие дети, шестиклассник и внуки В. Я. Мрачковского — всего около 40 человек. Реабилитированы все, большинство — посмертно.

С. 14. *Заславский Евгений Осипович* (1844—1878) — организатор Южнороссийского союза рабочих, возникшего в Одессе в 1875 г. По делу союза приговорен к 10 годам каторги, и тюменский приказ о ссыльных уже отдал распоряжение об этапировании его в Восточную Сибирь, но Заславский умер от туберкулеза в петербургской тюрьме.

Овсянный Юлиан Францевич (1828—?), польский дворянин. Впервые сослан в Сибирь как участник восстания в Польше в 1863 г. Около 15 лет провел в Забайкалье, торгуя вином. Вернулся на родину, вторично сослан административно за принадлежность к тайному патристическому обществу в Царстве Польском. Поселен в 1879 г. в Сургуте. Получал польские газеты, неоднократно просил о переводе в другой город из-за старости и болезненности. Ему разрешили переезд в Курган, но у Овсянного на это не было средств. «С голоду пропадаю, холод наступает, а вещи мои теплые в закладе за хлеба», — жаловался он. Через варшавского генерал-губернатора просил царя о помиловании (отказано ввиду продолжительного нахождения в ссылке). Переехал в Курган в 1881 г., служа у купца Д. И. Смолина, занимавшегося виноторговлей. Освобожден из ссылки в 1882 г., через год уехал в Варшаву, но вскоре вернулся в Курган на службу в оптовый склад А. Поклевского-Козелла, у которого и квартировал.

Журавлев Николай — помещик Каинского округа Томской губ. Выслан в Сургут «за произнесение дерзких слов против членов императорского дома». Из-за отсутствия средств хотел отравиться. Умер в ноябре 1879 г.

С. 18. *Щетинский Владимир Петрович* — дворянин Кременчугского уезда Полтавской губ. Придерживался украинфильского направления. Вольнослушатель Киевского университета. В 1879 г. по подозрению в политической неблагонадежности был подвергнут негласному надзору, а затем за распространение преступной пропаганды выслан в Обдорск. В сентябре 1881 г. к нему приехала жена с двумя детьми. В том же году Щетинскому разрешили под «строгим наблюдением врача» быть вольнонаемным фельдшером. Занимался столярным делом. Построил на яру обзорную беседку, которую, по словам В. В. Бартевева, любили посещать обдорцы. Освобожден и выехал в Кременчуг в июле 1882 г.

Рейдер Михаил (Александрович?) (1855—?), дворянин Полтавской губ. Входил в гимназический кружок, организованный двоюродным братом Д. Д. Лейвина Р. А. Стеблин-Каменским. Будучи студентом Киевского университета участвовал в революционных кружках, за что исключен из университета. По подозрению в политической неблагонадежности в 1879 г. выслан в г. Кадников, затем переведен в г. Яренск Вологодской губ. *Стеблин-Каменский Ростислав Андреевич* (ум. 1894) — народник, сослан на каторгу в Кару. В журнале «Каторга и ссылка» был опубликован некролог, написанный Д. Д. Лейвиным (1924. — № 5).

Окладский И. Ф. (1859—?), участник народнического движения, впоследствии провокатор.

Тессен Р. В., Краснокутская Е., Недвельская-Гамалей знакомые Д. Д. Лейвина по киевским и полтавским народническим кружкам. Р. В. Тессен — невеста Лейвина.

С. 19. *Иванов Лев Андреевич* (ок. 1853—29.05.1887, г. Сургут), штабс-капитан артиллерии. Ушел в отставку, чтобы участвовать в революционном движении. Студент Лесного института в Петербурге, снабжал студентов революционной литературой. По делу Всероссийской социально-революционной организации (процесс 50-ти) в 1877 г. сослан в Туринск, причем в документах было сказано, что сослан «навечно и еще на 10 лет». Бедствовал. Напился в работники топить сало, учился столярному мастерству, пытался заняться мелочной торговлей. Создал кружок ссыльных из местной молодежи. Получал книжные посылки с народнической пропагандистской литературой, в том числе с произведениями Н. И. Наумова и «Капиталом» К. Маркса (СПб., 1872). В 1880 г. переведен в Сургут (см. с. 20). Д. Д. Лейвин ошибается: причиной перевода была не подготовка к побегу из тюрьмы С. А. Жебупова, а пропагандистская деятельность.

Беспыльчивость Иванова (см. с. 22), видимо, объясняется его болезнью. По воспоминаниям других людей, Иванов — «человек редкой честности, добродушия и трудолюбия».

В Сургуте Л. А. Иванов в 1882 г. женился на местной крестьянке А. И. Замятинкой. Вел метеорологические наблюдения, столярничал, научил сургутли делать изящную мебель, резные наличники на окна. Был парализован. Ссыльные собрали для его лечения крупную сумму денег, но разрешение взять его в тобольскую больницу пришло слишком поздно. Умер на пароходе.

Похороны в Тобольске вылились в политическую демонстрацию ссыльных. Надгробная плита с надписью «Штабс-капитан артиллерии Лев Андреевич Иванов по московскому процессу пятидесяти, 1887 г.» была обнаружена в двух экземплярах (одна в одном из дворов г. Свердловска в 1967 г., другая — зимой 1970—1971 гг. в печке старого дома в д. Верхне-Филатово на Сузгуне под Тобольском, ныне хранится в тобольском музее).

Смерть Л. А. Иванова стала поводом к одному из самых крупных протестов ссыльных Зауралья во второй половине XIX в. В 1888 г. в Сибири распространился протест русской политической ссылки на имя Александра III, в котором к императору обращался гневный вопрос: «Как ваше величество объясняет участие тобольского губернатора г. Тройницкого в убийстве Льва Иванова в Сургуте?..»

Американский журналист Д. Кеннан в материалах о русской политической ссылке в Сибири отметил, что «Лев Иванов в буквальном смысле погиб от бюрократической жестокости и равнодушия».

Швецов Сергей Порфирьевич — см. биографическую справку на с. 34, 35.

Лысогорский Владимир Андреевич, в 1860-х гг. был исправляющим должность вице-губернатора Пермской губ. Тайный советник, тобольский губернатор в 1878—1886 гг. Начало его деятельности пришлось на период общественного подъема конца 1870-х гг., чем объясняется его зантывание на первых порах с политическими ссыльными. «Слушая Лысогорского, можно было подумать, что имеешь дело с администратором, чрезвычайно расположенным к политическим и всячески заботящимся об облегчении их

участи, насколько это в его власти». Впоследствии дело изменилось. На одной из карикатур М. С. Знаменского Лысогорский изображен с разорванной газетой «Восточное обозрение». Под рисунком цитата из «Ревизора»: «Я бы всех этих бумагомарак! У! Щелкоперы, либералы проклятые!.. Узлом бы вас завязал, в муку бы стер всех вас...» Во время инспекторской поездки в Туринск Лысогорский простудился и умер 17 февраля 1886 г. После его смерти брат С. Перовской, некогда отбывавший ссылку в Тобольской губ., писал: «Я вонистину от всей души порадовался известию о смерти Лысогорского. Вот наконец субьчикт сей сделал доброе дело; вполне по своим силам».

С. 20. *Жебунев Сергей Александрович* (ок. 1849—1924), активный народник, пропагандист. По большому процессу 193-х сослан в Ялуторовск. «Он органически не мог не вести революционной работы», — писали о нем. Этим объясняются неоднократные переводы Жебунова (Туринск, Иркутская губ., Ялуторовск, Томск, Олекминск). Освобожден в 1898 г. Орывки из воспоминаний см.: Былое. — 1907. — № 5.

Иванова Софья Андреевна, по мужу Борейша (1856 — после 1924), сестра Л. А. Иванова. В революционном движении с 1874 г. Сослана в г. Кемь Архангельской губ., бежала, примкнула к народолюбцам, при аресте оказала вооруженное сопротивление. По процессу 16-ти приговорена к каторге на 4 года, которую отбывала в Восточной Сибири. В архивах сохранились ее письма к брату и его письма из Сургута, в которых он рассказывал о своей жизни, просил сообщить о нуждах и обещал помочь.

С. 23. *Короленко Владимир Галактионович* (1853—1921), русский писатель, общественный деятель, участник народнического движения. Около 6 лет провел в тюрьмах и ссылке (Вятская губ., Пермь, Якутская обл.). В начале XX в. приступил к созданию «Истории моего современника», где отразил многие стороны и судьбы народнического движения. В фонде В. Г. Короленко, хранящемся в Российской государственной библиотеке, имеется 3 фотографии С. А. Жебунова, сделанные в Тобольске, и письма Жебунова.

С. 27. Аналогичную картину сургутской жизни после 1 марта 1881 г. отразил С. П. Швецов в статье: 1 марта 1881 года в Сургуте (Каторга и ссылка. — 1931. — № 3. — С. 130—138).

Филлипов Константин Николаевич (? — 30.04.1883), происходил из обер-офицерских детей г. Мариуполя. За принадлежность к социал-революционному обществу сослан в Сургут. Переведен в Курган, где умер от чахотки. Информацию о его кончине поместила «Сибирская газета» (1883. — № 22).

Сычэнко Александр Осипович (1860—1898), харьковский народолюбец, впервые арестован в 1879 г. учеником реального училища. Каторга, как несовершеннолетнему, заменена ссылкой в Восточную Сибирь, откуда пытался бежать. Дело о его поисках имеется в Тобольском архиве. Один из основателей партии социалистов-революционеров. Его сестра Мария (по мужу Ослопова) отбывала ссылку в Ишиме, Сургуте, Обдорске (1886—1889 гг.).

С. 28. *Моргунов Василий Иванович* (1854—?), государственный крестьянин Воронежской губ., за социалистическую пропаганду в 1881 г. сослан а Сургут, откуда выехал в 1882 г.

С. 30. Дочь Иванова Галина воспитывалась после его смерти в семье Лейвина.

Галкин-Врасский Михаил Николаевич (1834—?), эстляндский и саратовский губернатор, затем начальник Главного тюремного управления, позже член Государственного Совета, действительный член Русского Географического Общества. По роду службы разработал историю законодательства о ссылке и анализировал положение разных категорий ссыльных. См.: Галкин-Врасский М. Н. Поездка в Сибирь и на остров Сахалин в 1881—1882 гг. Из путевого дневника//Русская Старина.— 1901.— № 1.

С. 32. *Стеблин-Каменский Евгений Степанович* служил управляющим омской контрольной палатой, до этого был на военной службе, уволен в 1863 г. С 1880 г. — действительный статский советник.

Субботина Софья Александровна, вдова штабс-капитана, курская помещица. Трое ее дочерей активно участвовали в народническом движении и сосланы в Сибирь, она им активно помогала. «Ввиду несомненной политической неблагонадежности» выслана в Вятскую губ., с 1878 г. — в Томскую. Активно помогала ссыльным через Красный Крест Народной воли, руководила его томским отделением.

С. П. Швецов Очерки Сургутского края

Большая статья С. П. Швецова «Очерки Сургутского края» впервые опубликована в «Записках Западносибирского отдела императорского Русского Географического Общества» (Омск, 1888.— Кн. X. — С. 1 — 87.) с отдельной пагинацией, что позволяло тогда же выпустить работу отдельной книгой. В статье несколько разделов: общий очерк города и округа, занятия населения, очерк экономического благосостояния, степень культурного развития, развитие сургутян и их нравы. В заключение автор пытается объяснить причины возникновения Сургута («административно-военные соображения»), что дала краю русская колонизация и собственное понимание перспектив развития края.

Очевидно, что Швецова подтолкнули к написанию работы известия о сургутском протесте. Поэтому чувство солидарности с товарищами по изгнанию привело к освещению в работе преимущественно негативных фактов экономики края. С другой стороны, ко времени написания статьи С. П. Швецов был уже сложившимся ученым: используя свои наблюдения и выводы, он излагает собственные взгляды на артель, промыслы, общипу, инородческий вопрос и т. д.

С. 42. Имеются в виду декабристы В. К. Тизенгаузен (1779 или 1780 — 25.X. 1857) и А. И. Шахирев (1799—17.V.1828). См. о них также с. 392 и примеч. на с. 421.

С. 50. Имеется в виду: Капустин С. Я. (1828, г. Тобольск — 1891, Петербург). Очерк норядков подземельной общины в Тобольской губернии//Литературный сборник.— СПб.: Вост. обозрение, 1885. Петропавловский Н. Е. (С. Каронин). 1. Схема истории сибирской общины//Сиб. вестник.— 1886.— № 2; 2. По Ишиму и Тоболу: (из путешествий и исследований крестьянского быта в Западной Сибири)// Записки Западносибирского отделения императорского Русского Географического Общества.— Омск, 1885.— Кн. VIII.

В. В. Баргенов

На крайнем Северо-Западе Сибири. Очерки Обдорского края

Книга В. В. Баргенова насчитывает 154 с., издана в С.-Петербурге в типо-литографии М. Ф. Пайкина в 1896 г. Стоимость книги была объявлена в 80 коп. В книжной рекламе сообщалось, что очерки продаются во всех книжных магазинах, а в Болгарии — в Варне, в книжном магазине М. М. Тимофеева.

С. 114. *Якобий (Якоби) Ар. Ив.*, — проф. Казанского университета, миссионер, принадлежал к семье известных общественных деятелей и ученых, среди которых П. И. Якоби — революционер, член «Земля и воля» 1860-х гг., впоследствии врач-психиатр и этнограф; В. И. Якоби — русский живописец, из его работ наиболее известна картина «Привал арестантов» (1861). А. И. Якобий совершил в 1894—1895 гг. поездку на север Тобольской губ. Кроме монографии «Угасание инородческих племен Севера» (СПб., 1893) он опубликовал несколько статей в «Ежегоднике Тобольского губернского музея» и «Тобольских епархиальных ведомостях». Баргенов дал высокую оценку взглядов Якобия, а тот, в свою очередь, благосклонно отзывался об исследованиях Баргенова.

С. 141. *Сибиряков Александр Михайлович* (1849—1893), русский золотопромышленник, исследователь Сибири. Много сделал для экономического освоения Сибири.

С. 146. *Росляков Иван Павлович* — выходец из семьи обдорского рыбака, испытал сильное влияние политических ссыльных (его сестра Анна — сельская учительница — вышла замуж за ссыльного И. А. Гервасия). Переводил на язык ханты Святое Писание, молитвы и богослужебные книги, сотрудничал в «Сибирском Листке» (см. примеч. к с. 248), где опубликовал любопытную статью «Обдорская миссия и ее деятели». С Баргеновым написал работу «Обдорское наречие остяцкого языка», положительно оцененную в «Известиях Петербургской Академии наук» (1896). Имеются воспоминания И. П. Рослякова о духоборе П. В. Веригине, посланном в 1898—1902 гг. в Обдорск. (Материалы к истории и изучению русского сектантства.— Жюнева, 1901.— Вып. 1.— С. 201—210). «Правдивость его выше всякого подозрения», — писал о нем Баргенов. В 1890-х гг. примкнул к эсерам, сослан в Енисейскую губ.

С. 164. *Герасимов Николай* — священник из пенцев. Его сын В. Н. Герасимов испытал сильное влияние политических ссыльных. В 1909 г. в Тюмени вышла его книга «Обдорск» — очерк, составленный по настоянию В. В. Баргенова и освещавший те стороны вопроса, которые были им опущены.

С. 184. *Щетинский В. П.* — см. примеч. на с. 412.

С. 186. *Бронников, Корнилов* — тобольские купцы — владельцы крупных транспортных фирм, монополисты товарообмена.

С. 197. *Рыбников Павел Николаевич* (1831, по др. источникам 1832—1885), русский фольклорист. Им издан сборник «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым». Т. 1—4 (1861—1867), включающий свыше 200 былин, исторических песен и др. произведений, записанных в Прионежье.

Якушкин Павел Иванович (1820—1872) — беллетрист, этнограф, соби-

ратель народных песен. Изданные сборники: «Русские песни» (1860), «Народные песни» (1865).

К. В. Гамолецкий
Демьянская волость

Рукопись имеет 101 с. (3 пагинации), выполнена хорошим четким почерком, кое-где имеются зачеркивания и стилистические исправления, сделанные той же рукой. На с. 55 и 85 — подписи автора и его виленский адрес. Рукопись хранится в библиотеке Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, видимо, высылалась в редакцию «Ежегодника Тобольского губернского музея» частями. В рукописи есть подзаголовки: «Ямщина», «Подати и повинности», «Санитарное дело», «Училищное дело», «Общественная жизнь в Демьянске», но ее содержание значительно шире. Подзаголовки к другим разделам даны составителем. Краткая характеристика содержания рукописи см.: Балюк Н. А. Демьянская волость в конце XIX века по материалам К. В. Гамолецкого // Словцовские чтения. — Тюмень. 1993. — № 2. — С. 48—51.

С. 221. *Всеподданнейший отчет* — имеется в виду отчет императору тобольского губернатора В. А. Тройницкого за 1891 г. (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 165). Для его составления каждый округ представлял по определенной схеме свои данные. Черновым вариантом подготовленных материалов, относящихся к Демьянской волости, и пользовался Гамолецкий. Вполне вероятно, что он их и составлял, что довольно часто практиковалось в отдаленных волостях.

С. 248. «*Сибирский Листок*» — либерально-буржуазная газета, выходившая в Тобольске с 1890 г. Издательница и редактор — жена бывшего народника-политкаторжанина М. Н. Костюрина.

С. 253. *Джерожинский А. П.*, в 1868 г. — тобольский окружной исправник. При посещении наследником цесаревичем (будущий император Александр III) Тобольска преподнес ему клык мамонта весом в 8 пуд., за что получил золотые часы. В 1883 г. «Сибирская газета» давала ему не слишком лестную характеристику; он заслужил «особенную ненависть своих единомышленников-полюков»: как только «чуял непрочность своего исправничьего положения», начинал преследовать «замыслы». В 1879 г. по его доносу были проведены обыски у тюкалинских ссыльных, но безрезультатно (1883. — № 23).

И. Я. Неклепаев
Народная медицина в Сургутском крае

Работа опубликована отдельной книжкой в Петербурге в тип. Стасюлевича (1900). Написана по время ссылки в Усть-Сысольске в 1898 г.

Имеющееся в тексте описание медицинского обслуживания жителей округа почти дословно повторяет Протест сургутских ссыльных 1888 г.

В. Я. Яковлев (Богучарский)
Очерки промысловой охоты в северных округах Тобольской губернии

«Очерки» В. Я. Богучарского — это рукопись на 38 листах, написанная уборым почерком, содержит многочисленные комментарии, пометки и

подчеркивания автора. Рукопись разделена на 2 раздела: добыча птицы, добывание зверей.

Хранится в РГАЛИ, опубликована не была.

Публикуется полностью, сохранены подчеркивания и списки В. Я. Яковлева.

Н. Л. Скалозубов

Дневник

Дневниковые записи сделаны в общей тетради и содержат 80 л., испи- санных с обеих сторон. На с. 25—26 имеются этнографические зарисовки, автограф автора. Рукопись хранится в библиотеке Тобольского государст- венного историко-архитектурного музея-заповедника. Упоминаемые фа- милии пока полностью не расшифрованы. Приводится текст, начиная с л. 26 — с момента приезда автора в Березов.

С. 359. *Компания высланных*. Среди перечисленных политических ссыльных:

Ткаченко Василий Иванович — личный почетный гражданин Саратов- ской губ. Выслан 17 декабря 1905 г. на два года по обвинению во вредном влиянии на крестьянство. В тобольской тюрьме в начале 1906 г. у него обнаружили письмо к редактору и обращение к товарищам. 22 июня 1906 г. бежал из Березова, находился в Финляндии, в июне 1907 г. вновь очутился в Тобольске, временно служил в сельскохозяйственной школе. В 1908 г. переведен в Тюмень и в конце того же года уехал в Ярославль.

Соловейчик Михаил Сергеевич. Административно сослан по обвинению в организации железнодорожной забастовки. Из Березова разрешено пере- ехать в Тобольск, откуда скрылся. Обнаружен в Таре, вновь бежал на пароходе, следовавшем в Омск.

Власов Тимофей Власович — земский учитель Новгородской губ., со- слан на 3 года по обвинению в преступной пропаганде среди крестьян. Поселен в Березово, получив разрешение переехать в Ишим, но отказался из-за отсутствия средств. Занимался письмоподством в торговом доме на- следников Равской. В 1908 г. возвращен на судебное заседание, но после этого в Тюмень, где должен был закончить сызку, не вернулся.

Фадеева Анна Константиновна — бывшая сельская учительница, по обвинению в антиправительственной пропаганде административно послана на 4 года в Березов. Просила о выезде за границу (отказано), но разрешен переезд в Тюмень. 18 февраля 1907 г. при проводах членов Государственной Думы Скалозубова и Колокольникова пыталась произнести речь, за что была арестована на 2 недели, затем переведена в Туринск. 2 июля 1908 г. выехала в Астрахань.

Худобашев Глеб Томасович (Гейк Томасев) — инженер-технолог, по- мощник начальника тяги на железной дороге, в 1906 г. административно выслан на 4 года за организацию железнодорожной забастовки. По болезни срок сокращен до двух лет. Из Березова уехал в Эривань.

Тулузаков Василий Васильевич, также инженер-технолог, помощник железнодорожного мастера. Причина ссылки на 3 года, как и у Худобаше- ва, — организация железнодорожной забастовки. С июля 1906 г. ссылка сокращена до двух лет с правом избрать место жительства. 17 августа 1906 г. выехал в Оренбург.

С. 360. *Полидоров Анатолий Никандрович* — помощник присяжного поверенного. За принадлежность к уфимскому революционному кружку административно выслан на 4 года. После Березова вывезен в Демьянское.

22 февраля 1907 года ссылка сокращена до двух лет. В июне 1907 г. выехал в Самарскую губ.

Наибольший интерес представляют упомянутые в списке братья *Алексей Степанович* и *Павел Степанович Сухановы*. Павел учился в Петровской сельскохозяйственной академии. В 1887 г. у него и его друзей при обыске обнаружили много революционной литературы, примыкал к чернопеределцам, т. е. пропагандистскому крылу народников. Выслан из Москвы «не в виде арестанта» на родину, но столицу покинуть не торопился, поэтому в июне 1888 г. его выслали в Тобольск. В Тобольске участвовал в организации ссыльными нелегальной библиотеки, в печатанье нелегальных брошюр, за что выслан в Восточную Сибирь.

Павел Суханов жил некоторое время в Тюмени, откуда его в 1900 г. вновь выслали на 5 лет в Иркутскую губ. Следующие упоминания о Павле встречаются в 1905 г. При обыске в январе 1906 г. у него нашли заметки о сборе пожертвований в пользу освобожденных из каторжной тюрьмы политических, о покупке для них одежды и о выдаче им денег. Обнаружили у него социал-демократические петербургские газеты, листок Союза освобождения и интересную записку: «П. С. Суханову от солдатов запасного батальона. Милостивый государь. Просим Вас учредить республику. Мы выбираем президентом генерала Кондратенко».

Брат его Алексей летом 1886 г. открыл в Тобольске книжный магазин, где торговал «учебными и вообще русскими книгами», осенью 1886 г. открыл публичную библиотеку (Каталог публичной библиотеки А. Суханова в г. Тобольске.— Тобольск, 1894.— 96 с.). «Во многих отношениях интересный человек»,— характеризовали его. Сын его, Андрей, стал позже петроградским студентом-политехником.

1 мая 1907 г. А. С. Суханов участвовал в демонстрации в Тобольске в связи с прибытием парохода с политическими ссыльными. Его считали одним из руководителей демонстрации.

Оба брата Сухановы были избраны членами Государственной Думы, а позже и Учредительного собрания.

Во время гражданской войны в июне 1918 года, когда колчаковцы арестовали меньшевикол-интернационалистов, Сухановы потребовали над ними «расправы вплоть до расстрела».

Ошмянский Борис Антонович — гражданский инженер. Административно выслан на 5 лет за «подстрекательство крестьян к аграрным беспорядкам». 3 декабря 1906 г. принудительно выслан за границу.

Все ссыльные хлопотали об удешевлении условий ссылки, почти всем сокращен срок, всем облегчена участь. Партийная принадлежность большинства неизвестна.

Пугачевский Эдуард Иванович (1854 — после 1910), провизор, окончил Московский университет. Служил в Тобольске, затем — по выходе в отставку — в Березове. Действительный член Тобольского губернского музея.

Якобий — см. примеч. к с. 114.

С. 361. *Куры Ножки К. Л.* Фамилия искажена — *Коровы Ножки Кузьма Илларионович* — житель Березова, содействовал Л. Д. Троцкому в его успешном побеге из березовской ссылки в 1907 г. См. о нем: Югра.— 1993.— № 7.— С. 27; 1994.— № 2.— С. 27, 28.

С. 363. *Сибиряков А. М.*— см. примеч. к с. 141.

С. 364. *Голев-Лебедев* — тобольский паромщик.

С. 373. *Дунин-Горкавич Александр Александрович* (1851—1927), лесничий Самаровского лесничества, краевед, картограф, член Русского Географического Общества, член Тобольского губернского музея. Среди работ: *Нужды Тобольского Севера и меры для их удовлетворения*; (Шадринск: Исеть, 1994.— 71 С.— Б-чка журн. «Югра»); *Тобольский Север*. В 3 т. (М.: Либерия, 1995—1996).

С. 375. *Ямзин Лев Никифорович* (1858 — ок. 1930), пристав в Обдорске, затем березовский уездный исправник; в послереволюционное время работал в Тобольском госрыбтресте. Действительный член Тобольского губернского музея.

Сыолов Александр Степанович — учитель Тобольской сельскохозяйственной школы. По обвинению в политической неблагонадежности выслан на 4 года в Березовский уезд с 14 апреля 1906 г.

Норденшьельд Эрланд (1878—1932), шведский этнограф, примыкал к культурно-исторической школе в этнографии.

С. 379. *Ушаков Алексей Николаевич* — надворный советник, старший чиновник по составлению отводных записей по Тобольской губ. В 1905 г. за организацию и участие в работе крестьянского съезда в Тобольске арестован и сослан в Сургут. В 1906 г. избран членом II Государственной Думы.

Ю. Н. Подбельский

Культурное наследие Сургутской политической ссылки (К столетию смерти декабриста А. И. Шакирева)

Опубл.: Уральское краеведение.— Свердловск, 1928.— № 2.— С. 210—215. Имеет подзаголовок: К столетию смерти декабриста А. И. Шакирева.

Уральское областное краеведческое общество (1924—1935) было довольно крупным объединением и специально исследовало роль политических ссыльных в изучении края в 1890—1917 гг. В декабре 1926 г. состоялась 3-я Уральская музейно-краеведческая конференция. Тогда же через «Известия Центрального бюро краеведения» общество обратилось к краеведам с перечнем интересующих его вопросов по истории ссылки (1926.— № 7.— С. 2,3). Очевидно, статья Подбельского — ответ на это обращение.

Почти одновременно в Ленинграде С. П. Швецов опубликовал большую статью под аналогичным названием «Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири» (Каторга и ссылка.— 1928.— № 3, 4, 10, 11). Хотя он привлек материал за три-четыре десятилетия и довел описание до 1905 г., основное внимание он уделил 1870—1880-м гг., т. е. народнической ссылке. В отличие от Ю. Подбельского, который видел свою главную задачу в выявлении периодизации ссылки, С. П. Швецов построил свою работу по отраслевому принципу: исследования, литературно-публицистическая, общественно-просветительская, медицинская и другие виды деятельности ссыльных.

После публикации статьи С. П. Швецова Ю. Н. Подбельскому, видимо, пришлось изменить направление работы, и написанная по материалам сургутской ссылки новая статья получила название «Сто лет сургутской ссыл-

ки». Она была опубликована в том же журнале «Каторга и ссылка», но, как репрессированному, Подбельскому пришлось скрыться под псевдонимом «Сургутянин». В пользу этого предположения говорит прежде всего текстуальные совпадения, одна и та же идеология. В журнальном варианте не прибавлено новых фактов, но более подробно говорится о тех сосланных в Сургут народниках, которые либо знали П. Подбельского, либо проходили по делу о якутской трагедии. Все это подтверждает наше мнение, что статья «Сто лет сургутской ссылки» является расширенным вариантом публикуемой в данном сборнике статьи Ю. Н. Подбельского. Статья в «Каторге и ссылке» крупнее по объему, имеет более четкое построение, содержит даже историографическую информацию, а главное — снабжена богатыми примечаниями с библиографическими справками.

С. 392. *Шакирев (Шахирев) Андрей Иванович (1799—17.05.1828)*, из дворян Петербургской губ., поручик Черниговского полка. Член Общества соединенных славян.

Тизенгаузен Василий (Вильгельм-Сигизмунд) Карлович (1779 или 1780—25.10.1857), из дворян Лифляндской губ., барон. Участник русско-шведской войны 1808—1809 гг., Русско-турецкой 1810—1811 гг., Отечественной войны, заграничных походов. Имел боевые награды. Полковник. Командир Смоленского, позже Полтавского пехотных полков. Член Южного общества декабристов. Осужден в каторжные работы на 2 года, срок сокращен до года. Отправлен в Читинский острог. В апреле 1828 г. вышел на поселение в Сургут. В 1829 г. переведен в Ялуторовск, куда в 1851 г. приезжали два его сына. В 1853 г. разрешено вернуться на родину в Нарву.

Поляки-повстанцы. Участников восстания 1863 г. в Польше, Литве и Белоруссии поселяли, в основном, в южные округа Тобольской губ. В феврале 1866 г. губернатор сообщал, что всего в губернии находится 2725 политических преступников, из них в Березовском округе — 5 человек. По данным на июль 1867 г., в Березовском округе поселили только одного поляка. В мае 1867 г. березовский военно-окружной пачальник считал нужным переселить в Сургут Доминика Карповича Станевича, который был замечен в краже и носил раздоры в одной семье. Начальник просил разрешения губернатора «расселить ссыльных по участкам Березовского округа», так как считал «это разбрасывание радикальным средством к их исправлению, тем более за неимением в Березове определенного городского надзора за состоящими в ведении полиции, что весьма затруднительно». Губернатор с этим согласился.

В журнальном варианте статьи сказано, что в Сургут поселили несколько поляков-повстанцев, во их точное количество неизвестно. Названы фамилии старожилов: Яворский, Мицкевич, Малиновский, Бочинский, Станевич. Жили они обособленно. Станевич ради женитьбы перешел в православие, устроился секретарем в полицейское управление, потом переехал в Тобольск, где стал начальником тюрьмы.

Сохранились сведения, что «товарищи по ссылке жестоко, но неудачно мстили Станевичу за измену».

С. 394. *Хондажевский Никанор Капитонович.* Имеется в виду его работа: Зимнее исследование нагорного берега Иртыша от Тобольска до Самарова и северных тундр между Обской губой и Сургутом//Записки Западно-сибирского отдела Русского Географического Общества.— Омск, 1880.— Кн. 2.— С. 1—2. Задачей автора было общегеографическое исследование

тундры и определение возможности проложить туда дороги и наладить торговлю. Заметки касаются некоторых сторон материальной и духовной культуры ханты и манси.

Швецов С. П. См. настоящий сборник, с. 34—111, а также: Марусин С. Промысловые артели Тобольской губернии // Юридический вестник. — 1890. № 1. — С. 82—108.; № 7. — С. 333—359.

Некляпаев И. Я. — см. биографическую справку на с. 300, 301.

С. 395. *Иванов Л. А.* — см. с. 413, а также примеч. к с. 19.

Мрачковский В. Я. — см. с. 411, а также примеч. к с. 14.

Зотов Николай Львович (1862—7.08.1889, г. Якутск), дворянин Таврической губ., сын чиновника, студент Петровской земледельческой академии. Видный деятель народовольческого кружка в академии. После ареста участвовал в тюремных беспорядках. Сослан в 1887 г. на 5 лет в Туринск, осенью того же года переведен в Сургут, за участие в сургутском протесте арестован, отправлен в с. Педым. 30 июля 1888 г. выслан в Якутскую обл. с продлением срока на 2 года. Самый активный участник вооруженного протеста в Якутске в марте 1889 г. Рапен. Приговорен судом к смертной казни. К виселице принесен на кровати и с нее повешен.

Казакевич. Имеется в виду *Казаков Василий Филиппович* (5.04.1859, с. Мотовилиха Пермской губ. — после 1903), сын канцелярского служителя, из мешан. Окончил Пермскую гимназию, учился на медицинском факультете Казанского, с 1880 г. — Московского университетов. Участвовал в революционном движении с 1880 г., близок как к чернопредельцам, так и к народовольцам. В московских студенческих кружках считался представителем казанского студенчества. Из Москвы снабжал казанские и пермские кружки литературой, содействовал Красному Кресту Народной воли. В апреле 1881 г. разбрасывал в Москве красные деревянные яйца, заполненные народовольческой литературой, тогда же исключен из университета за участие в студенческих беспорядках. Выехал в Пермь, по дороге заезв в Казань несколько экземпляров газеты «Народная воля», а в Мотовилху — до 200 экз. нелегальных изданий.

В Мотовилихе вел революционную пропаганду среди учащихся и рабочих, организовал нелегальную библиотеку и несколько общеобразовательных кружков для рабочих, готовил стачку. С февраля 1880 г. несколько раз был арестован по делу Красного Креста Народной воли, за создание денежного фонда для устройства побегов политических ссыльных из Сибири, создание и деятельность мотовилхинских рабочих кружков. В пермской тюрьме получил записки И. Н. Мышкина, которого везли с каторги, и передал их для печати. Мышкин Ипполит Никитич (1848—1885). Революционер, народник, организатор издания нелегальной литературы. Расстрелян за протест против тюремного режима.

17 июля 1883 г. выслан на 5 лет в Сургут. Участвовал в сургутском протесте, за что переведен в Кондинское, затем Юганское и Тундринское. В августе 1889 г. возвращен в Сургут. Переписывался с бывшим сургутским ссыльным А. Семеновым, жившим в Тифлисе, и интересовался «причинами, течением и последствиями сургутского погрома». Занимался сбором археологического и этнографического материала, поддерживал связи с Тобольским губернским музеем и Уральским обществом любителей естествознания (УОЛЕ). С 1890 г. — действительный член Уральского общества любителей естествознания. Освобожден в июле 1890 г. За неимением

средств отправлен на родину за казенный счет. Служил конторщиком на железной дороге. В 1895 г. вновь арестован по делу организации «Народное право». После освобождения служил на различных должностях на ст. Чусовая Пермской железной дороги. Негласный надзор силт в 1903 г.

Из числа «Неблагонадежных» сургутян. «Листок Народной воли» в хронике революционной борьбы информировал, что в Сургуте «казак Баталин и человек 19 обывателей отдано под надзор полиции» (1886. — № 3). Из перечисленной Ю. Н. Подбельским группы сургутян известны биографические данные Баталина.

Баталин Алексей Яковлевич (ок. 1859—17.07.1927, г. Сургут), бывший казак упраздненной сургутской команды. Столяр и плотник. Арестован по обвинению в порицании российского образа правления. Подчинен негласному надзору. В 1890 г. отмечались его сношения с политическими ссыльными.

Лебедев Александр Никифорович (7.06.1862, Воронежская губ.— после 1934), сын священника. Окончил два курса Воронежской духовной семинарии, служил писарем и счетоводом. Член народовольческого кружка в Воронеже. В январе 1887 г. выслан на 4 года в Ядуторовск, осенью того же года переведен в Сургут. Участвовал в сургутском протесте, подлежал переводу в Березов, но бежал с И. И. Лазаревичем. Сургутские ссыльные заявили, что побег устроен с общего ведома в знак протеста против действий губернатора. По дороге из Тобольска Лебедев и Лазаревич послали обличительное письмо губернатору. В Перми Лебедев, симулируя болезнь, жил в доме для умалишенных. В мае 1888 г. уехал в Женеву, но вскоре вернулся в Россию. В октябре 1888 г. арестован в Петербурге, выслан в Якутскую обл. на 4 года. Освобожден в 1893 г. Как социалист-революционер, был арестован в 1906 г. После 1908 г. в революционной работе не участвовал.

Лазаревич Иван Иванович (1862 — после 1924), дворянин Полтавской губ., студент Киевского университета, пародополец. Сослан в Сибирь на 4 года. Поселен в Турянске, в 1887 г. переведен в Сургут. Бежал из Сургута 18 февраля 1888 г. вместе с А. Н. Лебедевым, перешел через румынскую границу. Жил в Австрии, Румынии, Болгарии, Франции, Бельгии. Встретился в Париже с идеологом народников П. Л. Лавровым и составил для него список политических ссыльных Сибири для материальной помощи и организации побегов. Окончил Льежский университет со званием инженера-электротехника. Служил в Бельгии.

С. 396. *Аверкиев Александр Николаевич* (ок. 1854 — сер. 1890-х гг., г. Саратов), дворянин Саратовской губернии; студент технологического института. В 1873 г. участвовал в самаровском революционном кружке, сотрудничал в пелегальной типографии. Арестован в 1877 г. Осужден к ссылке с лишением прав, поселен в Кургане. За содействие в побеге Сергею Иванову выслан в Сургут. Вел широкую переписку, пользовался большим уважением ссыльных. За участие в сургутском протесте переведен в с. Кондинское.

Гамалицкий Николай Иванович (1861 г., Ставрополь — ?), сын надворного советника, студент Петербургского технологического института, затем лесного института. Арестован 1 апреля 1881 г. вместе с Папием Подбельским, при обыске у него обнаружена землевольческая прокламация. Предполагалась высылка в Западную Сибирь. Отец взял сына на поруки, но тот скрылся, примкнул к террористам. В январе 1882 г. выслан в Тару.

Летом 1882 г. при обыске у него найдено несколько шифрованных писем. Арестован в Таре. В феврале 1883 г. трехлетняя ссылка администра-

тивно продлена на 2 года, в апреле его корреспонденция подчинена контролю, а в мае 1883 г. подозревался в пособничестве ссыльному И. Кожину в его побеге из Тары. В августе того же года, из чувства солидарности с высланными из Тары двумя товарищами, требовал своего перевода «хотбы на самый седечный полк», а решение губернатора считал «верхом несправедливости». На этом заявлении осталась резолюция: «Все глупости и юношеский пыл». В другой раз Гамалицкий писал губернатору: «Угрозы же перевести в более отдаленные губернии с продлением срока вовсе не так страшны, чтобы они могли испугать меня». Отказался пускать к себе полицейских стражников.

В 1885 г. переведен в Сургут. Гамалицкий, написано в статье «Сто лет сургутской ссылки», «был человек хрупкий, нежный, но и ему приходилось заниматься тяжелым трудом». Тогда же просил перевести его на крайний север Тобольской губ. с правом свободного разъезда для изучения быта туземцев северной Сибири. Одновременно просил петербургское этнографическое общество выслать программу для собирания сведений, которая была прислана. В ноябре 1886 г. жаловался на притеснение сургутского исправника и его грубое обращение с ссыльными. В октябре 1886 г. ссылка продлена еще на 2 года. После сургутского протеста выслан в Березов. Оттуда просил перевести его южнее, например в Демьянское. (Отказано.) После ссылки с 23 октября 1888 г. жил в Майкопе и Ставрополе, от негласного надзора полиции освобожден в мае 1895 г.

Агапов Семен Иванович (ок. 1852 — ?), московский мещанин, работал на ткацких фабриках, обучался в фабричной школе. Вошел в московский пропагандистский кружок. Впервые арестован в апреле 1875 г., вторично — в августе того же года, оказал при аресте сопротивление. Привлечен к процессу 50-ти. На суде произнес речь, которая распространялась в листовках. «Я рабочий,— говорил Агапов,— я с малолетства жил на фабриках и заводах, где был всегда честным, старательным работником... Я много думал о средствах улучшить быт рабочих и наконец сделался пропагандистом... Я не раскаиваюсь в своих поступках; я твердо убежден в том, что не сделал ничего дурного, а только исполнил свой долг, долг честного рабочего, искреннего, всей душой преданного интересам своих бедных замученных собратьев».

Приговорен к каторге на заводах на 3 года 4 месяца. Каторгу отбывал за Байкалом на р. Кара. За попытку к побегу каторга продлена на год. В 1880 г. выпущен на поселение в Баргузинский округ Якутской обл. В 1885 г. переведен в разряд сосланных на житье и вместе с женой отправлен в Сургут. По дороге конвойный офицер за невыполнение его требований заковал Агапова в ручные кандалы, ограничил багаж ничтожным размером, указанным в инструкции, а остальные вещи распродал с торгов. Такая мера никогда не применялась в те времена к возвращающимся с каторги. «Условия жизни Агаповых в новом месте поселения были худшие, чем в Забайкалье»,— вспоминал современник. В Сургуте Агапов бедствовал, получал казенное пособие и пособие на одежду. В марте 1888 г. хлопотал о расторжении брака с женой Дарьей Назаровной Плехановой.

В марте 1888 г. полиция перехватила его письмо в Баргузин с копиями заявлений сургутских ссыльных министру внутренних дел и губернатору. В апреле 1888 г. Агапов и еще один ссыльный пешком ушли в Юганское, где надеялись получить медицинскую помощь. Вернуться они отказались, и с ними вынужден был идти надзиратель.

В августе 1888 г. обыскан, и хотя при этом «не найдено ничего такого, что указывало бы на преступную деятельность или неблагонадежность», был переведен в северные села, как указано в документах, «за участие в сургутском протесте».

Хотя в «Советской исторической энциклопедии» написано, что дальнейшая судьба Агапова неизвестна, в архивах найдены дополнительные сведения. В 1889 г. возвращен в Сургут, но за ним был установлен особо строгий надзор: запрещены отлучки на промыслы. В 1891 г. переведен в Курган, в начале следующего года причислен к мещанам г. Курска. В середине 1893 г., видимо, ездил в Москву, так как московская городская полиция уточняла, что С. И. Агапов, имеющий права проживать в столице, приписан к крестьянам Тундринской волости Сургутского округа.

Рудницкий Лука Матвеевич (ок. 1860 — ?), мещанин г. Варшавы, сапожник, грамотен, член польской социал-революционной организации «Пролетариат». Выслан в Сибирь на 4 года. Назначен в Туринск, в июле 1887 г. переведен в Сургут за самовольные отлучки из города. Участвовал в сургутском протесте, но позже подал прошение о помиловании. После ссылки остался жить в Тобольске, просил разрешения открыть сапожную мастерскую. Чтобы востребовать документы из паспортного бюро Варшавы, нужны были деньги на гербовый сбор, их собрать не удалось, и просьбу не удовлетворили. Из ведомости о негласном наблюдении в Тобольске за 1904 г. видно, что Рудницкий поддерживал знакомство с Н. Л. Скалозубовым, А. С. Сухановым, П. А. Грабовским, супругами Костюриными.

Петровский Митрофан Иванович (Иоанович) (1865 — ?), сын священника, участник смоленских пропагандистских кружков. Вместе с И. Я. Неклепаевым был наиболее видным их членом, вел беседы с учащимися, имел фотографии государственных преступников. В 1885 г. сослан в Сибирь на 5 лет. Поселен в Сургуте, где подготовил для бежавших Лебедева и Лазаревича паспорта.

Муценек Федор Петрович (1884 — после 1920). В 1917—1920 гг. заведовал районной конторой Обь-Иртышского союза кооперативов (Сургутский городской архив. Ф. 158. Оп. 1. Д. 86. Л. 39).

С. 397. *Миронов Тимофей Иванович*, уроженец Таврической губ. В годы сургутской ссылки активно сотрудничал с тобольским губернским агрономом А. А. Дуниным-Горкавичем в культивировании огородничества на Крайнем Севере, выращивал бобовые, капусту, огурцы, томаты, овес, просо, гречиху, лен, пшеницу и др. культуры. Для развития опытной работы в 1912 г. ему по ходатайству А. А. Дунина-Горкавича был отведен бесплатно на три года участок земли в 1,5 десятины. Кроме этого, Т. И. Миронов проводил археологические раскопки на Барсовой горе близ Сургута. Содействовала зоологу С. М. Чугунову из Томского университета в его исследованиях в Сургутском уезде летом 1913 г.

Весной 1914 г. под руководством Ю. П. Горской и Т. И. Миронова была создана первая в городе ячейка потребительской кооперации — лавка, пайщиком которой стали 45 человек (см.: Древний город на Оби: История Сургута.— Екатеринбург, 1994).

По сведениям сургутского краеведа Ф. Я. Показаньева, в 1917 г. Т. И. Миронов участвовал в организации Обь-Иртышского союза кооперативов (Северосоюза) в Тобольске и до 1927 г. был одним из его руководителей. В 1927 г. с семьей переехал на родину в г. Анапю Одесской обл., работал агрономом-инструктором в райземотделе. В июне 1936 г. арестован. Умер 9 мая 1939 г. в Нижне-Колымске. В 1964 г. реабилитирован.

О Миронове см.: Югорские краеведы: Материалы к биобиблиографическому словарю.— Шадринск, 1995.— С. 78.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Аверкиев А. Н. 396, 404, 407, 423
 Аверкиева Е. И. 404, 407
 Агапов С. И. 396, 408, 410, 424, 425
 Аксаков С. Т. 336
 Александр II 26
 Александр III 26, 218, 413, 417
 Алексеев П. П. 14, 390
 Ананьина (Бородзич) Л. И. 403
 Артоболовский С. М. 401

Б

- Базилевский — см. Яковлев
 (Богучарский) В. Я.
 Баи 10
 Балнев В. П. 359
 Балкашин Н. 8
 Балюк Н. А. 417
 Баранов 208
 Бардак 42
 Баргенов В. В. 112—114, 218, 405,
 412, 416
 Басинский В. В. 401
 Баталин А. Я. 395, 423
 Батманов Н. А. 360, 363
 Башмаков 226
 Белинский В. Г. 332
 Белич И. А. 402, 405
 Бирюкович В. 302
 Блянов Н. А. 404, 408
 Блохин 389
 Богданович Н. М. 180, 183
 Богучарский В. Я. — см. Яковлев
 (Богучарский) В. Я.
 Борейшо С. А. — см. Иванова
 (Борейша) С. А.
 Борзяков Г. Ф. 402
 Бородзич А. И. 9, 219, 402, 405
 Бородзич Л. И. — см. Ананьина
 (Бородзич) Л. И.
 Боуфал С. А. 409
 Бочинский 421
 Брокгауз Ф. А. 332
 Броневский В. А. 407
 Бронников 186, 416
 Бруснев М. И. 112
 Будаев Д. И. 301
 Буканин Е. И. 395
 Бурцев В. Л. 331
 Бутс В. 285
 Бык Г. Д. 402

В

- В. Л. — см. Швецов С. П.
 Вадинский А. Т. 404, 409
 Валуев П. А. 332
 Васильев Н. 407
 Вейнберг И. П. 402, 407
 Великопермский Стефан 139
 Вергунов П. Л. 395
 Вергунова-Пескова Е. С. 15
 Верещагин А. М. 401
 Веригин П. В. 416
 Верцинский Л. П. 406
 Вершинин 62, 399
 Вильде Г. 8
 Вилькицкий А. 8
 Власов Т. В. 359, 418
 Вологодский, священник 163
 Врачинский 251
 Второв И. Д. 405
 Вторушин 222

Г

- Галкин А. И. 10
 Галкин-Врасский М. Н. 30, 31, 415
 Гамалицкий Н. И. 396, 402, 408,
 424
 Гамолецкий К. В. 218—220, 403,
 406, 417
 Гамолицкий Н. И. — см. Гамалиц-
 кий Н. И.
 Герасимов В. Н. 416
 Герасимов К. Л. —
 см. Швецов С. П.
 Герасимов Н. 164, 416
 Гервасий И. А. 401, 405, 416
 Герватовский Ч. А. 397
 Горцен А. И. 332
 Глико Г. А. 401, 403, 405
 Говоров С. Г. 359
 Гоголь Н. В. 20, 126
 Голев-Лебедев 364, 419
 Головин В. Ф. 401
 Гольденберг А. М. 402
 Гоидатти Н. Л. 316
 Гончаров И. А. 126
 Горская Ю. П. 397, 425
 Гостынский И. Ф. 402
 Грабовский П. А. 425
 Гревс И. М. 112
 Громов Г. И. 403, 405

Гуревич М. Д. 404, 408
Гуревич Я. Е. 400
Гурьянов 389

Д

Даль Х. 8
Дзержинский А. П. 253, 417
Дибобес Я. И. 403, 408, 410
Дионео 121
Дмитриев-Садовников Г. М. 390
Добровольский 368
Добровольский И. К. 361, 377
Довнер Р. 275
Доронин И. 220
Доронин П. С. 220
Дудолов А. Е. 400
Дунаев 213
Дунин-Горкавич А. А. 373, 420, 425
Духович А. Ф. 403, 405

Е

Едренкин 361
Едренкин А. А. 385
Едренкин Ф. А. 375—378, 380,
382—385, 387, 389
Елесин 222
Елизарова 383
Емельянов Н. Н. 401
Енбаев В. Г. 376
Енбаев Г. А. 375
Ермак 42, 217
Ефрон И. А. 332

Ж

Жбанков Д. Н. 305
Жебунев С. А. 20, 413, 414
Жулковская (Флерова) В. А. 403
Журавлев Н. 14, 15, 407, 412

З

Завко А. Ф. 405
Зальмунин Я. И. 117, 155
Замитина А. И. 413
Зарембо П. И. 409
Заславский Е. О. 14, 412
Зверев С. 409
Зеленский И. А. 405
Земцов 239
Зефилов 17, 18
Златоуст Иоанн 255
Знаменский М. С. 414
Зотов Н. Л. 219, 395, 406, 409, 422

И

Иванов В. М. 401

Иванов Л. А. 5, 19, 20—25, 27, 28;
30, 395, 396, 407, 413, 414, 422
Иванов Н. И. 403
Иванов С. 423
Иванова (Борейша) С. А. 20, 414
Игнатов 244
Иконников А. И. 400
Искра Л. М. 333

К

Казакевич.— см. Казаков В. Ф.
Казаков (Казакевич) В. Ф. 395,
403, 408—410, 422
Казанский В. В. 401, 403
Кайгородов 239
Кайдалов И. Ф. 395, 396
Капустин С. Я. 50, 415
Каронин С.— см. Петропавлов-
ский Н. Е.
Карпачев М. Д. 333
Карпов И. И. 206
Кашков П. 252
Квашкина (Лойко) Л. П. 401
Кеннан Д. 413
Кепельман Ф. Г. 403
Клык А. А. 404
Ковалев В. А. 404, 405
Кожин И. 424
Козеренко Н. П. 403, 409
Козловский А. А. 359
Колегнев Л. В. 403, 409
Коледеев И. А. 405
Колесников Е. Е. 401
Колесниченко П. Е. 401
Колокольников 418
Коломиец И. А. 406
Кондаков М. К. 395
Корепанов 361
Корнилов 186, 200, 244—246, 416
Короленко В. Г. 23, 411, 414
Короткевич Н. А. 401
Коссаржецкая Г. С. 408
Коссаржецкий Э. С. 408
Костельман М. 401
Костюрина М. Н. 417, 425
Котов Н. П. 402, 410
Краснокутская Е. 18, 413
Красноперов 208
Крутовский Н. И. 402
Кузнецов 254, 389
Кузьмин 368, 369
Кузьмин Г. В. 363—365, 370, 373,
374, 386
Кунлин 222

Кулигян В. Л. 390
Купер Ф. 162
Курбатов 244, 245
Куркин В. И. 379
Курья (Коровья) Ножки К. Л.
363, 419
Кушников Л. П. 395

Л

Лавров П. Л. 300, 423
Лазаревич И. И. 395, 409, 423, 425
Лебедев А. Н. 395, 396, 409, 422,
423, 425
Лебедев К. Я. 405
Лейвин Д. Д. 10, 12—33, 407,
411—413, 415
Лесневич С. М. 405, 408
Лессепс 213
Лифанов 222
Лойко Л. П. — см. Квашкина
(Лойко) Л. П.
Лопатин Г. А. 300
Льсогорский В. А. 19, 30, 413, 414
Льготчиков А. 28
Ляхович М. Я. 401

М

М. — см. Швецов С. П.
Максимова 208
Малинин М. В. 360.
Малиновский 421
Мамонтов А. 403
Мануйлов П. Н. 408
Мануйлов П. П. 402
Маркс К. 413
Марусин С. — см. Швецов С. П.
Маслов-Стоков В. 402
Меншиков А. Д. 3
Мережковский Д. С. 309
Мериме П. 20
Меримкин Я. А. 404, 409, 410
М—ия С. Н. — см. Швецов С. П.
Миронов Т. И. 397, 425
Митковицер И. В. 359
Мицкелич 421
Моисеев В. П. 409
Молдавский А. В. 409
Монтень (Монтань) М. 309
Моргунов В. И. 28, 30, 337, 407, 414
Мотошин 239, 263
Мрачковская —
см. Сидельникова А. С.
Мрачковский В. Я. 14, 15, 17, 18,
20—25, 30, 31, 395, 396, 407, 411,
422

Мрачковский С. 412
Мункачи Б. 10, 219
Муратов 397
Муценек Ф. П. 396, 397, 425
Мышкин И. Н. 422

Н

Накоряков Н. Н. 219, 220, 359
Наумов Н. И. 413
Наумов С. С. 405
Неврач — см. Швецов С. П.
Недзельская-Гамалей 18, 413
Недошивин П. М. 408
Нейберт 156
Неклепаев И. И. (И. Я.) 203, 300,
301, 394, 404, 408, 417, 422, 425
Нижегородцев 286, 361
Никитин 361, 379
Новиков Н. Н. 406
Новицкий 389
Норденшельд Н. А. Э. 8, 375, 420
Нукерман М. А. 405
Нуромский А. И. 405

О

Овсянкин 219
Овсянный Ю. Ф. 14, 15, 17, 19,
407, 412
Окладский И. Ф. 18, 413
Онуфриев Ф. И. 360
Орлов М. П. 219, 406, 409
Ослопов Д. И. 407
Ослопова М. И. —
см. Сыцлнко (Ослопова) М. И.
Островский А. Н. 126
Ошмянский Б. А. 360, 419

П

Пайкин М. Ф. 416
Папан 10
Папин И. И. 407
Пахтышев 263
Пашинский 218
Перовская С. 414
Петровский М. И. 396, 408, 425
Петропавловский Н. Е. 50, 415
Пеховский М. К. 406
Пилсудский Б. 218
Пирогов Н. И. 305
Питухин 223
Плеханова Д. Н. 424
Плотников 374
Подбельский В. Н. (В. П.) 391

Подбельский Н. П. 391
Подбельский П. П. 331, 391, 421, 423
Подбельский Ю. Н. (Ю. П.) 391, 420, 421
Показаньев Ф. Я. 425
Поклевский-Козелл А. 412
Полидоров А. Н. 360, 418
Померанцев В. А. 402, 404, 408
Поникаровский Г. И. 360
Протопопов 239
Пршибысов Д. К. 403
Пугачевский Э. И. 360, 379, 419
Пуртов И. 263
Пучно В. В. 407

Р

Рабо 10
Раслопин В. Т. 401
Рейдер М. (А?) 18, 412
Рейн 302
Решко И. А. 406
Рожковская Т. И. 360
Рожковский Ф. Н. 360, 363, 362, 383
Росляков И. П. 146, 164, 165, 171, 172, 174, 416
Росошин 246
Рочев И. А. 125, 126, 142
Роцевская Л. П. 301
Рубакин Н. А. 303
Руднев С. Ф. 410
Рудницкий Л. М. 396, 409, 425
Руссов С. — см. Швецов С. П.
Рыбников П. Н. 197, 416
Рябов 121

С

С. Марусин — см. Швецов С. П.
С. Ш. — см. Швецов С. П.
Сазонов А. В. 402
Саламатов Ф. 275
Салтыков — см. Салтыков-Щедрин М. Е.
Салтыков-Щедрин М. Е. 14, 126
Сарандович Е. П. 391
Селиверстов 246
Семеский В. И. 214
Семенов А. А. 408, 422
Серых И. — см. Швецов С. П.
Сибирцев П. 401
Сибиряков А. М. 141, 363, 416, 419
Сидельников 15, 28
Сиземский А. Н. 410
Силенко П. М. 406
Силин 14, 411

Сидельникова
(Мрачковская) А. С. 23, 411
Скалозубов Н. Л. 10, 358, 359, 379, 418, 425
Скверн М. П. 406
Случайный наблюдатель
см. Швецов С. П.
Смолин Д. И. 412
Смолин Л. Д. 359
Соколов И. М. 219, 406, 409
Сократ 255
Соловейчик М. С. 359, 418
Сомье 10
Сотников С. В. 408
Спенсер Г. 166, 205, 303
Станевич Д. К. 421
Стасолевич 417
Стаховский В. А. 401
Стеблин-Каменский Е. С. 32, 415
Стеблин-Каменский Р. А. 412
Стери К. Е. 410
Струве П. Б. 331
Струмилл-Петрашкевич Ч. М. 409
Субботин 32
Субботина С. А. 32, 415
Сургутянин —
см. Подбельский Ю. Н.
Суринов В. М. 359
Суханов А. С. 360, 419, 425
Суханов А. П. 360, 419
Суханов П. С. 360, 419
Сьсолов А. С. 375, 420
Сыцянюк А. О. 27, 414
Сыцянюк (Ослопова) М. И. 405, 409, 414

Т

Татаринчик В. И. 406
Тоненник Л. А. 401
Тессен Р. В. 18, 23, 413
Тиборт 396, 397
Тизенгаузен В. (В.С.) К. 392, 394, 415, 421
Тимирязев К. А. 358
Тимофеев М. М. 416
Тимошенко Т. А. 403
Ткаченко В. И. 359, 418
Ткаченко Е. А. 403
Толстой Л. Н. 126, 255
Тринитатский П. Ф. 406
Тройницкий В. А. 413, 417
Трофимов Н. 407
Троцкий Л. Д. 419
Тулузакон В. В. 359, 418
Туполев 43

Тургенев И. С. 126
Тюрин И. К. 401, 405

У

Ульянов А. 218
Успенский 290, 295
Ушаков А. Н. 379, 420

Ф

Фадеева А. К. 359, 375, 418
Фалин Н. Я. 13—15, 17, 18, 20,
25, 30, 394, 407, 411
Филиппов (Филипов) К. Н. 27, 28,
407, 414
Флеров Н. М. 402
Флерова В. А. — см. Жулковская
(Флерова) В. А.
Франчук Н. Т. 407
Френкель И. А. 402
Фролов В. И. 402, 404

Х

Хижняков В. М. 332
Хондажепский Н. К. 8, 394, 421
Худобашев Г. Т. 359, 382, 418

Ч

Чаадаев П. Я. 332
Чижевский П. И. 401
Чугунов С. М. 425
Чуйков С. И. 406

Ш

Шайдер И. 401
Шакирев А. И. —
см. Шахирев А. И.
Шальчин 263
Шахирев А. И. 42, 392, 394, 399,
415, 420, 421
Шахов С. П. 364
Шницман М. Д. 402, 410
Шпецов С. П. 8, 19, 21—25, 27, 34,
35, 113, 394, 399, 407, 411, 413—
415, 420, 422

Шеймин 239
Шелухин И. С. 359
Шефтель Ф. И. 400
Шильдер 379
Ширков 244
Шостаковский Л. М. 406
Шульгин В. Н. 35
Шумейко М. Ф. 333

Щ

Щетинский В. П. 18, 184, 405,
412, 416

Ъ

—ъ, псевдоним — см. Швецов С. П.

Э

Эвальд 113
Эдисон 149
Эмар 162

Ю

Южакон 154

Я

Яворский 421
Якоби В. И. 416
Якоби П. И. 416
Якобий (Якоби) А. И. 114, 115,
143, 146, 150, 176, 179, 180, 360,
416, 419
Яковлев (Богучарский) В. Я.
330—333, 404, 409, 417, 418, 419
Якушкин П. И. 197, 416
Ямзин Л. Н. 375, 420
Яневич К. И. 410
Яценко 407

С

с — см. Швецов С. П.

Z

z — см. Ноклепаев И. И.

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Рощевская. Предисловие	3
Д. Д. Лейвин	12
Из воспоминаний. Быт политических ссыльных в г. Сургуте в 1870—1880-х гг.	13
С. П. Швецов	34
Очерки Сургутского края	35
В. В. Бартнев	112
На крайнем Северо-Западе Сибири. Очерки Обдорского края	114
К. В. Гамолецкий	218
Демьянская волость	220
И. Я. Неклепаев	300
Народная медицина в Сургутском крае	301
В. Я. Яковлев (Богучарский)	330
Очерки промысловой охоты в северных округах Тобольской губернии	333
Н. Л. Скалозубов	358
Дневник	359
Ю. Н. Подбельский	391
Культурное наследие сургутской политической ссылки	392
Список политических ссыльных, содержащихся в северных колониях Западной Сибири во второй половине XIX в.	400
Комментарии	411
Именной указатель	426

Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века/Сост. Рощевская Л. П., Белобородов В. К.— Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998.— 432 с. ил.

ISBN 5-7529-0700-4

В пер.: 2000 экз.

В книгу включены сочинения политических ссыльных второй половины XIX — первой четверти XX века, показывающие, как жило финно-угорское население Тобольского Севера и на что обращали внимание ссыльные — невольные обитатели этого края. Книга содержит также биографические справки авторов и снабжена комментариями и списком политических ссыльных. Сборник рассчитан на исследователей и на широкий круг читателей, интересующихся историей Отечества, и в частности Тобольского Севера.

Т 0503020300—008 Без объявл.—98
М 158(03)—98

ББК 63.3.(2Р53)

**Тобольский Север глазами политических ссыльных
XIX — начала XX века**

Составители Рощевская Лариса Павловна,
Белобородов Валерий Константинович

Редактор Е. В. Черняк
Художник и художественный редактор В. С. Солдатов
Технический редактор Т. Н. Черепанова
Корректор М. Ф. Худякова

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 064913,
выдана 14.01.97 г.
ИБ № 201

Сдано в набор 26.11.97. Подписано в печать 16.03.98. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура обыкновенная новая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,7. Уч.-изд. л. 25,1. Тираж 2000. Заказ 496.

Открытое акционерное общество «Средне-Уральское книжное издательство»,
620014, Екатеринбург, Малышева, 24.

Издательско-полиграфическое предприятие «Уральский рабочий»,
620219, Екатеринбург, Тургенева, 13.